

**УНИВЕРСИТЕТ
ЛОБАЧЕВСКОГО**

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ**

**Национальные и международные тенденции
и перспективы развития судебной экспертизы**

Сборник докладов

**Юридический факультет
Кафедра судебной экспертизы
19–20 мая 2022 г.
Россия, г. Нижний Новгород**

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (ННГУ)
Юридический факультет
Кафедра судебной экспертизы

Научно-практическая конференция
с международным участием

Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы

Сборник докладов

Россия, Нижний Новгород
19–20 мая 2022 г.

УДК 347.948
ББК 67.53
Н35

Научный редактор:

В.А. Юматов – кандидат юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Ф.Г. Аминев – доктор юридических наук, профессор

В.К. Кирвель – кандидат юридических наук, доцент

А.Ф. Лубин – доктор юридических наук, профессор

С.В. Оболенский – доктор технических наук, профессор

Т.Б. Радбиль – доктор филологических наук, профессор

В.А. Тимченко – доктор юридических наук, профессор

Н35 Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов Научно-практической конференции с международным участием, г. Нижний Новгород, 19–20 мая 2022 г. Нижний Новгород: ННГУ, 2022 – 360 с.

ISBN 978-5-91326-740-5

В сборнике освещаются вопросы совершенствования теоретических и методических подходов в области судебной экспертизы в эпоху цифровизации, особенности подготовки судебных экспертов, тактические и организационные аспекты судебно-экспертной деятельности. Рассмотрены аспекты международного сотрудничества, состояние судебной экспертизы и перспективы ее развития посредством расширения взаимодействия в области изучения вещественных доказательств и экспертных исследований в рамках различных судебных юрисдикций. Представленные материалы носят инновационный характер, опираются на широкую научную и эмпирическую базу и в своей совокупности обеспечивают научно-методический уровень сборника, его проблематика в полном объеме отражает современное состояние судебно-экспертной науки и практики.

Материалы сборника могут быть использованы учеными в теоретических исследованиях, преподавателями – в учебном процессе по направлению подготовки (специальности) «Судебная экспертиза», практиками – для внедрения инновационных методов исследования объектов судебной экспертизы.

УДК 347.948
ББК 67.53

ISBN 978-5-91326-740-5

© Кафедра судебной экспертизы
юридического факультета
ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022

COLLOCATION AS RELATIVITY

Bill Louw

*Coventry University (UK, Coventry)
louwfirth@yahoo.com*

The paper presents the philosophical, historical-scientific foundations of the language mechanism of collocations as a way of verifying the empirical truth of notions and judgments through search queries in computer language corpora. A collocation is understood as a statistically stable combination of words in a corpus, a set of which appears on the display after entering a word or expression that a researcher needs in the search query field. It is shown that the set of collocates, i.e. the extracted (co-selected) typical contexts for the use of the searched word (especially in the relevant quantity, numbering in the hundreds and thousands), is not accidental, and we can use it to determine how native speakers in a given chronological period understand this concept, how they feel about it. The dependence of the obtained data on the sphere of existence, on the era or social environment, on other factors is described by the concept of «collocational relativity». From a philosophical point of view, the analysis of the co-selected collocations should lead to the consilience (coincidence of inductive generalizations), i.e. to empirical validity, in which data obtained from independent sources, when interpreted, have similar results, and therefore, to a large extent, can be considered objective. Hence these linguistic tools for verifying the truth and identifying false information can be in demand in law enforcement practice and linguistic expertise.

Keywords: collocation, language corpora, empirical truth, collocational relativity, Corpus analysis, linguistic expertise.

1. INTRODUCTION

The term 'second' has begun to dominate this area of linguistic and philosophical work. Kurt Goedel's (1931) Second Incompleteness Theorem; the notion of entailed proximity as a second entailment (Firth, 1957; Sinclair 1993, Libertson, 1982; Louw, 2017) and sustained attempts to prevent a broad understanding of the research of Rudolph Carnap (1971) as it moved in the second direction of inductive probability. The computational benefits of corpus linguistics have begun to re-ignite for a second time the contextual criteria (set in place by Mach, Schlick and Ayer) upon which Logical Positivism once thrived and prospered in Vienna ninety years ago. We are now witnessing forms of discourse, within theory itself, that could justify and revive not only Logical Positivism, but also the initiatives of Russian philosophers that were so ably set out over many years at Oxford University by Isaiah Berlin ([1978] 2013). It is hoped that this paper will lay the groundwork for postgraduate studies whose rigour and respect will surmount the apparently deliberate distractions and obstructions that are, even now, preventing a smooth and verifiable transition into a digital future both within linguistic science and the philosophy of language. In addition to deliberate difficulties, there have, of course, been inadvertent blunders and inconsequential battles within philosophy itself. The Vienna Circle or Wienerkreis boasted that it had two modern founders: Moritz Schlick and Rudolph Carnap. With the assassination of

Schlick in 1936, Carnap became the focus of much attention. Russell and Wittgenstein never came to hear much about collocation, but both of them came to understand that proximity also operated within the realm of numbers. Russell expressed revulsion at the idea that his much-loved mathematics might degenerate into the fake science of linguistics. Only Turing witnessed the power of consilience in collocation as it broke the enemy codes; something that, inexplicably, he failed to share with the American allies. However, given that the death penalty for treason was still in place after the war ended in 1945 and applied to those who had worked at Bletchley Park, it is likely that the decision not to tell the allies about collocation was made in the UK. It may account for the informal banning of collocation even today, more than 11 years after the expiry of the Statute of Limitations which ordinarily lasts for 70 years.

2. COLLOCATIONAL RELATIVITY AND TRUTH

‘Space-Time’ as the basis of relativity is especially suited to language study in the area of Collocation. The co-selection of collocates can be used within a modern corpus to find a reference to its origins. We see that the sentence which follows below takes us, by means of the co-selected collocates, position and velocity from a corpus of 44 million words of running text to the very persons and personalities who must once have used them.

‘Heisenberg points out the difficulty of ascertaining the position and velocity of an electron.’

This level of accuracy that rivals Google or Yandex was unknown in 1941. Bertrand Russell, ([1959] 1977: 162), could be forgiven for understanding that science was under threat and that it needed to take cover behind the most solid of defences: Ockham’s Razor. William of Ockham was summoned in 1324 to France to serve Pope John XXII in Avignon, only to be excommunicated by him in 1328. This is an early indication that the sharp removal of all distractions from Truth could not, even in an exiled Vatican, be tolerated. In December, 2021, the New Scientist magazine, in an article by Johnjoe McFadden (2021: 70) drew an equals sign between Truth and Ockham’s Razor. He writes: ‘Occam’s razor isn’t just a tool of science – it is science.’

It is with this in mind that treating collocation as a form of relativity begins to offer up some of the most exciting disclosures of deceptions of long standing: some of them are today regarded not only as fit for purpose, but are seen as infallible and hence, entirely reliable.

And where new circumstances appear, human intuition alone seems to demand their use. This new relativism allows collocation not only to reveal the ‘mind-sets’ of the perpetrators, but also to set in motion predictable, apparently unlawful ‘solutions’ to nascent or even convenient political problems. But there is a snag. The corpus reveals the leakage of the deception in its totality: The Given, if it is in natural language, is intolerant of adulteration.

This raises the question: Fit for whose purpose? Or as Cicero might have phrased

it: Cui bono? (Who benefits?). If ‘The Law serves the Citizen’, why does it so often appear to fail in that solemn duty?

2.1. COLLOCATIONAL EXAMPLES: A PRIORI VS CONFLATED SYNTHETIC

However, Einstein did not enjoy, in the laboratory, the same benefit that co-selection offers to corpus linguists. He could only obtain a result for each parameter separately. This fact allowed his critics to state that a new electron or several of them might well have appeared during his experiments to vitiate his proposal that one and the same particle always had a position and a velocity operating contemporaneously. A language corpus not only verifies co-selected collocates, but as it highlights the pre-computational past (Dummett, 2005), expectation gathers that the future itself may be predictable, just as the past can now be scrolled back for a second look; the fact remains that if a newspaper corpus from 2005 confirms a *modus operandi* carried out a month ago in 2022, Dummett’s misgivings about the past will be rectified. Probability was a notion that Carnap first considered in 1945 and he was still attempting to write about it, let alone prove it when he died in September 1970.

Throughout his career, Willard van Orman Quine kept looking in to ask Carnap how his work was progressing (Creath, 1990 ; Carnap, 1956: 42). Quine encourages Carnap to take a step towards non-sense by allowing some features that the Vienna Circle would have regarded as ‘pure metaphysics’ and disposable. Quine hints that the real non-sense might be obtainable from attempts to satisfy the Verification Principle (Ayer: 1936), the very key to Logical Positivism. In his Festschrift article in honour of Carl Hempel, Quine writes provocatively:

‘The notion of kind, or similarity, is equally disreputable. Yet some such notion, some similarity sense, was seen to be crucial to all learning, and central in particular to the processes of inductive generalisation and prediction which are the very life of science. It appears that science is rotten to the core.

‘Yet there may be claimed for this rot a certain undeniable fecundity. Science reveals hidden mysteries, predicts successfully and works technological wonders. If this is the way of rot, then rot is rather to be prized and praised than patronised.’ (1968: 19) (emphasis added)

This undeniable fecundity was unknown to Quine but known to a trembling Alan Turing through the consilience of induction when a powerful linguistic phenomenon dragged a faltering mathematics past the winning post and broke the enemy codes in late 1941. This event alone assisted in ending World War II and the phenomenon (unknown to Russell and Wittgenstein) is still informally banned in the UK (notwithstanding the expiry of a statute of limitations that was meant to last only 70 years). It is called collocation (Firth: 1957: 194 – 214). In spite of the fact that Alan Turing was awarded a PhD from Princeton University, Britain never shared collocation with their American allies (personal communication Dr Vimbai Chivaura).

MicroConcord search SM: night OW: dark

1 he 'rec' is really dark and scary at night and I never go near it. I've been tol
2 ition along Glen Road. It was a dark night and there was no lighting. The sol
3 to the naked eye on a dark, moonless night at only about 3,000. Objects as faint
4 ool nearby. "You could not go out at night, because after dark they just killed
5 with musketry, opened upon us. The night being extremely dark, it was only the
6 dler being confronted in the dark of night by a moving vehicle. That is a differ
7 Brighton was. Dark pder (OK, it was night), dark arcades, dark flats there suat
8 hut, an eerie murmur filled the dark night. "Don't worry about that, it's just t
9 on behind and spoke to you on a dark night. His would be the voice that was com
10 re are not many stray breasts on the night I meet the Dark Blues for their 3,581
11 we would not care to meet on a dark night; I still cannot understand the Golden
12 r". They are there for you on a dark night in January, not just in the sunshine.
13 y back to 1978, just before the dark night of Thatcherism fell upon Tory-occupie
14 itian people have awoken from a dark night of fear to a new dawn of hope," he sa
15 e broody and moody. In the real dark night of his soul, it can always be three o
16 augh as "a sudden hope in the dark night of the soul", the pagoda is the most
17 a starry sky for Mr M's final dark night of the soul before our redeemed hero
18 alitian people have moved from a dark night of fear to a new dawn of hope." Des
19 had personally experienced the dark night of the soul. </Group> </Story>
20 d to keep hope alive during the dark night of dictatorship. For this he is honou
21 ter (duly trotted out are "the dark night of the soul", "let there be light", "
22 done that, he then sensibly took the night off. A pleasant, dark-haired lady sho
23 nd started laughing loudly. The dark night outside the glass walls and room was
24 ct the Earth wants to meet on a dark night. Several hundred thousand more are no
25 drivers to "see" in the dark, using night sights like those used on RAF fighter

Sinclair's Cobuild team never raised the idea either. Our two questions today, given that Carnap, Schlick and Quine never met Firth, are these: (a) What would the response to collocation have been from the Vienna Circle?; (b) How might the Circle have responded if computational means of verification could have been shown them at a high level of abstractness in the areas of causality, entailment, probability, induction, predictability, names and situational context?

To question (a) the Wienerkreis would certainly have replied that Metaphysics, even if it were 'on steroids', was unspeakable non-sense and to be discarded! But their reaction to question (b) would have made them sit up and even suggest for Philosophy, a Second Entailment. This would have been likely, a fortiori, given the fact that even Russell had begun to lose faith in mathematics, not only because of what the Entscheidungsproblem had done to the Principia Mathematica, but because phenomena akin to collocation had surfaced within mathematics itself, rendering numbers incommensurable. In his book, *My Philosophical Development* (1959), Russell wrote:

'Mathematics has ceased to seem to me non-human in its subject-matter. I have come to believe, though very reluctantly, that it consists of tautologies. I fear that to a mind of sufficient intellectual power, the whole of mathematics would appear trivial, as trivial as the statement that a four-footed animal is an animal... I cannot any longer find any mystical satisfaction in the contemplation of mathematical truth... I have no longer the feeling that intellect is superior to sense, and that only Plato's world of ideas gives access to the 'real' (1959: 211 – 12)

If mathematics has ceased to be non-human, do we move towards natural language as its own instrumentation (Louw, 2007) or do we move towards algorithms that may be as fatally flawed as the Principia Mathematica in the hope of keeping flawed software away from the understanding of those it might harm, crash after crash? It has

only recently come about that these misgivings about pure mathematics ought to have ruled out any and all applications.

The apparent regarding of software as a mere formality on Boeing 737 Max 7 and 8 points back to the following account by Ray Monk of battles in the classrooms of Cambridge University between Wittgenstein and Turing, where they both appreciate the aesthetic value of pure mathematics, but where Turing holds back on the idea of trusting applications (let alone driverless – cars):

‘... Turing clearly needed to explain, not only why it was puzzling, but also why it mattered. The real harm of a system that contains a contradiction, he suggested, ‘will not come in unless there is an application, in which case a bridge may fall down or something of the sort.’

Monk points out that the next lecture was dominated by the importance of discovering ‘hidden contradictions’:

Wittgenstein: But how do you know that it will fall down? Isn’t that a question of physics? It may be that if one throws dice in order to calculate the bridge it will never fall down.

Turing: If one takes Frege’s symbolism and gives someone the technique of multiplying in it, then by using a Russell paradox, he could get a wrong multiplication.

Wittgenstein: This would come to doing something which we would not call multiplying...’ (Monk, 1991: 421)

From the above exchange we need to worry about whether the dice-throwers are still amongst us, or worse still, whether software in an aircraft can be altered during a flight and at a distance by an ‘authorised knower.’ Perhaps we need to see the passenger lists in order to infer who might have been targeted. If you are still worried by this, choose a different carrier or travel by sea.

2.3. EXAMPLES FROM CORPORA AND THEIR STATUS WITH REGARD TO LOGICAL POSITIVISM

Corpus data and other material are stored as Appendices and appear at the end of this paper. APPENDIX A

Suppose we agree that thunder collocates with lightning. From the point of view of Logical Positivism the relativity would be strong: the a priori is bolstered by, inter alia: causality, physics, sense-data, ancillary collocates specific to the event, etc. These are all ‘common cause’ and their relative status is not open to questioning and their relativity bolsters them as literal meaning with no sign of delexicalisation or the washing out of meanings. The terms on their own might invite delexical meanings such as: ‘Stop at once! He thundered!’ or ‘He returned every ball on the tennis court with lightning speed.’

MicroConcord search SM: Thunder CW: light*

1 the trees. Lightning and distant thunder added a surreal backdrop to their ef
2 n syrup? Where is your imagination? Thunder and lightning is clotted cream and b
3 r works where the effects included "Thunder and lightning, Rain, Hail-showers, D
4 he weather book, insisted on making thunder and lightning from instructions in t
5 see the Prommers were ready. As the Thunder and lightning Polka started, two col
6 , how can you possibly imagine that Thunder and lightning is clotted cream and g
7 ky's Yevgeny Orlyagin and a dazzling Thunder And Lightning Polka by Johann Straus
8 e Dog-star; Simon Keenlyside evokes Thunder and lightning to hymn his Lucinda
9 y, she rises up to hurl magnificent thunder and lightning. So it should be und
10 ain early yesterday morning and the Thunder and forked lightning continued thro
11 s very much like a storm; there was thunder, and sheet lightning, but it quickly
12 an accompanied by flashes that mean thunder and/or lightning. Its annual rainfal
13 as in crisis. When fading light and thunder curtailed play soon after tea, he ha
14 ignored the day's first rumbles of thunder, flashes of lightning and drops of r
15 clouds were swirling below us, and thunder, lightning and rain greeted our arri
16 Florida floods yesterday and, with thunder, lightning and heavy rain all afflic
17 exploder, dynamite, blazer, vortex, Thunder, lightning ... Serve and Wolley sa
18 . He set off across the heather, in thunder, lightning and in rain. The village,
19 bed there sounded a massive clap of Thunder. Lightning fluttered around the room
20 In the distance there was groaning thunder; lightning flashed. At least, I hope
21 Rastop mountain, a gale is howling, thunder rolling, lightning explores the crags
22 gged flashes of lightning. Claps of thunder rumbled up the Mississippi and ricoc
23 effort was halted for two hours by thunder storms lightning and fears the bull
24 : "Throw everything at'em". There's thunder, there's lightning, there's even an

Quine misses no opportunity to inject a sense of metaphysics into analysis. Carnap alludes to this as follows:

‘Quine has repeatedly pointed out the important fact that, if we wish to find out what kind of entities somebody recognises, we have to look more at the variables he uses than at the constants and closed expressions: “The ontology to which the use of language commits him comprises simply the objects that he treats as falling... within the range of values of his variables.” Carnap rejects the notion that the variables must be based on ontological, metaphysical convictions (Carnap, 1956: 53).

However, Quine remains silent about the intuitive nature of his own ‘dogmas of empiricism’. Well into old age, he writes his own entry for *The Penguin Dictionary of Philosophy* (2005) and submits it for publication to Thomas Mautner, the editor of that publication! My view is that anyone called Quine will be aware that the term quine has a meaning within computing: ‘A quine is a computer program which takes no input and produces a copy of its own source code as its only output.’ His act in writing his own entry as his total contribution is a jocular pun on his own name. It is like providing his name, rank and number in military terms. It fails to satisfy Marie McGinn (1982) as she unpacks his Third Dogma of Empiricism; but even she makes no provision for the digitisation of its cognitive core. The dangers for driverless cars, nose-diving aircraft, and the future of collocation, induction and philosophy itself are still at risk. Digital futures will always be precarious if they are based on the non-output of a deeply buried cognitive quine. We now need to consider what became of the British past in AI.

2.4. THE U-TURN IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE

By 1945 it had been leaked that in December 1941, a small team of code-breakers at Bletchley Park, situated in a railway town half-way between Oxford and Cambridge had broken the enemy codes that ended WWII. Turing’s name was classified and

remained a secret until 2002. By the end of this period vociferous demands were being made by senior staff who had served in Bletchley Park that their contribution to the war effort needed to be recognised. One of these senior staff was Captain Jerry Roberts. As Turing's name had been released and especially as he was deceased, a decision was made at a high level was made to make the most of publicity that was unlikely to be refuted. In the shadow of Turing's name a large number of other unacknowledged achievements were able to be hidden. These involved the breaking of the codes of a machine named Lorenz (a physicist much praised by Albert Einstein, by then head of the Centre for Advanced Mathematics at Princeton University in the USA). Roberts (2017) offered many insights into the origins of new discoveries. But there was no finding quite so exciting as the gradual discovery of the role of Edinburgh University in the origins of AI as this was related to the power of collocation in code-breaking. A decision, also made at the highest level, not only covered the names of key personnel, but also what their role was to be into the future. Two prominent Scots were involved in Turing's team and their names have gradually been erased because of their provable link with collocation: Professor Angus McIntosh and Dr Donald Michie. The former name emerged in an obituary, written by Professor John Sinclair, when McIntosh (who taught Sinclair and Halliday as undergraduates) died. The second name was the inventor of advanced AI and he is mentioned as part of a teaching routine timetable in the book by Jerry Roberts (2017: 236). This document appears as Appendix 3 below.

The real secret of Bletchley Park was and still is collocation and its role in intuitive opacity. It had been kept from the Americans. They were allowed to proceed with the development of fake AI and Edinburgh University had to be given a new and harmless destination in Linguistics. Angus McIntosh alone needed to be made famous within a new and harmless discipline in which he already had a famous close, personal friend: J.R.R. Tolkien. The main interests of this colossus (a frequent guest at the home of Angus McIntosh) were to become the only purported source of fame flowing from the name McIntosh as he was moved out of Collocation and into Historical Diachronic Linguistics. Funding was found to enshrine his new role in an attractive building at Edinburgh University: The McIntosh Centre for Diachronic Linguistics.

As a result of this act of apparently manufactured fame, the man who had unveiled collocation for Turing and who had taught it (along with Firth) to Halliday and Sinclair at Edinburgh University and to Michie within Turing's top-secret team, left the stage. Sinclair's attempt to write the planned HarperCollins Dictionary of Collocation was scuppered and Halliday stopped work on *Texture*, a form of cohesion in which collocation played a key computational role as early as the volume *In Memory of J.R. Firth* (Catford: 1966), a full six years after Firth's apparently untimely death. This left Donald Michie still to be dealt with.

The way forward must have been reasoned along these lines: (1) America needed to be put in charge of a form of AI that was fully cognitive; (2) That work would

need to look and feel like the work of Turing in mathematics, without any mention that collocation as consilience was needed drag mathematics across the finishing line in Bletchley; (3) Ancillary teams were needed to create pluralism as a distraction by flooding the academic landscape with at least a hundred new sub-disciplines in linguistics – Ockham’s Razor might have to look like a combine-harvester in order to deal with the deluge of assertions multiplied beyond necessity; (4) All forms of praise for computational research that defeated intuitive opacity would create financial hardship for those supporters, as their work is farmed out to paid spoilers.

But, in the same way that Russell ignored the requests of Schillp for some comment on the impact of The Second Incompleteness Theorem as he edited a volume on Russell’s work, we see today the impact that Turing predicted if applications were based upon a pure mathematics that is adored only for its aesthetic beauty. The masterminding of censorship in science will come at a cost, and naming and shaming will just be part of it, as Angus and Donald look on. The extent of the erasure is best appreciated by comparing the full bibliography of a book on AI with the published timetable of a day in Bletchley Park. These are to be found in the Appendices. The abruptness of the U-turn is even visible in the entry for AI in the latest edition of the Oxford Companion to Philosophy: Turing alone is the only British author provided in the reading list. An entire introductory volume on AI is almost entirely American and cognitive in its bibliography (see the Appendices).

Now that we have seen that intuitive opacity shapes and directs national policy for higher education, we are in a better position to appreciate why some theorists have been allowed to fail conclusively and others rewarded, but only for now. Popperian serial falsification may finally result in the tearing down in material terms of the hidden edifice of contrivance to limit the number of knowers. The authors of new theories are required to walk a very narrow path expressly in order to render their works ‘difficult’. The selection of a different path needs to satisfy the criterion of difficulty. Halliday manages to ditch colligation by embracing grammatical metaphor; Hoey claims that priming depends fully on colligation to satisfy the criterion of difficulty, but he conflates colligation and collocation and teaches the latter to prevent students’ interest from flagging. Recursion in mathematics or a focus on fictional corpora both survive by keeping difficulty ever-present and visible: the former by failing to assess the chances that corpora can dismiss infinite regress and the latter by failing to grade fiction inductively against comparable data in the external world. Many philosophers fail to spot the Aristotelian aspect of corpus-provided logical form. Anyone who teaches collocation as scientific truth must, of course, lose everything, with most of their works submitted for publication rejected by suborned ‘peer’ review of a standard that truthful authors have made peerless.

Is it fair that Donald Michie and countless lives may be put at risk because collocation is being protected by salaries that have been turned into gag-cash?

3. FAKE RELATIVITY AS DECEPTION

Whereas there can be no thunder without lightning, fake collocates can very easily be slipped into Sinclair's nine-word window of collocative power. The trick is similarity. Wittgenstein made the point that in all circumstances only that-p must be sought, even by means of truth- tables, and non-p, to use the expression of David Pears, must be shown the door! 'Whenever the question is factual, the question must have been factual too...' (Pears,1985: 109). And commenting on the fact that prima facie early Wittgenstein and later Wittgenstein may look very different, '...there is another point of view from which this kind of philosophy may be classified as a subtle form of positivism. For what it says is that there is nothing but the facts'. (Pears,1985: 172) (emphasis added). Of course, this is our best indication that Logical Positivism can be repaired and revived.

Items in the nine-word window may look alike, but their relativity needs the verification of physics in the case of sub-atomic particles. In the case of the expectations of people, there must be a reciprocal verification of the terms used in order to avoid the conflation of two similar terms that leads to non-p. Halliday avoids conflation by keeping the terms colligation and collocation apart; and in 2011 in Belfast, he reverts to a weaker form of theory, entitled 'grammatical metaphor'. His wife, Ruqaiya, states the situation frankly at her celebratory conference in Bologna some years earlier by saying: 'We do not believe in collocation.

Colligation, yes, but not collocation.' (recorded spontaneous speech by Professor Donna Miller). Michael Hoey conflates both terms, teaching one as if it were the other. Firth correctly, ranks collocation at the level of situational context and culture. He regards colligation as little more than a fragment of grammar akin to the morpheme.

Hence, it is only fair to interrogate the elements that have been made to look similar, by asking what outcome is being sought. For example, a migrant seeking asylum may be offered a conflated melange of Judicial Review and Appeal. But only an appeal gives rise to a ruling and unless judicial review is removed from the apparent relativity apparently on offer, the would-be appellant may face deportation rather than obtain a remedy. The final concordance below from The Times newspaper shows signs that may mean that this conflation may well be used as an unethical *modus operandi*. (See the final concordance in Appendices).

Firth offers the following categories that will need to be incorporated in the procedures for the revival of Logical Positivism:

- A. The relevant features of participants: persons, personalities. (i) Verbal action. (ii) non-verbal action.
- B. The relevant objects.
- C. The effect of the verbal action. (Firth: 1957: 182)

MicroConcord search SW: judicial review OR: appeal*

1 cause it encourages appeals? Or judicial review because it encourages disagreee
 2 e)Statutory appeal preferred to judicial review/<headline> <byline></byline>
 3 ans or more before an appeal or judicial review ends the matter. And having lost
 4 urgh, agreed to an appeal for a judicial review of the 12-match suspension impos
 5 s go to Court of Appeal and get judicial review ruling overturned. July 1995. IC
 6 , there will be an appeal for a judicial review. Simon Milton, deputy leader o
 7 eme Court rather than by way of judicial review. The Court of Appeal so held,
 8 t could not intervene by way of judicial review. The Court of Appeal so held w
 9 Matson brought proceedings for judicial review. The Court of Appeal (Lord Justi
 10 an appeal. The application for judicial review was brought by The Man In Black,

4. CONCLUSION

The guiding principle of Wittgenstein for creating the water-tight acceptance by philosophy of a revived Logical Positivism involves showing non-p the door. The amplification of the Firth-Malinowski taxonomy above in conjunction with Ockham's Razor ought easily to dispel any and all obfusatory pluralism. The removal of the informal ban on collocation may only be accomplished in the courts, based upon a statute of limitations that has apparently been breached and has apparently turned academic salaries into bribes and academic disciplines into a series of runaway trains. Philosophy will hand Logical Positivism over to science. Within linguistics only induction and collocation are likely to survive. Both terms need to appear on the 50 GBP banknote along with images of Turing, Michie and Sinclair.

Penalties may need to be found for an offence identified by J.R. Firth as 'fishing in one's own tank'.

THE THREE SHIFTS OF THE TESTERY, 1945

	9 a.m.–4 p.m.	4 p.m.–12 a.m.	12 a.m.–9 a.m.
ROOM 41 (Cryptographers)	Capt. Ericsson (Peter) CSM Barratt Lieut Levenson R.S.M. Wild S/Sgt Holmes Sgt Uphill Mr Michie CSM Pollard	Capt. Roberts (Jerry) S/Sgt Philips S/Sgt Denman Mr Christie Mr Thompson	Mr Masters (Victor) Capt. Dobbins Capt. Davies Capt. Jenkins (Roy) Sgt Rollo Mr Edgerley Sub. Worsley
Permanently on days – Major Oswald, Capt. Marshall, RSM Benenson, Mr Colvill (General Manager), Mr Hilton (Peter)			
ROOM 40 (Wheel setting)	Sgt Mayo-Smith Sgt Gloster-Downing Cpl Porter Cpl Rees Cpl Williams Cpl Ramsey L/Cpl Nash L/Cpl Bradley	Capt. Wesson Capt. Maddocks RSM Roots SSM Walford SQMS Garner Cpl Mashiner Cpl Cook L/Cpl Taylor	Mr Jones Capt. Bancroft Capt. Potts Sgt Cook Cpl Rogers Cpl Keyte L/Cpl Langford Cpl Maskell
Permanently on days – Sub. Bridgwater, Cpl Saward, Cpl Street			
ROOM 28	CSM Colling Mr Wood S/Sgt Collings	Sub. Palmer Mr Jeeves Sgt Beckingham	Sub. Tickle Capt. Winter

ROOM 29	Lt Van Der Wal Cpl Ashworth	Cpl. Peterson Sgt Alderton	CSM Carney
Permanently on days – Capt. Hayward			
ROOM 27 (Decoding staff)	S/Sgt Gutteridge S/Sgt Owen Sgt Smith Cpl Mollier Cpl Roberts Cpl Wright Pte Charlesworth Pte Dean	Sgt Godsell Sgt Sproston Cpl Cook Cpl Eccleston Cpl Bell Cpl Dorney	S/Sgt Traynor Sgt Hampson Cpl Jaques Cpl Witty Cpl Davies Cpl Leverett
Under Instruction – L/Cpl Holloway			
ROOM 43	Permanently on days – Cpl Hickman, Cpl Sayr		
ROOM 12 (Registration)	SQMS Finch Cpl Enderby Cpl Swadling L/Cpl Thomas	Cpl Daniels Cpl Gwyne Cpl Fitel Cpl Smith	SQMS Sinclair Sgt Smith Cpl Ansell L/Cpl Bailey
BLOCK F	Cpl Marshall Pte Harwood	Cpl York	Cpl Phillpot
ROOM 11	Cpl Ophen L/Cpl Price	Cpl Hart Cpl Marti Cpl Coons	Cpl Haddick Cpl Horton
Permanently on days – SSM Bloom, S/Sgt Wheeler, Sgt Maunsell, Cpl Gibbons, Cpl Spreadborough, Cpl Long Statistics – Sgt Nathan, Cpl Cook, Cpl Aspinall			

REFERENCES

1. Ayer, A.J. (1936) *Language, Truth and Logic*. Oxford: OUP Berlin, I. (2013) *Russian Thinkers*. Random House UK: Penguin Carnap, R. (1956) *Meaning and Necessity*. Chicago: UCP
2. Carnap, R. and Jeffrey, R. (1971) *Studies in Inductive Logic and Probability*. London: UCP Catford, J.C. et al (1966) *In Memory of J.R. Firth*. London: Longmans'
3. Creath, R. (1990) *Dear Carnap, Dear Van*. University of California Press Dummett, M. (2005) *Truth and the Past*. New York: Columbia University Press Firth, J.R. (1957) *Papers in Linguistics 1934-1951*. Oxford: OUP
4. Libertson, J. (1982) *Proximity and Communication*. The Hague: Nijhoff Publishers Louw, W.E. (2017) 'Entailing proximity' *Korpus 17*. St Petersburg: SUP
5. Mautner, T. (2005) *The Penguin Dictionary of Philosophy*. Harmondsworth: Penguin McFadden, J. (2021) 'Occam's Razor'. *New Scientist*. www.newscientist.com
6. McGinn, M. (1982) 'The third dogma of empiricism' *Aristotelian Society*. London: OUP Monk, R. (1991) *Wittgenstein: The Duty of Genius*. London: Vintage Books
7. Pears, D. (1985) *Wittgenstein*. London: Fontana Press
8. Rescher, N. (1968) *Essays in Honour of Carl G. Hempel*. Dordrecht: Reidel Press

- Roberts, J. (2017) *Lorenz: Hitler's Top Secret Code*. Stroud: History Press.
9. Russell, B. (1959) *My Philosophical Development*. New York: Simon and Schuster
- Sinclair, J.M. (1991) *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford: OUP

Коллокация как относительность

Билл Лоу

*Университет Ковентри (Великобритания, Ковентри)
louwfirth@yahoo.com*

В статье освещаются философские и историко-научные основы языкового механизма коллокаций как способа верификации эмпирической истинности понятий и суждений посредством поисковых запросов в компьютерных корпусах языков. Коллокация понимается как статистически устойчивое сочетание слов в корпусе, набор которых появляется на дисплее после ввода в поле поискового запроса нужного исследователю слова или выражения. Показано, что набор коллокатов — выявленных типовых контекстов употребления искомого слова (особенно в релевантном количестве, исчисляемом сотнями и тысячами), не случаен, и по нему мы можем определить то, как носители языка в заданный хронологический период понимают данное понятие, как к нему относятся. Зависимость полученных данных от сферы бытования, от эпохи или социальной среды, от других факторов описывается понятием «коллокационная относительность». С философской точки зрения, анализ полученных коллокаций должен приводить к совпадению индуктивных обобщений, т.е. к эмпирической достоверности, при которой данные, полученные из независимых источников, при их интерпретации имеют сходные результаты, а значит, в значительной степени могут считаться объективными. Следовательно, указанные лингвистические инструменты верификации истины и выявления недостоверной информации могут быть востребованы в правоприменительной практике и лингвистической экспертизе.

Ключевые слова: коллокация, языковые корпуса, эмпирическая истинность, коллокационная относительность, корпусный анализ, лингвистическая экспертиза.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОДЕЙСТВИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОМ МЕРОПРИЯТИИ «ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ» ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯЧЕЕК ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «АУЕ» В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

А.В. Агарков

*Владимирский юридический институт ФСИН России (Россия, Владимир)
oper72.kum@mail.ru*

В статье констатируется фрагментарность законодательного регулирования осуществления оперативно-розыскного мероприятия «Исследование предметов и документов». Предложены основные требования к специалисту, привлекаемому к участию в оперативно-розыскном мероприятии «Исследование предметов и документов» по делам о преступной деятельности ячеек экстремистской организации «АУЕ», обозначены основные проблемные моменты такого привлечения. На основании анализа практики деятельности опера-

тивных подразделений изложены основные вопросы, которые ставятся специалисту для проведения исследования, а также рассмотрены особенности подготовки ответов на них.

Ключевые слова: исследование предметов и документов, специалист, экстремистская организация «АУЕ», положение в преступной иерархии.

Одним из оперативно-розыскных мероприятий Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») называет «Исследование предметов и документов». На этом законодательная регламентация данного оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ) заканчивается. Вместе с тем, рассматривая нормы ФЗ «Об ОРД» в совокупности, возможно выделить еще несколько дополнительных дефиниций:

к проведению ОРМ «Исследование предметов и документов» возможно привлекать на безвозмездной либо возмездной, контрактной или бесконтрактной основе иных лиц, с сохранением по их желанию конфиденциальности содержания. Эти лица обязаны сохранять в тайне сведения, ставшие им известными в ходе подготовки или проведения ОРМ, и не вправе предоставлять заведомо ложную информацию указанным органам (ч. 1 ст. 17 ФЗ «Об ОРД»);

сведения, содержащиеся в запросах, направляемых гражданам в процессе проведения ОРМ «Исследование предметов и документов», не подлежат разглашению (ч. 1 ст. 12.1 ФЗ «Об ОРД»);

лица, сотрудничающие с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, либо оказавшие им помощь в раскрытии преступлений или установлении лиц, их совершивших, могут получать вознаграждения и другие выплаты. Полученные указанными лицами суммы вознаграждений и другие выплаты налогами не облагаются и в декларациях о доходах не указываются (ч. 5 ст. 18 ФЗ «Об ОРД»).

Коме того, анализ статьи 8 ФЗ «Об ОРД», содержащей условия проведения ОРМ, показывает, что для осуществления ОРД «Исследование предметов и документов» не требуется вынесение постановления, оно может проводиться по любым составам преступлений.

Таким образом, возможно констатировать, что законодательное регулирование осуществления ОРМ «Исследование предметов и документов» носит фрагментарный характер. Рассмотрение ведомственного регулирования представляется нам нецелесообразным, т.к. оно распространяется исключительно на оперативных сотрудников УИС и его соблюдение при осуществлении данного ОРМ не может быть предметом судебного разбирательства.

Следует подчеркнуть, что в связи с внесенными в 2019–2020 г.г. изменениями в законодательство и принятыми судебными решениями для ОРМ «Исследование предметов и документов» появилось еще одно направление применения – его стали проводить по делам о занятии лицом высшего положения в преступной иерархии и о преступной деятельности ячеек экстремистской ор-

ганизации «АУЕ». Немногие знают, что параллельно с обычным миром существует еще один – мир криминальной среды со своими законами, ценностями, правилами и нормами поведения, со своим специфическим языком общения, лидерами и «отверженными». Однако в последнее время все чаще возникает необходимость в транскрипции криминальной субкультуры на обычный язык, для чего к проведению ОРМ «Исследование предметов и документов» привлекаются специалисты – лица, владеющие познаниями в области функционирования криминальной среды.

Какие же требования необходимо выдвигать к их кандидатурам? Рассматривая их, необходимо четко разграничить специалистов, привлекаемых к проведению ОРМ «Исследование предметов и документов», и экспертов, осуществляющих соответствующую деятельность в интересах предварительного расследования. Без сомнения, эксперты могут выступать специалистами по рассматриваемой категории дел, однако их число невелико и не может обеспечить потребности всех правоохранительных органов. Как мы уже отмечали выше, ФЗ «Об ОРД» не содержит каких-либо требований к привлекаемым к проведению ОРМ лицам, оставляя решение за оперативным сотрудником, являющимся инициатором проведения ОРМ. Вместе с тем результаты ОРД, будучи представленными в орган предварительного расследования или суд, как известно, могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела; быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий; использоваться в доказывании по уголовным делам (п. 4 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утвержденной приказом МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27.09.2013 № 77 6/703/509/507/1820/42/535/398/68).

Таким образом, на оперативного сотрудника-инициатора возлагается серьезная задача – подобрать лицо, которое может выступить специалистом в области криминальной субкультуры. По нашему мнению, требованиями к такому лицу являются как наличие научных публикаций в области криминальной субкультуры, так и опыт службы в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы. К сожалению, приходится констатировать, что места лишения свободы не только концентрируют носителей криминальной субкультуры, но и в ряде случаев являются источником ее распространения.

Как оперативный сотрудник, так и привлекаемое в качестве специалиста лицо должны учитывать возможность противодействия со стороны лидеров

уголовно-преступной среды, связанное с проведением исследования, в связи с чем необходимо предусмотреть меры, гарантирующие безопасность специалиста. Кроме того, инициатору следует предварительно оговорить необходимость и размер вознаграждения специалиста за проведенную работу.

Подготавливая проведение ОРМ «Исследование предметов и документов» по делам, связанным с лидерами и активными членами ячеек экстремистской организации «АУЕ», оперативный сотрудник должен на первоначальном этапе грамотно сформулировать вопросы, которые будут поставлены перед специалистом. Следует подчеркнуть, что ошибочность формулировок, чересчур общий или слишком конкретный характер, а также другие недостатки могут значительно снизить эффективность проводимого мероприятия. Как правило, по делам, связанным с занятием высшего положения в преступной иерархии, специалисту ставятся следующие вопросы:

1. Содержатся ли в представленных на исследование материалах сведения о деятельности в ИК-XX (указывается наименование учреждения – А.А.) ячейки международного общественного движения «Арестантское уголовное единство»?

2. Содержатся ли в представленных на исследование материалах сведения об участии осужденного (ФИО, прозвище – А.А.), содержащегося в ИК-XX, в деятельности международного общественного движения «Арестантское уголовное единство»?

3. Содержатся ли в представленных на исследование материалах сведения об исполнении осужденным (ФИО, прозвище) неформальных организационно-распорядительных функций в ИК-XX? Какое положение в криминальной иерархии занимает осужденный (ФИО, прозвище)?

Отвечая на первый вопрос, специалист, исследуя предоставленные ему материалы, осуществляет поиск следующих признаков:

наличие лидера ячейки или группы лиц, осуществляющих неформальные организационно-распорядительные функции;

воспроизведение и насаждение участниками ячейки криминальных правил и традиций (так называемых «понятий»);

нелегальное общение членов ячейки с помощью нелегальной корреспонденции, незаконно хранимых и используемых средств мобильной связи;

совместное совершение противоправных действий;

изготовление, использование, хранение, распространение предметов, содержащих АУЕ-символику и АУЕ-атрибутику.

Отвечая на второй вопрос, специалист осуществляет в представленных на исследование материалах поиск признаков участия в деятельности ячейки экстремистской организации АУЕ конкретного лица: подписанные им «малявы»¹

¹ Нелегальная записка, письмо – А.А.

и «прогоны»¹, упоминания о его роли в разговорах членов ячейки, в объяснениях, рапортах и иных документах.

Для ответа на третий вопрос необходимо обнаружение признаков осуществления лицом конкретных организационно-управленческих функций: организация незаконных действий, в том числе сбор и распределение т.н. «общака»², организация азартных игр, часть выигрыша от которых поступает в «общак», подготовка и распространение «прогонов», разрешение конфликтов, запреты на определенные действия и др. Подтверждением также служит упоминание об объекте исследования как о лице, занимающем высшее положение в преступной иерархии – «воре в законе», «положенце» или «смотрящем». Криминальный мир строго следит за соблюдением иерархии и жестоко наказывает самозванцев, поэтому такое упоминание также является признаком, интересующим специалиста.

По делам о функционировании в учреждении УИС ячейки экстремистской организации «АУЕ» вопросы носят несколько иной характер:

1. Содержатся ли в представленных на исследование материалах сведения о деятельности в ИК-XX (указывается наименование учреждения – А.А.) ячейки международного общественного движения «Арестантское уголовное единство»?

2. Содержатся ли в представленных материалах сведения об участии конкретных осужденных в деятельности ячейки экстремистской организации «Арестантское уголовное единство», действующей в ИК? Каковы их установочные данные?

3. Имеются ли в представленных материалах сведения об иерархическом положении конкретных осужденных, занимаемом ими в ячейке экстремистской организации «АУЕ»?

4. Содержат ли представленные материалы символику или атрибутику экстремистской организации «АУЕ»?

Исходя из имеющегося у автора практического опыта деятельности в рассматриваемой области, следует рекомендовать инициаторам заблаговременное предоставление материалов специалисту для предварительной оценки, а также согласование со специалистом вопросов, которые будут ставиться в результате исследования. Эти действия позволяют избежать предоставления значительного объема ненужной для исследования информации, а также избежать вопросов, ответы на которые не будут предоставлены.

¹ Обращение в устной или письменной форме, составляемое лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, адресованное неопределенному кругу членов экстремистской организации «АУЕ» – А.А.

² Вещи (как правило, продукты питания, табачные изделия, предметы первой необходимости и т.д.) и денежные средства, накапливаемые, контролируемые и распределяемые в целях ресурсной и финансовой подпитки членов экстремистской организации «АУЕ» – А.А.

Кроме того, следует обратить внимание на исключительно важный момент – юридическую правильность оформления запросов, направляемых специалисту, и представляемых ему материалов. Так, в запросе необходимо в обязательном порядке указывать, что исследование материалов проводится в рамках проведения ОРМ «Исследование предметов и документов» – только в этом случае заключение специалиста может быть представлено в орган предварительного расследования как результат оперативно-розыскной деятельности. В противном случае, если результаты исследования направляются в рамках текущей служебной переписки, они не могут рассматриваться как указанные результаты. Приложения и их страницы должны быть пронумерованы, изображения – оформлены в виде фототаблиц с указанием источников их получения и заверением оперативного сотрудника, составившего фототаблицы.

При подготовке ответов необходимо учитывать рекомендации, изложенные нами выше, а также осуществлять в представленных материалах поиск фамилий и прозвищ конкретных лиц, чье участие в ячейке экстремистской организации «АУЕ» прослеживается в виде распространения криминальной идеологии, оказания помощи лидерам ячейки, участия в совместных противоправных действиях и др. В ряде случаев возможно определить их статус в преступной иерархии или закрепленные за ними конкретные функции. При ответе на четвертый вопрос следует основываться на наличии в материалах совокупности существенных признаков, свойственных предметам материального мира, используемых членами экстремистской организации «АУЕ».

Как правило, в заключении специалиста (документ может носить и иное название, определенных требований к названию и оформлению результатов исследования нет) приводятся мотивированные ответы на каждый вопрос, а в заключительной части указываются также и краткие ответы.

Заканчивая рассмотрение вопроса, заявленного нами в названии, следует подчеркнуть, что осуществление ОРМ «Исследование предметов и документов» ни в коей мере не подменяет собой экспертную деятельность, оно имеет иную правовую природу и лишь частично заимствует методику исследования. Вместе с тем, по нашему мнению, эта деятельность носит исключительно важный характер, т.к. результаты осуществления данного ОРМ (особенно в контексте указанных выше преступных действий) служат поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, а также могут использоваться в качестве доказательств в процессе их расследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.08.2020 по делу № АКПИ20-514с.
2. Гирько С.И., Бемянский Е.Б. Законодательные основы оперативно-розыскного противодействия преступлениям общеуголовной направленности,

совершаемым лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии / С.И. Гирько, Е.Б. Белянский // Научный портал МВД России. 2016. № 3 (35).

3. Агарков А.В. Новации в деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по противодействию влиянию криминальной среды и ее лидеров на оперативную обстановку / А.В. Агарков // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2021. № 4 (30). С. 6–10.
4. Шиков А.А. Проблемы дефиниции занятия высшего положения в тюремной иерархии / *Lus publicum et privatum* – 2021. № 3 (13).

Using the assistance of specialists in the operational-search activity «Investigation of objects and documents» in cases of criminal activity of the cells of the extremist organization «AUE» in places of deprivation of liberty

A. V. Agarkov

*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
(Russia, Vladimir)
oper72.kum@mail.ru*

The article states the fragmentation of the legislative regulation of the implementation of the operational-search measure «Investigation of objects and documents». The basic requirements for a specialist involved in the operational-search activity «Investigation of objects and documents» in cases of criminal activity of the cells of the extremist organization «AUE» are proposed, the main problematic points of such involvement are identified. Based on the analysis of the practice of activities of operational units, the main questions that are posed to a specialist for conducting research are outlined, as well as the features of preparing answers to them.

Keywords: study of objects and documents, specialist, extremist organization «AUE», position in the criminal hierarchy.

О СОВРЕМЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ф.Г. Аминев¹, А.Ф. Аминев²

¹Институт права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет» (Россия, Уфа)

*²Экспертно-криминалистический центр МВД по Республике Башкортостан (Россия, Уфа)
faminev@mail.ru*

Рассматриваются проблемы использования специальных знаний в Российской Федерации и основные направления их развития. Обозначены различные виды использования специальных знаний при проведении следственных действий, криминалистической регистрации и судебно-экспертной деятельности. Особое внимание уделено молекулярно-генетической экспертизе: показаны пути повышения качества проведения этих экспертиз на базе

разработок отечественных ученых-генетиков и перспективы импортозамещения. Предложены меры по повышению качества использования специальных знаний, в частности, при производстве судебных экспертиз.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, специалист, эксперт, молекулярно-генетическая экспертиза, технологии.

В условия усложнения криминогенной обстановки, игнорирования ею границ стран и возрастания уровня транснациональной организованной преступности – с одной стороны, и усиления состязательности в уголовном, гражданском, арбитражном, административном процессах многих стран – с другой, заставляет вести поиск путей повышения эффективности в формировании объективной доказательственной базы судопроизводства. Одним из таких путей является разработка и внедрение современных возможностей специальных знаний в расследование преступлений.

Общеизвестно, что наиболее значимыми направлениями в использовании современных возможностей специальных знаний в расследовании преступлений являются:

а) использование непосредственно следователем (дознавателем, судьей) собственных специальных знаний;

б) использование специальных знаний специалиста при производстве следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и ведении системы криминалистической регистрации;

в) использование специальных знаний экспертами при производстве судебных экспертиз.

В первом направлении использование специальных знаний, к сожалению, ограничивается возможностями применения тех знаний, умений и навыков, которые были приобретены следователями (дознавателями, судьями) в результате обучения по юридической специальности в вузе и могли быть не забыты по прошествии времени. Некоторые надежды возлагаются на курсы повышения квалификации, которые раз в пять лет обязаны пройти в вузах сотрудники следственных подразделений. Но, как показывает следственная практика, единичных лекционных и семинарских занятий по вопросам использования специальных знаний оказывается недостаточно для устойчивого формирования соответствующих навыков. Поэтому следователи (дознаватели, судьи) обращаются за помощью в собирании и изучении доказательств к специалисту.

И вполне объяснимым является то внимание, которое уделяется вопросам совершенствования и внедрения современных технологий в деятельность специалиста.

Так, для формирования доказательственной базы при расследовании преступлений в сфере экономики, экологии, коррупции с успехом привлекаются специалисты в области космической съемки [1, стр. 12].

В случаях совершения преступлений с использованием рукописного текста для установления индивидуальных характеристик исполнителя применяются методы психологического анализа почерка на базе использования специальных знаний в области психологии и почерковедения; для поиска лица в сети Интернет привлекаются специальные знания в области технологии искусственного интеллекта [2, стр. 25].

Серьезные возможности для применения специальных технических знаний привели к развитию фундаментальных исследований объектов интеллектуальной собственности (экспертизы и исследования объектов авторского и смежного прав; объектов патентного права и средств индивидуализации и др.).

Большое развитие в последние годы получили психофизиологические исследования с применением полиграфа [3].

Использование специалистами в ходе проведения следственных действий аппаратов 3D-сканирования позволяет создать цифровую модель помещения, следов и других объектов, находящихся на месте проведения следственного действия.

Разработанные в КНР и внедренные в России технические поисковые средства и программное обеспечение позволяют распознавать внешность человека не только по статическим признакам, но и по динамическим (функциональным) и сопутствующим признакам лица.

И таких направлений использования специальных знаний специалистами достаточное количество. Чуть менее интенсивно совершенствуются возможности специальных знаний в судебно-экспертной деятельности.

Как известно, в понятие «судебно-экспертной деятельности входит система действий судебного эксперта и руководителя судебно-экспертной организации, иных экспертов из числа сведущих лиц по организации, производству, научно-методическому и информационному обеспечению судебных экспертиз, профессиональной подготовке и экспертной профилактике» [4, стр. 66]. Как видим, одно из центральных мест в этой деятельности занимает ее интеграция с разработками зарубежных экспертных исследований.

Такая интеграция привела к тому, что в деятельность судебно-экспертных организаций России были широко внедрены иностранные экспертные технологические комплексы. Так, для молекулярно-генетических исследований были закуплены дорогостоящие лаборатории ДНК-анализа системы CODIS, поставляемые фирмами США. Не беря в пример США, отметим, что по состоянию на октябрь 2021 года база данных ДНК NDIS США содержала 14.836.490 профилей преступников и 1.144.255 судебно-медицинских профилей. Система CODIS США решила 587 773 обращений к ней, результаты проведенных исследований способствовали проведению 574 343 расследованиям [5], что свидетельствует о неплохой результативности.

Кроме идентификации личности по следам биологического происхождения, с помощью полногеномных молекулярно-генетических исследований удастся:

- установить анатомические, психофизиологические и иные характеристики человека (цвет глаз, состояние кожи, наличие болезней и т.д.);
- установить характеристики родителей человека, его детей или других членов его семьи;
- выявить не только этнические корни, но и создать «этнические регистры» – описания генетических особенностей этнических групп и т.д.

Однако в молекулярно-генетических исследованиях, применяемых в ДНК-регистрации с помощью STR-локусов¹ (на чем основана система CODIS, применяемая в настоящее время при формировании базы данных ДНК Российской Федерации), имеется ряд проблем, решение которых не позволяет использовать эту систему в дальнейшем:

- ДНК-типирование с помощью STR-локусов не гарантирует уникальность генотипа;
- высока вариабельность STR-локусов, которая становится явно излишней,
- базы данных с STR-локусами характеризуются низким уровнем цифровизации, так как не имеют фиксированных границ;
- в результате кодирования генетической информации по STR-локусам составляются базы ДНК-данных, имеющие полногеномные последовательности граждан, что является крайне опасным, так как возможная утечка информации из такой базы данных позволит использовать ее в криминальных целях, вплоть до создания этнического оружия.

В настоящее время разработаны новые технологии молекулярно-генетических исследований на базе использования снипов (SNP-локусов²). Ведущими специалистами Института биохимии и генетики (во главе с профессором Э.К. Хуснутдиновой) Уфимского Федерального исследовательского центра Российской академии наук разработан самый передовой метод цифрирования в бинарном формате сразу всех четверых нуклеотидов в отдельном снипе. Метод показал ряд важных приоритетных качеств, в том числе для последующего формирования баз данных ДНК, в частности, достигнут максимальный уровень цифровизации (объем введенной в базу данных информации при ДНК-идентификации личности с помощью снипов составляет для одного человека не более 1 килобайта, в то время как с помощью STR-локусов – более 200 ки-

¹ STR-локус – участок ДНК, состоящий из следующих друг за другом повторяющихся нуклеотидных звеньев с некоторой общей последовательностью длиной от 3 до 5 нуклеотидов. Индивидуальные аллели STR-локуса отличаются друг от друга числом этих одинаковых тандемно повторяющихся последовательностей (повторов).

² Снип – SNP (Single-Nucleotide Polymorphism) – участок ДНК, последовательности аллелей которого различаются одним нуклеотидом.

лобайт).

Этот метод превосходит метод STR-локусов системы CODIS по ряду позиций:

- возможность детекции более коротких участков ДНК;
- возможность извлечения ДНК-информации из старых биологических образцов;
- максимальная цифровизация содержащейся в снипе информации (объем данных информации при ДНК-идентификации личности составляет для одного человека менее 1 Кб, в то время как с помощью STR-локусов – более 200 Кб);
- возможность использовать только нейтральную информацию о полиморфизме ДНК сипов конкретного человека для исключения в ней любых сведений личного характера [6, стр. 97].

Внедрение разработок отечественных ученых позволит отойти от дорогостоящих зарубежных систем, удастся уйти от привязанности к иностранным технологиям и добиться настоящего импортозамещения.

Большие возможности в установлении многих обстоятельств совершения преступлений кроются в проведении комплексной палиноморфологической экспертизы (палином – совокупность микрообъектов биологического происхождения: споры грибов, споры и пыльцевые зерна растений, фрагменты насекомых).

Отечественные эксперты-почерковеды (В.А. Юматов, П.Г. Лесникова) применяют в судебной почерковедческой экспертизе методы математического моделирования, поддерживают и используют разработки программных продуктов кодирования письменных знаков [7, стр. 308–333].

Проводятся эксперименты по внедрению интеллектуальных технологий в судебную портретную экспертизу путем использования специализированной программы «Visosoft».

Возможности использования специальных знаний российскими судебными экспертами, обогащенными теоретическими изысканиями, можно признать безграничными в связи с тем, что их знания, как очень точно определил А.В. Варданян, вовсе не ограничиваются какими-либо умозрительными теоретическими конструкциями, а априорно «воплощают в себе также и результаты эмпирического анализа, практическую апробацию и внедрение» [8, стр. 159]. Следует и дальше раздвигать горизонты этих возможностей.

Полагаем, для повышения качества использования специальных знаний в расследовании преступлений представляется необходимым провести следующие первоочередные мероприятия:

- в ближайшее время завершить обсуждение и принять Федеральный закон «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»;
- необходимо шире использовать возможности ученых и сотрудников на-

учно-исследовательских учреждений и вузов в разработке импортозамещающих научно-технических средств, методов обнаружения и изъятия следов и экспертных исследований;

– объединить усилия ведомственных судебно-экспертных организаций по разработке и апробации методик новых видов судебных экспертиз, соединив все государственные судебно-экспертные организации шести ведомств (МВД, Министерства юстиции, Следственного комитета, Федеральной таможенной службы, Министерства обороны, МЧС Российской Федерации, за исключением ФСБ и Министерства здравоохранения РФ) в Федеральный государственный центр судебной экспертизы;

– составить единый федеральный реестр сертифицированных экспертных методик;

– создать единую автоматизированную вспомогательную справочно-информационную систему для использования в производстве различных видов судебных экспертиз;

– в бюджете государственных судебно-экспертных организаций предусмотреть выделение средств на апробацию и внедрение новых экспертных методик и оборудования, разработанных российскими учеными в рамках импортозамещения;

– разработать единые требования к аккредитации судебно-экспертных лабораторий;

– организовать подготовку наиболее опытных сотрудников судебно-экспертных организаций в целях обеспечения контроля за качеством судебной экспертной деятельности данных организаций.

Вышеуказанными не ограничиваются меры по повышению уровня использования специальных знаний в расследовании преступлений, но и их осуществление позволит существенно повысить эффективность использования этих знаний в судопроизводстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бастрыкин А.И. Об актуальных направлениях развития криминалистических и экспертных подразделений Следственного комитета Российской Федерации // Отечественная криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч.-практ. статей. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 6–13.
2. Бессонов А.А. Современное состояние и перспективы использования искусственного интеллекта в судебной экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VIII Международной научно-практической конференции. МГЮУ, 28–29 января 2021 г. М.: РГ-Пресс. С. 24–27.
3. Комиссарова Я.В., Котова О.А., Семенов В.В., Токарев М.Н. О методическом обеспечении производства психофизиологических экспертиз и

исследований с применением полиграфа // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VIII Международной научно-практической конференции. МГЮУ, 28–29 января 2021 г. М.: РГ-Пресс. С. 132–136.

4. Аминев Ф.Г., Аминев А.Ф. О некоторых подходах к повышению качества судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов международной научной конференции, 16–17 мая 2019 г. Н. Новгород, 2019. С. 65–72.
5. CODIS – NDIS Statistics // Search FBI: <https://www.fbi.gov/services/laboratory/biometric-analysis/codis/ndis-statistics> (дата обращения 19 марта 2022 г.).
6. Аминев Ф.Г. О необходимости принятия федерального закона «О всеобщей геномной регистрации в Российской Федерации» в целях улучшения качества раскрытия и расследования преступлений // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 3 (57). С. 94–98.
7. Юматов В.А., Лесникова П.Г. Судебно-почерковедческая экспертиза: теория и практика: учебное пособие. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. 336 с.
8. Варданыан А.В. Современные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Юрист-Правоведъ. 2019. № 2 (89). С. 158–163.

About the modern possibilities of using special knowledge in the investigation of crimes

F.G. Aminev¹, A.F. Aminev²

¹Institute of Law Bashkir State University (Russia, Ufa)

²Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Bashkortostan (Russia, Ufa)

faminev@mail.ru

The problems of using special knowledge in the Russian Federation and the main directions of their development are considered. Various types of the use of special knowledge in the conduct of investigative actions, forensic registration and forensic activities are indicated. Special attention is paid to molecular genetic expertise: ways to improve the quality of these examinations based on the developments of domestic geneticists and prospects for import substitution are shown. Measures are proposed to improve the quality of the use of special knowledge, in particular, in the production of forensic examinations.

Keywords: forensic activity, specialist, expert, molecular genetic expertise, technologies.

ОПЫТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЕДИНИЦ РЕЧИ, СПОСОБСТВУЮЩИХ МАСКИРОВКЕ ЕЁ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК (НА МАТЕРИАЛЕ КОМПЛЕКСНЫХ ФОНОСКОПИЧЕСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НАРКОТИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ)

П.Е. Белова, И.Л. Казанцева

*ООО «Центр экспертизы и оценки «ЕСИН» (Россия, Нижний Новгород)
belova-polina@mail.ru; ikazantseva@esin-expert.ru*

Обнаружение признаков маскировки содержательных элементов речи в рамках лингвистической экспертизы часто связано с выявлением и описанием единиц субстандарта. В данной статье на примере жаргона наркотической субкультуры обосновывается целесообразность лексикографического описания субстандартных единиц и необходимость создания экспертным сообществом языкового корпуса обезличенных текстов. Такой корпус будет способствовать не только развитию методики исследования субстандарта в рамках судебной экспертизы, но и укреплению базы подобных исследований с учётом быстрой изменчивости лексических составляющих языковых систем.

Ключевые слова: судебное речеведение, социолекты, языковой корпус, жаргон наркотической субкультуры, лексикографические исследования, маскировка содержательных элементов.

Противодействие наркобизнесу является одним из приоритетных направлений деятельности в сфере обеспечения безопасности Российской Федерации: 23 ноября 2020 г. Указом Президента РФ утверждена Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года. Данный документ содержит меры, принятые и принимаемые государственными органами для осуществления защиты населения от наркотиков. В 2010–2020 годах «правоохранительными органами выявлено свыше 2 млн. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, более 72 процентов (1,5 млн.) из которых – тяжкие и особо тяжкие. Раскрыто более 45 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных в составе организованных групп. Пресечена деятельность около 8 тыс. преступных сообществ (преступных организаций), в том числе транснациональных. Из незаконного оборота изъято более 420 тонн наркотиков и иных веществ, подлежащих контролю в Российской Федерации» [1, стр. 3]. Деятельность правоохранительных органов по расследованию дел о незаконном обороте наркотических средств связана с обращением к специальным знаниям по причине необходимости получения полного, всестороннего и объективного заключения о содержании разговоров лиц, подозреваемых в причастности к сбыту, употреблению и распространению наркотических средств. Затруднения в смысловой обработке разговоров возникают из-за потенциала использования средств маскировки содержательных элементов речи, к которым относятся

употребление жаргонных речевых единиц, окказионализмов, средств метафоризации, результатов фонетического заимствования и калькирования речевых единиц и под.

Маскировкой принято считать изменение каких-либо элементов текста посредством различных приёмов (пропуск, замена, искажение), не всегда имеющее криминологическое основание [2, стр. 281]. В общеупотребительном значении маскировка – это способ сокрыть, утаить с помощью чего-либо показного, притворного [3].

Общей маскировке содержательных элементов речи лиц, реализующих тематику манипуляций с наркотическими веществами, способствует также тот факт, что наркотики и всё, что с ними связано, входят в число табуированных, «теневого» тем, репрезентуемых с помощью средств субстандарта и социолектов в частности. Под социолектом мы понимаем «совокупность языковых особенностей: лексических, фразеологических, присущих той или иной социальной группе: профессиональной, сословной, возрастной – в пределах того или иного национального языка» [4]. Социолекты характеризуются «манifestацией субкультурных ценностей» [5, стр. 267] и крайней подвижностью: ввиду отсутствия нормы и кодификации, а также реализации функции «тайного языка», социолекты часто обновляют состав единиц. Нами отмечается, что при образовании новых слов и при переосмыслении старых в языке наркотической субкультуры [6] отчётливо прослеживаются тенденции к краткости, простоте, образности выражения мыслей и ощущений говорящего и к повышенной экспрессивности употребляемых языковых единиц. Активная словообразовательная деятельность и отсутствие унификации обуславливает появление больших синонимических рядов. Словарный состав данного языка малых групп непрерывно изменяется, и в последнее десятилетие отмечается резкое увеличение его объёма. Язык названной субкультуры пополняется за счёт словотворчества, заимствований из других сфер деятельности, а также из иностранных языков, прежде всего из английского. Одним из важных источников лексического материала является блатной язык. Кроме того, язык наркоманов так разнообразен и вариативен, поскольку включает специфические мини-языки потребителей отдельных видов наркотиков [7, стр. 130–131].

Интенсивное обновление единиц социолекта лицами, обсуждающими распространение и употребление наркотических средств, а также расширение числа наркотиков затрудняют восприятие таких разговоров носителями языка и требуют привлечения лиц, обладающих специальными знаниями в сфере лингвистики, для получения объективного и полного ответа о содержании анализируемых материалов. Задача эксперта-лингвиста состоит в том, чтобы с использованием различных словарей (толковых, синонимических, антонимических, терминологических и т.п.), грамматик, электронных корпусов, ряда

других источников и с опорой на контекст «установить наличие признаков маскировки, средства её реализации и, при наличии возможности, маскируемый предмет речи и/или его характеристики» [8, стр. 27]. Эксперт также должен располагать информацией о коммуникативной ситуации, в которой анализируемый текст был порождён, как одним из наиболее значимых для интерпретации языкового знака элементов.

Часть 2 статьи 195 УПК РФ предусматривает проведение экспертиз как государственными, так и негосударственными экспертными учреждениями. В современной системе производства экспертиз сформировалась т.н. «научно-методическая пропасть»: в большинстве случаев негосударственным экспертам недоступны научно-методические база и разработки государственных экспертных учреждений. Негосударственные эксперты могут повышать свою компетенцию, посещая конференции с участием ведущих экспертов и изучая учебные пособия, но мало какие внутренние документы, используемые в органах государственной судебно-экспертной деятельности, находятся в свободном или доступном пространстве.

Более того, актуальных работ, содержащих полноценное научное лексикографическое описание социолекта лиц, употребляющих и распространяющих наркотические вещества, сравнительно немного [9–13], и их содержание отсутствует в открытом, в т.ч. только экспертам, доступе.

На просторах интернета существуют «стихийные» словари, созданные и наполняемые пользователями Сети. Существенным в практике выполнения экспертиз является вопрос правомерности использования подобных материалов в судебных исследованиях: таковые материалы, с одной стороны, отражают реальные языковые процессы, фиксируют быстро меняющийся лексический состав социолектов. С другой стороны, подобные любительские издания не имеют признанной научной ценности, не проходят этапов рецензирования, что существенно снижает их формальную научную ценность для несведущих лиц.

Значимой альтернативой таким неформальным лексикографическим изданиям могли и могут стать корпуса – информационно-справочные системы, основанные на собрании текстов. «Национальный корпус представляет данный язык на определённом этапе (или этапах) его существования и во всём многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов и т.п.» [14]. Однако с учётом «теневого» характера социолекта лиц, употребляющих или распространяющих запрещённые вещества, количество единиц подобного социолекта в корпусах национального языка стремится к нулю.

Исходя из всего вышеперечисленного, имеются основания полагать, что систематизация результатов проведённых речеведческих экспертиз по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, и их лексикографи-

ческое описание являются необходимостью, т.к. позволят упростить решение экспертных задач по исследованию текстов «наркотической» тематики и дадут лингвистам возможность проиллюстрировать современное состояние единиц живой речи.

Экспертом ООО «Центр экспертизы и оценки «ЕСИН» П.Е. Беловой был проведён анализ заключений комплексных фоноскопических и лингвистических экспертиз, выполненных коллективом вышеназванной экспертной компании по делам о наркотиках. На основании содержания и выводов данных заключений, а также с использованием доступных и открытых источников, в т.ч. не только лексикографических, был сформирован словарь для внутреннего использования. При работе над «Сводным словарём лексики наркозависимых» были использованы основные терминографические принципы, сформулированные профессором В.Н. Немченко:

А) Слова и словосочетания в словаре расположены в алфавитном порядке.

Б) Структура словарных статей трёхкомпонентна: а) заголовок словарной статьи; б) определение значения (значений) указанного в заголовке слова; в) иллюстративные текстовые примеры [15].

Определения значений представляют собой варианты дефиниций субстандартных единиц в различных источниках, среди которых научных – 4, стихийных – 4, корпусов – 1. Кроме того, в словарь добавлены слова, дефиниции которых были установлены экспертами-лингвистами «Центра экспертизы и оценки ЕСИН» самостоятельно на основе анализа контекста представленных на исследование разговоров, электронных корпусов текстов и интернет-источников.

Для иллюстраций использовались контексты, обнаруженные в сети Интернет (источники СМИ, речь форумов, соцсетей и пр.), а также полученные из предоставленных на исследование разговоров. Многочисленность примеров указывает на активность того или иного слова. На данный момент в словарь входит 1080 единиц субстандарта наркотической субкультуры. К каждой единице, обозначающей видовое название наркотического средства, приводятся также синонимы и иные обозначения. Например,

АБСТЯГ, АБСТЯГА –

1. Абстиненция, синдром отмены наркотика.

Источник: Данилин А.Г. LSD. Галлюциногены, психоделия и феномен зависимости.

1. Ощущение наркотического голода.

Источник: Ломтев А.Г. Корпоративный жаргон лиц, потребляющих наркотики.

1. Состояние наркотического похмелья.

Источник: Словоново¹.

¹ Все электронные источники в тексте словаря даются с прямыми интернет-ссылками. Ссыл-

1. Абстинентный синдром при наркомании. Синдром физических и/или психических расстройств, развивающийся у наркоманов после прекращения приёма наркотика или уменьшения его дозы. Разновидности: ломка – тяжёлая степень, кумар – лёгкая абстыга.

Источник: Словоново.

Синонимы: абстыг, абстиняк, выход, долбёжка, долбота, золото, кум, кума, кумар, ломка, ломы, отходняк, раскайфовка, тупняк, хандра.

Примеры: «Действие утренней ширки почти кончилось, подступала лёгкая абстыга» (Баян Шириянов, «Низший пилотаж»), «Он никакой – у него абстыга», «С морфы крутой абстыг», «Эк тебя абстыг скрутил...»;

БАЯН –

1. Сленговое название шприца.

Источник: Данилин А.Г. LSD. Галлюциногены, психоделия и феномен зависимости.

1. Медицинский шприц.

2. Упаковка таблеток, по своему виду похожая на кнопки музыкального инструмента.

Источник: Ломтев А.Г. Корпоративный жаргон лиц, потребляющих наркотики.

1. Шприц.

Источник: Снитко Э. Наркомания. Брошюра для родителей.

1. Медицинский шприц, используемый наркоманами для инъекций.

Источник: Словоново.

Примеры: «Пошли в аптеку за баянами». – «Что ты так долго? – спросил Витя уже практически без укора – так велико было его облегчение». – «Что ж делать, если у них один баян на всю колоду... один шприц на всю тусовку» // Мелихов А.М. «Нов. мир». 2003. №10. С. 55.

Синонимы: агрегат, весло, ширка, ширь, алберка, аппарат, инсулинка.

Основная цель создания данного словаря – систематизация полученных экспертами результатов, упрощение работы с речью людей, потенциально причастных к наркобизнесу: имея направление, где искать лексикографическую информацию о речевой единице, эксперт сокращает время на принятие решения и получает возможность быстро подкрепить экспертное убеждение сходными по семантике контекстами, иллюстрирующими употребление субстандартной единицы в значении, связанном с темой наркотизма, если данная тематика находит отражение в разговоре в других единицах.

Анализируя представленный в экспертных исследованиях «ЕСИН» материал, нами также отмечена распространённость таких языковых процессов, как заимствование и калькирование. Калькирование, а также перенос создают за-

ки на интернет-ресурсы исключены из текста данной работы для удобства восприятия.

труднения при восприятии подобных единиц, особенно лицами, не обладающими базовым знанием английского языка (например, спиды – от англ. speed – в русской адаптации становятся «скоростью»). Из практики недавних работ отмечено именование запрещённых средств «ламбо-дверями», «ламбами». Нами была обнаружена официальная информация о существовании интернет-магазина запрещённых веществ с таким же названием: «Кроме того, в марте 2017 года сотрудники правоохранительных органов в аэропорту Шереметьево перехватили партию наркотиков, которую планировалось реализовать на интернет-площадке, в магазинах под названием «LAMBDO» и «Ламборджини». Задержанные пытались провезти в Россию наркотики из Бельгии» [16]. Соотнесение данных позволяет сделать вывод о специфическом метонимическом переносе названий, затрудняющем восприятие и способствующем маскировке содержательных элементов речи.

Основная сложность подобной работы заключена в природе субстандартной лексики теневого, связанных с незаконной деятельностью сообществ, а также в нехватке иллюстративного материала: пропаганда наркотических средств также запрещена законом, распространение сведений о наркотизме тоже регулируется, потому часто данные сведения не соответствуют синхронному срезу языка, попросту быстро устаревают.

Одним из способов решить проблему научно обоснованной мотивировки причисления той или иной лексики к сфере наркотизма (за исключением опоры на контекст исследуемого материала) мог бы стать созданный экспертным сообществом корпус обезличенных иллюстративных материалов разговоров, содержащих субстандартные единицы сообществ, использующих конспиративную функцию речевых единиц: распространителей запрещённых веществ и их употребляющих, продавцов немаркированной и несертифицированной алкогольной и табачной продукции. Подобная экспертная инициатива позволила бы сократить существующую «научно-методическую пропасть» между государственными и негосударственными экспертами в области лингвистических исследований, поспособствовала бы развитию методики исследования субстандарта в рамках судебной экспертизы и укрепила бы базу подобных исследований с учётом быстрой изменчивости лексической составляющей данных языковых систем. Также подобные корпусные исследования могли бы быть интересны и лексикологам, чьи исследования существенно бы обогатились контекстами живой речи из экспертных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года». Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov>.

- ru/Document/View/0001202011230073 (дата обращения: 01.03.2022).
2. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / Под ред. канд. техн. наук Ю.М. Дильдина. Общая редакция канд. техн. наук В.В. Мартынова. – М.: ЭКЦ МВД России, 2010. 568 с.
 3. Большой толковый словарь русского языка. /Гл. ред. С.А. Кузнецов. – Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. В авторской редакции 2014 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 09.03.2022).
 4. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
 5. Калугина Е.Н. Понятийно-теоретический аспект исследования языкового субстандарта // Научный диалог. № 5 (17): Филология. 2013. С. 261–270.
 6. Голощапов Е.В., Голощапова Т.Г. Криминальная наркотическая субкультура (на примере наименования лиц, занятых в наркобизнесе) // Правосудие. 2019. Т. 1, № 2. С. 188–205.
 7. Щенникова Е.В. Специализированная лексика языка наркоманов // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2012. №3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsializirovannaya-leksika-yazyka-narkomanov> (дата обращения: 01.03.2022).
 8. Дайлоф Е.Л. О терминологическом смысле понятия «маскировка» в контексте судебной лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2019. 11. С. 24–28. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-terminologicheskom-smysle-ponyatiya-maskirovka-v-kontekste-sudebnoy-lingvisticheskoy-ekspertizy> (дата обращения: 01.03.2022).
 9. Потапова Р.К., Потапов В.В. Семантическое поле «наркотики». Дискурс как объект прикладной лингвистики. М., 2004. 192 с.
 10. Голощапов Е.В., Голощапова Т.Г. Словарь жаргонных слов и фразеологизмов наркомана. Челябинск: Библиотека Миллера, 2019.
 11. Голощапов Е.В., Голощапова Т.Г. Словарь жаргонных слов и фразеологизмов наркомана. Челябинск: Челяб. юрид. ин-т МВД России, 2010. 112 с.
 12. Словарь аргоизмов наркобизнеса / Автор-составители: канд. филол. наук Т.И. Голощапова, А.М. Полосина, И.В. Курьянова, Ю.А. Елемешина, Н.А. Фролова, Е.А. Гребенникова / Под ред. канд. физ.-мат. наук С.В. Сыромятникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЭКУ 9 Департамента ФСКН России, 2009.
 13. Щенникова Е.В. Автореферат. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2013. 20 с.
 14. Национальный корпус русского языка. 2003–2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.03.2022).
 15. Немченко В.Н. Лексикографическое описание научной терминологии. В

2-х ч. Горький, 1982.

16. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59c4f41b9a7947270b4c52dc> (дата обращения: 10.05.2018).

Experience of lexicographic description of speech units, contributing to the disguise of its meaningful characteristics (based on the material of complex phonoscopic and linguistic expertise in cases of drug-related crimes)

P.E. Belova, I.L. Kazantseva

*LLC «Expertise and Evaluation Center «ESIN» (Russia, Nizhny Novgorod)
belova-polina@mail.ru; ikazantseva@esin-expert.ru*

Detection of disguise signs of meaningful elements in speech within the framework of linguistic expertise is often associated with the identification and characterization of substandard units. In this article, using the drug subculture jargon as an example, we raise the question of the expediency of lexicographic description of substandard units and the need for the expert community to create a language corpus of impersonal texts. This corpus will contribute not only to the development of the methodology of the substandard study in the framework of forensic expertise but also to strengthening the base of such studies, taking into account the rapid variability of the lexical composition of language.

Keywords: forensic linguistic, social dialect, language corpora, drug subculture jargon, lexicographic research, disguise of content elements.

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ФИКСАЦИИ ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

М.В. Беляев

*Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя (Россия, Москва)
belyaev1975@mail.ru*

В статье рассматриваются возможности применения 3D технологии. Проведен анализ технических средств, которые актуальны или могут быть адаптированы для фиксации трасологических объектов исследования, прежде всего следов обуви, орудий взлома и транспортных средств. Проведен мониторинг мобильных технических средств (смартфонов с соответствующим программным обеспечением) которые возможно применить на месте происшествия. А также мониторинг портативных 3D сканеров отечественного и китайского производства. Проанализированы их преимущества и недостатки на примере сканирования трасологических объектов.

Ключевые слова: технология 3D сканирования; стационарные и портативные 3D сканеры; технология фотометрического бесконтактного пассивного 3D сканирования; полигональная технология построения изображения; приложение «Scandy Pro + pmd» для Android с ToF-сенсором; система «EORA 3D»; сканеры «MINI COLIBRY» и «SCANTECH AXE-B17»; объемные следы обуви, орудий взлома и транспортных средств.

Одними из наиболее распространенных следов, обнаруживаемых на местах происшествия, являются следы подошв обуви, орудий взлома и шин транс-

портных средств. Именно по указанным категориям в настоящее время ведётся трасологический учет следов, изымаемых с мест происшествий. Стоит обратить внимание, что природа (материал) следовоспринимающих объектов очень разнообразна, что создает некоторые трудности при обнаружении, фиксации и изъятии данных следов. Традиционные методы не всегда позволяют произвести изъятие следов без утраты криминалистически значимой информации. Наиболее характерно проявляются недостатки традиционно применяемых методов, в частности слепочных масс, в ситуации с объемными следами обуви, образованными на мокром грунте или снегу. Аналогичная проблема существует и в отношении следов ходовой части автомобиля, а именно следов протектора шин как объекта трасологического исследования. Также проведенный анализ трасологических экспертиз практических подразделений ЭКЦ МВД России, позволил выявить существенные проблемы исследования следов и их идентификации по фотоизображениям. Проблемами являются негативные факторы – различные условия освещения, значительная радиальная и горизонтальная дисторсии изображения и пр.

По нашему мнению решение данных проблем может быть найдено путем внедрения в процессы фиксации и исследования следов методов 3D сканирования. Применение данных методов обусловлено их существенными преимуществами, такими как легкость в использовании (специалисту не требуются специальные навыки для применения 3D сканеров), быстрое получение результата (не нужно тратить время на затвердевание слепочной массы), высокая точность измерений, сведение к минимуму экспертных ошибок, связанных с возможностью не правильно интерпретированного признака, электронная форма фиксации, а также возможность применения в плохих погодных условиях, при недостаточной освещенности и на сложных поверхностях.

Методы 3D сканирования уже активно применяются в других сферах, таких как медицина, культура и образование, так как обеспечивают переход на качественно новый уровень при решении поставленных задач. По-нашему мнению, 3D сканеры в полной мере соответствуют критериям научной обоснованности, эффективности и безопасности, предъявляемым к методам, применяемым в целях фиксации и анализа трасологических объектов (следов).

В настоящее время технологии 3D сканирования получили развитие в двух основных направлениях: создание стационарных и портативных 3D сканеров. Стационарные сканеры, как правило, крупногабаритные и высокоточные. Работа стационарных 3D сканеров основана на применении лазера определенного спектра (временно-пролетная технология построения изображения), что позволяет сканировать объекты с большими размерными характеристиками и сложной структурой, например, прозрачные, блестящие и зеркальные поверхности.

Портативные сканеры в основном имеют принцип работы структурированного света (полигональная технология построения изображения). Преимуществом таких сканеров является возможность сканирования движущихся объектов, высокая детализация, возможность применения переносных источников питания (аккумуляторы), относительно малые габариты.

Оба вышеуказанных вида 3D сканеров имеют возможности определения (распознавания) размерных характеристик сканируемых объектов: по геометрии – в случае выраженной рельефности объекта, а при ее незначительности – при помощи установки специальных маркеров.

Необходимо отметить, что одним из вариантов использования технологий 3D сканирования является применение 3D телефонии с дополнительными устройствами (технология фотометрического бесконтактного пассивного 3D сканирования) [3, 4] На сегодняшний день разработано приложение «Scandy Pro + pmd» для Android [5] при взаимодействии с ToF-сенсором, система «EORA 3D», или «3DF Zephyr Pro» [6], дающие возможность создавать модели в смартфоне (см. рис. 1, 2).

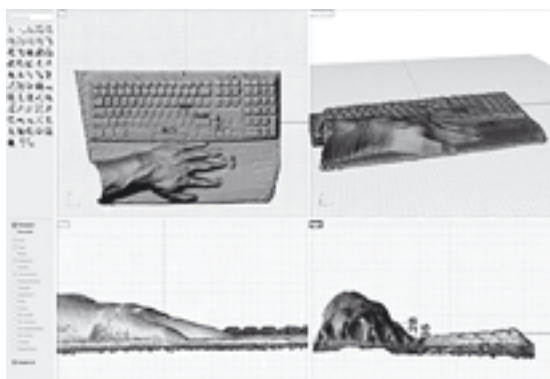

Рис. 1. Изображение, полученное при помощи приложения «Scandy Pro + pmd» и ToF-сенсора.

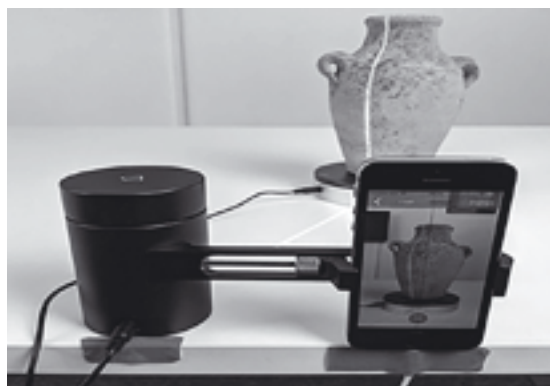

Рис. 2. Изображение, полученное при помощи системы «EORA 3D».

Однако недостатками таких способов фиксации является невысокое разрешение (до 0,3 мм) и точность съёмки (погрешность до 3 мм на метр), также не всегда возможно провести измерения изображения.

Если говорить о стационарных и портативных сканерах, то, по нашему мнению, портативные 3D сканеры с технологией использования текстурированного света являются универсальными для целей фиксации следов как на месте происшествия, так и в лабораторных условиях.

В настоящее время на рынке современных технологий представлено значительное количество сканеров. Из зарубежных производителей в России представлены сканеры производителей FARO; SHINING 3D; Creaform; ScanTech и др. Отечественные производители представлены тремя компаниями – «Artec», «Thor 3D» и «Scanform».

В целях выявления возможностей фиксации трасологических объектов (следов) при помощи портативных 3D сканеров мы провели тестирование двух приборов. Первый – отечественного производства компании «Thor 3D», модель «COLIBRY MINI», и второй – китайского производства компании «Scantech HSCAN», модель «SCANTECH AXE-B17». Проведенное тестирование позволило установить преимущества и недостатки указанных сканеров.

Сканер «SCANTECH AXE-B17» обеспечивает высокое качество снимков в диапазоне разрешения 0,1–0,2 мм, точность измерения деталей, погрешность 0,3 мкм на 1 метр [7]. Установлено, что в пределах разрешения 0,1–0,2 мм качество полученных моделей позволяет регистрировать все особенности строения следа. Средний объем файлов составляет 150-300 Мбайт (применительно к следу обуви см. рис. 3).

Рис. 3. Изображение 3D модели следа подошвы, полученной при помощи «SCANTECH AXE-B17» (разрешение 0,2 мм).

Что касается программного обеспечения, то в этой модели может реализоваться способ профилографии и ее последующего сравнения с экспериментальным следом, также возможно проводить фотографическое наложение двух

сравниваемых следов и их размерное сопоставление (см. рис. 4, 5).

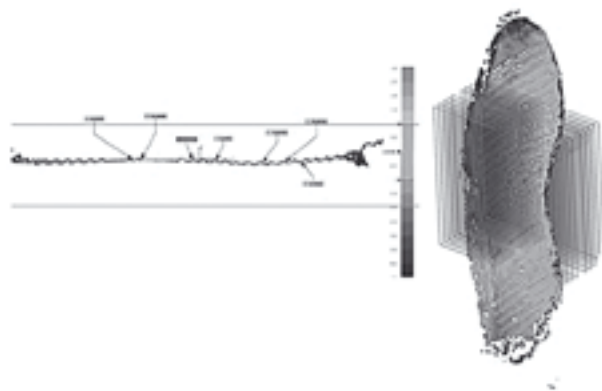

Рис. 4. Метод получения и последующего сопоставления двух профилограмм сравниваемых следов.

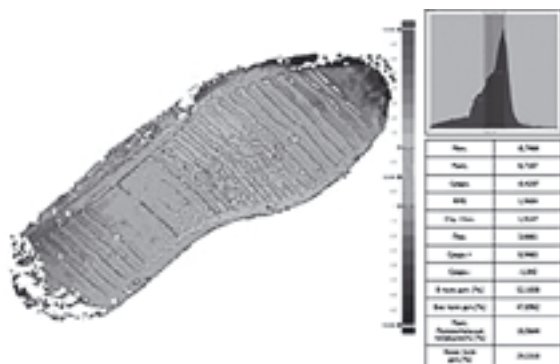

Рис. 5. Фотографическое наложение двух сравниваемых следов (зелёным и оранжевым цветом обозначены совпадающие участки следов).

Недостатками данной модели сканера являются:

- при сканировании разрешением 0,05 мм наблюдается излишняя детализация фактуры материала следа, что приводит к «забитости» индивидуальных признаков;

- стоимость оборудования от 1300000 р. в настоящее время;

- отсутствие возможности применять мобильных источники питания.

Модель «COLIBRY MINI» российского производителя обеспечивает высокое качество изображения в диапазоне разрешения 0,1–0,2 мм, точность измерения деталей, при этом погрешность сканера 0,7 мкм на 1 метр [8]. По показателю погрешности данная модель уступает китайскому аналогу, но тем не менее она позволяет делать модели следов хорошего качества для большинства объектов трасологического исследования (см. рис. 6, 7).

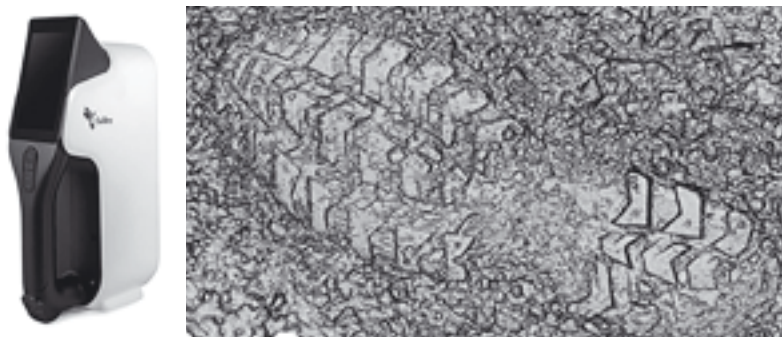

Рис. 6. След подошвы обуви, зафиксированный при помощи сканера COLIBRY MINI.

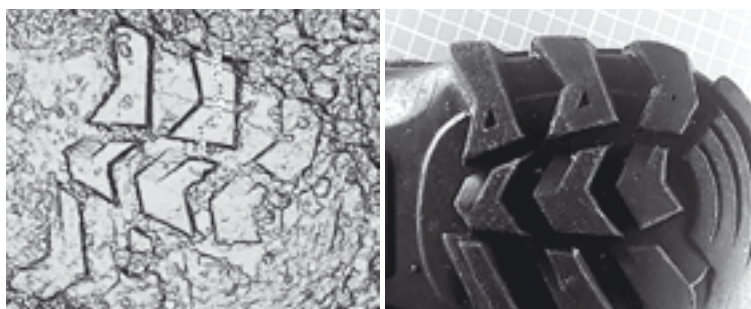

Рис. 7. Фрагмент следа подошвы обуви и соответствующая следообразующая часть подошвы обуви (модель сканера COLIBRY MINI).

Также нами опробована возможность фиксации динамических следов на металлической поверхности. Трассы от 0,1 мм регистрируются сканером с последующей возможностью создания профилограммы (см. рис. 8)¹.

Программное обеспечение в данной модели может реализовать способ профилографии, также возможно проводить фотографическое наложение двух сравниваемых следов. В целом интерфейс программы не столь информативен, как у «SCANTECH AXE-B17», однако позволяет всесторонне проанализировать след.

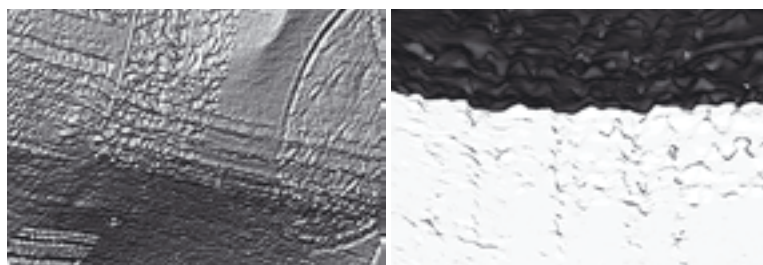

Рис. 8. Динамический след скольжения и его профилограмма.

Преимуществами данной модели являются:

¹ Однако следует отметить, что трассы динамического следа должны быть достаточно выражены, т.е. степень углубления не менее 0,2 мм.

- конструктивно предусмотрена возможность применять мобильные источники питания (аккумуляторы);
- наличие монитора на корпусе сканера, что позволяет непосредственно наблюдать результаты фиксации;
- стоимость оборудования – 500–600 тыс. р.

Несмотря на более высокую погрешность измерения сканера модели «COLIBRY MINI» и не столь продуманный интерфейс, как у модели «SCANTECH AXE-B17», считаем ее более приемлемой для внедрения в экспертную практику. Это решение обусловлено ее низкой ценой относительно зарубежного продукта, качеством получаемых моделей, также использование оборудования отечественного производства приветствуется с точки зрения информационной безопасности.

Необходимо отметить, что перспективным направлением развития 3D технологий на сегодняшний день является создание компактного, полностью мобильного 3D сканера с возможностью увеличения времени автономной работы, снижение погрешности измерений к минимуму, с небольшой себестоимостью.

На сегодняшний день имеются концепты 3D сканеров российского производства, находящиеся в стадии разработки и поверки, обладающие хорошими техническими характеристиками и позволяющие эффективно работать с рельефом до 0,1 мм. В заключение необходимо отметить, что применение 3D сканеров допустимо не только при проведении фиксации на месте происшествия, но и при производстве трасологической экспертизы следов подошв обуви, протектора шин транспортных средств и орудий взлома. В перспективе развитие портативной технологии 3D сканирования позволит анализировать и динамические мекорельефные следы. Технологии 3D сканирования в судебной экспертной деятельности способны значительно облегчить работу специалистов и экспертов при решении задач по раскрытию и расследованию преступлений, позволит повысить эффективность трасологических учетов и экспертиз [1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляев М.В. Возможности трехмерного сканирования трасологических объектов // Судебная экспертиза: прошлое настоящее и взгляд в будущее. Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербургский университет МВД России. 2018.
2. Основы трасологии и трасологической экспертизы для слушателей факультета повышения квалификации. Курс лекций. Майлис Н.П., Киселевич И.В., Демидова Т.В., Беляев М.В., Пичугин С.А. МосУ МВД РФ имени В.Я. Кикотя. Москва, 2019.
3. <https://robot-ik.ru/obzory/kak-rabotaet-ustroystvo-3d-skanerov-tehnologii-i-printsipy-skanirovaniya/> (дата обращения 12.12.2021).

4. <https://www.youtube.com/watch?v=sXSspb5aТес> (дата обращения 03.11.2021).
5. <https://www.youtube.com/watch?v=FBqsNn6MYu8> (дата обращения 03.11.2021).
6. <https://www.3dflow.net/3df-zephyr-reconstruction-showcase/> (дата обращения 30.04.2021).
7. <https://i3d.ru/> (дата обращения 02.11 2021).
8. <https://top3dshop.ru/> (дата обращения 02.11.2021).

Modern possibilities of fixing tracological objects of research

M. V. Belyaev

*Moscow University mhe Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot (Russia, Moscow)
belyaev1975@mail.ru*

The article discusses the possibilities of using 3D scanning technology. The analysis of technical means that are relevant or can be adapted for the fiction of trasological objects of research, primarily shoe tracks, burglary tools and vehicles, is carried out. The monitoring of mobile technical means (smartphones with the appropriate software) that can be used at the scene of the accident was carried out. As well as monitoring of portable 3D scanners of domestic and Chinese production. Their advantages and disadvantages are analyzed using the example of scanning tracological objects.

Keywords: 3D scanning technology; stationary and portable 3D scanners; photometric non-contact passive 3D scanning technology; polygonal image construction technology; «Scandy Pro + pmd» application for Android with ToF sensor; «EORA 3D» system; «MINI COLIBRY» and «SCANTECH AXE-B17» scanners; three-dimensional traces of shoes, burglary tools and transport vehicles.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ БУХГАЛТЕРСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ЗА РУБЕЖОМ

А.М. Бзычкин

*ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (Россия, Нижний Новгород)
bzychkin@yandex.ru*

Несмотря на достаточно продолжительную историю развития, судебная бухгалтерская экспертиза ещё находится на стадии формирования, в свою очередь являясь частью ещё формирующейся системы противодействия экономической преступности. В статье рассматриваются пути развития судебной бухгалтерской экспертизы в странах Северной Америки и Европы.

Ключевые слова: судебная бухгалтерская экспертиза, аудит, рецензия, группа специалистов.

Законность в экономической сфере общества является одним из важнейших факторов, обеспечивающих её развитие. Экономическая преступность

многообразна и негативно влияет на развитие бизнеса, сбор налогов, достоверность рыночной информации и не только, что в свою очередь существенно замедляет развитие экономики и, как следствие, всего общества в целом.

С проблемой роста экономической преступности в конце двадцатого, начале двадцать первого века столкнулось большинство развитых стран мира. И они были к нему абсолютно не готовы.

Изначально предполагалось, что основное противодействие экономической преступности должен оказать институт аудита, своевременно выявляя признаки мошенничеств в анализируемой учетной документации, но в реальности справиться с этой задачей аудит не смог. Хотя, например, в США предпринимался ряд как нормативных, так и методических шагов по реформированию процесса аудита с целью повышения его эффективности в противодействии экономической преступности, их оказалось недостаточно. Подобное, вероятно, было обусловлено как конфликтом интересов, возникающим у аудиторов, получающих свой основной доход от оказания консалтинговых услуг компаниям, для сохранения которого необходимо было поддержание с соответствующими организациями «дружеских» отношений, так и крайне высокими требованиями к квалификации аудитора, необходимой для решения всех поставленных перед ним обществом задач.

В итоге от аудитора, в качестве лица, оказывающего основное противодействие экономической преступности, решено было отказаться в пользу профессионального эксперта-бухгалтера, который будет заниматься исключительно исследованиями по выявлению экономических преступлений.

Однако возникла другая проблема – образование. Стандартное экономическое образование не давало достаточного представления об экономической преступности, а, следовательно, не обеспечивало постоянно растущий спрос на услуги экспертов-бухгалтеров, который на начальных этапах удовлетворялся преимущественно выходцами из аудита. При этом проблема не могла решиться интеграцией дополнительных модулей в уже существующие программы, так как подобная интеграция сделала бы их чересчур громоздкими. Необходимы были совершенно новые программы обучения. С большим трудом они начали создаваться, и ко второй половине десятых годов двадцать первого века было создано достаточно учебных программ, чтобы обеспечивать растущий спрос.

Здесь хорошо прослеживается параллель с российской действительностью, в которой также идет отход в сторону специального экспертного образования, он начался у нас даже раньше, но пока ещё не завершился.

Возникает вопрос, а куда дальше направилось развитие судебной бухгалтерской экспертизы на Западе после становления профессионального образования.

Тут интересен, прежде всего, опыт Великобритании. Опуская уже описан-

ные ранее тенденции, выделим одну наиболее интересную, а именно: переход от исследований, производимых экспертом-бухгалтером единолично, к исследованиям, производимым группами специалистов разного профиля. Такие группы, разумеется, неизменно включают в себя экспертов-бухгалтеров, но кроме них в группе часто состоят специалисты IT-сферы, следователи и оперативные работники соответствующего профиля, юристы, инженеры и иные лица, обладающие специальными знаниями в той сфере, в которой произошло исследуемое событие.

Такой подход к судебным бухгалтерским исследованиям имеет ряд существенных достоинств и недостатков. К достоинствам относится более плотное взаимодействие между специалистами разных сфер, что способствует формированию у исследователей как полного понимания поставленной перед ними задачи со всеми нюансами и тонкостями, так и полной картины исследуемого события. Кроме того, сокращение количества формальностей во взаимодействии между специалистами сокращает сроки проводимого исследования. Но есть и существенный недостаток, такие группы обычно формируются в рамках коммерческих компаний, и все специалисты в такой группе объединены общей целью, что конечно не способствует сохранению независимости исследования.

Насколько подобный подход к расследованию экономических преступлений подходит для Российских реалий, и есть ли к нему какие-то предпосылки?

С нашей точки зрения определенная потребность в таких исследованиях есть. Нынешняя система расследования преступлений экономической направленности не лишена ряда существенных недостатков, ей не хватает квалифицированных специалистов, методик, инструментария. И это далеко не всё. Альтернативное расследование экспертной группы, производимое параллельно основному расследованию, могло бы представлять в суд собственные результаты расследований, анализ которых позволил бы сформировать более объективное представление о сложившейся ситуации.

Определенные предпосылки к этому есть; так называемые рецензии, появление которых было негативно воспринято экспертным сообществом, зачастую являются основой альтернативной позиции по делу, сформированной путем взаимодействия ряда специалистов разных областей. Однако на данный момент отсутствуют какие-либо нормативные регуляторы рецензирования. Данное обстоятельство создает определенные проблемы, так как для лица, составившего рецензию, отсутствует какая-либо ответственность за ее содержание, чем легко злоупотреблять. При этом, отсутствие нормативного регулирования создает для исследователя ещё и исключительную свободу в выборе подхода к исследованию, однако данное достоинство не компенсирует ранее обозначенный недостаток.

Тем не менее, спор, который неизменно возникает в суде при столкновении

заключения судебного эксперта и рецензии, в целом способствует объективности при вынесении итогового решения по делу.

Таким образом, считаем уместным в российских реалиях интеграцию международного опыта по созданию исследовательских групп. Однако такая интеграция требует существенных изменений и дополнений в законодательстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Fraud and the Evolution of Forensic Accounting Education. Abel Pors. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/158970349.pdf>.
2. Mapping forensic accounting in the UK. Sarah Hegazy, Alan Sangster, Amr Kotbc. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/312082679_Mapping_Forensic_Accounting_in_the_UK.
3. Forensic Accounting Skills and the Effective Identification in Money Laundering Activities – Transaction Monitoring Perspective Farah Hazwzni Mohammad Hashimi, Siti Noor Hayati Mohamed Zawawi, Fatmawati Jusoh, Norfadzilah Rashid [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cibgp.com/article_7921_618506840bc15d44794b841fb6a90045.pdf.
4. Methodological Deficiencies in the Expert Testimony of Forensic Accountants: A Qualitative Content Analysis of Judicial Statements Pertaining to Daubert Exclusions. Ronnie Abukhalafa, Melissa M. Aldridge, James A. Smith. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://jafas.org/articles/2021-7-2/8_FULL_TEXT.pdf.

Modern trends in the development of forensic accounting expertise abroad

A.M. Bzychkin

Privolzhsky Forensic Science Centre (Russia, Nizhny Novgorod)

bzychkin@yandex.ru

Despite a fairly long history of development, forensic accounting expertise is still at the stage of formation, in turn being part of the still emerging system of combating economic crime. The article discusses the development of forensic accounting expertise in the countries of North America and Europe.

Keywords: forensic accounting expertise, audit, review, group of specialists.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЯМ НОТАРИУСОВ

Г.Г. Бочаров

ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Россия, Москва)

g.bocharov@sudexpert.ru

Соблюдение всех процессуальных прав сторон судебного разбирательства является основной любого судебного процесса. Невозможность назначения повторной или дополнительной судебной экспертизы по ходатайству одной из сторон по делу, при условии отклонения судом или следователем этого ходатайства, является актуальной и на настоящий момент не решенной проблемой. Вопросы относительно безосновательного отклонения проведенных стороной защиты экспертных исследований, игнорирование дополнительных задач, которые по инициативе адвоката должны быть поставлены на разрешение эксперта, были подняты на самом высоком уровне адвокатом Генри Резником в процессе заседания Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека. Заседание прошло под председательством В.В. Путина в Кремле 10.12.2019. В данной статье рассматривается возможность назначения и проведения нотариальной экспертизы и приобщения к материалам судебного дела заключения эксперта, выполненного на основании постановления нотариуса.

Ключевые слова: судебная экспертиза, нотариальная экспертиза, заключение эксперта, постановление нотариуса, органы нотариата, ответственность эксперта.

В современном судебном процессе, вне зависимости от того, в рамках какого законодательства он проводится, ключевое значение имеет судебная экспертиза. Как показывает экспертная практика, в подавляющем большинстве случаев именно результат, который предоставляется независимым судебным экспертом, используется судом, следователем, дознавателем, иными процессуальными лицами для рассмотрения дела по существу расследуемых обстоятельств.

Не случайно роль судебной экспертизы постоянно повышается. Это объясняется и тем, что выводы, которые предоставляются после проведения экспертного исследования, даются независимым экспертом, т.е. не заинтересованным в исходе рассматриваемого дела. Именно поэтому существует высокая потребность в проведении различного ряда экспертиз практически в каждом судебном процессе или на стадии предварительного расследования.

Несмотря на то, что порядок назначения судебной экспертизы достаточно полно отражен как в кодифицированных актах: УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ и др., так и в Федеральном законе от 31.05.2001 №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ №73 о ГСЭД), тем не менее в судебной и следственной практике стороны по делу сталкиваются с практически непреодолимыми трудностями в части назначения повторной или дополнительной экспертизы.

Необходимо отметить, что не всегда причины, по которым стороны по делу ходатайствуют о назначении повторной или дополнительной экспертизы, яв-

ляются процессуальными причинами назначения этих экспертиз.

Как следует из норм действующего законодательства, основанием для производства дополнительной экспертизы являются:

- недостаточная ясность или полнота ранее данного заключения [1, 2, 3, 4];
- возникновение необходимости решения новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств [1, 5].

Основанием для производства повторной судебной экспертизы являются:

- наличие у суда, судьи, лица, производящего дознание, следователя сомнений в правильности или обоснованности ранее данного заключения [1, 2, 3, 4];
- наличия противоречий в выводах эксперта или экспертов [1];
- наличия противоречий в заключениях нескольких экспертов [3].

Статьи кодифицированных документов и ФЗ №73 о ГСЭД также явно обозначают объём исследований, которые проводятся в рамках дополнительной или повторной экспертизы, а именно:

- дополнительная экспертиза проводится для разъяснения сделанных ранее выводов (все виды судебных процессов) или для проведения дополнительного исследования с целью решения новых вопросов (только в рамках уголовного или арбитражного судопроизводства);
- повторная экспертиза проводится в объёме ранее заданных вопросов.

Перечисленные процессуальные основания не всегда находят свое отражение в ходатайствах сторон по делу или их представителей о назначении повторной или дополнительной экспертизы. Таким образом, следователем или судом удовлетворение подобных ходатайств отклоняется по объективным причинам.

Вместе с тем, исходя из проводимой экспертной и консультационной деятельности ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, необходимо отметить, что даже в случае наличия весомых процессуальных оснований для назначения дополнительной или повторной экспертизы следственные или судебные органы без должного обоснования отклоняют ходатайства сторон по делу. Также отклоняются и заказанные одной из сторон по делу экспертные исследования или консультации, проведенные независимыми экспертами в рамках гражданско-правовых договоров на платной основе. Кроме того, не принимаются во внимание вопросы, по которым просит дать разъяснение адвокат или сторона по делу, исходя из результатов полученных экспертных исследований.

Подобные вопросы были подняты на самом высоком уровне адвокатом Генри Резником. Под председательством В.В. Путина в Кремле 10.12.2019 состоялось заседание Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека – консультативного органа по содействию реализации конституционных полномочий главы государства в этой сфере¹. На заседании

¹ См. напр. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62285/work>, дата обращения 08.03.2022.

Генри Резник обратил внимание Президента именно на обозначенные выше проблемы, которые возникают при работе адвокатов при осуществлении своей профессиональной деятельности. В своей инициативе адвокат попросил рассмотреть возможность наделения адвокатов правом назначать судебные экспертизы.

Вместе с тем необходимо отметить, что, несмотря на указанную проблематику, которая существует при надлежащей оценке заключения эксперта и определения целесообразности назначения дополнительной или повторной экспертизы, в настоящее время имеется действенный механизм назначения экспертизы не только в рамках процессуальных кодексов, но и в рамках ст. 103 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате». В данной статье автор остановится на некоторых основных аспектах назначения и проведения экспертизы по постановлению нотариуса, т.н. нотариальной экспертизы.

Не случайно в названии экспертизы отсутствует термин «судебная», т.к. в ст. 19 ФЗ №73 о ГСЭД имеется окончательный список лиц и органов, которые могут назначать именно судебные экспертизы, а именно: суд, судья, лицо, производящего дознание, следователь. Как следует из приведенного перечня, органов нотариата в нем не имеется.

Вместе с тем, согласно ст. 103 «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1 в ред. от 26.07.2019) нотариус «в порядке обеспечения доказательств ... допрашивает свидетелей, производит осмотр письменных и вещественных доказательств, назначает экспертизу». И, несмотря на то, что данное назначение экспертизы не регламентируется ФЗ №73 о ГСЭД, тем не менее в той же статье определено, что «при выполнении процессуальных действий по обеспечению доказательств нотариус руководствуется соответствующими нормами гражданского процессуального законодательства Российской Федерации». Именно это требование о распространении норм процессуального законодательства на нотариальную экспертизу и позволяет провести аналогию между нотариальной и судебной экспертизами в части всех требований, которые предъявляются к заключению эксперта действующим законодательством.

Существуют два основных процессуальных аспекта назначения и производства нотариальной экспертизы, которые позволяют устранить формальные основания непринятия судом или следователем заключения эксперта, полученного на основании постановления нотариуса.

Первый аспект – это то обстоятельство, что непосредственным заказчиком экспертизы является нотариус, то есть незаинтересованное в результате рассматриваемого дела лицо. Это обстоятельство является существенным, так как именно на основании того, что при проведении экспертного исследования заказчиком выступает адвокат или представитель стороны по делу, который на-

ходится в договорных (платных) взаимоотношениях со специалистом, судом или следователем априори ставится под сомнение результаты полученного экспертного исследования. И, несмотря на то, что экспертное исследование должно быть оценено по всем правилам процессуального законодательства, которые предъявляются к доказательствам, зачастую ходатайство о приобщении подобного экспертного исследования отклоняется уже на начальной стадии по указанному мотиву.

Второй аспект состоит в том, что при начале проведения нотариальной экспертизы, эксперт предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УПК РФ. Кроме того, исходя из того, что данная экспертиза должна быть проведена в соответствии с «нормами гражданского процессуального законодательства Российской Федерации», то эксперту также должны быть разъяснены обязанности и права эксперта, предусмотренные ст. 85 ГПК РФ. Важность данного аспекта невозможно переоценить, в связи с тем, что при проведении экспертного исследования в рамках гражданско-правового договора специалист не несет какой-либо персональной ответственности, экспертное исследование также может быть не рассмотрено судом или следователем. Как правило, следственные или судебные органы, отказ приобщении подобного экспертного исследования аргументируют тем, что данный вывод является личным мнением специалиста, который провёл исследование и процессуально не может быть приобщен.

Автор считает необходимым сделать небольшое отступление в этой части и разъяснить, что действительно подобная аргументация об отсутствии какой-либо ответственности специалиста при проведении подобных экспертных исследований является справедливой. Однако этот недостаток может быть устранен обычным допросом специалиста, который выполнил экспертное исследование, и предупреждением его по ст. 307 УК РФ, которая распространяет свое действие как на эксперта, так и на специалиста. Именно в процессе допроса положительным ответом на вопрос следственных или судебных органов о подтверждении данных им выводов специалист несет уголовную ответственность за сделанные выводы, аналогичную с той, о которой предупреждается и судебный эксперт при проведении экспертизы. Однако данный механизм устранения указанного процессуального недостатка не всегда реализуется как следственными и судебными органами, так и частнопрактикующими экспертами.

Необходимо отметить, что в ст. 103 «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» приведено требование, которое практически никогда не выполняется при проведении экспертного исследования по заказу адвокатов или представителей сторон по делу. Это требование напрямую влияет на соблюдение прав всех сторон по делу при судебном (следственном) разбирательстве и состоит в том, что нотариус «извещает о времени и месте обеспече-

ния доказательств стороны и заинтересованных лиц, однако неявка их не является препятствием для выполнения действий по обеспечению доказательств». Таким образом, предварительно нотариус обозначает дату вынесения соответствующего постановления о назначении экспертизы и направляет уведомление о дате подобного нотариального действия. В случае если у сторон по делу существуют какие-либо возражения или дополнения, нотариус или отказывает в назначении экспертизы или учитывает дополнительные обстоятельства при вынесении постановления. Подобные действия нотариуса также устраняют еще одно процессуальное основание, по которому экспертное исследование, выполненное на основании обращения адвоката, может быть не рассмотрено в судебном разбирательстве, а именно несоблюдение прав одной из сторон по делу предоставить своё суждение по назначаемой экспертизе.

Как следует из вышесказанного, назначение нотариальной экспертизы и ее проведение имеет ряд существенных процессуальных преимуществ перед проведением экспертного исследования, которые выполняются в рамках гражданско-правового договора на оказание платных услуг по заявлению сторон по делу.

Вместе с тем, несмотря на то, что ст. 103 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» предусматривает назначение экспертизы, нотариус обязан руководствоваться и другими требованиями данного нормативного документа и сопоставлять свои действия с другими нормами. В данном случае – ст. 102 этого документа, в котором указывается, что нотариус «...обеспечивает доказательства, необходимые в случае возникновения дела в суде или административном органе, если имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным». Таким образом, в случае параллельного рассмотрения судом или следственными органами гражданского, уголовного, арбитражного дела нотариус вправе назначить экспертизу при условии того, что в последующем провести эту экспертизу не представится возможным.

Экспертная практика ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России показывает, что определение подобных оснований, которые могут привести к невозможности проведения нотариальной экспертизы, является субъективным и зависит, в большинстве случаев от опыта самого нотариуса. Однако именно по этой причине заявителю может быть отказано в проведении нотариальной экспертизы по объективной (по мнению нотариуса) процессуальной причине.

Существуют и другие процессуальные сложности, относящиеся в том числе к оценке самого нотариального заключения, как со стороны самих нотариальных органов, так и со стороны судов или следователей.

Так, например, в «Основах законодательства Российской Федерации о нотариате» нет никаких указаний на какие-либо действия нотариуса после назна-

чения экспертизы. К подобным действиям относится рассмотрение ходатайств эксперта о предоставлении дополнительных доказательств, о возможности привлечения сторонних экспертов, о продлении сроков производства экспертизы и т.п. Также в законодательстве не указано, каким образом проводится оценка заключения эксперта и кому именно данное заключение эксперта направляется. Эта неполнота процессуальных требований приводит к тому, что нотариус отстраняется от каких-либо дальнейших действий после вынесения постановления о назначении экспертизы и перекладывает решение по организации и производству экспертиз на экспертное учреждение или на заявителя (сторону по делу).

Следовательно, существует опасность прямого противоречия требованиям норм гражданского процессуального кодекса, предусматривающих, например, недопустимость самостоятельного сбора материалов для проведения экспертизы, запрет на осуществление личных контактов с участниками процесса, «... если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела».

Исходя из экспертной практики ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, указанные сложности решаются посредством направления соответствующих уведомлений как нотариусу, так и стороне (или сторонам), которые участвуют в судебном процессе и которые заявляли о проведении нотариальной экспертизы. В случае поступления в экспертное учреждение возражений, эти возражения рассматриваются по существу заявленных в них обстоятельств, и руководителем экспертного учреждения принимается решение в каждом конкретном случае. В этом случае руководитель государственного судебно-экспертного учреждения руководствуется требованиями ст. 14 ФЗ №73 о ГСЭД, в части того, что он обязан «обеспечить контроль за ... полнотой и качеством проведенных исследований, не нарушая принцип независимости эксперта».

В случае представления нотариального заключения в судебное разбирательство или в следственных орган заключение должно быть оценено в гражданском процессе согласно требованиям ст. 67 ГПК РФ или в уголовном процессе согласно ст. 88 УПК РФ. Именно посредством сопоставления нотариального заключения с другими доказательствами по делу, в том числе и с результатами судебной экспертизы, судебные или следственные органы смогут в полном объеме рассмотреть все обстоятельства рассматриваемого дела и принять объективное и правильное решение с учетом всех обстоятельств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ): [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.ру – информационно-правовой портал. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/12125178/>, свободный.
2. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изменениями и

- дополнениями) : [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.ру – информационно-правовой портал. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/12123142/>, свободный.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ) : [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.ру – информационно-правовой портал. – Режим доступа: URL : <https://base.garant.ru/12128809//>, свободный.
 4. Кодекс административного судопроизводства: [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.ру – информационно-правовой портал. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/70885220//>, свободный.
 5. Арбитражный процессуальный кодекс: [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.ру – информационно-правовой портал. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/12127526/>, свободный.
 6. Арбитражный процессуальный кодекс: [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.ру – информационно-правовой портал. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/12125267> свободный.
 7. Хмелева А.В. Оценка следователем заключения судебного эксперта, Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки, 2016, 3-2.
 8. Белкин А.Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть X. Производство судебной экспертизы. Москва: МТУ (МИРЭФ), 2016.
 9. Ушаков А.А. Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Деловой двор, 2015. 480 с.
 10. Миронов А.Н. Нотариат. Учебное пособие. М.: Инфра-М, 2019. 196 с.

Organizational and legal aspects of examinations by notaries

G.G.Bocharov

Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice

(Russia, Moscow)

g.bocharov@sudexpert.ru

Compliance with all procedural rights of the parties to the trial is the basis of any trial. The impossibility of appointing a repeated or additional forensic examination at the request of one of the parties to the case, provided that the court or the investigator rejects this request, is an urgent and currently unresolved problem. Issues regarding the groundless rejection of expert research conducted by the defense, ignoring additional tasks that, at the initiative of the lawyer, should be put to the permission of the expert, were raised at the highest level by lawyer Henry Reznik during a meeting of the Presidential Council for the Development of Civil Society and Human Rights. The meeting was chaired by Vladimir Putin in the Kremlin on December 10, 2019. This article discusses the possibility of appointing and conducting a notarial examination and attaching to the materials of the court case the expert's opinion, made on the basis of a notary's decision.

Keywords: forensic examination, notarial examination, expert opinion, notary's decision, notarial authorities, expert's responsibility.

АЛЬТЕРНАТИВА СРАВНИТЕЛЬНОМУ МИКРОСКОПУ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ИДЕНТИФИКАЦИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

Е.С. Бычкова

*Краснодарский университет МВД России (Россия, Краснодар)
kolotushkinsm@mail.ru*

В статье предлагается недорогой комплекс технико-криминалистического обеспечения в вопросах криминалистического исследования следов на выстрелянных пулях и стреляных гильзах. Для этого может использоваться упрощенная оптико-электронная установка для сравнительного исследования одновременно двух объектов. Это позволяет через два микроскопа одновременно наблюдать на мониторе компьютера два объекта с изменением таких параметров, как: оптическое увеличение, угол наблюдения объекта, направления и интенсивности света. Совмещение совпадающих статических и динамических следов двух объектов производится программными средствами путем наложения изображений.

Ключевые слова: обучение, идентификация, судебная баллистика, сравнительный микроскоп, пули, гильзы.

Следует признать, что в расследовании преступлений роль судебных экспертиз трудно переоценить. За последние три года в России при расследовании одного преступления в среднем проводится 3-4 судебных экспертизы. По мнению ведущих специалистов, качество проводимых экспертных исследований зависит, прежде всего от уровня квалификация судебного эксперта, а также от специального технического и научно- методического обеспечения его деятельности [1, стр. 41]. Многолетний опыт авторов в сфере судебной экспертизы позволяет выделить несколько важных аспектов, связанных с обучением экспертов-криминалистов для решения судебно-баллистических идентификационных задач по выстрелянным пулям и стреляным гильзам.

Во-первых, не все будущие эксперты-баллисты могут на высоком уровне решать идентификационные задачи по следам на стреляных пулях и гильзах. Это отнюдь не связано с их прилежностью к изучаемой дисциплине, здесь проявляются присущие каждому человеку его индивидуальные психолого-физиологические качества. У нас, у всех с вами, в начальных классах средней школы были такие предметы как пение и рисование, но не все из нас в дальнейшей жизни отличились дарованием или заметными наклонностями в музыке или в живописи. Специфика идентификации огнестрельного оружия по гильзам и пулям связана с возможностью человека видеть в следах своего рода образы, ассоциируемые с разными объектами, например, статический след бойка

на капсюлях нескольких стреляных гильз при определенном направлении и интенсивности света, поперечном и продольном наклоне шляпки гильзы относительно оптической оси микроскопа может напоминать, например, цветок фиалки.

Во-вторых, отличается сама технология процесса идентификации для разного рода объектов. Так, например, в дактилоскопии идентификация связана с визуальным поиском стандартных признаков (меток – вилка, точка, мостик) в типовом рисунке – завиток, петля, дуга. В идентификации «целого по частям» требуется из ограниченного объема объектов отыскать стыковки линий их разделения. Согласитесь, такая идентификация далека от воображаемых образов, присущих для исследования следов на пулях и гильзах.

В-третьих, в судебной баллистике идентификационные исследования по сравнению с диагностическим и ситуационными, по нашему мнению, составляют не более 3%, поэтому они не влияют на общий объем судебно-баллистических экспертиз. Наиболее частыми экспертизами выступают те, в рамках которых решаются вопросы о принадлежности объектов к тому или иному виду огнестрельного оружия или боеприпасов, способу их изготовления или переделки, направления и дальности выстрела. Практика как в России, так и за рубежом сложилась так, что идентификационные судебно-баллистические экспертизы производит ограниченный круг экспертов, у которых получается это делать.

Таким образом, особенности выявления и оценки следов при идентификации огнестрельного оружия по следам на стреляных гильзах и выстрелянных пулях требуют специфики преподавания в данной сфере, суть которой сводится к решению четырех задач:

1. Учить правильно видеть следы.
2. Учить читать в следах нужную информацию – находить повторяемости в индивидуализирующих признаках и отличать в них вариационности.
3. Выделять в среде обучающихся тех, кто обладает качествами видеть образы в закономерностях отображения следов.
4. Умение вести научную дискуссию и обосновывать свои выводы при выступлении в суде.

В настоящее время наиболее серьезные трудности в подготовке судебных баллистов для решения идентификационных задач наблюдаются из-за отсутствия соответствующего оборудования учебных лабораторий. Для оптического наблюдения одновременно двух отождествляемых объектов (пули или гильзы) используется сравнительный микроскоп, который относится к сложной и дорогостоящей криминалистической технике [2, стр. 126]. Стоимость отечественных сравнительных микроскопов составляет от 1,5 до 3 млн. рублей, иностранного производства 5–7 млн. рублей. Такая техника требует аккуратного

обращения, точной юстировки оптики и настройки механических устройств.

Можно сказать, что сравнительные микроскопы относятся к приборам индивидуального использования, но никак ни для поточного учебного процесса. Как показывает практика, даже в ведущих высших учебных заведениях, где готовят экспертов-криминалистов (Московский университет МВД России, Волгоградская академия МВД России и др.) имеется лишь 1-2 сравнительных микроскопа. Этого количества явно недостаточно для качественного обучения, практические занятия проводятся по несколько часов в течение нескольких дней, когда учащиеся в режиме очереди работают на сравнительном микроскопе, зачастую уже без участия преподавателя, с кем можно было бы проконсультироваться в сложные моменты производства учебных экспертиз.

Время визуального сравнения нескольких объектов, например, трех пуль с первичными и вторичными следами четырех нарезов на каждой занимают время от 2 до 6 часов в зависимости от состояния объекта исследования и квалификации эксперта.

В сложившейся ситуации мы предлагаем оптико-электронную установку для сравнительного исследования одновременно двух объектов, которая состоит из двух микроскопов, закрепленных на единой платформе (рис. 1).

Рис. 1. Оптико-электронная установка для сравнительного исследования одновременно двух объектов: 1 – микроскоп № 1; 2 – настройка увеличения изображения; 3 – штатив; 4 – предметный столик; 5 – ручка настройка глубины резкости; 6 – микроскоп № 2; 7 – реостат яркости освещения.

Для наблюдения сравниваемых стреляных пуль и гильз используются специальные держатели, позволяющие вращать объекты в двух плоскостях (рис. 2).

Фото 2. Держатели сравниваемых стреляных пуль и гильз.

Оптико-электронная система каждого микроскопа переносит наблюдаемое изображение на монитор компьютера в виде двух окон (рис. 3).

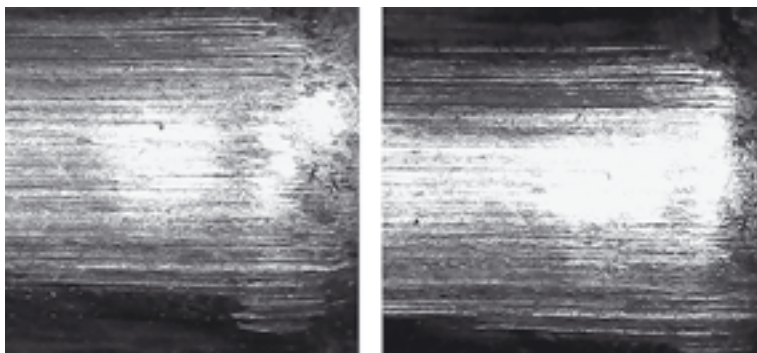

Рис. 3. Одновременные изображения двух исследуемых пуль на мониторе компьютера, слева – изображение с микроскопа № 1, справа – с микроскопа № 2.

Два микроскопа передают изображение каждого объекта независимо друг от друга, при этом эксперт может менять углы наклона каждого объекта, направление прямого и косопадającego света. Одновременное наблюдение двух объектов на одном экране по существу заменяет функцию оптическое разделение на сравнительном микроскопе. Любое изменение в освещении или наклоне сравниваемых объектов тут же отображается на мониторе, это позволяет производить первоначальное сравнение общей картины изображения следов – как говорилось выше «сравнение образов».

Окна изображений каждого микроскопа на экране монитора компьютера подвижны, а это в свою очередь позволяет накладывать одно изображение на другое – делать совмещение трасс (рис. 4).

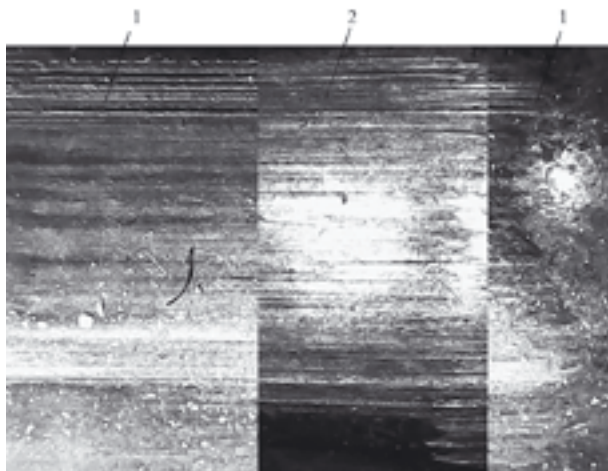

Рис. 4. Наложение двух изображений исследуемых пуль на мониторе компьютера, совмещение отдельных трасс: 1 – изображение с микроскопа № 1; 2 – изображение с микроскопа № 2.

Важно отметить, что стоимость такой установки, включающей два микроскопа и позволяющей реализовывать оптическое увеличение объектов с 2 до 200 крат, составляет около 4 тыс. рублей. Это позволяет создавать конфигурацию учебной аудитории из 10 – 15 установок, связанных в единую сеть преподавателя, с возможностями:

- переводить изображение с каждой установки на центральный экран класса, что позволяет в ходе занятий комментировать и исправлять ошибки, демонстрировать удачные сравнительные исследования;

- контролировать ход работы каждого обучающегося на мониторе компьютера преподавателя.

Стоимость такой специализированной аудитории, состоящей из 15 рабочих мест, преподавательского пульта управления и интерактивной доски может составлять около 0,5 млн. рублей (для сравнения, стоимость одного сравнительного микроскопа составляет от 1,5 до 7 млн. рублей).

Таким образом, эффективность обучения судебной баллистики в решении идентификационных задач может быть повышена за счет применения новых оптико-электронных технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эксперт. Руководство для экспертов органов внутренних дел. / Под ред. д.ю.н., проф. Т.В. Аверьяновой, к.ю.н. В.Ф. Статкуса. М.: КноРус, Право и закон, 2003. 592 с.
2. Стальмахов А.В., Сумарока А.М., Егоров А.Г., Сухарев А.Г. Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза: Учебник / Под общей ред. А.Г. Егорова. Саратов: СЮИ МВД России. 1998. 176 с.

An alternative to the comparative microscope in the training of specialists for solving the problems of identification of firearms

E.S. Bychkova

*Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Russia, Krasnodar)
kolotushkinsm@mail.ru*

The article offers a not expensive complex of technical and forensic support in matters of forensic investigation of traces on fired bullets and spent cartridges. For this purpose, a simplified optoelectronic installation can be used for a comparative study of two objects simultaneously. This allows two microscopes to simultaneously observe two objects on a computer monitor with a change in parameters such as: optical magnification, viewing angle of the object, direction and intensity of light. The matching static and dynamic traces of two objects are combined by software means by superimposing images.

Keywords: training, identification, forensic ballistics, comparative microscope, bullets, shell casings.

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ОНЛАЙН-ИГРЫ В АСПЕКТЕ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА И ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА

Е.И. Галяшина

*Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, Москва)
eigaljashina@msal.ru*

Рассмотрены специфические особенности компьютерных онлайн-игр как интерактивных электронных аудиовизуальных произведений в аспекте их судебно-лингвистического исследования по делам о противодействии идеологии терроризму и профилактики экстремизма¹. Контент онлайн сервисов цифрового распространения компьютерных игр (игровых сайтов, гейм-сайтов) характеризуется многомерностью, гиперссылочностью и/или многопользовательностью. Под многопользовательностью понимается интерактивность, сетевой характер и/или многофункциональность. Делается вывод, что компьютерная онлайн-игра представляет собой особый вид текста как объекта судебной лингвистической экспертизы. Это сложный поликодовый (вербальный и невербальный), полимодальный (аудиальный, визуальный и кинетический), мультилингвальный (два и более языковых кода), мультимедиаальный (многопользовательские интеракции) информационный продукт, формирующий квазисобытийные (квазиреальные, псевдореальные, фантазийные) и сценарные образы в процессе игровой деятельности пользователя. Лингвистические признаки криминогенности игрового контента могут быть использованы для его мониторинга с последующей блокировкой запрещенной для распространения в России информации как в судебном, так и внесудебном порядке.

Ключевые слова: компьютерная онлайн-игра, лингвистическая экспертиза, запрещенный контент, экстремизм, терроризм.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта N 20-011-00190 «Концептуализация противодействия информационным угрозам в интернет-среде с использованием специальных юридико-лингвистических знаний».

КОМПЬЮТЕРНАЯ ОНЛАЙН-ИГРА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Компьютерная игра имеет дуалистическую семиотическую и культурологическую природу: с одной стороны, это свод игровых правил, с другой – это виртуальное событийное пространство, создающееся как синтетическое мультимедийное (аудиовизуальное) произведение, являющееся продуктом творческой деятельности специалистов различных видов науки, техники и искусства: программистов, авторов, сценаристов, актеров и др. [1, стр. 5–6].

Виртуальная среда, превращая зрителя и читателя в активного участника игрового мира, живущего по своим законам, эксплуатируя гедонистический и эскапистский потенциал игры, формирует игровую зависимость и создает риски для психологической и мировоззренческой безопасности личности.

Созданное компьютерными программами изображение и анимированные образы создают впечатление попадания игрока в иной фантастический мир, где он обладает сверхспособностями и сверхвозможностями творить историю своей жизни, бытовать в своем фантазийном социокультурном контексте.

Компьютерная игра – разновидность игр, в которых компьютер выполняет роль ведущего или партнера по игре, а возникающие по ходу игры игровые ситуации воспроизводятся на экране дисплея или телевизора. Играющим предоставляется возможность изменять игровую ситуацию, управлять ею с помощью различных команд. Игрок может даже становиться соавтором аудиовизуального произведения. Современные технологии позволяют игрокам трансформировать саму игру: появляются специальные редакторы, позволяющие не только программисту, но и простому пользователю создавать новые уровни и миссии игры, новые карты, модели и локации. Таким образом, современные компьютерные игры, представляют собой разновидность программного обеспечения для цифровой электроники (игры на консолях, игры на PC, игры на мобильных устройствах типа планшетов, смартфонов и иных гаджетов) и по своей природе являются интерактивными электронными аудиовизуальными произведениями. Они служат для организации игрового процесса (так называемого «геймплея», от англ. game — игра и play — играть, буквально «игра в игру»), тематика которого может быть любой.

Продюсентов контента необходимо отличать от продюсентов сайта и/или иных видов виртуальных знакомств, например аккаунтов, а также информационно-коммуникационных посредников (сетевых и/или связанных операторов), каждый из которых может обладать определенным объемом полномочий в отношении доступного контента.

С точки зрения семиотики компьютерная онлайн-игра представляет собой сложный поликодовый (вербальный и невербальный), полимодальный (аудиальный, визуальный и кинетический), мультилингвальный (два и более языковых кода), мультимедиаальный (многопользовательские интеракции) ин-

формационный продукт, формирующий квазисобытийные (квазиреальные, псевдореальные, фантазийные) и сценарные образы в процессе игровой деятельности пользователя.

Существует множество классификаций видов и жанров компьютерных игр, разделяемых как по особенностям игрового процесса (шутеры, стратегии, симуляторы и т.д.), так и по смысловой направленности (военные, фантастические, ужасы, экономико-политические, детские и т.д.). Во многих играх имеется нелинейный сюжет, а игрок за счет своих решений может повлиять на него и прийти к одной из возможных концовок.

Отдельно стоит отметить так называемые «песочницы» (MINECRAFT, Garry's Mod и проч.) — особую разновидность компьютерных игр и дополнений к ним, позволяющих игроку самому придумывать правила игры, в рамках определенных игровых механик осуществлять любые желаемые действия. Таким образом, подобного рода компьютерные игры, также как и игровые редакторы (карт, уровней, игрового содержимого и т.д.), или ссылки на неофициальные модификации (игровую карту) открывают и позволяют игрокам реализовать даже те возможности, которые не задумывались геймдизайнером (создателем игры).

Особенностью контентных данных как наполнения онлайн сервисов цифрового распространения компьютерных игр (игровых сайтов, гейм-сайтов) является их многомерность, гиперссылочность и/или многопользовательность. Под многопользовательностью понимается интерактивность, сетевой характер и/или многофункциональность. Продюцентов контента необходимо отличать от продюцентов сайта и/или иных видов виртуальных знакомств, например аккаунтов, а также информационно-коммуникационных посредников (сетевых и/или связанных операторов), каждый из которых может обладать определенным объемом полномочий в отношении доступного контента.

Изучение рисков и угроз, сопутствующих индустрии компьютерных (в том числе онлайн) игр, показывает, что компьютерные онлайн игры как социокультурный феномен представляют собой особую очень быстро развивающуюся коммуникативную площадку, на которой могут подниматься и рассматриваться любые сложные и острые вопросы, интересующие общество, может осуществляться деструктивное воздействие на массовую аудиторию по игровым каналам связи (текстовым и аудио чатам, встроенным в «движок», т.е. программный код, игры).

Среди перспективных трендов развития игровой индустрии можно отметить:

- мобильные игры: игровые приложения для смартфонов и планшетов;
- облачный гейминг: способ запуска компьютерных игр, при котором они открываются на удаленном сервере, а не на устройстве пользователя. Гейминг

работает по модели стриминга: сервер передает аудио- и видеопотоки геймеру, при этом игрок управляет персонажем со своего устройства;

– проникновение в игры технологий VR/AR/MR: VR (виртуальная реальность) — созданный техническими средствами мир, передаваемый человеку через его ощущения: зрение, слух, обоняние, осязание и другие; имитирует как воздействие, так и реакции на воздействие. VR полностью отделяет игрока от реальной реальности (RR) с помощью VR-шлема, VR-очков, наушников, джойстиков и заменяет реальность на симуляцию (примеры гаджетов или приложений: Pokémon GO, Snapchat и Instagram с фильтрами Motion Tracking, Google Glass, City Lens от Nokia); AR (дополненная или расширенная реальность) – это компьютерно-опосредованная реальность, в которой RR – дополняется с помощью виртуальных изображений, анимации, эффектов или титров с целью усилить восприятие реальности; MR (смешанная реальность) то же, что Hybrid Reality (гибридная реальность) – объединяет реальные и виртуальные элементы: они сосуществуют и взаимодействуют в RR. В MR используют дополненную реальность (AR) и дополненную виртуальность (AV) – компьютерную симуляцию, в которой присутствуют элементы реального мира (примеры гаджетов или приложений: Skype (при помощи HoloLens), Microsoft HoloLens, CAVE и 2D);

– использование игр в качестве платформы для проведения имитационных мероприятий: виртуальные трехмерные интернет-пространства с личным присутствием типа метавселенной. Риски метавселенной связаны со стремлением пользователей перенести в виртуальный мир свои ценности, этику и свою реальную идентичность, что будет оказывать влияние на физический мир и иметь реальные негативные последствия;

– интеграция компьютерных игр с популярными соцсетями (Facebook, Twitter, мобильной платформы видеочата Bunch и др.), когда издатели встраивают в геймплей компьютерных игр и в игровые консоли опции, позволяющие делиться впечатлениями – делать скриншоты, записывать видеоролики и размещать их в своих аккаунтах в социальных сетях. Например, такие игры, как «Among Us» и «Fortnite» создали новый тренд, когда игры сами становятся социальными сетями;

– использование стриминга – потокового онлайн-вещания: к стриминговому мультимедиа относится сегмент киберспорта – геймеры показывают в режиме онлайн как они проходят игры.

Особое внимание привлекает нейрогейминг – новое направление в индустрии развлечений, представляющее собой разновидность игровой технологии, которая включает в себя использование интерфейсов мозг-компьютер, чтобы пользователи могли общаться с игрой без применения традиционного контроллера, эффективно меняя сюжет или добавляя новых персонажей в за-

висимости от полученных от мозга игрока сигналов. Появление нейрогейминга обусловлено успехами в области изучения головного мозга человека, уменьшением размера и снижением стоимости потребительских интерфейсов, которые получают сигналы головного мозга.

Использование разработчиками компьютерных игр искусственного интеллекта (ИИ) позволяет реализовать в ряде игр возможность вариации сюжетных линий. Сейчас большинство игр имеют определенный авторами сюжет, вокруг которого выстроен игровой мир. Машинное обучение позволяет моделировать не заданный алгоритм (ответ на определенное действие), а формировать новый ответ системы в зависимости от ряда прочих факторов. Игровые ИИ-решения персонализируют игровой мир и моделируют его в соответствии с желаниями и интересами геймера.

Широкое распространение и доступность игр и стриминговых сервисов превратили видеоигры в мощный инструмент влияния на аудиторию. Через игроков и содержание игр продвигаются политические лозунги и идеи, меняется мировоззрение молодого поколения как наиболее активно вовлеченного в гейминг. Вовлечение в гейминг все большего числа людей естественным образом порождают и новые виды информационно-мировоззренческих угроз, таких как возможное негативное влияние на развитие личности, а также риск использования игрового пространства в целях агитации и радикализации, распространения терроризма и экстремизма.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕХАНИЗМЫ ГЕЙМИНГА ДЛЯ ПРОДВИЖЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Игровые методики стали активно использоваться в неигровых контекстах, что получило наименование геймификации [2]. Сам термин является транслитерацией англоязычного аналога «gamification» (он был предложен английским программистом Ником Пеллингом в 2002 г.). Вокруг компьютерных игр начали формироваться особые тематические сообщества («фэндомы»). В социальном плане «широкое распространение и доступность игр и стриминговых сервисов превратили видеоигры в мощный инструмент влияния на аудиторию» [3].

Геймификация активно используется сообществами деструктивной направленности, экстремистскими и террористическими организациями для бесконтактного и бесструктурного вовлечения игроков в преступные акции. Это во многом связано как с ростом самой индустрии компьютерных игр, так и повсеместным увлечением молодёжи ее продукцией.

Террористы занимаются вербовкой молодёжи в чатах сетевых компьютерных игр, а также создают клоны игр с имитацией терактов. Об этом сообщил, выступая на открытии IX Московской конференции по международной безопасности, директор ФСБ Александр Бортников: «В особой группе риска молодёжь, психологическая обработка которой ведётся в социальных сетях и игро-

вых чатах популярных многопользовательских компьютерных игр. Более того, исламистские группировки уже вышли на уровень создания собственных клонов таких игр, которые позволяют воздействовать на сознание потенциальных сторонников терроризма и экстремизма не только через голосовое общение, но и путём включения пользователя в игровые ситуации совершения терактов» [4].

Очевидно, что механизмы гейминга могут использоваться и в противоправных целях; в том числе для продвижения экстремистской / террористической идеологии соответствующими организованными преступными группами или отдельными сторонниками таких идей.

Для противоправных целей могут быть использованы следующие возможности игровой индустрии:

- создание отдельной самостоятельной игры, в явном виде ориентированной на симуляцию противозаконной деятельности; отражающей экстремистские / террористические идеи и ценности; характеризующейся явным антисоциальным и деструктивно-направленным контентом, идущим наперекор трендам политической корректности;

- использование «песочниц» и редакторов игр для создания противоправного и деструктивного контента;

- продвижение противоправных и деструктивных идей в игровых текстовых и аудио чатах, через внесение информации противоправного характера в элементы игры, заполняемые пользователем (никнейм, какое-либо описание, названия и т.д.); отсутствие в настройках фильтра неприемлемого содержания (к которому относится язык вражды, диффамация, нецензурная лексика, иная информация оскорбительного содержания); также отсутствие возможности по блокировке чата для определенного пользователя и отправке жалобы на нарушителя в администрацию сервера / игры;

- встраивание игровых элементов в пропагандистские материалы и коммуникационные приложения экстремистско-террористической направленности;

- создание компьютерных игр, сценарий которых связан с осуществлением экстремистской деятельности; данное направление геймификации включает компьютерные игры, сценарий которых предполагает осуществление насильственных и иных экстремистских действий и в виртуальной, и офлайн-среде.

Наиболее опасной формой геймификации экстремизма выступает применение «игр с альтернативной реальностью» (alternate reality game, ARG) – интерактивных игр, в которых игровой платформой выступает реальный мир. Авторы таких игр создают целостный игровой мир со своими героями, сюжетом и атмосферой. Залогом успеха игр с альтернативной реальностью выступает их правдоподобность, стирание грани между игрой и действительностью. Известным примером применения ARG в экстремистских целях являлся интернет-проект «Большая игра. Сломай систему», запущенный в 2007 году национали-

стическим движением «Северное Братство» (в 2012 году движение признано экстремистской организацией и его деятельность запрещена в Российской Федерации). Смысл игры заключался в осуществлении акций, направленных как на пропаганду экстремистско-террористической идеологии, так и на психологический и физический террор в отношении сотрудников правоохранительных органов и мигрантов, лиц неславянской национальности [5].

ВЫВОДЫ

Компьютерная онлайн-игра представляет собой особый вид информационного продукта. Это интерактивное компьютерно-игровое аудио-визуальное произведение, размещаемое на информационном ресурсе, в том числе в сети Интернет, которое может в полном объеме или в той или иной его инклюзивной части (например, пользовательский чат, отдельные карты, сценарии и др.) выступать в качестве объекта различных, в том числе комплексных экспертиз (психолого-лингвистических, религиоведческих, лингвистических и др.) по делам о противодействии экстремизму и терроризму.

Понятие компьютерной игры (в том числе онлайн-игры) частично сходно с понятием аудиовизуального произведения, но отличается от него интерактивностью и многомерностью информационного продукта поликодовой природы.

Поэтому как особый вид поликодового текста (информационного продукта) компьютерная онлайн игра может выступать в качестве особого объекта судебной лингвистической экспертизы в тех случаях, когда понимание такого продукта не является однозначным. В этом случае применяются методы экспликации семантики вербальной и невербальной составляющей поликодового знака, устанавливается денотативное и коннотативное значение каждого компонента, степень и характер их сочетания. Компьютерная онлайн-игра может рассматриваться и как результат деятельности конкретного игрока (геймера), который формирует своего рода авторский текст в виде осмысленной последовательности знаков (письменный или устный комментарий). Такой текст представляет собой сообщение, имеющее свое содержание, цель, адресата [6, стр. 302], а речевые действия могут коррелировать с криминалистическими диагностическими комплексами экстремистских значений [6, стр. 313–330].

Выявленные лингвистические индикаторы экстремистских значений могут быть использованы также для мониторинга игрового пространства медиасреды в целях выявления информации, запрещенной российским законодательством к распространению на территории Российской Федерации.

Сайты, на которых размещаются онлайн игры, представляют собой особый информационный ресурс, включающий кроме самой игры еще форум, чаты, онлайн магазин, где могут быть размещены неофициальные модификации, дополнения к компьютерной игре, которые могут содержать запрещенный контент. Действующим законодательством распространение компьютерных игр (в

том числе онлайн игр) в сети Интернет не урегулировано, обязанности владельцев информационных ресурсов с компьютерными играми по контролю за распространением запрещенного контента законодательно не закреплены. Это затрудняет мониторинг запрещенного контента и создает благоприятные возможности для злоупотреблений в сфере создания и цифрового оборота компьютерных игр, в том числе онлайн-игр.

Имеющиеся сегодня системы мониторинга криминогенного и деструктивного контента в сети Интернет в своей основе используют поиск по ключевым словам, при этом поликодовость и мультимодальность гейминга требует совершенствования IT-инструментария автоматизированного семантического анализа на основе признаков моделей деструктивной пропаганды конкретного вида и признаков моделей вовлеченности лица в конкретную сетевую субкультуру. Кроме того, у геймеров наблюдается тенденция избегать использования ключевых слов, связанных с той или иной деструктивной идеологией, замещение их жаргонизмами, эвфемизмами, что требует постоянного обновления баз ключевых слов, используемых в IT-мониторингах. Решение данных задач возможно только на основе постоянного ручного обновления баз знаний с учетом комплексного лингвистического анализа медиаконтента гейминга.

Формирование тезауруса лингвистических признаков криминогенности игрового контента могут быть использованы для его мониторинга с последующей блокировкой информации, запрещенной к распространению на территории Российской Федерации, как в судебном, так и внесудебном порядке. Экспертное сообщество может и должно разработать для правоохранительных органов объективную критериологию, позволяющую выявлять, пресекать и предупреждать правонарушения экстремистско-террористического характера, совершаемые посредством компьютерных онлайн-игр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каманкина М.В. Видеоигры: общая проблематика, страницы истории, опыт интерпретации. М.: ГИИ, 2016. 340 с.
2. Deterding, S., Dixon, D., Khalad, R. & Nacke, L. From game design elements to gamefulness: Defining 'gamification' // Proceedings of the 15th International Academic MindTrek Conference: Envisioning Future Media Environments (MindTrek '11). ACM, NewYork, NY, USA, 2011. P. 9–15.
3. Корешкова Т. Риски и угрозы, сопутствующие развитию индустрии киберспорта и гейминга // Научно-технический центр ФГУП «ГРЧЦ». 28.05.2021. URL: <https://rdc.grfc.ru/2021/05/cybersport-and-gaming/> (дата обращения: 20.02.2022).
4. Бортников заявил, что террористы создают клоны компьютерных игр с имитацией терактов [Электронный ресурс] // ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11723253>.

5. Сундиев И.Ю. Информационные технологии в экстремистской деятельности молодежных объединений // Научный портал МВД России. 2010. № 2. С. 19–21; Горев А.И. Информационные методы противодействия экстремизму и терроризму // Научный портал МВД России. 2010. № 3. С. 112–123.
6. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза. Учебник. М.: Проспект, 2021. 424 с.

Online computer games in the aspect of forensic Linguistic expertise in cases of countering the ideology of terrorism and preventing extremism

E.I. Galyashina

Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Russia, Moscow)

eigaljashina@msal.ru

The author examines the specific features of online computer games as interactive electronic audiovisual artworks in the aspect of their forensic linguistic research in cases of countering the ideology of terrorism and the prevention of extremism.

The peculiarity of online computer games is their multidimensionality, hyperlinking and/or multi-usage. Multi-usage is understood as interactivity, network nature and/or multifunctionality of a computer game. Content producers must be distinguished from the producers of the site and/or other types of virtual acquaintances, such as accounts, as well as information and communication intermediaries (network and/or connected operators), each of which may have a certain amount of authority in relation to the available content. It is concluded that an online computer game is a complex polycode (verbal and nonverbal), polymodal (auditory, visual and kinetic), multilingual (two or more language codes), multi-media (multi-user interactions) information product that forms quasi-event (quasi-real, pseudo-real, fantasy) and scenario images in the process of gaming activity. Linguistic signs of criminogenicity of the game content can be used for its monitoring with subsequent blocking both in court and out of court.

Keywords: online computer game, linguistic expertise, prohibited content, extremism, terrorism.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ В ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «АРЕСТАНТСКОЕ УГОЛОВНОЕ ЕДИНСТВО» (АУЕ)

М.А. Грачев^{1,2}

¹ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

²НГЛУ им. Н.А. Добролюбова (Россия, Нижний Новгород)

ma-grachev@mail.ru

В статье анализируются элементы различных условных обозначений экстремистской организации АУЕ: особенности письма, татуировки, приветствия, специфика их арго. Подчёркивается эволюция различных типов коммуникаций. Особо обращается внимание на их системность. Знание условных обозначений поможет оперативным работникам, дознавателям, следователям и экспертам-лингвистам отличать приверженцев АУЕ.

Ключевые слова: АУЕ, криминальная татуировка, приветствие, подчёркивание, экспертиза, исследователь, субкультура.

К условным обозначениям АУЕ относятся: татуировки, специфическое арго, приветствия, подчёркивание определёнными линиями важных слов, написание с заглавных букв значимых для осуждённых понятий. Знание условных обозначений АУЕ поможет оперативным сотрудникам, дознавателям, следователям, работникам суда и прокуратуры определить членов экстремистского сообщества «Арестантский уклад един».

Уже само название экстремистской организации «Арестантский уклад един» говорит о том, что данное сообщество является объединяющим началом для всех правонарушителей, заставляет жить по законам профессиональных преступников.

Криминальная субкультура является одним из важных составляющих факторов, которые способствовали образованию в российском обществе таких объединений, как АУЕ («Арестантский уклад един»; вариант: «Арестантско-уркаганское единство»).

До сих пор в ряде учебных заведений в принудительном порядке собирают средства на помощь осуждённым. Среди рядовых арестантов профессиональные уголовники активно насаждают свои порядки. То есть деятельность АУЕ изначально направлена на два пласта населения: на свободе – на несовершеннолетнюю учащуюся молодёжь и новичков, впервые отбывающих наказание в исправительном учреждении.

АУЕ, несомненно, является структурой профессиональной преступности, контролируемой ворами в законе. Не случайно «закон» требует от них «вовлечения в свою среду новых членов, поэтому они ведут постоянную активную работу среди молодёжи. «Новичков обольщали воровской романтикой» [1, стр. 111–112].

Объединение АУЕ Верховным судом России признано с 2020 г. экстремистской организацией. Известно, что в большинстве школ функционировали филиалы этой организации. За отказ от платы учащихся жестоко избивали. И они даже становились в школе изгоями. В настоящее время АУЕ ушло в глубокое подполье. Опрос современных студентов младших курсов показал, что представителей АУЕ в школах почти не осталось. Но сбор денег «в пользу арестантов» переместился в другие места, например, на рынок.

Вот пример одного способа сбора денег якобы для помощи осуждённым в ИУ. Между рядами торговцев по рынку идёт молодой человек с протянутым головным убором. Продавцы кладут в него деньги. И всё это будто бы на добровольной основе. Но торговец, не положивший определённую ассигнацию, наказывается вплоть до лишения места на рынке или избиения. До сих пор в ряде школ и ПУ (производственных училищах) учащихся заставляют платить налог за богатую и модную одежду и обувь. Причём психологическая обработка жертвы начинается с фразы: «Поясни за шмот». Данная фраза заимствована

из воровской речи: шмот (шмотки) – одежда, обувь. Употребление арготизмов несовершеннолетними правонарушителями свидетельствует об их контактах со взрослыми профессиональными уголовниками. См. также приветствия: «Вечер в хату». Изначально фраза из профессиональной тюремной речи, означающая «добро в тюремную камеру (барак!)».

Кроме того, к приветствиям относятся: «Да здравствует АУЕ» или с расшифровкой «Да здравствует арестантско-уркаганское единство»; «Арестантский уклад един», «Жизнь вора – смерть ментам».

Многие незаконные группировки АУЕ в главных городах Восточной Сибири (г. Чита, г. Хабаровск, г. Владивосток) затаились, часть же продолжает свою противоправную деятельность (например, в г. Кургане, г. Якутске).

Представители субкультуры «АУЕ» («Арестантский уклад един») проповедуют воровскую мораль, живут по «тюремным» понятиям и активно контактируют со взрослыми уголовниками. Они даже распространяют письменные тексты основных правил арестантов. См. отрывок ниже.

Предтечами молодёжных преступных группировок были ещё казанские «моталки», петербургские «нацики» и скинхеды, московские «качки». Они, объединяясь в соответствующие группы, в 80-х годах прошлого века совершали драки, занимались грабежами. См. «Словарь молодёжных сленгов того времени» [2]. Именно их стали использовать профессиональные преступники, в частности, воры в законе. Так, для ряда профессиональных уголовников была характерна татуировка с изображением свастики (наносилась под мышкой), она имела значение «ненавижу Советскую власть и существующие порядки». В настоящее время данная татуировка уже наносится на открытые участки тела со значением негативного отношения к правоохранителям и существующим законам или является частью композиции с общим значением «эполет» Так же поступают и с современными рядовыми членами АУЕ. Следует отдать должное государству: оно отреагировало достаточно оперативно и жёстко. Во всяком случае, не дало распространиться и, главное, укрепиться этому явлению в РФ.

Криминальные руководители АУЕ не только собирают деньги на общак «для подогрева пацанов на зоне», но и требуют соблюдения «воровского кодекса» и всеми возможными способами вовлекают несовершеннолетних в незаконную деятельность.

Экстремистская организация АУЕ, несомненно, сформировалась в местах лишения свободы, причём основные правила данного объединения до сих пор живы именно там, особенно к ним привержены воспитанники в пенитенциарных учреждениях для несовершеннолетних. Главные правила в АУЕ содержатся в следующих выражениях: «порядочный арестант», «жизнь вора!», «разобраться по понятиям».

Подростков такая «романтика» притягивает. Особенно тех молодых людей,

в семьях которых наблюдается социальная незащищённость, безработица, бедность, алкоголизм, в школе – небрежное отношение со стороны сверстников и педагогов. И только в группах АУЕ подросток становится равным, и профессиональные уголовники начинают заниматься его воспитанием, заставляя часть денег, отнятых у одноклассников, отдавать в «общак» (воровскую кассу). Настораживает и то, что в школах негласно членами АУЕ вводятся воровские порядки: появляются касты «опущенных» школьников, которые садятся только за парты, отведённые им, они ежемесячно отчисляют деньги осуждённым и проч.

Воспитательные пенитенциарные учреждения для несовершеннолетних становятся школами для воспитания профессиональных преступников.

В местах лишения свободы осуждённый, отбывающий наказание более пяти лет, впитывает мораль уголовной среды, т.е. у него начинаются необратимые процессы в психике. Ч. Ломброзо был во многом прав в своих исследованиях по генотипу уголовной личности. Во всяком случае, рациональное зерно в его теории было, тем более он являлся продолжателем идей о преступном типе французского учёного Бенедикта Мореля о деградации личности.

Именно благодаря знаниям о верхушке профессиональных преступников – воров в законе и её филиале АУЕ – в настоящее время намного легче понять сущность криминальных татуировок [4; 5; 6; 7]. Татуировки – один из элементов криминальной субкультуры – сейчас активно проникают в молодёжную среду и способствуют её моральному разложению (3, стр. 168).

Главным отличием татуировок воров в законе от гражданских тату является то, что в них есть система: показан рост их уголовного авторитета. Это связано с тем, что они проводят с помощью данных элементов субкультуры ещё и так называемую воровскую идею. Именно это отличает их от остального криминального мира. Вор в законе не имеет права допустить ошибки даже в татуировках [7, с. 135].

Профессиональные уголовники активно стремятся распространять среди новичков-арестантов и молодёжи условные элементы их субкультуры. Вот примеры из письменных источников с условными обозначениями профессиональных преступников. Начнём с указания на то, что с заглавной буквы пишутся наиболее важные факторы жизни профессиональных уголовников, в том числе положенцев, смотрящих и воров в законе.

В переписке одной чертой подчёркиваются общие («людские») для всех арестантов и начинающих уголовников среди молодёжи, двумя чертами – воровское и тремя чертами – слова, связанные с реалиями веры в Бога, и волнистой линией – всё то, что связано с правоохранительными органами. Вот примеры записей с расшифровкой для арестантов-новичков:

Приветствуем Всех порядочных Арестантов, Мужиков, Кто впервые в неволе! Всех, кто живёт Нашей Жизнью Воровской!

Всех, для Кого Воровские традиции Святы и Незабвенны. К Вам это обращение касается Уклада Жизни Нашей в неволе.

= – Святое, ----- Людское, = Воровское, ~ ~ – Мусорское

X – Хата Воровская, X – светлая хата

Хооо – Котёл (Главная хата на продоле

– Карцер, Кича, С.Б.спец-БЛОК,

– камышовка мусорская

Б.С. бывший сотрудник, # # – Мусора

Д.Н.О. – Дом Наш общий

О – общий

Во время проведения судебной экспертизы некоторые неопытные правоохранители иногда просят указать в исследовании о слабых сторонах тату-рисунков.

Так, при проведении одной из экспертиз оперативный работник предложил автору данной статьи описать не только художественные «регалии» профессионального преступника (вора в законе), но и ранние, слабые татуировки, унижающие его достоинство в криминальной среде. Но получила следующее возражение: если было что-то подобное на теле кандидата в воры в законе имелось, то его бы не короновали. При этом могли заявить: «Братва видела его (кандидата на вора в законе – М.Г.) рост среди братвы, но перед этим она видела и его падение» [7, стр. 123]. (Буквальная цитата одного из авторитетных воров в законе). Поэтому данному кандидату в уголовные иерархии никогда не быть вором в законе. Иными словами, чтобы правильно и качественно изучать криминальные татуировки, нужно хорошо знать субкультуру и историю преступности, в частности, её законы. Это поможет избежать ряда ошибок.

Последние тридцать лет воры в законе активно стараются вмешиваться в политику. В частности, это отражается и на татуировках.

По поводу символики организации единого мнения нет. Однако если у молодого человека имеются криминальные тату, то можно предположить, что он контактирует с профессиональными уголовниками.

Наиболее распространёнными татуировками у молодёжи в АУЕ являются: восьмиконечные звёзды на ключицах и коленях – «неподчинение официальным властям», церковная символика, изображения на предплечье оскаленных хищных животных – барса, тигра, волка – символы отрицательного отношения к правоохранителям и рядовым арестантам.

Организация «Арестантский уклад един» в настоящее время в пенитенциарных учреждениях оказывает большое влияние на новичков-арестантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и настоящее. М.: Юрид. лит., 1990. С. 111–112.

2. Грачев М.А., Гуров А.И. Словарь молодёжных сленгов. Горький, Горьковский областной комитет ВЛКСМ. 85 с.
3. Ломброзо Ч. Новейшие успехи науки о преступлениях. СПб.: Изд-во Н.К. Мартынова, 1892.
4. Грачев М.А. Лингвокриминалистика. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. 288 с.
5. Грачёв М.А. Тайны забытой рукописи П.П.Ильина «Исследование жаргона преступников»: монография. Москва: Флинта, 2020.
6. Грачев М.А. Проблемы изучения пиктографического письма экспертами-лингвистами //ЮРИСЛИНГВИСТИКА, 2021. №20 (31). С. 9–13.
7. Грачев М.А. К вопросу о построении методики установления принадлежности лица к высшей уголовной иерархии по пиктографическому криминальному письму ЮРИСЛИНГВИСТИКА, 2021. №21 (32). С. 26–30.

Symbols in the extremist organization «Convict Criminal Unity» (AUE)

М.А. Grachev^{1,2}

¹*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)*

²*Linguistics University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)*
ma-grachev@mail.ru

The article analyzes the elements of various symbols of the extremist organization AUE: the features of writing, tattoos, greetings, the specifics of their argot. The evolution of various types of communications is emphasized. Special attention is paid to the consistency of symbols. Knowledge of symbols will help operatives, interrogators, investigators and linguistic experts to distinguish adherents of AUE.

Keywords: AUE, criminal tattoo, greeting, underlining, examination, researcher, subculture.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ОТОСКОПИЯ КАК ОТРАСЛЬ ТРАСОЛОГИЧЕСКОЙ ГОМЕОСКОПИИ. ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

К.Е. Дёмин^{1,2}

¹*Российский университет транспорта (Россия, Москва)*

²*Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (Россия, Москва)*
diomin.costia@yandex.ru

В статье рассматривается ряд аспектов истории становления и современное состояние криминалистической отоскопии, указаны основные тенденции развития данной области знаний, приведено авторское определение данной отрасли гомеоскопии.

Ключевые слова: идентификационный признак, идентификационное экспертное исследование, криминалистическая отоскопия, судебно-траसологическая экспертиза, следы ушных раковин.

Криминалистическая отоскопия – это относительно новый метод идентификации личности, который включает в себя изучение следов ушной раковины человека [1, стр. 102–105].

Еще на заре криминалистики французский ученый Альфонс Бертильон был первым, кто предложил измерять ширину и длину уха, а также применять полученные показания для идентификации человека. В 1885 году он впервые провел измерения ушной раковины человека посредством скользящего циркуля, а полученные данные вносил в определенную карту регистрации преступника. В результате этого французский учёный описал структуру ушной раковины и применял эти сведения при производстве идентификации человека. До сих пор актуальным является его изречение: «Ухо, благодаря этим многочисленным небольшим долинам и холмам, которые пересекают его, является наиболее значимым фактором с точки зрения идентификации. Неизменный по своей форме с самого рождения и устойчивый к влияниям окружающей среды, этот орган остается на протяжении всей жизни, как нематериальное наследие наследственности и внутриутробной жизни» [2].

Проблемой идентификации личности по ушной раковине, начиная с 1885 года и по настоящее время, занимались не только отечественные, но и зарубежные учёные. Разработано было несколько систем идентификации человека по ушной раковине, из которых стоит выделить три наиболее значимые:

- система, разработанная американским криминалистом А.В. Ианнарелли, основанием которой служит классификация ушных раковин, осуществляемая, исходя из идентификационных задач и регистрации, методом разделения ушных раковин по видам, исходя из форм, а также по признакам пола и расовым типам;

- система, разработанная польскими учёными в начале 90-х годов XX века, основой которой является систематизация признаков ушной раковины человека в зависимости от ее типа. Данная система считается многоуровневой, так как включает в себя сопоставление следа и сравниваемого образца на пригодность для идентификации, определение групповой принадлежности, сопоставление признаков, технику контура, установление общих идентификационных признаков, анализ результатов;

- и, наконец, британская система, созданная ученым Ричардом Никсоном, которая реализуется на биометрии уха и сводится к «обстреливанию» фотографии многоцветными лучами («лучевое преобразование фотографии»), это позволит определить все специфические особенности ушной раковины с точностью до 99, 5 % и зафиксировать их в цифровом формате.

Природа следов ушных раковин, признаки, которые в них отображаются, были детально изучены польским криминалистом И. Каспаржаком, исследовательский проект которого охватил период в 10 лет, а эмпирическая база вклю-

чила 1500 человек в возрасте от 15 до 60 лет (910 мужчин и 590 женщин). Он детально изучил природу следов ушных раковин, установил неизменяемость морфологических особенностей строения и разработал классификацию общих и частных признаков ушной раковины. Польские эксперты рассматривают вопрос идентификации личности по следам ушей с 1992 года, когда впервые были проведены исследования с целью создания методики идентификации личности по следам ушных раковин. Исследовательский проект охватывал период в 10 лет, а учебный материал включал население 1500 человек в возрасте от 15 до 60 лет (910 мужчин и 590 женщин). От каждого человека по было взято по 3 отпечатка левого и правого уха с различным уровнем давления 1кG, 2 кG и 3 кG, измеренного с помощью специального прибора – отометра, который был изобретен специально для нужд данного исследования и позволяющего производить сбор ушных оттисков с контролируемым давлением (слабый, средний и сильный нажим, т.е. разное по плотности прилегание). К сожалению, в российской практике не уделяется должного внимания следам ушной раковины, и, соответственно, не используются экспертные возможности установления по ним личности [3, р. 93]. Согласно предложенной им методике каждый ушной отпечаток разделяется на 24 информационных поля с указанием отдельных признаков, для дачи категорического вывода о том, что исследуемый след уха принадлежит конкретному подозреваемому, требуется подтверждение совпадения не менее 6 полей. Более детальная классификация ушных раковин человека была рассмотрена в материалах исследований медиков Я.С. Песикова и С.Я. Рыбалко [4]. Так, в результате исследований ими было выделено более 40 разновидностей строения двенадцати основных элементов ушной раковины и составлена статистически достоверная частотная характеристика. Согласно их исследованию наиболее часто встречаются различия строения и формы в следующих элементах ушной раковины: ножки завитка, противозавитка, его ствола и ножек, бугорка ушной раковины (дарвинова бугорка), треугольной ямки, лады, козелка, противокозелка, межкозелковой вырезки.

Основываясь на вышеуказанных системах идентификации человека по ушной раковине, можно решить некоторые диагностические задачи. В частности, главными признаками установления возраста являются: 1) присутствие складок и морщин на мочке уха, а иногда и на иных элементах ушной раковины; 2) величина ушной раковины, ее рост; 3) наличие волосяного покрова на ушной раковине.

С точностью установить возраст человека по оставленному следу ушной раковины, конечно же, нельзя, однако определить приблизительно, что след был оставлен пожилым человеком, человеком средних лет или же ребёнком, можно. По размеру ушной раковины, оставившей следы, можно определить пол человека. Так, ушные раковины мужчин гораздо больше ушных раковин

лиц женского пола. Стандартный размер ушной раковины женщины является 6–7 см в высоту и 3–3,5 см в ширину. Касаемо мужчин, то у них высота и ширина ушной раковины примерно в полтора раза больше, нежели у женщины. Однако встречались случаи, когда размеры ушных раковин у мужчин по показателям такие же, как и у женщин. В этом случае пол можно установить по конфигурации ушной раковины – у мужчины некоторые элементы являются более грубыми и четко выраженными.

Можно также определить присутствие у человека каких-либо заболеваний внешнего уха или психических отклонений на основе отпечатка ушной раковины. Имеется достаточно много заболеваний ушей, которые разделяются на два типа – заболевания наружного уха и заболевания внутреннего уха. Важное криминалистическое значение имеют болезни наружного уха, то есть ушной раковины. Заболевания такого вида можно обнаружить методом осуществления ДНК-анализа или установлением на отпечатке ушной раковины специфического для конкретного заболевания контура. На основе исследования ушной раковины, иногда ее отображения, можно определить наличие послеоперационных признаков.

Стоит отметить, что следы ушной раковины человека в настоящее время недостаточно изучены российскими специалистами, они не всегда изымаются с мест преступлений и, соответственно, по данным следам очень редко назначаются судебно-трасологические экспертизы. В нашей стране имеется недостаточный опыт назначения экспертиз по следам ушной раковины, в отличие от зарубежных стран, где проведение идентификации личности по этим следам давно уже не является новинкой [5, стр. 67]. Вместе с тем, на практике встречаются единичные случаи успешного использования криминалистически значимой информации об ушных раковинах человека для раскрытия и расследования преступлений. Так, судебно-экспертные подразделения ГУ МВД по Кировской области наглядно показали эффективность использования трасологической идентификации преступника по следу ушной раковины, оставленного им на полотне входной двери в квартиру жертвы серийного убийцы [6].

Таким образом, мы предлагаем назвать данное направление «криминалистическая отоскопия», под которым следует понимать раздел гомеоскопии, в котором изучаются свойства и анатомические характеристики ушных раковин человека при их следовом отображении и разрабатывающий научно-технические средства, приемы и методы обнаружения, фиксации, изъятия и исследования этих следов с целью раскрытия, расследования преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криминалистическая техника : учебник / под ред. К.Е. Дёмина. – М.: Юридический институт МИИТ, 2017.
2. A Survey on Ear Biometrics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://>

- www.researchgate.net/publication/262276608 (дата обращения: 14.11.2021).
3. Kasprzak J. Otokopia kryminalistyczna: System identyfikacji, zagadnienia dowodowe//Wydaw. Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego. Olsztyn, 2003.
 4. Песиков Я.С., Рыбалко С.Я. Атлас клинической аурикулотерапии. М.: Изд-во «Медицина», 2000.
 5. Дёмин, К. Е. Особенности составления заключения эксперта при выполнении трасологических экспертиз : учеб. пособие / К.Е. Дёмин. М.: Юридический институт МИИТ, 2016.
 6. Серийного маньяка нашли по отпечатку уха [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ntv.ru/novosti/54884/> (дата обращения: 23.01.2019).

Forensic otoscopy as a branch of tracological homeoscopy. Stages of formation, current state of development prospects

K.E. Demin^{1,2}

¹*Russian University of transport (МИИТ) (Russia, Moscow)*

²*Moscow University of the Ministry of the Interior named after V.J. Kikot (Russia, Moscow)*

diomin.costia@yandex.ru

The article examines a number of aspects of the history of the formation and the current state of forensic otoscopy, identifies the main trends in the development of this field of knowledge, and gives the author's definition of this branch of homeoscopy.

Keywords: identification sign, identification expert study, forensic otoscopy, forensic tracological examination, traces of auricles.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ И ИССЛЕДОВАНИЮ ОБЪЕКТОВ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Ю.А. Донцова

ЭКЦ МВД России (Россия, Москва)

iudontcova2@mvd.ru

В статье рассматривается современный подход к криминалистической оценке и исследованию объектов дактилоскопической экспертизы на этапе обнаружения, выявления, фиксации и изъятия следов рук в условиях развития экспертных средств и методов их исследования. При современном уровне возможностей обнаружения, выявления, фиксации и изъятия следов рук ряд случайных свойств объекта может иметь более существенное значение при выборе метода исследования, чем его типовые характеристики. В связи с этим предложен алгоритм установления криминалистически значимых свойств объекта, как выраженных в его внешних признаках, так и неочевидных при визуальном осмотре.

Ключевые слова: следы рук, дактилоскопическая экспертиза, обнаружение и выявление следов рук.

Совершенствование подходов к обнаружению и выявлению следов рук последние годы идет по пути разработки и внедрения в практическую деятельность специализированных криминалистических средств и методов, предназначенных для исследования объектов, имеющих те или иные особенные свойства, не позволяющие результативно применять традиционные экспертные исследовательские приемы. В частности, научные исследования в данной области активно проводятся в ЭКЦ МВД России [1–5].

Необходимо отметить, что этап обнаружения, выявления, фиксации и изъятия следов рук характеризуется особым объектом, отличным от объектов, исследуемых при решении иных диагностических и идентификационных задач дактилоскопической экспертизы (морфологические особенности папиллярного узора, отобразившиеся в следах и отпечатках рук) [6, стр. 412]. Он представляет собой сложную систему, состоящую из следоносителя и вещества, которым образованы следы рук. Данная система непостоянна, поскольку ее криминалистически значимые свойства зависят от [7, стр. 69–95; 8] (рис. 1):

- изначальных свойств вещества следа и следоносителя;
- особенностей и продолжительности взаимодействия вещества следа и следоносителя;
- особенностей и продолжительности влияния внешней среды на объект.

Рис. 1. Объект дактилоскопического исследования на этапе обнаружения, выявления, фиксации и изъятия следов рук в современном системном представлении о взаимодействии его компонентов и внешней среды.

Таким образом, любой объект дактилоскопической экспертизы на рассматриваемом этапе исследования может обладать изначально присущими и приобретенными под влиянием факторов внешней среды свойствами, значимыми в вопросе обнаружения и выявления следов рук.

Согласно устоявшейся и наиболее распространенной на сегодня практике, при выборе средств и методов криминалистического исследования следов рук объект принято оценивать по совокупности типовых параметров следоносителя (рельефность, пористость, цвет) и относительной давности следообразования.

При таком подходе особые или нетипичные свойства объектов (грубая рельефность, адгезионность, большая давность образования или отображение следов рук экзогенными веществами и т.п.) и негативное влияние факторов внешней среды (осадки, нагрев и т.п.) чаще всего учитываются в контексте затруднения или препятствования получению пригодных для идентификации личности следов рук. Кроме того, в условиях недостаточной очевидности влияние внешней среды на свойства объектов, как правило, вообще остается без должного внимания.

До определенного времени описанный порядок был оправдан отсутствием специализированных средств и методов обнаружения и выявления следов рук. Поэтому дополнительный анализ особых и нетипичных свойств объекта или влияния внешней среды на изменение свойств следов рук и следоносителей не имел существенного практического значения. Однако с появлением и распространением в экспертной практике инновационных разработок возникла необходимость пересмотра данного алгоритма оценки во избежание экспертных ошибок при выборе средств и методов криминалистического исследования следов рук.

Так, все чаще объектом дактилоскопического экспертного исследования становится липкий слой клейких лент, поскольку применение порошков в составе стабилизированной жидкой среды (суспензии) позволяет окрашивать папиллярные узоры без риска налипания частиц на адгезионную поверхность. При этом, благодаря физико-химической реакции с веществом следа [7, стр. 332–333], область применения порошковых суспензий гораздо обширнее. Суспензии различных порошков могут быть результативнее традиционных криминалистических средств (дактилоскопические порошки, пары цианакрилата и пр.) при исследовании следов рук на шероховатых, вощеных, намакавших и покрытых различными загрязнениями поверхностях, объектах, пребывавших при высокой (до 400 °С) и отрицательной температуре, следов рук, образованных экзогенными маслянистыми веществами, кровью и т.д. [3, 4, 7, 9] (рис. 2).

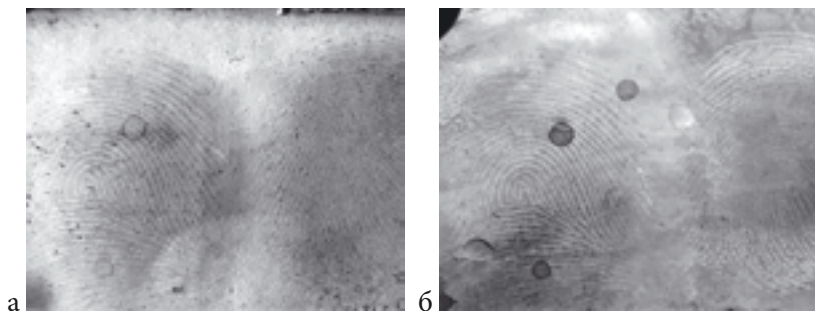

Рис. 2. Следы рук на стекле после воздействия температуры 300 °С:

а – обработаны дактилоскопическими порошком «ПД-Ч»;

б – дополнительно обработаны суспензией дактилоскопического порошка «ПД-Ч».

Другое новое для отечественной экспертной практики криминалистическое средство – раствор черного судана. Данный краситель имеет свойство проникать в жировую составляющую и выявлять следы рук на липких и увлажнившихся поверхностях, полимерных перчатках после ношения, а также окрашивать следы рук, не проявившиеся в результате обработки парами цианакрилата [4] (рис. 3).

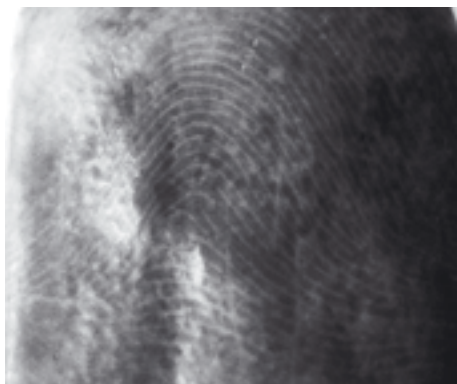

Рис. 3. Фрагмент латексной перчатки со следом пальца руки, выявленным раствором черного судана.

Еще одним из новейших специализированных средств является разработанный нами раствор нитрата серебра для обработки непористых материалов, подвергшихся влиянию высокой температуры. С его помощью удастся выявить следы рук на жаропрочных материалах после термического воздействия свыше 900 °С (рис. 4). Очевидно, что в указанных условиях иные средства и методы дактилоскопической экспертизы не смогут дать положительный результат из-за полной утраты изначальных свойств вещества следа.

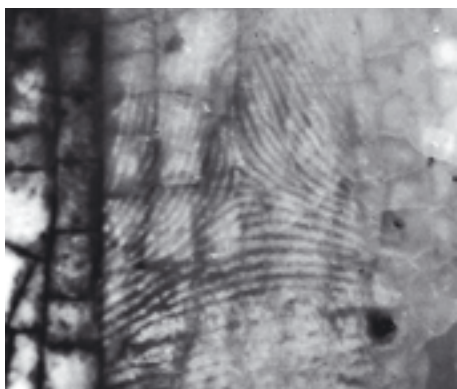

Рис. 4. След пальца руки, выявленный разработанным в ЭКЦ МВД России раствором нитрата серебра на глазурованной керамической плитке после воздействия температуры 920 °С.

Приведенные примеры демонстрируют, что с развитием инновационных

средств и методов появилась возможность эффективного криминалистического исследования следов рук не только на новых видах следоносителей, но и на типичных объектах дактилоскопической экспертизы, свойства которых преобразовались под влиянием внешних факторов. При этом устранение повлиявшего фактора (например, просушивание) не означает возвращение объекта в первоначальное состояние. Даже при отсутствии видимых изменений его свойства меняются необратимо: вымываются водорастворимые компоненты следов рук при намокании, разлагаются органические вещества при нагреве и пр. В связи с этим закономерно претерпевают изменения рекомендации по работе с традиционными средствами дактилоскопической экспертизы. Например, в настоящее время не приветствуется обработка парами цианакрилата после намокания объектов из-за утраты следами рук компонентов, инициирующих реакцию, и возникновения областей для полимеризации цианакрилата на поверхности в местах концентрации неорганических веществ после испарения влаги (рис. 5). В этом случае предпочтительно выбрать суспензию порошка, в том числе, когда к моменту исследования объект полностью высох [10, стр. 15–16].

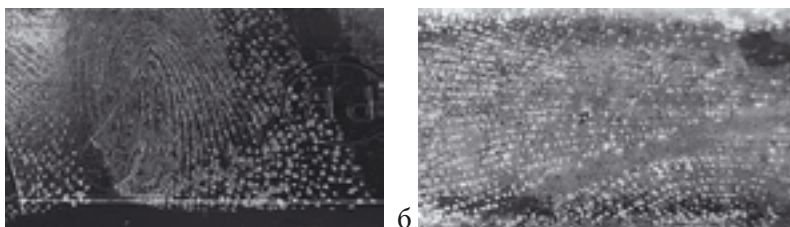

Рис. 5. Следы рук давностью 7 суток, принадлежащие одному донору, выявленные парами цианакрилата на идентичных пистолетных затворах: а – объект не подвергался увлажнению; б – после сбора запаховых проб методом криогенно-вакуумной десорбции с увлажнением объекта в парах водяной бани.

Из изложенного видно, что оценка криминалистически значимых свойств объекта по типовым параметрам на сегодня приобретает вспомогательное значение, а первоначальным условием выбора средств и методов обнаружения и выявления следов рук следует считать установленный факт наличия либо отсутствия особых или нетипичных свойств. В ряде случаев эти сведения неочевидны при осмотре объекта и могут быть получены только путем анализа условий, в которых обнаружены или находились предметы со следами рук. Например, по итогам завершённой в 2020 году в ЭКЦ МВД России научно-исследовательской работы «Особенности обнаружения, выявления, фиксации и изъятия следов рук на местах пожаров» нами разработаны рекомендации, предписывающие при упаковке и направлении на дактилоскопическую экспертизу объектов указывать в пояснительном тексте примерный температурный режим в месте их обнаружения и вид применявшегося огнетушащего состава,

поскольку от этого будет зависеть порядок экспертного исследования следов рук (независимо от наличия или отсутствия видимых изменений объекта).

Поэтому считаем, что криминалистическая оценка объектов дактилоскопического исследования на этапе обнаружения, выявления, фиксации и изъятия следов рук в настоящее время не должна основываться только на визуальном осмотре и установлении цвета, типа рельефности и пористости поверхности и приблизительной давности следообразования. Полноценный алгоритм криминалистической оценки любого объекта обязательно должен включать следующие этапы по оценке и анализу:

- типовых свойств объекта;
- особых и нетипичных свойств объекта;
- влияния факторов внешней среды на свойства объекта;
- совокупности криминалистически значимых свойств объекта, установленных на предыдущих этапах.

Такой подход обеспечивает наиболее точное и полное определение криминалистически значимых свойств объекта, а также научно обоснованный выбор и применение технико-криминалистических средств и методов обнаружения, выявления, фиксации и изъятия следов рук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Донцова Ю.А. Химические методы выявления следов рук на пористых поверхностях, не оказывающие разрушающего воздействия на рукописные и печатные тексты, оттиски печатей и штампов, чувствительный слой термобумаги // Экспертная практика. 2017. № 83. С. 49–63.
2. Донцова Ю.А., Ивашкова А.В. Особенности выявления следов рук на каучуковом липком слое клейких лент // Тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. «Криминалисты Казахстана на службе правосудия», Караганда, 26 февраля 2019 г. С. 135–139.
3. Донцова Ю.А. Направления совершенствования средств и методов обнаружения и выявления следов рук // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 28. № 2. С. 30–36.
4. Донцова Ю.А., Ивашкова А.В., Тюрина А.Ю. и др. Выявление, фиксация и изъятие следов рук на металлических поверхностях при комплексном исследовании огнестрельного оружия: методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2020. 72 с.
5. Донцова Ю.А., Ивашкова А.В., Яковенко М.А. Выявление следов рук на липком слое клейких лент: методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2021. 40 с.
6. Самищенко С.С. Современная дактилоскопия: основы и тенденции развития: курс лекций. М.: Московский психолого-социальный институт, 2004. 456 с.

7. Bley S.M., Croxton R.S., De Puit M. *Fingerprint Development Techniques. Theory and Application*. UK: John Wiley & Sons Ltd, 2018. 503 p.
8. Донцова Ю.А. Особенности криминалистической оценки объектов дактилоскопической экспертизы, исследуемых на этапе обнаружения, выявления, фиксации и изъятия следов рук // Судебная экспертиза. 2021. № 3 (67). С. 33–42.
9. *Fingerprint Source Book v2.0 (second edition)* / S.M. Bley [at al.]. UK: Home Office [CAST], 2017. 666 p.
10. *Fingermark Visualisation Newsletter*. March 2017 / H. Bandey [at al.]. London: Home Office [CAST], 2017. 25 p.

A Modern Approach to the Forensic Assessment of Fingerprint Analysis Objects

Ju.A. Dontsova

*Forensic science center of the Ministry of the Interior of Russia (Russia, Moscow)
iudontcova2@mvd.ru*

The article discusses a modern approach to the forensic assessment of fingerprint analysis objects at the stage of detection, development, fixation and lift of fingerprints in the context of the development of expert tools and their research methods. At the modern level of capabilities of detection, development, fixation and lift of fingerprints, a number of random properties of the object may be more significant when choosing a research method than its typical characteristics. Algorithm for establishing forensically significant properties of the object, expressed both in its external features and not obvious during visual inspection, is proposed.

Keywords: fingerprints, fingerprint examination, detection and development of fingerprints.

БАНКИ ДАННЫХ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ СЕКСУАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО, КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО И СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

К.И. Дорофеев

*Договорно-правовой департамент МВД России (Россия, Москва)
moskowlirik@mail.ru*

Автором проведен анализ зарубежной научно-методической литературы, посвященной изучению состояния борьбы с преступлениями, связанными с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних. Одной из эффективных форм противодействия рассматриваемым преступлениям является создание и ведение соответствующих банков данных, объектами учета которых являются аудиовизуальные материалы с изображениями сексуальной эксплуатации несовершеннолетних. Исследование таких объектов позволяет устанавливать информацию, способствующую решению различных научно-методических и организационно-управленческих задач по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений анализируемого вида.

Ключевые слова: банки данных с изображениями сексуальной эксплуатации несовершеннолетних, материалы или предметы с порнографическими изображениями несовершеннолетних, специальные знания.

Развитие информационно-телекоммуникационных сетей (далее – ИТКС), современных средств вычислительной техники и мобильной связи, помимо явных преимуществ для общественно-экономического и научно-технологического развития человечества, обусловило появление и последующий рост преступлений, связанных с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних.

Международным сообществом используются различные формы противодействия преступлениям анализируемого вида, одной из которых является создание соответствующих репозиторий (коллекций, учетов, баз данных), предназначенных для сбора, изучения, учета и последующего использования в правоохранных целях изображений сексуальной эксплуатации несовершеннолетних.

Проведенным исследованием установлено, что существующие банки данных с изображениями сексуальной эксплуатации несовершеннолетних в зависимости от масштаба решаемых задач подразделяются на глобальные, региональные и национальные.

Примером создания и функционирования глобального репозитория выступает деятельность Международной организации уголовной полиции (Интерпол), в структуре которой создано подразделение по борьбе с преступлениями против детей (INTERPOL Crimes against Children Unit, далее – САС), базирующееся в Генеральном секретариате г. Лион Республики Франция. В 2001 году подразделением САС в целях решения задачи по установлению личности жертв несовершеннолетних, подвергшихся сексуальной эксплуатации со стороны злоумышленников, создана Международная база данных, содержащая изображения сексуальной эксплуатации несовершеннолетних (International Child Sexual Exploitation police Database, далее – ICSE Database). Данный репозиторий используется государствами «стран большой восьмерки» и финансируется за счет средств, выделяемых Европейской комиссии Европейского Союза.

ICSE Database содержит более 1,5 млн аудиовизуальных материалов с изображениями сексуальной эксплуатации несовершеннолетних, а также их метаданные. За время использования указанного банка данных удалось опознать более 10 тысяч несовершеннолетних, подвергшихся сексуальной эксплуатации.

При этом учет и экспертное исследование указанных объектов способствует решению следующих задач:

- установление личности жертв сексуального злоупотребления и злоумышленников, совершивших указанные противоправные деяния;
- определение места изготовления таких материалов;
- выявление глобальных тенденций развития преступности анализируемо-

го вида;

– экономия сил и средств правоохранительных органов и общественных организаций, объединивших свои усилия в борьбе с указанными преступлениями [5, стр. 14–15].

О необходимости подключения специализированных подразделений правоохранительных органов зарубежных стран к ICSE Database, использования ее возможностей в процессе выявления и расследования преступления, связанных с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних, а также сбора и учета соответствующих материалов на национальном уровне свидетельствуют положения соответствующей резолюции Интерпола [4].

ICSE Database пополняется аудиовизуальными материалами с изображениями сексуальной эксплуатации несовершеннолетних, поступающими от национальных правоохранительных органов, неправительственных организаций и горячих линий, занимающихся защитой детей от различных форм эксплуатации. Для этого используется зашифрованный канал связи национальных контактных пунктов НЦБ Интерпола (24/7).

Аудиовизуальные материалы вручную исследуются специалистами Интерпола в целях определения необходимости включения в состав ICSE Database. Для этого ими осуществляются следующие действия:

– производится описание (аннотирование) указанного аудиовизуального материала;

– выделяются признаки, позволяющие отнести исследуемый объект к категории запрещенной информации (возраст ребенка, форма сексуальной активности);

– определяется хэш-значение [2] аудиовизуального материала с изображением сексуальной эксплуатации несовершеннолетнего;

– осуществляется сравнение исследуемого объекта с материалами, содержащимися в ICSE Database [5, стр. 16].

Все ранее неизвестные аудиовизуальные материалы с изображением сексуальной эксплуатации несовершеннолетних подлежат обязательному включению в состав ICSE Database, которые в последующем подвергаются тщательному изучению специалистами с целью выявления в них оперативной и криминалистически значимой информации. К этой информации относятся: изображения лиц жертвы и злоумышленника, особые приметы указанных лиц (анатомические особенности строения тела, шрамы, татуировки), отдельные предметы интерьера, одежда, окружающая местность [7, стр. 27–28].

При установлении примерной страны производства указанного аудиовизуального материала соответствующая информация по каналам Интерпола направляется в адрес компетентных органов в целях проведения необходимых мероприятий.

В ICSE Database также подлежат включению серии изображений не противоправного характера, имеющих акцент на личности конкретного ребенка или места преступления, сведения о котором уже содержатся в указанном банке данных.

В криминальной среде такие серии пользуются наибольшим спросом, а также являются предметом коллекционирования. При установлении личности несовершеннолетней жертвы по одному из таких изображений, всей серии присваивается соответствующий идентификатор [6, стр. 8].

Сами аудиовизуальные материалы могут содержать метаданные о времени, дате, геолокации места изготовления такого изображения, а также информацию о модели и серийном номере цифровой фотокамеры. В случае предварительного уничтожения злоумышленником указанной информации, модель устройства цифровой фотокамеры также может быть установлена путем экспертного исследования цифровых шумов [3], образующихся в процессе цифровой фотосъемки, которые характерны для конкретной матрицы цифрового устройства [8, стр. 179–180].

Кроме самих изображений и метаданных в ICSE Database учету подлежат хэш-значения (хэш-функции) этих аудиовизуальных материалов, представленные в виде шестнадцатеричного кода заданной длины, являющегося неким цифровым отпечатком пальца для любого файла. Вероятность того, что два файла имеют одинаковое значение хэша, рассчитанного с помощью алгоритмов MD5 или SHA-1, крайне мала. В связи с этим процедура хэширования используется для определения целостности файла, в том числе

экспертами судебной компьютерной экспертизы в ходе исследования изъятых электронных носители информации (далее – ЭНИ).

Учитывая, что имеющееся хэш-значение является идентификатором файла, не позволяет получить исходный файл с запрещенной информацией, гарантирует защиту конфиденциальной информации от ее разглашения, такие списки хэш-значений используются организаторами распространения информации в сети «Интернет»

(далее – Интернет-провайдеры) и общественными организациями в целях поиска указанного контента в ИТКС. При обнаружении таких материалов формируются списки доменов, указателей страниц в сети Интернет и сетевых адресов, содержащих запрещенную к распространению информацию, которые блокируются на уровне Интернет-провайдера.

В 2018 году ЕСПАТ Интернэшнл проведено исследование, в основу которого положена выборка аудиовизуальных материалов с изображениями сексуальной эксплуатации несовершеннолетних, содержащимися в ICSE Database, личность которых не установлена. Указанное исследование проведено с целью установления типового портрета личности несовершеннолетней жертвы и

преступника, типичных способов совершения преступления и используемые для этого технологии, определения тенденций совершения преступлений анализируемого вида.

По результатам проведенного исследования установлены следующие закономерности. Так, жертва преступления и злоумышленник чаще всего европейского происхождения, несовершеннолетняя жертва в более чем половине случаев женского пола. Материалы, демонстрирующие наиболее экстремальные формы сексуальной активности, в основном совершаются в отношении малолетних детей, которые не могут заявить о совершенном в отношении них преступлении. Такие деяния нередко совершаются злоумышленниками, личность которых хорошо известна ребенку (родители, опекуны, родственники). [6, стр. 39–42].

Вместе с тем в данном отчете также отмечено, что большая часть таких преступлений продолжает оставаться латентными, а многие изображения несовершеннолетних жертв – не известными правоохранительным органам. В связи с этим в целях определения глобальных тенденций в сфере сексуальной эксплуатации несовершеннолетних, выработки на их основе эффективных мер противодействия, а также для разработки общего перечня классификационных признаков, необходимых для единого стандартизированного описания таких объектов, потребуется объединение всех существующих банков данных.

Примером использования регионального репозитория выступает деятельность Европейского центра киберпреступности Европейского союза (Европол), на базе которого создана и координируется деятельность целевой группы по идентификации жертв (Victim Identification Taskforce или VIDTF). В распоряжении VIDTF имеется свой банк данных, содержащий более 48 миллионов аудиовизуальных материалов с изображениями сексуальной эксплуатации несовершеннолетних. VIDTF использует глобальное сотрудничество правоохранительных органов зарубежных стран мира для совместного изучения указанных аудиовизуальных материалов с целью обнаружения места нахождения жертв сексуальной эксплуатации и пресечения преступной деятельности лиц [9].

Национальные банки данных, содержащие указанные аудиовизуальные материалы, созданы и функционируют в Канаде, Дании, Новой Зеландии, Великобритании, Колумбии, Японии и многих других странах.

Например, в 2014 году Министерством внутренних дел Великобритании при поддержке правительства и частного сектора введена в эксплуатацию база данных изображений жестокого обращения с детьми (Child Abuse Image Database, далее – CAID). Возможности CAID позволяют удаленно получать доступ к указанной информации сотрудникам территориальных подразделений полиции Британии [10].

Использование полицией возможностей CAID позволяет решать следую-

щие задачи:

- списки хэш-значений известных аудиовизуальных материалов с изображениями сексуальной эксплуатации несовершеннолетних применяются как в правоохранительной деятельности (решение оперативно-следственных задач, международное сотрудничество по линии Интерпола), так и частным сектором (поиск и блокирование сайтов

- в сети Интернет, содержащих запрещенную информацию);

- сокращает количество средств вычислительной техники и ЭНИ, подлежащих изъятию при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, что, в свою очередь, положительным образом сказывается на сроках исследования таких объектов экспертами судебной компьютерной экспертизы;

- автоматизированный поиск указанных аудиовизуальных материалов на изъятых ЭНИ снижает психологическую нагрузку на должностных лиц правоохранительных органов, вынужденных зачастую вручную искать запрещенную информацию.

Отличия в количественном составе аудиовизуальных материалов с изображениями сексуальной эксплуатации несовершеннолетних, находящихся в банках данных различных стран мира, связано с особенностями уголовно-правовой политики противодействия преступлениям анализируемого вида указанных государств.

Учитывая, что Российская Федерация является страной-членом Интерпола, правоохранительные органы России имеют доступ к различным информационным системам, банкам данных, криминалистическим учетам и коллекциям, в том числе к ICSE Database [1].

Однако в настоящее время при расследовании преступлений, предусмотренных статьями 242.1 и 242.2 УК России, объекты с порнографическими изображениями несовершеннолетних централизованно не собираются и учитываются. В этой связи, целесообразно рассмотреть вопрос о дополнении законодательства Российской Федерации положениями о введении нового банка данных, предусматривающих учет материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних.

Опыт зарубежных стран свидетельствует об эффективности создания таких банков данных (криминалистических учетов, коллекций), содержащих аудиовизуальные материалы с изображениями сексуальной эксплуатации несовершеннолетних. При этом содержащаяся в указанных материалах информация, позволяет решать научно-методические и организационно-управленческие задачи по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений анализируемого вида.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола»: Приказ МВД России № 786, Минюста России № 310, ФСБ России № 470, ФСО России № 454, ФСКН России № 333, ФТС России № 971 от 06.10.2006 (в ред. от 22.09.2009) // СПС «Консультант-Плюс».
2. Хэш-функция (collision-resistant hash-function): Функция, отображающая строки бит в строки бит фиксированной длины и удовлетворяющая определенным свойствам (см.: ГОСТ 34.11-2018. Межгосударственный стандарт. Информационная технология. Криптографическая защита информации. Функция хэширования: приказ Росстандарта от 4 декабря 2018 г. № 1060-ст // СПС «Консультант-Плюс»).
3. Цифровой шум – дефект изображения (шум), вносимый фотосенсорами и электроникой устройств, которые их используют вследствие несовершенства технологий, а также фотонной природы света (см.: Википедия, свободная энциклопедия [сайт]. – Режим доступа: <https://clck.ru/ehWpy> (дата обращения: 31.03.2022).
4. International Criminal Police Organization «ICPO-INTERPOL». Resolution # AG-2011-RES-08: Promoting victim-centric management of child abuse material at the national level [сайт]. Режим доступа: <https://clck.ru/eYTit> (дата обращения: 31.03.2022).
5. ЕСПАТ International (2018), «Trends in online child sexual abuse material» / End Child Prostitution in Asian Tourism (ЕСПАТ) [сайт]. – Режим доступа: <https://clck.ru/ehZ3G> (дата обращения: 31.03.2022).
6. INTERPOL and ЕСПАТ International (2018), «Towards a Global Indicator on Unidentified Victims in Child Sexual Exploitation Material» / End Child Prostitution in Asian Tourism (ЕСПАТ) [сайт]. – Режим доступа: <https://clck.ru/ehXz9> (дата обращения: 31.03.2022).
7. Internet-facilitated child sexual abuse in Canada / Office of the Federal Ombudsman for victims of crime. Government of Canada, (2007) [сайт]. – Режим доступа: <https://clck.ru/ehsRN> (дата обращения: 31.03.2022).
8. K.V. Açar (2020), «Framework for a Single Global Repository of Child Abuse Materials» Global Policy, London School of Economics and Political Science, vol. 11 (1).
9. Malta police aids Europol to identify four child sexual abuse victims / Malta today [сайт]. – Режим доступа: <https://inlnk.ru/3ZxdB0> (дата обращения: 31.03.2022).
10. Home Office – Child Abuse Image Database (CAID), January 2015 / Government of the United Kingdom [сайт]. – Режим доступа: <https://clck.ru/ehZ4g> (дата обращения: 31.03.2022).

Child Sexual Exploitation Databases as an object of criminological, criminalistic and forensic expert research

K.I. Dorofeev

*Treaty and Law Department of the Ministry of Internal Affairs (Russia, Moscow)
moskowlirik@mail.ru*

The author analyzes foreign scientific and methodological literature devoted to the study of the state of combating crimes related to the sexual exploitation of minors. One of the effective forms of countering the crimes under consideration is the creation and maintenance of appropriate databases (databanks), the objects of which are audiovisual materials with images of sexual exploitation of minors. The study of such objects allows to establish information that contributes to the solution of various scientific, methodological, organizational and managerial tasks for the identification, disclosure and investigation of crimes of the analyzed type.

Keywords: child sexual exploitation material database, materials or objects with pornographic images of minors, special knowledge

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

О.Г. Дьяконова

*Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, Москва)
oxana_diakonova@mail.ru*

Использование специальных знаний является весьма распространенной деятельностью в рамках судопроизводства и других видов юрисдикционной деятельности. Она базируется на теоретической основе, разработанной в рамках сравнительно молодой науки – судебной экспертологии. Структура и предмет судебной экспертологии до сих пор вызывают дискуссии, что подталкивает к поиску новых аргументов, обосновывающих возможность изучения тех или иных закономерностей в ее рамках. Научное знание находится в непрерывном развитии и исследование возможностей судебной экспертологии имеет важное значение для юридической науки в целом.

Ключевые слова: судебная экспертология, структура и предмет науки, институт судебной экспертизы, институт участия специалиста.

Всякая практическая деятельность опирается на научную основу. Прочность этой основы обуславливает простоту и правильность правоприменения. Не составляет исключения и часто осуществляемое в судопроизводстве и иных видах юрисдикционной деятельности использование специальных знаний, как деятельность, регулируемая комплексом нормативных правовых актов как общего характера (процессуальные кодексы, Налоговый кодекс РФ, Таможенный кодекс ЕАЭС и др.), так и специального (федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», 2001). При этом и нормативное регулирование, и практическая деятельность нуждаются

в прочном теоретическом обосновании, создать которое возможно только в рамках научного знания.

1. Использование специальных знаний является специфической деятельностью с участием лиц, ведущих судопроизводство или иной юрисдикционный процесс, привлекающих сведущих лиц в целях получения информации, имеющей значение для осуществления их процессуальной функции, или оказания иной помощи в процессуальном порядке. Если рассматривать категорию «использование специальных знаний» как элемент права, то можно определить ее в качестве правового макроинститута [1]. При этом он характеризуется признаками: обладает обособленностью, характеризуется полнотой регулирования, взаимосвязью по предметно-функциональному признаку, регулирует конкретные правоотношения, является комплексным и сложным по составу. Фактически, макроинститут использования специальных знаний представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере использования специальных знаний в судопроизводстве и иной юрисдикционной деятельности, носящую межпроцессуальный, специальный и комплексный характер, выступающую в виде сложного правового образования, который включает процессуальные комплексные институты и субинституты. Структурно в указанный правовой макроинститут входят правовые институты: судебной экспертизы, экспертизы в иной юрисдикционной деятельности, участия специалиста в юрисдикционной деятельности и другие, регулирующие определенные виды правоотношений.

Отдельные теоретические положения об использовании специальных знаний разрабатывались в рамках криминалистики, однако на протяжении уже более 40 лет большинство ученых, посвящающих свои труды исследованию судебной экспертизы, использованию специальных знаний в целом, поддерживают концепцию самостоятельной науки о судебной экспертизе – «судебной экспертологии». Следует отметить, что учеными предлагались различные наименования данной науки. Но все чаще в последнее время, и это находит отражение и в наименованиях научных мероприятий, в том числе на международном уровне, звучит термин судебная экспертология. В буквальном понимании термина «экспертология» – это слово (учение) о том, что проверено, испытано [2, стр. 26]. Другими словами, это учение о том, что исследовано и о сведущем лице, которое осуществляет эту деятельность. Фактически термин «судебная экспертология» наилучшим образом характеризует название науки во взаимосвязи с предметом и объектом ее исследования.

2. Свое видение структуры судебной экспертологии, напрямую отражающей предмет ее исследования, предлагалось многими учеными. Условно их можно разделить на группы в зависимости от включения правовых и организационных основ в структуру судебной экспертологии. Так, к первой груп-

пе ученых, не включающих изучение правовых и организационных основ в структуру судебной экспертологии, можно отнести позиции Р.С. Белкина, Т.В. Аверьяновой, И.А. Алиева, В.А. Ручкина, Ю.Г. Корухова и других. Ко второй группе ученых, полагающих, что изучение таких основ необходимо в рамках судебной экспертологии, относятся Е.Р. Россинская, Д.А. Сорокотягина и И.Н. Сорокотягин, М.Я. Сегай, К.Н. Шакиров, С.Ф. Бычкова, А.М. Зинин, Т.С. Волчецкая и другие.

Не вдаваясь в дискуссию о возможности и необходимости изучения правовых и организационных основ в рамках судебной экспертологии, которая уже неоднократно была предметом исследования ранее, отметим следующее. В последнее время все больше ученых, посвящающих свои труды проблемам использования специальных знаний, судебной экспертизе, участию специалиста, исследуют не просто методологические вопросы, но и правовые, и организационные, на основе комплексного экспертологического подхода, составляющие весьма актуальную проблематику ввиду проводимого реформирования судебно-экспертной деятельности в России.

Поддерживая позицию Е.Р. Россинской [3, стр. 537], обозначившей подробно структуру судебной экспертологии, предлагаем ее расширить. Это связано с тем, что для современного состояния науки общей теории судебной экспертизы (данный термин предложен для наименования науки о судебной экспертизе – Т.В. Аверьяновой [4]) оказывается недостаточно для дальнейшего развития и совершенствования научной мысли. Видоизменился объект науки. Если ранее объектом выступала государственная судебно-экспертная деятельность, то сейчас можно говорить о том, что она претерпела качественные изменения, перестав характеризоваться признаком «государственной» принадлежности, что накладывает отпечаток на объект науки. Кроме того, в структуре судебной экспертологии возможно выделить положения о других формах использования специальных знаний, закономерности осуществления которых также включены в предмет данной науки, что не может не расширять ее объект.

Структура судебной экспертологии в настоящее время может выглядеть следующим образом:

1) Концептуальные основы судебной экспертологии: 1.1. Учение о судебной экспертологии как науке: предмет, система, принципы, задачи, функции, методы судебной экспертологии; 1.2. Учение о формах использования специальных знаний в судопроизводстве и иных видах юрисдикционной деятельности; 1.3. Учение о сведущих лицах; 1.4. Учение о судебной экспертизе: предмет, объекты и их свойства и признаки, задачи судебной экспертизы; 1.5. Учение о закономерностях формирования и классификации судебных экспертиз по родам и видам; учение о закономерностях формирования и развития новых родов и видов судебных экспертиз; 1.6. Общие положения о СЭД, принципы СЭД, ее роль

в судопроизводстве и иных видах юрисдикционной деятельности; 1.7. Учение о процессах, отношениях и целях экспертной деятельности: теория экспертной идентификации; теория экспертной диагностики; теория экспертного прогнозирования, теория экспертной реституции; теория экспертной профилактики; 1.8. Учение о формах и средствах коммуникативной деятельности эксперта, включая взаимодействие со следователем, судом, руководителем экспертной организации, а также язык судебной экспертологии, система экспертных понятий, вопросы информатизации и формализации языка; 1.9. Общие теоретические положения частных теорий отдельных родов и видов судебных экспертиз (понятие частной экспертной теории, ее предмета, объектов, задач).

2) Правовое обеспечение применения и использования специальных знаний в юрисдикционной деятельности: 2.1. Правовая основа деятельности СЭО, правовой статус их руководителей; 2.2. Основы правового и профессионального статуса судебного эксперта и эксперта, привлекаемого к производству экспертизы в иных видах юрисдикционной деятельности, как субъектов правоприменительной и правотворческой деятельности; 2.3. Учение об экспертной инициативе; 2.4. Правовые основы регламентации формальной и содержательной сторон результата деятельности эксперта – заключения судебной экспертизы или экспертизы в иных видах юрисдикционной деятельности, особенности его оценки и использования в различных видах юрисдикционной деятельности, включая судопроизводство; 2.5. Основы правового и профессионального статуса специалиста как субъекта правоприменительной и правотворческой деятельности; 2.6. Правовые основы регламентации формальной и содержательной сторон результатов деятельности специалиста – консультации или заключения, а также особенности их использования в судопроизводстве и иных видах юрисдикционной деятельности; 2.7. Международно-правовое сотрудничество в области судебной экспертизы, экспертизы в иных видах юрисдикционной деятельности, а также участия специалиста в судопроизводстве и иных видах юрисдикционной деятельности.

3) Организационное обеспечение применения и использования специальных знаний в юрисдикционной деятельности: 3.1. Организация, структура, функции государственных и негосударственных судебно-экспертных организаций; 3.2. Информационное обеспечение СЭД; 3.3. Профессиональная деятельность, подготовка и повышение квалификации судебного эксперта, сертификация деятельности судебного эксперта, экспертная дидактика; 3.4. Психологические, логические и нравственные основы профессиональной деятельности судебного эксперта; профессиональная этика судебного эксперта.

4) Судебно-экспертные технологии: 4.1. Методология СЭД; 4.2. Процесс экспертного исследования и его стадии; 4.3. Судебно-экспертные методики, их типизация, стандартизация и паспортизация; 4.4. Профилактическая деятель-

ность эксперта и специалиста; 4.5 Профилактика экспертных ошибок.

Предметом судебной экспертологии в целом выступают изучаемые наукой закономерности, отражающие ее структуру. Объектом судебной экспертологии являются, во-первых, судебно-экспертная деятельность, как комплекс действий, а, во-вторых, деятельность по применению и использованию специальных знаний в других формах в судопроизводстве или иных видах юрисдикционной деятельности.

3. Предложенная структура судебной экспертологии обуславливает возможные направления развития данной науки. Прежде всего, конечно, активное развитие традиционного междисциплинарного направления, в рамках которого в единстве с другими науками изучаются пограничные закономерности. Такие закономерности прослеживаются при взаимодействии криминалистики и судебной экспертологии. Криминалистика и судебная экспертология взаимосвязаны, но предмет и объект их исследования не идентичны. Тесная взаимосвязь этих наук обусловлена не только историческим развитием, но и методологией, задачами и целями. При этом, необходимо подчеркнуть, что связь судебной экспертологии с криминалистикой, медициной, психиатрией, психологией, техническими отраслями наук не является подчиненной, это – взаимосвязь равного характера. Судебная экспертология воспринимает отдельные положения, изучаемые перечисленными отраслями наук, при этом не посягает на предмет их изучения, предлагая взамен использовать общие положения теории судебной экспертизы с тем, чтобы была достигнута цель использования знаний из судебной экспертологии и других наук для достижения задач судопроизводства или иной юрисдикционной деятельности.

Как верно отмечает Е.Р. Россинская, криминалистика существенно влияет на развитие новых экспертных методик, поскольку в ее рамках разрабатываются новые криминалистические методики раскрытия и расследования появляющихся видов преступлений [3, стр. 421]. Наблюдается и обратный процесс, как пишет Н.П. Майлис, когда судебная экспертиза постоянно обогащает криминалистику и происходит их взаимообусловленное развитие, именно в экспертизе в большей мере разрабатываются методические рекомендации для следователей и оперативных работников по обнаружению, фиксации и изъятию особых вещественных доказательств, например, микрообъектов [5, стр. 82].

Кроме того, судебная экспертология, изучающая правовые и организационные основы использования специальных знаний, в определенной степени «делит» изучение этих закономерностей с процессуальными науками, а также с доказательственным правом [6]. Соотношение судебной экспертологии с процессуальным правом можно рассматривать с точки зрения одноуровневой взаимосвязи: наука «судебная экспертология» – наука «процессуальное право». Предмет их исследования частично пересекается, при несовпадении объекта.

Эта взаимосвязь отражается в исследовании правового статуса эксперта и специалиста как субъектов правоприменительной и правотворческой деятельности, значимости результатов их процессуальной деятельности, процедурных аспектов назначения и производства судебной экспертизы, привлечения и участия специалиста, а также вопросов международно-правовое сотрудничество в области судебной экспертизы. Судебная экспертология не изучает сугубо процессуальные аспекты реализации различных форм использования специальных знаний, это прерогатива процессуальных наук. Но результаты исследования сущности функционирования различных форм в указанных в предмете судебной экспертологии элементах могут быть положены в основу обновления существующего противоречивого правового регулирования, унификации положений правового макроинститута «использование специальных знаний». Такое понимание объекта судебной экспертологии, с учетом деятельностного подхода, представляется, коррелирует с определением предмета науки судебной экспертологии.

Другим направлением является трансформация судебной экспертологии с учетом расширения научных подходов и методов – трансдисциплинарное направление развития. По сути, оно расширяет границы исследования закономерностей, изучаемых судебной экспертологией, ее объекта – использование специальных знаний – до иных отраслей права. Так, в рамках налогового или таможенного права, исполнительного производства и других отраслей практически не затрагиваются вопросы использования специальных знаний, но практика нуждается в этом, ввиду наличия комплекса проблем, связанных с применением специальных знаний. В этой связи можно говорить об объединении научного знания об использовании специальных знаний в рамках судебной экспертологии.

В целом указанные направления являются типичными для развития многих научных отраслей, поскольку изучение смежных вопросов и использование разностороннего подхода способно обогатить научное знание. Таким образом, развитие судебной экспертологии видится в русле сначала междисциплинарного, в последующем и трансдисциплинарного направлений, в тесной взаимосвязи и взаимодействии с науками: криминалистикой, процессуальными и иными, которые составляют теоретическую базу для отраслей права, регулирующих помимо прочего и правоотношения, входящие в правовой макроинститут использования специальных знаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дьяконова О.Г. «Использование специальных знаний» как правовая категория и ее место в системе права // Вопросы правоведения. 2017. № 1 (39). С. 267–282.
2. Галяшина Е.И. Экспертология: проблемы наименования и предметная об-

- ласть знаний //Вестник экономической безопасности. 2016. № 4. С. 25–28.
3. Россинская Е.Р. Избранное. М.: Норма, 2019. 680 с.
 4. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма-Инфра-М, 2006. 480 с.
 5. Майлис Н.П. О соотношении судебной экспертизы, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности // 2013. Выпуск 4. Ч. 2. С. 81–87.
 6. Кудрявцева А.В. Выступление на Zoom-семинаре «Уголовный процесс и другие процессуальные отрасли», Санкт-Петербург, 2022 [Электронный ресурс]. – <http://www.iauj.net/node/3051>.

Prospects for the development of forensic expertology in the context of the transformation of scientific knowledge

O.G. Dyakonova

Kutafin Moscow State Law University (Russia, Moscow)

oxana_diakonova@mail.ru

The use of specialized knowledge is a very common activity in the framework of judicial proceedings and other types of jurisdictional activities. It is based on a theoretical basis developed within the framework of a relatively young science – forensic expertology. The structure and subject of forensic expertology still cause discussions, which pushes to search for new arguments justifying the possibility of studying certain patterns within its framework. Scientific knowledge is in continuous development and the study of the possibilities of forensic expertise is important for legal science.

Keywords: forensic expertology, structure and subject of science, institute of forensic expertise, institute of specialist participation.

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ КОРРУПЦИИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ В РОССИИ

Ю.В. Жильцова

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

Gilcova_Julya@mail.ru

Каждое государство стремится взять под контроль национальную коррупцию, используя внутренние ресурсы, прежде всего, с целью обеспечения экономической безопасности. В работе изучено состояние коррупции на основе новейшей информации, предоставленной различными официальными российскими источниками, а также авторитетной «Transparency International», для понимания места России в мире. Выявлена негативная тенденция, что должно послужить сигналом для государственной инициативы в целях антикоррупционного реформирования, а также вовлечения представителей общественности в антикоррупционную компанию в русле эффективного сотрудничества с международными организациями.

Ключевые слова: коррупция, понятие, официальная статистика правоохранительных институтов и Росстата, динамика последних лет.

Коррупция многогранна в своих проявлениях и оказывает крайне негативное влияние на многие стороны жизни общества, в том числе подрывает демократические и нравственные устои, поэтому в XXI веке её рассматривают как социальное явление, не имеющее границ и национальности. Более того, коррупция препятствует борьбе с коронавирусной инфекцией.

До наступления пандемии COVID-19 в конце XX в. – начале XXI в., когда развитие мировой системы представлялось как непрерывный процесс глобализации и трансформации социальных и экономических процессов, различные международные организации закрепили в своих документах понимание коррупции и содержание коррупционных деяний с учетом противодействия ей на транснациональном уровне.

В 1999 г. Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию в первый раз закрепила понятие коррупции на транснациональном уровне. В Конвенции коррупцию определили как «просьбу, предложение, дачу или получение, прямо или косвенно, взятки, или любого другого ненадлежащего преимущества, или обещания такового, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности или поведение, требуемое от получателя взятки, ненадлежащего преимущества или обещания такового» [1].

В 2003 г. Генеральная ассамблея Организации Объединенных Наций (ООН) приняла первый международный акт, определивший общие международные нормы в области гражданского права и коррупции, – Конвенцию ООН против коррупции. Данная Конвенция ООН прямо не закрепила определение коррупции, но отразила природу коррупции, представила набор мер по борьбе с коррупцией, а также предложила активно развивать антикоррупционное сотрудничество на мегауровне. Главной идеей документа является усиление прозрачности функционирования публичных и частных институтов, а также имплементация антикоррупционных стандартов для различных сегментов экономики в национальное право отдельных государств [2].

В настоящее время на международном уровне кроме перечисленных выше двух нормативных актов создан солидный пакет документов, содержащих принципы, способы и методы борьбы с коррупцией, унифицированные для всех государств мира.

Российская Федерация ратифицировала Конвенцию ООН, так Конвенция вступила в силу 8 июня 2006 года¹. При этом стоит отметить, что содержание понятия коррупции, закрепленное в международных актах и в российском законе «О противодействии коррупции» № 273-ФЗ², имеет различия. В Конвен-

¹ Федеральный закон «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» от 08.03.2006 N 40-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59047/#:~:text=8%20марта%202006%20года%20N,Федерации%2022%20февраля%202006%20года (дата обращения: 22.02.2022).

² Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 N 273-ФЗ (в ред. от

ции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию исследуемое понятие трактуется шире, чем в национальном законодательстве. Для примера, в российском законе не охваченными остаются такие деяния, как просьба или предложение взятки или иного преимущества и, кроме того, признаком коррупционных правонарушений согласно российскому законодательству является получение именно имущественной выгоды, т. е. определяемой на основе денежной оценки, в то время как Конвенция не содержит ограничений понятия ненадлежащего преимущества или выгоды [3]. Следовательно, национальному законодательству есть, куда расти в целях расширения перечня наказуемых коррупционных деяний и гармонизации с международными нормами права.

В настоящее время в России редкий документ, посвященный оценке или прогнозированию социальной, экономической и политической ситуации, обходится без упоминания коррупции. Средства массовой информации регулярно освещают злободневную проблему коррупции и громкие дела с разоблачением коррупционеров. Таким образом, приходится признать, что термин «коррупция» прочно вошел в риторiku государственных органов власти, а также в обыденный лексикон россиян.

В настоящее время термин «национальная безопасность» имеет разнообразную трактовку. Но уже никто не отрицает, что национальную безопасность региона и страны можно прямо связать с экономической безопасностью и даже использовать термины «национальная безопасность» и «экономическая безопасность» как синонимы [4, стр. 139]. Высокий уровень коррупции наносит урон экономической безопасности, в частности, стимулирует бегство капитала и формирование пассивного платежного баланса. Также высокий уровень коррупции снижает доверие к стране со стороны иностранных инвесторов.

В 2021 г. Президент РФ Владимир Путин утвердил Национальный план противодействия коррупции на среднесрочную перспективу – 2021–2024 гг.¹ Это официальная платформа для выработки конкретных решений правоохранительными институтами России: МВД, ФСБ, СК, Генпрокуратурой, Финмониторингом. Согласно Национальному плану Генпрокуратура обязана ежегодно формировать в срок до 1-го мая доклад о выявлении, раскрытии и расследовании фактов подкупа иностранных должностных лиц и должностных лиц международных организаций при осуществлении международных коммерческих сделок. В свою очередь, СК, МВД и ФСБ каждый год до 1-го марта обязаны совместно отчитываться о новейших формах взяточничества с применением

30.12.2021 N 471-ФЗ) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 22.02.2022).

¹ Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 №478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_392999/ (дата обращения: 22.02.2022).

цифровых способов. Все пять ведомств должны объединить усилия для разработки формы уголовного производства дел о розыске доходов, полученных преступным путем. Также Президентом РФ поставлена задача в срок до конца следующего года разработать норму, содержащую запрет на работу в государственных организациях гражданам, которых осудили за взятки.

Наблюдение за коррупционными процессами ведут национальные министерства и ведомства, в том числе Росстат, а также международные организации. Остановимся на официальной информации, предоставленной за последние годы российскими институтами, а также авторитетной международной организацией. Здесь необходимо отметить, что измерение коррупции является сложнейшей задачей, так как подобная преступность имеет латентный характер. Низкие официальные показатели коррупционных преступлений не отражают реальное положение дел, и, кроме того, свидетельствуют о пробелах в законодательстве. Взятничество является основой коррупции, поэтому различные министерства и ведомства РФ выделяют её из массива других данных.

Генеральная Прокуратура России регулярно выпускает сборник «О состоянии преступности в России», в котором среди прочего освещается и состояние коррупции.

Таблица 1. Состояние преступности в России по данным Генпрокуратуры за два года

Показатель	Январь–ноябрь 2020 г.	Январь–ноябрь 2021 г.
Количество коррупционных деяний, в том числе взяточничество	29,4 тыс. 13,7 тыс.	32,9 тыс. 17,2 тыс.
Размер ущерба, причиненного преступлениями коррупционной направленности	54,8 млрд. руб.	57,1 млрд. руб.
Стоимость активов, на которые наложен арест	22,2 млрд. руб.	53,4 млрд. руб.

Источник: Генеральная прокуратура [5].

Из данных представленных в табл. 1 видно, что за 11 месяцев 2021 г. против того же периода 2020 г. число коррупционных деяний увеличилось на 11,9 %, при этом более половины таких деяний приходится на факты взяточничества, массив которых увеличился на четверть. Также вырос размер ущерба, причиненного преступлениями коррупционной направленности, на 4,2 %. Практически в 2,5 раза увеличилась стоимость активов, на которые был наложен арест. Приведенная динамика заслуживает отрицательной оценки и вызывает обоснованную тревогу специалистов в области экономики и права, а также всего гражданского общества.

Таблица 2. Судебная статистика по уголовному судопроизводству за два года

Показатель	Рассмотрено дел	
	2019 г.	2020 г.
Получение взятки (ст. 290 УК РФ)	1 581	1 345
Дача взятки (ст. 291 УК РФ)	1 879	1 811
Мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ)	3 074	3 250
Другие преступления против интересов службы в органах власти и местного самоуправления (ст. 285-288, 292, 293 УК РФ)	3 835	3 494

Источник: Судебная статистика РФ [6].

Официальная судебная статистика за 2019–2020 гг. показывает уменьшение дел, связанных с получением и дачей взяток, а также других преступлений против службы в органах власти, но при этом наблюдается рост количества взяток от 6 000 до 10 000 руб.

Председатель СК РФ Александр Бастрыкин в интервью РИА Новости сообщил, что с 2011 года по 2020 год за коррупционные преступления ответили свыше 5,7 тысячи высокопоставленных российских чиновников [7].

Официальная статистика МВД России выделяет отдельно взяточничество в структуре преступности, начиная с отчетов за 2020 г. По данным МВД России количество данных преступлений в 2021 г. увеличилось против 2020 г. почти на 13%.

Таблица 3. Доля взяточничества в структуре преступлений по данным МВД России за два года в процентах

Показатель	2020 г.	2021 г.
Взяточничество	0,7 %	0,9 %

Источник: Министерство внутренних дел Российской Федерации [8].

Росстат ведет статистику преступлений, показывает динамику преступлений для оценки тренда и понимания места России в мире. Из спектра коррупционных преступлений Росстат ведет особое наблюдение за взяточничеством. Так в 2019 г. было зарегистрировано 13,9 тыс. случаев взяточничества, что на 10 % больше, чем в 2018 г. В рамках данного исследования представим статистику соотношения жалоб на коррупцию в различных органах власти РФ.

Таблица 4. Соотношение жалоб на коррупцию в различных органах власти РФ за 2018 г. в процентах

Наименование органа государственной власти	Уровень коррупции, %
Судебная система	77,5
Полиция	25,2
Прокуратура	15,8
Следственный комитет	15,8

Органы региональной власти и местного самоуправления	3,7
Федеральная служба исполнения наказания	2,8
Федеральная служба РФ по контролю за оборотом наркотиков	0,9
Федеральная служба безопасности	0,9

Источник: Росстат [9].

Данные представленные в табл. 4 показывают, что львиная доля жалоб на коррупцию зарегистрирована в судебной системе, далее лидирует МВД России с показателем 25,2 %, а Прокуратура и СК характеризуются одинаковым уровнем коррупции – 15,8 %.

В целях формирования глобального рейтинга международное антикоррупционное движение «Трансперенси Интернешнл» («Transparency International») рассчитывает индекс восприятия коррупции (ИВК). ИВК – синтетический показатель, который составляется на основе опросов различных бизнесменов и специалистов-страноведов об уровне коррупции в национальном государственном секторе и выражается в баллах условной шкалы от 0 до 100. Ежегодно «Трансперенси Интернешнл» публикует серьезный Рейтинг 180-ти стран мира по уровню коррупции. В 2021 г. Россия заняла 136 место в нижней трети мирового рейтинга, набрав при этом 29 баллов – это очень высокий ИВК. Ровно так же были оценены 3 африканских страны: Ангола, Либерия и Мали. В 2020 г. рейтинг России был 126, и бальная оценка тоже была лучше на одну единицу [10], то есть имеет место отрицательная динамика. В настоящее время Российское отделение данной организации включено Минюстом в реестр иностранных агентов. Но следует отметить, что в целом отрицательная динамика ИВК в России, определенная по методике «Трансперенси Интернешнл», коррелирует с динамикой преступлений коррупционной направленности, представленной различными министерствами и ведомствами РФ.

Проведенный анализ показал, что назрела острая необходимость в реализации сложного комплекса мероприятий: совершенствовании национального законодательства на основе международного опыта и сотрудничества, создании системы защиты заявителей о коррупции, обеспечении реального преследования коррупционеров и неотвратимости наказания, расширении перечня открытых источников информации о доходах и имуществе госслужащих, а также формировании активной позиции гражданского общества для снижения толерантности к коррупции в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию. Страсбург 4 ноября 1999 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901858911> (дата обращения: 20.02.2022).
2. Иноземцев М.И., Коргалева О.А. Источники международно-правового

- регулирования борьбы с коррупцией. Управленческое консультирование, 2015, № (82) 10 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-mezhdunarodno-pravovogo-regulirovaniya-borby-s-korrupsiyey/viewer> (дата обращения: 20.02.2022).
3. Жиганова А.А. Проблемы присоединения Российской Федерации к Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 года. Вестник СПбГУ. Право. 2011. Сер. 14. Вып. 2. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-prisoedineniya-rossiyskoj-federatsii-k-konventsii-soveta-evropy-o-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti-za-korrupsiyu-ot-4> (дата обращения: 22.02.2022).
 4. Жильцова Ю.В. Влияние отмывания преступных доходов и финансирования терроризма на национальную экономическую систему России. Сборник докладов Всероссийской научной конференции с международным участием. Нижний Новгород, 2021. Издательство: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. 2021. 350 с.
 5. Состояние преступности в России. Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/Ежемесячный%20сборник%20за%20ноябрь%202021.pdf> (дата обращения: 24.02.2022).
 6. Уголовное судопроизводство. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.судебнаястатистика.рф/stats/ug/t/11/s/1> (дата обращения: 24.02.2022).
 7. Статистика коррупционных преступлений за 2020 год [Электронный ресурс]. – URL: <https://usb-mvd.ru/protovodeystvie-korrupcyi/statistika-korrupsionnykh-prestuplenij-za-2020-god> (дата обращения: 24.02.2022).
 8. Краткая характеристика преступности в Российской Федерации. Министерство внутренних дел российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 24.02.2022).
 9. Преступность по данным Росстат. Статистика и показатели [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosinfostat.ru/prestupnost/#i-13> (дата обращения: 26.02.2022).
 10. Россия в Индексе восприятия коррупции 2021: 29 баллов и 136 место. Трансперенси Интернешнл. [Электронный ресурс]. – URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korrupczii-2021-29-ballof-i-136-e-mesto> (дата обращения: 27.02.2022).

Assessment of the state of corruption in recent years in Russia

Y. V. Zhiltsova

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)
Gilcova_Julya@mail.ru*

Each State seeks to control national corruption by using internal resources, primarily in order to ensure economic security. The paper examines the state of corruption on the basis of the latest information provided by various official Russian sources, as well as the authoritative Transparency International to understand Russia's place in the world. A negative trend has been identified, which should serve as a signal for the state initiative for anti-corruption reform, as well as the involvement of public representatives in the anti-corruption company in line with effective cooperation with international organizations.

Keywords: corruption, concept, official statistics of law enforcement institutions and Rosstat, dynamics of recent years.

ПЕДОФИЛЬСКИЙ ДИСКУРС: ОСНОВНЫЕ ТЕРМИНЫ, КУЛЬТУРНЫЕ АРТЕФАКТЫ И ОСОБЕННОСТИ МАРКИРОВКИ ПОРНОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ

О.В. Зайцева

*Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, Москва)
deyaldelwer@mail.ru*

Педофильское сообщество представляет собой сложно организованный организм, обладающий собственными терминосистемой, символикой, информационными ресурсами и печатными изданиями и производящий идеологический и развлекательный контент. Исследование терминосистемы, символики педофильского сообщества и способов маркировки его членами порнографического контента имеет практическую значимость при производстве психолого-лингвистических экспертиз.

Ключевые слова: педофилия, табуированные речесмыслы, криптолалия, маркировка детской порнографии

В последние годы наблюдается тенденция к ужесточению законодательства в сфере преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Эти изменения являются ответом правительства на запрос общества, возникшим в результате ряда прецедентов (дело Лизы Киселёвой, дело Вероники Николаевой), и предполагают превенцию роста числа подобных случаев в дальнейшем. В то же время политические деятели, юристы и учёные далеки от понимания того, что из себя представляет педофильское сообщество, какой риторике придерживаются его члены и как оно функционирует в виртуальном пространстве. Для сотрудников правоохранительных органов, криминалистов и юристов изучение педофильской риторики имеет первостепенную важность – оно направлено как на расширение фоновых знаний о лицах, отно-

сящих себя к этому сообществу, и их мировоззрению, так и на знакомство с метаязыком и символикой данного сообщества. Последний аспект имеет практическую значимость и должен учитываться при производстве лингвистических экспертиз – например, при анализе маркировки и/или названий видеофайлов, содержащих признаки информации порнографического характера с участием лиц, выглядящих как несовершеннолетние.

Для исследования риторики педофильского сообщества нами была проанализирована коммуникация русскоязычных и англоязычных пользователей педофильских форумов. В целях информационной безопасности мы не публикуем в открытом доступе название изученных нами форумов. Их перечень предоставлен организаторам конференции.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕДОФИЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА И ЕГО ОРГАНИЗАЦИЯ

Педофильское сообщество сложно организовано и неоднородно. Представители данной субкультуры действуют на закрытых или ограниченно открытых интернет-площадках со строгой политикой безопасности – доступ на закрытые уровни форума возможен после прохождения модераторской проверки.

В настоящее время сложно говорить о степени инкорпорированности русскоязычного педофильского сообщества в международные объединения, однако нельзя отрицать, что в основе его организации лежит англоязычная модель. Так, для англоязычных и русскоязычных представителей педофильского сообщества характерно разделение в зависимости от сексуальных предпочтений: выделяются так называемые «бойлаверы» (от англ. «boylover») – лица, испытывающих романтическое и/или сексуальное влечение к несовершеннолетним мужского пола, «гёрллаверы» (от англ. «girllover») – лица, испытывающих романтическое и/или сексуальное влечение к несовершеннолетним женского пола, «чайлдлаверы» (от англ. «childlover») – лица, испытывающих романтическое и/или сексуальное влечение к несовершеннолетним вне зависимости от их пола. Каждая из названных групп имеет свою эмблему, свой флаг, свой «праздничный» день и свои аналоги «Википедии» (данные предоставлены организаторам конференции). Последние информационные ресурсы располагают сведениями:

- (1) об истории и представителях педофильского движения;
- (2) о способах сокрытия информации, представляющей интерес для правоохранительных органов;
- (3) о предоставлении контактов юристов лицам, обвиняемым в преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних или в распространении детской порнографии;
- (4) о материалах развлекательного характера с участием несовершеннолетних (журнальная продукция, фото- и видеопродукция, эротические и порнографические тексты);

(5) о материалах идеологического характера, направленных на легитимизацию дискурсивных практик педофильского сообщества, романтического/сексуального взаимодействия с несовершеннолетними;

(6) о терминах и символике педофильского движения.

ТЕРМИНОСИСТЕМА РУССКОЯЗЫЧНОГО И АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПЕДОФИЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА

Педофильское сообщество имеет разработанную терминосистему, направленную как на обозначение лиц, относящих себя к педофильскому сообществу, так и на обозначение несовершеннолетних и иных аспектов романтического и/или сексуального взаимодействия с несовершеннолетними, отражающих его характер (см. Таб.). Ряд терминов (педосексуал, МАР, МАА, НОМАР, pedosexual, puersexual, pro-c, anti-c, ААМ, АоА, responsible boylove) указывает на процесс формирования у педофильского сообщества групповой идентичности и представляет собой инструмент, направленный на легитимизацию своей дискурсивной практики за счет подражания дискурсивным практикам, относящимся к феминистскому сообществу и сообществам ЛГБТ+. На это, в частности, указывают термины «педосексуал», «pedosexual», «puersexual», образованные по аналогии с терминами «гомосексуал», «бисексуал» и тд. Использование вышеперечисленных лексем направлено на вытеснение термина «педофил», имеющего в официальном дискурсе отрицательную коннотацию, и замену его на условно приемлемые термины, не ассоциирующиеся с противоправной деятельностью. Также стоит отметить, что представители феминистского сообщества и сообществ ЛГБТ+ выражают негативные отношения к педофильскому сообществу. Другие термины (например, медведь, педобир, волшебник, белковод, белка, белочка, Лолита, Лоли, Алиса, зайчик, Kiddy Fiddler, Amaros, Amarso, Amarsi) направлены на эвфемизацию табуированных речесмыслов. Ряд вышеперечисленных терминов эксплуатируют онимы из литературных произведений «Волшебник» и «Лолита» В.В. Набокова и «Приключения Алисы в Стране чудес» Л. Кэрролла (волшебник, Лолита, Лоли, Lolі, Lolita, Алиса, Alice), а также номинации и их производные, относящиеся к Интернет-культуре (медведь, педобир). Некоторые номинации (YF («Young Friend»), GM («Girl Moment»), BM («Boy Moment»), Responsible Boylove, ААМ («Adult Attracted Minor»), Amaros, Amarso, Amarsi) направлены на представление романтического и/или сексуального взаимодействия с несовершеннолетними безопасным и реализуемым по обоюдному согласию.

Таблица. Список и расшифровка терминов, используемых русскоязычным и англоязычным педофильским сообществом

I. Русскоязычные термины педофильского сообщества		
1.	Для обозначения растлителя/педофила	бойлавер (также: ВЛ, БЛ), гёрллавер (также: GL, ГЛ), медведь, педобир (оммаж педобиру), волшебник (оммаж В.В. Набокову), белковод, педосексуал;

2.	Для обозначения детей	белка, белочка, Лолита, Лоли, Алиса – для обозначения девочек; зайчик – для обозначения мальчиков;
II. Англоязычные термины педофильского сообщества		
A. Для обозначения растлителя/ педофила:		
1.	MAP («Minor attracted people»)	пер. с англ.: люди, которых привлекают несовершеннолетние
2.	MAA («Minor attracted adult»)	пер. с англ.: человек, которого привлекают несовершеннолетние;
3.	NOMAP («Non-Offending Minor Attracted Person»)	пер. с англ.: человек, которого привлекают несовершеннолетние, но который не желает причинить им вред (например, не хочет их растлить)
4.	Pedosexual	данный термин используется как часть риторики легитимизации педофильского сообщества
5.	Puersexual	термин, схожий с термином «Pedosexual», имеет латинские корни, также используется как часть риторики легитимизации педофильского сообщества
6.	CL: ChildLover/pedophile	обозначение тех, кого в целом привлекают несовершеннолетние
7.	GL: Girl Lover/Attracted to girls	для тех, кого в целом привлекают несовершеннолетние женского пола
8.	BL: BoyLover/Attracted to boys/ Knabenliebende (нем)	для тех, кого в целом привлекают несовершеннолетние мужского пола
9.	Kiddy Fiddler	обозначение тех, кто вовлечен в сексуальное взаимодействие с несовершеннолетними
10.	Pro-c, (pro-consent/choice or contact)	термин, используемый для описания растлителя/педофила, выступающего за возможность физического/сексуального взаимодействия с несовершеннолетними;
11.	Anti-contact (anti-c)	термин, используемый для описания растлителя/ педофила, выступающего против возможности физического/сексуального взаимодействия с несовершеннолетними
B. Для обозначения детей		
1.	YF («Young Friend»)	используется для обозначения жертвы растления либо объекта сексуального влечения/романтической привязанности
2.	LG («Little Girl»), Alice, Lolli, Lolita	несовершеннолетний женского пола
3.	LB («Little Boy»)	несовершеннолетний мужского пола
4.	AAM («Adult Attracted Minor»)	пер. с англ.: несовершеннолетний, которого привлекают взрослые. Данный термин смещает фокус ответственности со взрослого на несовершеннолетнего, представляет романтическое/сексуальное взаимодействие несовершеннолетнего с растлителем/педофилом осознанным или желаемым действием, то есть – направлен на легитимизацию сексуального/романтического взаимодействия с несовершеннолетним
V. Прочие термины		
1.	АоА («Age of attraction»)	пер. с англ.: «возраст влечения» (тот возраст, который привлекает растлителя/ педофила)
2.	АоС («Age of (legal) consent»)	пер. с англ.: «возраст (законного) согласия»
3.	СР («Child Porn»)	пер. с англ.: детская порнография
4.	GM («Girl Moment»)	термин используется для обозначения времени, проведенного с девочкой (не всегда используется для обозначения сексуального взаимодействия)

5.	BM («Boy Moment»)	термин используется для обозначения времени, проведенного с мальчиком (не всегда используется для обозначения сексуального взаимодействия)
6.	Childlove	пер. с англ.: «любовь к ребенку». Термин, используемый в педофильских сообществах в англоязычном сегменте интернета до 2010 г. – активистами первой волны
7.	Responsible Boylove	пер. с англ.: «ответственная любовь к ребенку». Термин введенный неким Дэвидом Ригелем (David Riegel), для обозначения безопасного типа привязанности к несовершеннолетнему мужского пола
8.	Amaros, Amarso, Amarsi	аббревиатуры, представляющие собой англоязычный текст «Attraction between Minors and Adults that is Romantic Or Sexual and Adult or Minor Attracted Romantically or Sexually to the Other». Дословный перевод: «романтическое или сексуальное влечение между несовершеннолетним и взрослым» или «Взрослый и несовершеннолетний, которых сексуально или романтически влечет друг к другу». Термин используется для обозначения отношений между совершеннолетним и взрослым

О СПОСОБАХ МАРКИРОВКИ ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИИ

Названия файлов, содержащих признаки информации порнографического характера с участием несовершеннолетних, могут отражать информацию об их содержании: о количестве участников, их половозрастных, сексуальных, социально-экономических, этнических характеристиках и пр. Тем самым, наименования файлов выступают в роли с тегов и ключевых слов [1]. В основном они представлены на английском языке, но также встречаются на других иностранных языках: испанском, португальском, немецком, голландском, датском, русском, на языке хинди. Отмечается, что при написании названий файлов или тегов отсутствует единая система правил: в названиях файлов могут содержаться орфографические ошибки, использоваться аббревиатуры, буквенно-цифровые комбинации, замена букв на цифры, со схожим графическим написанием (например, b0y), просодическое написание (комбинирование букв прописного и строчного регистра), комбинирование основ/слов, относящихся к разным языкам [2–5]. Очевидно, что распространители детской порнографии (в том числе – представители педофильского сообщества) прибегают к вышеперечисленным ухищрениям при маскировке именования файлов. Были выделены эксплицитные и имплицитные способы маркировки. К эксплицитным способам были отнесены лексемы, содержащие табуированные речесмыслы, напрямую отсылающие к явлению педофилии (childporn, pedo, pedofilia, pedofilo, pedoland, pedophile, ПЕДО) или указывающие на несовершеннолетний возраст участника/участников сексуального взаимодействия (16teen, 5year-old, 9yo, 7yr). К имплицитным способам отнесены (1) аббревиатуры (OPVA, pthc, ptsc, bibcam), (2) кодовые слова (hussyfan, kidzilla, babyshivid, yamad, childlover, boylover, girllover, qwerty, pjk, kingpass), (3) лексемы, отсылающие к персоналиям, осужденным за растление или за распространение порнографии (r@ygold, qqaazz) или являвшихся жертвами растления (babyj), (4) лексемы, отсылающие к студиям по производству детской порнографии, веб-сайтам (lolita, youngvideomodels, yvm,

lsm), содержащим детский порно контент (bibigon, siberian mouse, сибирские мышки) [1].

В заключение следует отметить, что англоязычный сегмент педофильского сообщества по всей видимости представляет собой сложно организованный организм с установленным набором терминов и символов, обслуживающих интересы каждой сложившейся внутри сообщества группы и легитимизирующих табуированные речесмыслы, направленные на создание концепта приемлемости романтического и/или сексуального взаимодействия с несовершеннолетними. Русскоязычный сегмент педофильского сообщества только находится в стадии формирования групповой идентичности, что все же не может вызывать опасения. Наличие у педофильского сообщества своих интернет-форумов и информационных порталов, с одной стороны, позволяет лучше исследовать и, как следствие, составить более точное представление об организации данного сообщества, с другой стороны, в виду организованного и скрытого характера представляет опасность для общественного благополучия. Риторический и идеологический аспект информации, размещенной на данных порталах, носит патогенный характер, направленный не только на легитимизацию и нормализацию табуированных речесмыслов, но и на вовлечение в противоправную деятельность неофитов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Енгальчев В.Ф., Зайцева О.В. Выявление объектов детской порнографии в виртуальном пространстве посредством дешифровки наименований и тегов // Вестн. Том. гос. ун-та. 2021. № 471. С. 235–241. DOI: 10.17223/15617793/471/27.
2. Al-Nabki M.W., Fidalgo E., Alegre E., Alaiz-Rodriguez R. File Name Classification Approach to Identify Child Sexual Abuse // Proceedings of the 9th International Conference on Pattern Recognition Applications and Methods – ICPRAM. Valletta, Malta, 2020. P. 228–234.
3. Fournier R., Cholez T., Latapy M., Magnien C., Chrisment I., Daniloff I., Festor O. Comparing paedophile activity in different P2P systems // Social Sciences. 2014. № 3 (3). P. 314–325.
4. Hughes D., Walkerdine J., Coulson G., Gibson S. Is deviant behavior the norm on P2P file-sharing networks? // IEEE Distributed Systems Online. 2006. № 7 (2). P. 1–11. DOI: 10.1109/MDSO.2006.13.
5. Westlake B., Bouchard M., Frank R. Comparing Methods for Detecting Child Exploitation Content Online // SJSU ScholarWork. San Jose State University. Jan. 2012. P. 1–9.

Pedophile Discourse: Key terms, cultural artifacts, and peculiarities of pornographic labeling

O. V. Zaytseva

*Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Russia, Moscow)
deyaldelwer@mail.ru*

The pedophile community is a complexly organized organism that has its own terminological system, symbols, information resources and printed publications and produces ideological and entertaining content. The study of the terminological system, the symbols of the pedophile community and the methods of labeling pornographic content by its members is of practical importance in the production of psychological and linguistic forensic analyses.

Keywords: pedophilia, taboo speeches, cryptolalia, labeling of child pornography

ВЛИЯНИЕ КРАСЯЩИХ ВЕЩЕСТВ ПИШУЩИХ ПРИБОРОВ НА ОТОБРАЖЕНИЕ ЧАСТНЫХ ПРИЗНАКОВ ПОЧЕРКА

Т.Е. Зорина

*ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (Россия, Нижний Новгород)
prcse-murf@ya.ru*

В статье рассматривается взаимосвязь между судебно-почерковедческой экспертизой и судебно-технической экспертизой документов, возможные изменения частных признаков почерка при выполнении рукописных записей и текстов разными красящими веществами.

Ключевые слова: частные признаки почерка, красящие вещества пишущих приборов, судебно-почерковедческая экспертиза, судебно-техническая экспертиза документов.

Судебно-почерковедческая экспертиза является одной из самых распространенных экспертиз, проводимых в рамках уголовного, гражданского, арбитражного и административного судопроизводства, так как насколько бы быстро не развивалось электронное делопроизводство, заключать договора, составлять ходатайства и формировать другие документы люди до сих пор предпочитают на бумажных носителях. Следовательно, рукописные записи, тексты и подписи выполняются рукописным способом различными пишущими приборами (шариковыми ручками, перьевыми авторучками и т.д.).

Несмотря на популярность данного исследования, производство судебно-почерковедческой экспертизы является одним из самых сложных процессов, требующих от эксперта внимательности, усидчивости, объективности, способности анализировать любые особенности, проявляющиеся при исследовании того или иного почерковедческого объекта, и других качеств, которые приобретаются благодаря изучению методик, навыку и опыту производства судебно-почерковедческих экспертиз различной сложности, а также обогащение различной информацией, не связанной непосредственно с почерковедческой экспертизой, которая может помочь в производстве данной экспертизы. Таким

образом, решение поставленных задач и правильность выводов зависит от знаний, личных и профессиональных качеств эксперта-почерковеда.

Но любое почерковедческое исследование невозможно без материала – исследуемых документов и сравнительного материала. От качества исследуемых документов и образцов, по определенным параметрам, зависит вывод. Среди них есть условия: выполнение почерковедческого объекта и сравнительного материала рукописным способом, то есть без применения технических приемов или средств (к примеру, плоттером), максимальная сопоставимость образцов исследуемым рукописным записям, текстам и подписям по разным критериям (времени, пишущему прибору, условиям выполнения и т.д.). Исходя из выше перечисленного, прослеживается взаимосвязь судебно-почерковедческой экспертизы с другими экспертизами.

Судебно-почерковедческая экспертиза на определенных этапах производства экспертного исследования затрагивает другую экспертизу – судебно-техническую экспертизу документов. Взаимосвязь проявляется в том, что эксперту-почерковеду рекомендуется изучить исследуемый объект по следующим критериям: способу выполнения объекта, то есть каким пишущим прибором выполнены рукописные записи, тексты или подписи, а также имеются ли следы технического выполнения объектов. Помимо этого, методикой почерковедческой экспертизы предусмотрено изучение пишущего прибора в целях дальнейшего отбора сравнительного материала для максимальной сопоставимости образцов и исследуемого объекта.

При решении данных подзадач возникает ряд трудностей, которые необходимо решать при производстве экспертизы. Так, исследование объекта по методам судебно-технической экспертизы документов подразумевает использование соответствующих знаний. Для их получения необходимо постоянно изучать накопленную информацию по судебно-технической экспертизе документов в рамках расширения кругозора и знаний современных реалий, чтобы исключить возможные экспертные ошибки, или пройти подготовку и получить допуск, что сделать в условиях постоянного производства почерковедческих экспертиз совсем не просто. Данная проблема решается подготовкой эксперта-почерковеда сразу же после получения допуска по направлению «Исследование почерка и подписей» на вторую специальность – «Исследование реквизитов документов», что требует времени и усилий со стороны обучаемого эксперта. Это объясняется тем, что со временем сложность поручаемых почерковедческих экспертиз увеличивается и требует от эксперта максимальной концентрации, и отсутствием возможности должного изучения новой специальности.

Следующая особенность состоит в том, что при назначении экспертизы в документах (в постановлениях или в определениях) имеется указание на назначение только почерковедческой экспертизы. Применение методик и методов

из судебно-технической экспертизы документов указывает на проведение комплексной экспертизы, особенностью которой является взаимосвязь экспертов двух специальностей, а также составление заключения с учетом законодательно-закрепленных правил по их оформлению. Данная особенность усложняет и затягивает процесс производства судебно-почерковедческой экспертизы.

В методике указано только на необходимость исследования исследуемых объектов с применением методов судебно-технической экспертизы документов (косопадющий свет, прямой свет), но ни в одних методических данных не дано указание на обязательное указание способа выполнения исследуемых рукописных записей, текстов и подписей в заключении. Здесь понимается, что при исследовании объекта, если эксперт замечает что-то необычное (посторонние штрихи или вдавленности, необычное красящее вещество, которое влияет на проявление частных признаков и т.д.), привлекается второй эксперт или сам эксперт-почерковед с соответствующим допуском по исследованию реквизитов документов выполняет исследование уже в полном объеме, предусмотренным методикой судебно-технической экспертизы документов. Так же необходимо уточнить, что при производстве судебно-почерковедческих экспертиз, эксперт обязан использовать микроскопический метод для установления диагностических и частных признаков, поэтому на этапе осмотра исследуемого объекта могут быть обнаружены следы необычного выполнения.

Самая большая сложность состоит в том, что многие частные эксперты, которые имеют малый опыт работы по судебно-почерковедческой экспертизе или не обладают необходимыми качествами и знаниями для производства данной экспертизы, при составлении рецензий на заключения экспертов-почерковедов Минюста России, считают, что от красящего вещества пишущего прибора могут существенно меняться частные признаки почерка, поэтому, по их мнению, во всех случаях необходимо запрашивать образцы, сопоставимые с исследуемым объектом по красящему веществу.

В целях установления влияния красящего вещества пишущего прибора на отображение частных признаков почерка, был проведен эксперимент, суть которого состояла в выполнении небольшой рукописной записи, содержащей все буквы алфавита, наиболее распространенными красящими веществами разных цветов на хорошо проклеенной и гладкой бумаге. В качестве красящих веществ были использованы пасты для шариковых ручек, чернила для гелевых ручек, чернила для ручек-роллеров, чернила для капиллярных ручек. Рукописные записи были выполнены с высокой степенью совершенства системы движений высоковыработанным почерком в быстром темпе без намеренного почерка и без влияния различных «сбивающих» факторов, имеющих внешнюю и внутреннюю природу, так как в таких почерках частные признаки наиболее устойчивы и имеют меньшую вариационность.

А мне хорошо бы уметь всем
на зависть четко и красиво
писать буквы и цифры.

Рис. 1. Рукописная запись, выполненная чернилами для ручек-роллеров.

А мне хорошо бы уметь всем
на зависть четко и красиво
писать буквы и цифры.

Рис. 2. Рукописная запись, выполненная чернилами черного цвета для гелевых ручек.

А мне хорошо бы уметь всем
на зависть четко и красиво
писать буквы и цифры.

Рис. 3. Рукописная запись, выполненная чернилами синего цвета для гелевых ручек.

А мне хорошо бы уметь всем
на зависть четко и красиво
писать буквы и цифры.

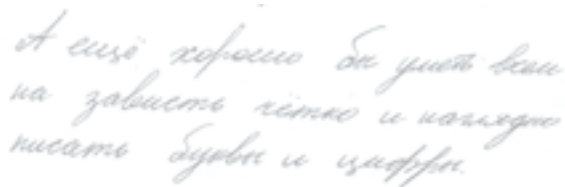
Рис. 4. Рукописная запись, выполненная чернилами черного цвета для капиллярных ручек.

А мне хорошо бы уметь всем
на зависть четко и красиво
писать буквы и цифры.

Рис. 5. Рукописная запись, выполненная пастой синего цвета для шариковых ручек.

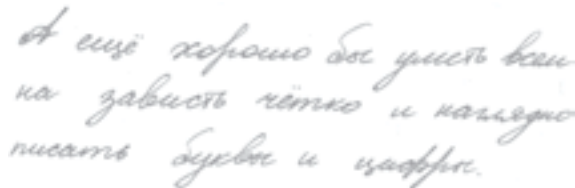
А мне хорошо бы уметь всем
на зависть четко и красиво
писать буквы и цифры.

Рис. 6. Рукописная запись, выполненная пастой черного цвета для шариковых ручек.

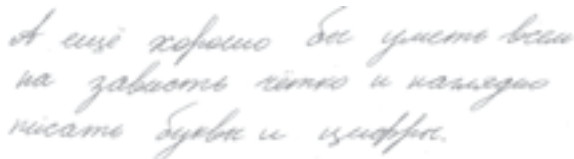
А еще хорошо бы уметь всем
на зависть четко и наглядно
писать буквы и цифры.

Рис. 7. Рукописная запись, выполненная пастой зеленого цвета для шариковых ручек.

А еще хорошо бы уметь всем
на зависть четко и наглядно
писать буквы и цифры.

Рис. 8. Рукописная запись, выполненная чернилами фиолетового цвета для гелевых ручек.

А еще хорошо бы уметь всем
на зависть четко и наглядно
писать буквы и цифры.

Рис. 9. Рукописная запись, выполненная пастой красного цвета для шариковых ручек.

Для того чтобы начать изучение частных признаков почерка в рукописной записи, выполненной разными красящими веществами, необходимо проанализировать – какие красящие вещества пишущих приборов способны привести изменения в отображение выполняемых букв. Данный анализ необходимо основывать на внешнем виде краев штрихов, способности красящего вещества растекаться по волокнам бумаги. Согласно методическим данным, штрихи паст для шариковых ручек имеют ровные края и растёков по волокнам бумаги красящего вещества не наблюдается; штрихи, выполненные гелевыми чернилами имеют относительно ровные края и в зависимости от способности чернил растворяться в воде или диметилформамиде могут образовывать растёки слабо выраженные или ярко выраженные. Чернила для ручек-роллеров всегда образуют растёки в независимости от проклейки бумаги и ее гладкости, при этом края штрихов относительно ровные. Чернила для капиллярных ручек так же образуют растёки по волокнам бумаги, но края штрихов ровные и четкие.

Приведенные выше данные дают возможность предположить, что пасты для шариковых ручек и чернила для гелевых ручек не влияют на проявление частных признаков почерка, а чернила для капиллярных ручек и ручек-роллеров могут незначительно изменять их. Для подтверждения данного предположения были проанализированы проявившиеся частные признаки в каждой выполненной рукописной записи, а, затем, все данные сопоставлены.

При изучении частных признаков почерка, которые проявились при выполнении рукописной записи разными красящими веществами, и сопоставлении полученных данных были выявлены две группы: первая группа признаков не подверглась изменениям, вторая приобрела некоторые незначительные изменения в зависимости от вида красящего вещества.

Начнем рассмотрение первой группы. В нее вошли такие частные признаки, как: строение букв по сложности движений, форма движений при выполнении, направление движений, количество движений, вид соединения движений, последовательность, размещение движений по вертикали и по горизонтали, размещение точек начала, размещение точек окончания, размещение точек соединения, размещение точек пересечения.

Указанные выше признаки не меняются при смене красящего вещества пишущего прибора в высоковыработанных почерках по ряду факторов. Во-первых, их устойчивость связана с сформированностью письменно-двигательного функционально-динамического комплекса. Процесс становления и закрепления навыка письма проходит сложный и долгий путь – от попыток малыша научиться держать в руке любой пишущий прибор до выполнения различных по степени сложности рукописных записей, текстов и подписей в разных условиях. Только от самого человека (его физических и психических возможностей) зависит, насколько сформированным будет почерк. Человек не один год учится письму, а затем только стабилизирует или незначительно дополняет в течение всей жизни свои признаки новыми вариантами, которые возникают под воздействием новых для него факторов. Узнать, как повлияют «сбивающие» факторы на степень изменения или дополнения вариантами частных признаков, не представляется возможным и зависит от возможностей человека. Изменения могут наступить при сознательной и целенаправленной попытке исказить свои признаки и могут проявиться, как и при влиянии «сбивающих» факторов, в виде различных диагностических признаков. Но и здесь «родные» признаки будут «прорываться», так как полностью сломать сформированный почерк физически и психологически здоровому человеку невозможно.

Второй фактор непосредственно связан с первым, в качестве него выступает частота использования разных пишущих приборов (от фломастера до карандаша). Алгоритм очень прост: чем разнообразней и чаще использовались разные пишущие приборы, тем привычнее их использование в дальнейшем. Здесь видится единственная особенность: данное разнообразие пишущих приборов с различными красящими веществами желательно применять на третьем этапе формирования письменно-двигательного функционально-динамического комплекса и ограничить их влияние при формировании первых двух этапов, так как это может привести к несформированности частных признаков почерка и большой их вариационности.

Рис. 10. Фрагмент рукописной записи, выполненной чернилами черного цвета для гелевых ручек.

Рис. 11. Фрагмент рукописной записи, выполненной чернилами для ручек-роллеров.

Однако, при детальном исследовании рукописных записей, выполненных чернилами для капиллярных ручек и ручек-роллеров, было установлено, что ряд выделенных в первую группу признаков трудно установить. Объясняется это тем, что красящее вещество растекается по волокнам бумаги в разные стороны от места непосредственного контакта пишущего узла с бумагой. То есть, если элемент буквы расположен близко от другого элемента этой или рядом выполненной буквы, то он может наложиться на него. Такого эффекта не возникает при выполнении рукописных записей пастами для шариковых ручек или чернилами для гелевых ручек, так как границы штриха четко устанавливаются и нет растёков красящего вещества, то есть место соприкосновения пишущего узла и бумаги выражено и при использовании увеличительных приборов, в большинстве случаев, не приводит к трудностям в определении.

Для того чтобы установить правильное размещение движений по вертикали или по горизонтали, а также вид соединения, размещение точек начала и окончания, размещение точек соединения и пересечения, необходимо применить микроскопический метод. При большом увеличении, преимущественно, можно установить место взаимодействия пишущего узла с бумагой с использованием разного направления источника света. В некоторых случаях уже при

направленном свете можно увидеть незначительно вдавленные следы в центре или близ него в штрихе. В остальных случаях необходимо применять косонаправленный свет, максимально косонаправлено направляя его к исследуемому штриху. Положительный результат достигается при наличии еще одного фактора – силы нажима исполнителя на пишущий прибор: чем сильнее надавливаются пишущий прибор, тем более явные трассы остаются на бумаге. В некоторых случаях сила нажима настолько мала, что следы от узла пишущего прибора не остаются совсем, при этом штрих выражен ярко и четко. Этот момент еще больше усложняет работу эксперта-почерковеда.

Только эксперт, который умеет работать с микроскопом при разных увеличениях, а также правильно применять источники света, может установить выделенные признаки. Здесь следует обратить внимание на разную степень нажима пишущего прибора при выполнении штрихов сгибательными или разгибательными движениями. Поэтому в отношении одной буквы могут быть применены разные направления света под изменяющимся углом в целях обнаружения вдавленных штрихов. Также помощь в установлении признаков могут оказать образцы, выполненные красящими веществами, которыми выполнены исследуемые объекты. Однако предоставление таких образцов не всегда возможно по ряду причин: невозможность достоверно установить красящее вещество вследствие многообразия пишущих приборов на рынке канцтоваров, отсутствие свободных образцов проверяемого лица, выполненных тем же красящим веществом, отказ лица выполнять установленным пишущим прибором рукописные записи или подписи и т.д. Запрос образцов, выполненных чернилами для капиллярных ручек и ручек-роллеров, всегда остается на усмотрение эксперта. В большинстве случаев, эксперт может сравнить исследуемый объект со сравнительным материалом, выполненным обычной шариковой ручкой или гелевой ручкой. Для штрихов, выполненных пастами для шариковых ручек или чернилами для гелевых ручек, не важно, что образцы могут быть выполнены гелевыми или обычными шариковыми ручками, главное, чтобы были проверяемые буквы и их сочетания для установления устойчивости признаков.

Наибольший интерес для нас составляет вторая группа, в которую можно включить следующие признаки: форма движений при соединении, протяженность движений по вертикали и по горизонтали. Для большего уточнения изменений, рассмотрим каждый признак отдельно.

Частный признак «форма движений при соединении», при отсутствии умысла у исполнителя или каких-либо «сбивающих» факторов, довольно устойчив, то есть, если человек привык соединять те или иные элементы буквы или буквы между собой петлей, то и при выполнении букв разными красящими веществами будет стремиться применить данную форму соединения. Однако, если при использовании гелевых или обычных шариковых ручек форма

соединения изменяется только в пределах вариантов, свойственных данному исполнителю (то есть петля может быть шире или уже), то, чтобы оставить ярко-выраженную петлевую форму соединения при применении пишущего прибора с растекающимся красящим веществом, необходимо «ломать» сформированный навык, что требует усиленной концентрации, которая приводит к изменению общих признаков (темп выполнения и координация движений) в сторону их снижения, а в некоторых случаях могут проявиться диагностические признаки. Поэтому при использовании чернил для капиллярных ручек и для ручек-роллеров петли «превращаются» в слепые петли или возвратно-прямолинейное движение, углы приобретают возвратно-прямолинейный вид и т.д. Изменение данного признака влечет и изменение протяженности. Стоит так же отметить тот факт, что необходимо проанализировать все представленные образцы и выявить возможные варианты выполнения соединения элементов в одноименной букве или соединения букв, так как это может уберечь от экспертной ошибки.

Рис. 12. Фрагмент рукописной записи, выполненной чернилами для ручек-роллеров.

Рис. 13. Фрагмент рукописной записи, выполненной пастой красного цвета для шариковых ручек.

Наибольшему изменению подлежат такие частные признаки, как протяженность движений по вертикали или по горизонтали. Если смотреть относительно общих признаков (размера и разгона), они не будут выходить за

пределы установленного критерия, характеризующего каждый параметр, но если смотреть относительно частных признаков, то изменения будут присутствовать. Лицо, наблюдая эффект растекания красящего вещества по бумаге, то есть увеличения ширины штриха, стремится выполнить так рукописные записи или подписи, чтобы в дальнейшем их можно было разобрать любому озабочивающемуся. За этим следует, что большинство букв и их элементы будут увеличены в высоту или ширину, что создает изменение в соотношении вертикальных и горизонтальных параметров относительно друг друга. Например, высота 1-го элемента какой-либо буквы останется прежней, а протяженность 2-го элемента этой же буквы по горизонтали относительно вертикали 1-го элемента – увеличивается. Ведь если данные признаки остаются без изменений, даже незначительных, могут произойти слияния элементов, что повлияет на читаемость исследуемого объекта.

Рис. 14. Буква «н» из рукописной записи, выполненной чернилами для ручек-роллеров.

Рис. 15. Буква «н» из рукописной записи, выполненной пастой синего цвета для шариковых ручек.

Таким образом, из проведенного исследования следует, что при выполнении рукописных записей пастами для шариковых ручек или чернилами для гелевых ручек частные признаки почерка не изменяются; все изменения входят в естественную вариационность почерка проверяемого лица и должны найти свое отображение в большом объеме сравнительного материала. Для руко-

писных записей, выполненных чернилами для капиллярных ручек и для ручек-роллеров, характерно незначительное изменение трех частных признаков, которые не могут повлиять на полученный вывод и могут быть объяснены экспертом выполнением исследуемого объекта красящим веществом пишущего прибора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.12.2020) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020, с изм. от 12.01.2021) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
6. Федеральный закон РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 26.07.2019 N 224-ФЗ) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
7. Приказ Минюста РФ от 20.12.2002 N 346 «Об утверждении Методических рекомендаций по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
8. Судебно-почерковедческая экспертиза: общая часть: теоретические и методические основы / под науч. ред. В.Ф. Орловой; Гос. учреждение Рос. федер. центр судебной экспертизы при Минюсте России. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 2006. 544 с.
9. Судебно-почерковедческая экспертиза: особенная часть: исследование

- рукописных текстов: 2-е изд., перераб. и доп.; Гос. учреждение Рос. федер. центр судебной экспертизы при Минюсте России. М.: Наука, 2007. 341 с.
10. Судебно-почерковедческая экспертиза. Особенная часть. Исследование малообъемных почерковых объектов (издание второе переработанное и дополненное) – под ред. В.Ф. Орловой; Гос. учреждение Рос. федер. центр судебной экспертизы при Минюсте России. М., 2011. 538 с.
 11. Теоретические (естественнонаучные) основы судебного почерковедения / А.И. Манцветова, В.Ф. Орлова, И.А. Славуцкая; отв. ред. А.Р. Шляхов; 2-е изд.; Гос. учреждение Рос. федер. центр судебной экспертизы при Минюсте России. М.: Наука, 2006. 443 с.
 12. Состав и свойства материалов письма: справочное пособие / Э.А. Тросман, Т.Б. Черткова, Р.А. Юрова и др.; Министерство юстиции Российской Федерации, Федеральное бюджетное учреждение Российской Федерации Центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2017. 107 с.

The influence of coloring substances of writing instruments on the display of particular handwriting features

T.E. Zorina

*Privolgsky Forensic Science Centre (Russia, Nizhny Novgorod)
prcse-murf@ya.ru*

The article examines the relationship between forensic handwriting examination and forensic technical examination of documents, possible changes in particular handwriting features when performing handwritten notes and texts with different coloring substances.

Keywords: private signs of handwriting, coloring substances of writing instruments, forensic handwriting examination, forensic technical examination of documents.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ДЕЛАМ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

Д.Д. Зубков

*ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
gezhez@mail.ru*

Настоящая работа посвящена анализу сферы применения судебно-экономической экспертизы в рамках рассмотрения дел о банкротстве арбитражными судами Российской Федерации. Рассмотрены основные проблемы классификации судебно-экономических экспертиз. Обозначены основные направления использования специальных экономических знаний в процессе рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве). Выделены основные роды судебно-экономических экспертиз, которые могут быть назначены в процессе рассмотрения дел о банкротстве и основные задачи, решаемые в процессе производства

судебно-экономических экспертиз разных родов. С учётом проведенного исследования обозначены приоритетные направления развития рассматриваемой темы в научном и методическом ключе.

Ключевые слова: судебно-экономическая экспертиза, банкротство, специальные экономические знания.

Банкротство представляет собой сложнейшую экономико-юридическую категорию, выступая одним из необходимых явлений, присущих рыночной экономике. С юридической точки зрения понятие «банкротство» закреплено в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – закон о банкротстве). Так, в соответствии со ст. 2 указанного закона под банкротством понимается «признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей» [1].

Законом о банкротстве предусмотрена определенная процедура признания тех или иных должников банкротами, сопряженная с решением различных вопросов, возникающих у арбитражных судов, которые связаны с сущностью банкротства как экономической категории, выраженной в различных хозяйственных процессах, происходящих в организации-должнике как до, так и во время рассмотрения дела о признании таких организаций банкротами в установленном законом порядке.

Природа банкротства как экономической категории обуславливает необходимость решения данных вопросов путём привлечения лиц, обладающих специальными экономическими знаниями. Следовательно, возникает необходимость привлечения «сведущих лиц» (специалистов и экспертов) и подготовки ими процессуальных документов.

Судебная экономическая экспертиза в арбитражном судопроизводстве по делам о банкротстве выступает в качестве особой процессуальной формы использования специальных экономических знаний, однако, на сегодняшний день, в рамках научной литературы не проведено достаточно полного анализа судебно-экономической экспертизы, проводимой в рамках рассмотрения дел о банкротстве. Современные научные исследования, прежде всего, в работах таких ученых, как Печерица Е.В., Григоренко М.А. [2], Кулигина Н.Д. [3], Белякова Е.Г. [4], посвящены производству судебных финансово-экономических экспертиз по делам о преднамеренном и фиктивном банкротстве. Таким образом, с учётом детальной проработки указанной проблемы настоящее исследование будет посвящено исключительно производству судебно-экономических экспертиз по делам о «некриминальных» банкротствах.

В первую очередь, для достижения целей нашего исследования необходимо рассмотреть возможности судебно-экономической экспертизы и, следовательно, определить предмет, метод и задачи отдельных родов судебно-экономической экспертизы, назначаемых по делам о банкротстве.

В соответствии со ст. 9 указанного закона судебная экспертиза – это «процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу» [5].

Российская Е.Р., используя данное определение как базисное, даёт следующую дефиницию термина судебная экономическая экспертиза: «процессуальное действие, проводимое в установленном законом порядке, основывающееся на специализированном исследовании экономической деятельности на основании финансово-хозяйственной документации, которые осуществляются с использованием специальных знаний в области экономической науки с целью выявления фактических данных о совершении хозяйственных операций» [6, стр. 56].

Деление рассматриваемого класса судебно-экономических экспертиз на роды и виды как на нормативном уровне соответствующих судебно-экспертных учреждений, так и в научной литературе неоднозначна.

Так, в Приказе МВД РФ от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» [7] к числу экономических экспертиз, проводимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел, относят бухгалтерские, налоговые, финансово-аналитические и финансово-кредитные экспертизы.

В приказе Министерства юстиции РФ от 27.12.2012 №237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» [8] к числу судебно-экономических экспертиз относят судебно-бухгалтерские и финансово-экономические экспертизы.

Зырянова Т.В. выделяет судебно-бухгалтерские и финансово-экономические экспертизы [9], Никифорова И.А., в свою очередь, выделяет финансово-аналитические и судебно-бухгалтерские экспертизы [10].

Савицкий А.А. [11] и Вахидов С.Т. [12], в свою очередь, предлагают выде-

лять в качестве родов судебно-экономической экспертизы финансово-экономическую и судебно-бухгалтерскую экспертизу. Кроме того, Савицкий А.А. предлагает рассматривать в этой связи финансово-экономическую экспертизу в качестве рода экспертизы, а финансово-аналитическую, финансово-кредитную и налоговую экспертизу в качестве видов судебной экспертизы в рамках этого рода.

Тимченко В.А. полагает, что в класс судебных экономических экспертиз должны включаться следующие роды: судебная бухгалтерская экспертиза; судебная оценочная экспертиза; судебная кредитная экспертиза; судебная финансовая экспертиза; судебная финансово-аналитическая экспертиза [13].

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что классификация, предложенная Тимченко В.А., на сегодняшний день наиболее полно и достоверно отражает реалии судопроизводства.

Обобщая вышесказанное и опираясь на классификацию, предложенную Тимченко В.А., можно выделить следующие роды экспертиз, которые на сегодняшний день могут активно применяться в рамках рассмотрения дел о банкротстве в арбитражном судопроизводстве: судебно-бухгалтерская экспертиза, судебная финансовая экспертиза, судебная финансово-аналитическая экспертиза и судебная оценочная экспертиза.

СУДЕБНО-БУХГАЛТЕРСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Обращая внимание на положения, предложенные Россинской Е.Р. [14], Бороненковой С.А., Козырчиковой Э.Ю. [15], Дубоносова Е.С. [16], можно сформулировать экспертную задачу судебно-бухгалтерской экспертизы, назначаемой по делам о банкротстве, следующим образом: исследование данных бухгалтерского учёта, отражающих финансово-хозяйственную деятельность организации-должника, на предмет их соответствия первичной документации, установление соответствия данных бухгалтерского учёта организации-должника основным правилам ведения бухгалтерского учёта.

Применение судебно-бухгалтерских экспертиз в рамках указанной категории дел может производиться по различным вопросам, возникающим на разных стадиях банкротного процесса.

Так, судебно-бухгалтерская экспертиза может быть назначена с целью определения фактического наличия задолженности у организации-должника перед организацией, намеревающейся встать в реестр требований кредиторов, по данным бухгалтерского учёта и первичной документации. Так, Определением Арбитражного суда Республики Крым от 09.08.2021 по делу № А83-1829/2020 назначена судебная бухгалтерская экспертиза с целью определения задолженности организации-должника перед ООО «XXX» [17].

Кроме того, рассматриваемый род судебно-экономической экспертизы может быть назначен с целью определения фактического размера задолженности

организации-должника перед кредитором (например, Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 апреля 2016 г. по делу № А12-33127/2014) [18].

Определение правильности ведения бухгалтерского учёта у организации-должника также может иметь место в ходе рассмотрения дел о банкротстве. Так, в ходе рассмотрения обособленного производства о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности на основании пп. 2 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве в рамках дела №А43-20716/2016 в Арбитражном Суде Нижегородской области в качестве подтверждения реальности отражения накопленной суммы амортизационных отчислений контролирующим должника лицом было представлено в суд заключение специалиста на предмет бухгалтерского исследования, в котором была указана возможность отражения сумм накопленной амортизации в соответствии с ПБУ 6/01 [19].

ФИНАНСОВО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Стоит отметить, что Законом о банкротстве обязанность проведения финансового анализа состояния должника целиком и полностью возложена на арбитражного управляющего в соответствующих статьях закона о банкротстве (ст. 20.3, 65).

Вместе с тем, проведение финансово-аналитической экспертизы с целью проверки обоснованности и полноты проведенного арбитражным управляющим финансового анализа по ходатайству кредиторов, контролирующих должника лиц или иных лиц, участвующих по делу о банкротстве, а также по инициативе суда может быть назначена судебная финансово-аналитическая экспертиза. Как правило, назначение указанной экспертизы проводится в процедуре наблюдения (Решение Арбитражного Суда Самарской области от 28 июня 2021 г. по делу № А55-28381/2019 [20]). Эксперт, в данном случае, анализирует проведенный арбитражным управляющим финансовый анализ и в случае выявления противоречий проводит свое исследование с целью выявления платёжеспособности и финансовой устойчивости должника.

ФИНАНСОВАЯ И ОЦЕНОЧНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Рассматриваемые роды экспертизы являются наиболее часто встречающимися в процессе рассмотрения дел о банкротстве.

Обобщая материалы судебной практики, можно сделать вывод о том, что финансовая и оценочная экспертизы назначаются, прежде всего, в процессе рассмотрения обособленных производств в рамках дел о банкротстве, касающихся взыскания убытков и привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. В данном случае экспертом исследуется обоснованность заключения сделок, убыточных для организации должника, с учётом характера и сумм этих сделок и сложившейся в конкретном регионе

рыночной ситуации.

Так, в ходе рассмотрения дела №А42-4533/2015 была назначена финансовая экспертиза с целью определения общей величины убытков, которые были нанесены обществу-должнику в результате неисполнения обязанности контролирующего должника лица по передаче документов бухгалтерского учёта и бухгалтерской отчётности [21].

Определением Арбитражного суда Тамбовской области от 27.07.2020 по делу №А64-4040/2019 была назначена финансовая экспертиза с целью определения общей величины убытков, которые были нанесены организации-должнику в результате заключения экономически нецелесообразных сделок [22].

Кроме того, в ходе оспаривания сделки должника с аффилированными лицами в рамках обособленного производства по делу № А65-1704/2019 была назначена судебная экспертиза с целью оценки действительной стоимости переданного по сделке имущества и судебная финансовая экспертиза с целью определения величины убытков, причиненных организации-должнику по экономически нецелесообразной сделке с этим имуществом [23].

Также в ходе рассмотрения дел о взыскании убытков с контролирующих должника лиц исследование, основанное на использовании специальных экономических знаний, может быть направлено на определение экономической обоснованности стоимости оказания услуг, заявленных контролирующими должника лицами в качестве расходов организации-должника (Дело № А75-7642/2016) [24].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что судебно-экономическая экспертиза в процесс арбитражного рассмотрения дел о банкротстве, имеет широкую сферу приложения. Несмотря на это, указанный вопрос, на наш взгляд, не является широко освещённым в современных научных исследованиях. Перспективными направлениями развития будут являться постоянное совершенствование методических основ судебно-экономических экспертиз, назначаемых по делам о банкротстве, с учётом широкого спектра вопросов, возникающих в судебной практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/
2. Печерица Е.В., Григоренко М.А. Судебная экономическая экспертиза. Санкт-Петербург, 2019. 152 с.
3. Кулигина Н.Д. Судебно-экономическая экспертиза криминальных банкротств // Актуальные вопросы права, экономики и управления: Сборник статей XX Международной научно-практической конференции: в 2 ч. 2019. С. 147–149.

4. Белякова Е.Г. Актуальные проблемы судебной финансово-экономической экспертизы по делам о преднамеренном банкротстве юридических лиц // Актуальные проблемы российского права №9 (106). 2019. С. 123–128.
5. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/
6. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография / Е.Р. Россинская. 4-е изд., доп. М.: Норма, 2019. 736 с.
7. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации): приказ МВД РФ от 29.06.2005 №511 (ред. от 11.10.2018) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
8. Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России: приказ Министерства юстиции РФ от 27.12.2012 №237 [Электронный Ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
9. Зырянова Т.В., Полухина А.Л. Бухгалтерская экспертиза как вид экономических экспертиз // Международный бухгалтерский учет. 2011. No 48. С. 26.
10. Никифорова И. А. Расследование нецелевого расходования бюджетных средств: дис. ... канл. юрид. наук:12.00.12. Тула, 2016. 264 с.
11. Савицкий А.А. Актуальные проблемы назначения и производства судебных финансово-аналитических экспертиз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина 2018. С. 94–102.
12. Вахидов С.Т. Судебная финансово-кредитная экспертиза: предмет, объект, задачи // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина 2018. С. 162–168.
13. Тимченко В.А. Классификация судебных экономических экспертиз в современных условиях // Вопросы Экспертной Практики 2019. С. 643–646.
14. Россинская Е.Р. Теория судебной экспертизы: Учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. М.: Норма: НИЦ

- Инфра-М, 2013. 384 с.
15. Бороненкова С.А., Козырчикова Э.Ю. Судебно-бухгалтерская экспертиза: цель, задачи, приемы // Journal of new economy №4 (36). 2011. С. 142–149.
 16. Дубоносов, Е. С. Судебно-бухгалтерская экспертиза : учебник для вузов / Е.С. Дубоносов. Москва: Издательство Юрайт, 2017. 267 с
 17. Определение Арбитражного суда Республики Крым от 09.08.2021 по делу № А83-1829/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sudact.ru>.
 18. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 апреля 2016 г. по делу № А12-33127/2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sudact.ru>.
 19. <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 18.03.2022).
 20. Решение Арбитражного Суда Самарской области от 28 июня 2021 г. по делу № А55-28381/2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sudact.ru>.
 21. <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 19.03.2022)
 22. Определение Арбитражного суда Тамбовской области от 27.07.2020 по делу №А64-4040/2019 [Электронный Ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sudact.ru>.
 23. <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 17.03.2022).
 24. <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 20.03.2022).

The current state and prospects for the development of forensic economics in bankruptcy

D.D. Zubkov

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)
gezhez@mail.ru*

This work is devoted to the analysis of the scope of forensic economic expertise in the framework of the consideration of bankruptcy cases by arbitration courts of the Russian Federation. The main problems of classification of forensic economic examinations are considered. The main directions of using special economic knowledge in the process of considering insolvency (bankruptcy) cases are outlined. The main types of forensic economic examinations that can be appointed in the process of considering bankruptcy cases and the main tasks solved in the process of producing various types of forensic economic examinations are identified. Taking into account the conducted research, priority directions for the development of the topic under consideration in a scientific and methodological manner are indicated.

Keywords: forensic economics, bankruptcy, special economic knowledge.

ЗАКОН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ «О СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» (2019) И МОДЕЛЬНЫЙ ЗАКОН «О СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» (МЕЖПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ, 2019): СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ (ОБЩИХ) ПОЛОЖЕНИЙ

В.К. Кирвель

Академия управления при Президенте Республики Беларусь (Республика Беларусь, Минск)

kirvit@tut.by

В статье проводится сравнительно-правовой анализ основных (общих) положений института судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь и института судебно-экспертной деятельности, разработанного Межпарламентской Ассамблеей государств-участников Содружества Независимых Государств для их участников.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, судебная экспертиза, судебный эксперт, судебно-экспертная организация.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы совершенствования правового обеспечения судебно-экспертной деятельности (далее – СЭД) обусловлена растущей общественной потребностью в создании эффективного механизма противодействия преступности, надлежащем обеспечении защиты прав и законных интересов граждан, юридических лиц, укреплении правопорядка, повышении доверия граждан к органам власти и управления.

Целью исследования является проведение сравнительно-правового анализа основных (общих) положений Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» от 18 декабря 2019 г. № 281-3 (далее – Закон) [1] и Модельного закона «О судебно-экспертной деятельности», утвержденного постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 19 апреля 2019 года № 49-8 (далее – Модельный закон) [2], для выявления степени сходства и различий юридических понятий и терминов, юридической техники, используемых в сопоставляемых нормативных правовых актах (далее – НПА).

Объектом исследования является отраслевой закон Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» (вступил в силу с 1 января 2021 г., в редакции Закона от 6 января 2021 г. № 93-3) и Модельный закон «О судебно-экспертной деятельности» (Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств).

Краткий обзор литературы по рассматриваемой проблеме указывает на факт проведения сравнительно-правового анализа национальных отраслевых

законов в рамках СНГ немногочисленными зарубежными исследователями: Дьяконовой О.Г. [3], Парамоновой Л.Ф. [4], Юрченко Л.В. [5] и др. Настоящее исследование является продолжением предыдущих работ автора [6, 7, 8]. Изложенное выше обуславливает актуальность, научную новизну и практическую значимость проведенного исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОВЕДЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В соответствии с преамбулой Закон определяет правовое, организационное, научно-методическое, материально-техническое и иное обеспечение СЭД в Республике Беларусь.

В соответствии с преамбулой Модельный закон определяет организационно-правовые основы и направления экспертной деятельности в государствах – участниках СНГ, а также регулирует общественные отношения, возникающие при организации и проведении судебной экспертизы (далее – СЭ).

Белорусский законодатель выделяет дополнительно отдельные направления обеспечения СЭД: «научно-методическое, материально-техническое и иное обеспечение» [1].

Глава 1 «Основные положения» Закона и Глава 1 «Общие положения» Модельного закона состоят из тринадцати статей разных по содержанию.

В Главе 1 «Основные положения» Закона присутствуют ст. 10 «Государственное регулирование и управление в сфере судебно-экспертной деятельности», ст. 11 «Полномочия Президента Республики Беларусь в сфере судебно-экспертной деятельности», ст. 12 «Полномочия Государственного комитета судебных экспертиз в сфере судебно-экспертной деятельности», ст. 13 «Лицензирование деятельности по проведению судебных экспертиз», которые отсутствуют в Главе 1 «Общие положения» Модельного закона.

В Главе 1 «Общие положения» Модельного закона присутствуют ст. 3 «Содержание судебно-экспертной деятельности», ст. 5 «Основная задача судебно-экспертных организаций», ст. 10 «Объективность, обоснованность, достаточность фактов и достоверность исследований», ст. 11 «Использование современных научно-технических средств и методов при проведении исследований», ст. 12 «Соблюдение кодекса этики судебного эксперта», ст. 13 «Объекты судебной экспертизы», которые отсутствуют в Главе 1 «Основные положения» Закона.

В ст. 1 «Основные термины, используемые в настоящем Законе, и их определения» Закона белорусский законодатель раскрывает содержание основных терминов и их определения: 1) методические материалы; 2) орган (лицо), назначивший СЭ (следователь, лицо, производящее дознание, прокурор, суд (судья), должностное лицо органа, ведущего административный процесс); 3) СЭ.

В ст. 2 «Основные понятия и определения» Модельного закона раскрывается содержание следующих понятий и их определений: 1) судебно-экспертные

организации (далее – СЭО); 2) аккредитация СЭО; 3) аттестация судебного эксперта (далее – эксперт); 4) валидация; 5) вывод эксперта; 6) категорический вывод эксперта; 7) вероятностный вывод эксперта; 8) заключение эксперта; 9) квалификация эксперта 10) медицинский стационар; 11) метод судебно-экспертного исследования; 12) методика судебно-экспертного исследования; 13) научно-методическое обеспечение СЭ; 14) объекты исследования (объекты СЭ); 15) образцы для сравнительного исследования (далее – образцы); 16) повреждение объекта исследования (его части); 17) предмет СЭ; 18) проба; 19) психиатрический стационар; 20) сертификат компетентности эксперта;

21) сертификация научно-методического обеспечения СЭ; 22) сертификация компетентности эксперта; 23) специальность эксперта (экспертная специальность);

24) специальные знания; 25) средства экспертных исследований; 26) СЭ; 27) судебно-психиатрический экспертный стационар; 28) судебно-экспертное медицинское учреждение; 29) СЭ медицинского профиля; 30) эксперт.

Необходимо отметить количественное несовпадение определений терминов и понятий в НПА, а также отличный методологический подход (термины/понятия).

В Модельном законе используется более широкий спектр определений понятий чем в Законе. При этом смысловое содержание некоторых тождественных определений терминов и понятий различается.

Согласно ст. 1 Закона под судебной экспертизой понимается «экспертиза, назначенная и проведенная в порядке, установленном процессуальным законодательством» [1] (уголовно-процессуальным, гражданским процессуальным и хозяйственным процессуальным законодательством, процессуально-исполнительным законодательством об административных правонарушениях – Авт.).

Согласно ст. 2 Модельного закона «судебная экспертиза – процессуальное действие по гражданскому, уголовному или административному делу, состоящее в проведении исследований и даче заключения экспертом по вопросам, поставленным перед ним судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла» [2].

Необходимо отметить, что Закон не раскрывает содержание термина «судебная экспертиза», а отсылает к процессуальному законодательству, в котором также отсутствуют определения термина «судебная экспертиза». В Модельном законе данный термин изложен широко, отражая все признаки СЭ. В Республике Беларусь СЭ проводятся также и в рамках хозяйственного процессуального законодательства.

В ст. 2 «Судебно-экспертная деятельность» Закона белорусский законода-

тель под СЭД понимает деятельность по организации проведения, контролю за проведением, проведению СЭ и деятельность по ведению криминалистических учетов и коллекций (далее – КУ и КК), осуществляемые СЭО и экспертами.

Согласно ст. 1 «Судебно-экспертная деятельность» Модельного закона СЭД – это деятельность СЭО и экспертов, обладающих специальной правоспособностью, по организации и производству СЭ в процессе судопроизводства по уголовным, административным, гражданским и арбитражным делам, а также досудебного производства по административным делам и материалам доследственной проверки, и выполняемая по поручению суда, органа (лица), назначившего производство экспертизы.

В соответствии со ст. 3 «Содержание судебно-экспертной деятельности» Модельного закона СЭД включает в себя: «1) производство СЭ по уголовным, гражданским и административным делам, а также по делам об административных правонарушениях; 2) организацию и проведение научных исследований в области СЭ; 3) организацию и осуществление научно-методического и информационного обеспечения СЭ; 4) подбор, подготовку, переподготовку и повышение квалификации лиц, осуществляющих СЭД; 5) установление соответствия квалификационным требованиям лиц, осуществляющих СЭД; 6) осуществление единого научно-методического контроля за качеством экспертных исследований независимо от ведомственной принадлежности эксперта; 7) международное сотрудничество в области СЭ» [2].

Необходимо отметить, что в Модельном законе кроме определения понятия СЭД дополнительно раскрывается и его содержание. Исходя из содержания данного термина, изложенного в обоих НПА, можно сделать вывод, что в белорусском законодательстве СЭД включает себя деятельность, непосредственно связанную с организацией проведения, контролю за проведением и проведением СЭ, а также с ведением КУ и КК. Необходимо отметить факт отнесения к СЭД белорусским законодателем «ведения КУ и КК».

Модельный закон относит к СЭД также «организацию и проведение научных исследований в области СЭ; подбор, подготовку, переподготовку и повышение квалификации лиц, осуществляющих СЭД; установление соответствия квалификационным требованиям лиц, осуществляющих СЭД; международное сотрудничество в области СЭ» [2]. В формулировке белорусского законодателя не уделяется внимания субъекту СЭД, в Модельном законе СЭД представляет собой деятельность СЭО и экспертов, обладающих специальной правоспособностью. Потому, на наш взгляд, определение понятия, данное в Модельном законе, наиболее полно отображает сущность СЭД. В отличие от ст. 2 Модельного закона в ст. 1 Модельного закона дополнительно появляется производство СЭ по «арбитражным делам», которое также отсутствует и в ст. 3, указанного закона.

В ст. 3 «Правовое регулирование в сфере судебно-экспертной деятельности» Закона правовое регулирование в сфере СЭД регулируются «законодательством в сфере СЭД, а также международными договорами Республики Беларусь и иными международно-правовыми актами, содержащими обязательства Республики Беларусь. Законодательство в сфере СЭД основывается на Конституции Республики Беларусь и состоит из процессуального законодательства, настоящего Закона и иных актов законодательства» [1].

В ст. 4 «Правовая основа судебно-экспертной деятельности» Модельного закона правовой основой судебно-экспертной деятельности являются «конституция, законодательство государства о СЭД, процессуальные кодексы, нормативные правовые акты органов исполнительной власти, регулирующие организацию и производство СЭ, а также международные договоры» [2].

В ст. 3 Закона и ст. 4 Модельного закона представлены в целом тождественные правовые нормы.

В ст. 4 «Задачи судебно-экспертной деятельности» Закона белорусский законодатель к задачам СЭД относит: «1) создание условий для применения в уголовном, гражданском, хозяйственном и административном процессах специальных знаний в области науки, техники, искусства, ремесла или иных сферах деятельности; 2) оказание содействия органам, ведущим уголовный, гражданский, хозяйственный и административный процессы, в выполнении возложенных на них задач с использованием специальных знаний в области науки, техники, искусства, ремесла или иных сферах деятельности» [1].

В ст. 5 «Основная задача судебно-экспертных организаций» Модельного закона основной задачей «судебно-экспертных учреждений» является «содействие судам, судьям, органам дознания, предварительного следствия и лицам, участвующим в деле, в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла» [2].

Белорусский законодатель выделяет 2 задачи СЭД, в то время как в Модельном законе выделяется 1 задача «судебно-экспертных учреждений», хотя в названии статьи заявлены «СЭО» (название статьи вступает с противоречие с ее содержанием – Авт.). Отличием является факт того, в Республике Беларусь к задачам СЭД законодатель дополнительно относит «создание условий для применения в уголовном, гражданском, хозяйственном и административном процессах специальных знаний в области науки, техники, искусства, ремесла или иных сферах деятельности» [1], не раскрывая при этом их содержания. Понятие СЭД уже у белорусского законодателя, чем в Модельном законе, так как отсутствует «установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний» [2]. Белорусский законодатель расширяет сферу применения специ-

альных знаний и добавляет «или иных сферах деятельности».

В ст. 5 «Принципы судебно-экспертной деятельности» Закона изложены принципы СЭД: «1) законности; 2) соблюдения интересов государства, прав, свобод и законных интересов гражданина, прав и законных интересов юридического лица; 3) независимости эксперта; 4) объективности, всесторонности и полноты проведения СЭ; 5) допустимости и достоверности методов, применяемых при их проведении» [1].

Согласно ст. 6 «Принципы судебно-экспертной деятельности» Модельного закона к принципам СЭД относятся принципы: «1) законности; 2) независимости и компетентности эксперта; 3) соблюдения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, прав и законных интересов юридических лиц при осуществлении СЭД; 4) объективности, обоснованности, достаточности и достоверности судебно-экспертных исследований; 5) ответственности за обоснованность, целостность и достоверность экспертного заключения; 6) соблюдение кодекса этики эксперта или иного акта, содержащего нормы этического поведения экспертов» [2].

Белорусский законодатель в принципе соблюдения прав (свобод) и законных интересов гражданина и юридического лица добавляет «соблюдение интересов государства», не раскрывая его содержания, в принципе объективности проведения СЭ добавляет «всесторонности и полноты» [1]. В белорусском законе дополнительно изложен принцип «допустимости и достоверности методов, применяемых при их проведении» [1].

В Модельном законе в принципе независимости судебного эксперта добавляется «и компетентности», в принципе объективности судебно-экспертных исследований добавляется «обоснованности, достаточности и достоверности» [2]. В Модельном законе дополнительно изложены принципы «5) ответственности за обоснованность, целостность и достоверность экспертного заключения; 6) соблюдение кодекса этики судебного эксперта или иного акта, содержащего нормы этического поведения судебных экспертов» [2], которые отсутствуют в Законе. Такой принцип, как соблюдение кодекса этики эксперта, белорусский законодатель закрепляет в качестве обязанности эксперта.

В ст. 6 «Законность при осуществлении судебно-экспертной деятельности» Закона белорусский законодатель под соблюдением принципа законности понимает осуществление СЭД на основе Конституции Республики Беларусь, соблюдение требований настоящего Закона и иных актов законодательства, а также международных договоров Республики Беларусь и иных международно-правовых актов, содержащих обязательства Республики Беларусь.

В соответствии со ст. 7 «Законность при осуществлении судебно-экспертной деятельности» Модельного закона законность СЭД обеспечивается правильным применением конституции, законов и иных нормативных правовых

актов государства, а также соблюдением СЭО и экспертами процессуальных правил и методик производства СЭ.

В Республике Беларусь законодатель дополнительно относит к принципу законности «соблюдение требований международных договоров Республики Беларусь и иных международно-правовых актов, содержащих обязательства Республики Беларусь» [1], в то время как в Модельном законе дополнительно к принципу законности относится «соблюдение судебно-экспертными учреждениями (организациями) и судебными экспертами процессуальных правил и методик производства судебных экспертиз» [2].

В Модельном законе указывается на «...правильное применение конституции ...» [2].

В ст. 7 «Соблюдение интересов государства, прав, свобод и законных интересов гражданина, прав и законных интересов юридического лица при осуществлении судебно-экспертной деятельности» Закона указано, что: «1) государство гарантирует соблюдение прав, свобод и законных интересов гражданина, прав и законных интересов юридического лица при осуществлении СЭД; 2) при проведении СЭ не должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья физического лица или унижающие его честь и достоинство;

3) проведение СЭ, требующее временного ограничения свободы физического лица или его личной неприкосновенности, осуществляется только на основаниях и в порядке, установленных законодательными актами» [1].

В ст. 8 «Соблюдение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, прав и законных интересов юридических лиц при осуществлении судебно-экспертной деятельности» Модельного закона СЭД «осуществляется при неуклонном обеспечении равноправия граждан, соблюдении их конституционных прав на свободу и личную неприкосновенность, достоинство личности, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, деловой репутации юридического лица, а также иных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с конституцией государства. Судебно-экспертные исследования, требующие временного ограничения свободы лица или его личной неприкосновенности, проводятся только на основаниях и в порядке, которые установлены законодательством государства. Лицо, полагающее, что действия (бездействие) органа СЭ или эксперта привели к ограничению прав, свобод и законных интересов человека и гражданина либо прав и законных интересов юридического лица, вправе обжаловать указанные действия (бездействие) в порядке, установленном законом государства» [2].

Белорусский законодатель дополнительно к данному принципу относит, что «при проведении судебной экспертизы не должны применяться методы, опас-

ные для жизни и здоровья физического лица или унижающие его честь и достоинство» [1]. Модельный закон относит к данному принципу возможность «обжаловать действия (бездействие) органа СЭ или эксперта, если посчитает, что указанные действия привели к ограничению прав, свобод и законных интересов человека и гражданина либо прав и законных интересов юридического лица» [2].

В ст. 8 «Независимость эксперта» Закона законодатель под соблюдением принципа независимости эксперта понимает, что: «1) эксперт независим при проведении СЭ и подчиняется только закону; 2) воздействие на эксперта в какой-либо форме со стороны государственных органов, политических партий, других общественных объединений, иных организаций или их представителей, граждан в целях оказания влияния на эксперта или воспрепятствования в какой-либо форме его деятельности не допускается и влечет ответственность, установленную законодательными актами; 3) эксперт не обязан давать какие-либо объяснения по существу проводимых (проведенных) СЭ, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами» [1].

В ст. 9 «Независимость судебного эксперта» Модельного закона под соблюдением принципа независимости эксперта понимается, что: «1) при производстве СЭ эксперт независим от органа (лица), назначившего ее, руководителя СЭО (учреждения), сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела; 2) эксперт дает заключение от своего имени на основании результатов проведенных исследований в соответствии с его специальными знаниями. Эксперт самостоятелен в выборе методик, методов и средств исследования. При этом выбранные экспертом методики, методы и средства не должны противоречить законодательству государства; 3) запрещается судам, правоохранительным и иным государственным органам, прокурорам, организациям, объединениям, а также должностным и физическим лицам вмешиваться в проведение СЭ, в целях получения заключения в пользу кого-либо из участников судопроизводства или в интересах других лиц; 4) лица, виновные в оказании воздействия на эксперта, подлежат ответственности в соответствии с действующим законодательством государства» [2].

Белорусский законодатель дополнительно к принципу независимости эксперта относит: 1) воздействие на эксперта в какой-либо форме со стороны «политических партий, других общественных объединений» или воспрепятствования в какой-либо форме его деятельности не допускается и влечет ответственность, установленную законодательными актами; 2) «эксперт не обязан давать какие-либо объяснения по существу проводимых (проведенных) СЭ, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами» [1]. В Модельном законе дополнительно к принципу независимости эксперта относится правовая норма, что «3) лица, виновные в оказании воздействия на эксперта, подлежат ответственности в соответствии с действующим законодательством государства» [2].

В ст. 9 «Объективность, всесторонность и полнота проведения судебных экспертиз, допустимость и достоверность методов, применяемых при их проведении» Закона белорусский законодатель под соблюдением принципа объективности, всесторонности и полноты проведения СЭ, допустимости и достоверности методов, применяемых при их проведении, понимает, что: «1) эксперт проводит СЭ объективно в пределах своей компетенции, всесторонне и в полном объеме с применением допустимых и достоверных методов; 2) при проведении СЭ используются методические материалы, одобренные и рекомендованные Межведомственным научно-методическим советом в сфере СЭД при Государственном комитете судебных экспертиз, включенные в Реестр методических материалов в сфере СЭД. Использование иных материалов допускается при условии научно-практического обоснования примененных методов, которое приводится в заключении эксперта, данном судебным экспертом в порядке, установленном процессуальным законодательством; 3) для решения вопросов, поставленных перед экспертом, в первую очередь применяются методы, не связанные с полным или частичным уничтожением объектов СЭ либо изменением их внешнего вида или основных свойств; 4) заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность сделанных выводов» [1].

В ст. 10 «Объективность, обоснованность, достаточность фактов и достоверность исследований» Модельного закона под соблюдением принципа объективности, обоснованности, достаточности фактов и достоверности исследований понимается, что:

«1) при производстве СЭ эксперт в пределах соответствующей специальности, обязан принять все меры для проведения всестороннего, полного и объективного исследования объектов, основанного на специальных знаниях. Обоснованным считается мотивированное, полное, ясное экспертное заключение, в котором между содержательной частью, оценкой результатов и выводами эксперта нет противоречий и дано исчерпывающее обоснование, состоящее из установленных экспертом фактов и имевшихся в деле доказательств;

2) заключение эксперта должно основываться на принципе достаточности фактов для обобщения, анализа и формулирования выводов, дающих возможность проверить их обоснованность на основе общепринятых научных, методических и практических данных. Достаточными для обобщения, анализа и формулирования выводов считаются взаимодополняющие непротиворечивые достоверные факты, которые предоставляют исчерпывающую информацию об объектах исследования и высокую степень гарантии ее достоверности, или один факт, из которого следует однозначный вывод. Достоверность экспертного заключения определяется точностью отражения обстоятельств, составляющих предмет экспертного исследования и правильностью методики проведен-

ного исследования. Структурное и содержательное соответствие заключения эксперта требованиям процессуального законодательства государства определяет его целостность» [2].

Белорусский законодатель дополнительно к принципу объективности, всесторонности и полноты проведения СЭ, допустимости и достоверности методов, применяемых при их проведении, относит: 1) «при проведении СЭ используются методические материалы, одобренные и рекомендованные Межведомственным научно-методическим советом в сфере СЭД при Государственном комитете судебных экспертиз, включенные в Реестр методических материалов в сфере СЭД. Использование иных материалов допускается при условии научно-практического обоснования примененных методов, которое приводится в заключении эксперта, данном судебным экспертом в порядке, установленном процессуальным законодательством»; 2) «для решения вопросов, поставленных перед экспертом, в первую очередь применяются методы, не связанные с полным или частичным уничтожением объектов СЭ либо изменением их внешнего вида или основных свойств»; 3) «заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность сделанных выводов» [1].

В Модельном законе дополнительно указано, что «заключение эксперта должно основываться на принципе достаточности фактов для обобщения, анализа и формулирования выводов, дающих возможность проверить их обоснованность на основе общепринятых научных, методических и практических данных. Достоверность экспертного заключения определяется точностью отражения обстоятельств, составляющих предмет экспертного исследования и правильностью методики проведенного исследования» [2].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный нами сравнительно-правовой анализ основных (общих) положений Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» от 18 декабря 2019 г.

№ 281-3 и Модельного закона «О судебно-экспертной деятельности», утвержденного постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 19 апреля 2019 года № 49-8 указывает на факт того, что:

белорусский законодатель при подготовке национального отраслевого закона не использовал в качестве базовой структуру и содержание Модельного закона, а использовал национальную юридическую технику и правовые нормы при подготовке НПА;

степень сходства юридических понятий и терминов установлена только для «правового регулирования и правовых основ в сфере судебно-экспертной деятельности».

В заключение следует отметить, что автор не претендует на бесспорность высказанных суждений и выводов. Он полагает, что публикация может вызвать интерес у широкого круга читателей, дискуссию и приглашает к совместному исследованию, которые в свою очередь приведут к дальнейшему комплексному научно-практическому совершенствованию судебно-экспертной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О судебно-экспертной деятельности: закон Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 281-З (в редакции Закона от 6 января 2021 г. № 93-З) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=h11900281> (дата доступа: 10.04.2022).
2. О судебно-экспертной деятельности: Модельный закон: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 19 апреля 2019 года № 49-8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/742.pdf>. (дата доступа: 10.04.2022).
3. Дьяконова, О.Г. Подготовка нового закона о судебно-экспертной деятельности: инновация, требующая комплексного подхода / О.Г. Дьяконова // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4 (61). С. 9–27.
4. Парамонова, Л.Ф. Институт частной судебной экспертизы в СНГ: сравнительно-правовой анализ / Л.Ф. Парамонова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 4. С. 136–142.
5. Юрченко, Л.В. Реформирование судебно-экспертной деятельности в странах СНГ / Л.В. Юрченко // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: сб. трудов VI Междунар. науч.-практ. конф., Симферополь, 26–27 апреля 2018 г. // Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. Симферополь: Крымский фед. ун-т им. В. И. Вернадского. 2018. С. 129-133.
6. Кирвель, В.К. Закон Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности»: новелла в правовом обеспечении судебно-экспертной деятельности / В. К. Кирвель // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сб. науч. стат. II Междунар. науч. конф., Нижний Новгород, 21–22 мая 2020 г. // Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород: Нижегород. исслед. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2020. С. 12–22 / eLIBRARY ID: 43413664.
7. Кирвель, В.К. Закон Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» и Федеральный Закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»: сравнительно-правовой анализ положений о судебной экспертизе и судебных экспертах / В.К. Кирвель //

- Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти проф. Т.В. Аверьяновой «Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы», Москва, 25–26 марта 2021 г. / Российский гос. ун-т правосудия, Национальный общественный центр экспертиз. М.: РГУП, 2021. С. 287–295.
8. Кирвель, В.К. Закон Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» и Федеральный Закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»: сравнительно-правовой анализ общих (основных) положений / В.К. Кирвель // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сб. докладов Всероссийской науч. конф. с междунар. участием, Нижний Новгород, 21–22 мая 2021 г. / Национальный исследовательский Нижегородский ун-т им. Н.И. Лобачевского. Н.Новгород: ННГУ, 2021. С. 31–40 / eLIBRARY ID: 46324174.

The Law of the Republic of Belarus “On Forensic Expert Activity» (2019) and the Model Law «On Forensic Expert Activity» (Interparliamentary Assembly of the Member States of the Commonwealth of Independent States, 2019): Comparative Legal Analysis of the General (Basic) Provisions

V.K. Kirvel

Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus (Republic of Belarus, Minsk)
kirvit@tut.by

The article provides a comparative legal analysis of the general (basic) provisions of the Institute of Forensic Expert Activity in the Republic of Belarus and the Institute of Forensic Expert Activity developed by the Interparliamentary Assembly of the Member States of the Commonwealth of Independent States for their participants.

Keywords: forensic expert activity, forensic examination, forensic expert, forensic expert organization.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМА АКТУАЛИЗАЦИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ЭКСПЕРТА-ЭКОНОМИСТА

М.Е. Кокарева

ООО «Свобода от долгов» (Россия, Нижний Новгород)
marina_kokareva_1998@mail.ru

Расследование экономических преступлений, демонстрирующих тенденцию на рост их числа и усложнение в связи с использованием новых цифровых способов, часто требует применения специальных экономических знаний, которые, в свою очередь, лежат в основе независимого и достоверного экспертного заключения по результатам проведения судебно-экономической экспертизы. В настоящее время специальные знания, как никогда рань-

ше, нуждаются в постоянном обновлении и развитии.

Ключевые слова: динамика экономической преступности, судебно-экономическая экспертиза, современные специальные экономические знания.

Преступная деятельность как один из важнейших факторов, влияющих на дестабилизацию социальной и экономической ситуации в стране, находится под пристальным вниманием различных правоохранительных ведомств России. На основании изучения действующего законодательства можно получить следующее определение: экономическое преступление – это виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания.¹ Преступлениям в сфере экономической деятельности посвящен обширный восьмой раздел Уголовного Кодекса РФ (УК РФ), который содержит десятки статей. В табл. 1 представим группировку экономических преступлений.

Таблица 1. Группы экономических преступлений

Наименование группы	Содержание	Статьи УК РФ
1. Преступления против общего порядка осуществления экономической деятельности на территории России	Незаконный отказ в государственной регистрации юридического лица или выдаче лицензии; манипуляции с реестром недвижимости, незаконное предпринимательство без государственной регистрации; производство немаркированной продукции и т.п.	169, 170, 170.1, 170.2, 171, 171.1, 171.2, 172, 172.2, 173.1, 173.2, 174, 174.1, 175, 185.6, 191.1, 200.3
2. Преступления против порядка кредитования и порядка удовлетворения требований кредиторов	Незаконное получение кредита, преднамеренное банкротство; злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности и т.п.	172.1, 176, 177, 195, 196, 197
3. Преступления против добросовестной конкуренции, такие как ограничение конкуренции	Незаконное недопущение к торгам, принуждение к совершению сделки; незаконное получение и разглашение коммерческой и налоговой тайны и т.д.	178, 179, 180, 181, 183, 184, 185.3, 185.6
4. Преступления против порядка обращения денег, драгоценных металлов, драгоценных камней и ценных бумаг, а также порядка учета прав на ценные бумаги	Фальсификация реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета; изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг и т.д.	170.1, 185, 185.1, 185.2, 185.4, 186, 187, 191, 192
5. Преступления против порядка осуществления внешнеэкономической (внешнеторговой) деятельности	Контрабанда; невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте; уклонение от уплаты таможенных платежей и т.д.	189, 190, 193, 193.1, 194, 200.1, 200.2
6. Преступления против порядка уплаты налогов и сборов	Незаконное возмещение НДС из бюджета; сокрытие денег или имущества от налогового взыскания и т.д.	198, 199, 199.1, 199.2

Источник: составлено автором на основе УК РФ².

Отметим, что представленная группировка не является официально закреплённой, так МВД России использует несколько иную группировку состава

¹ «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2022) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс/ – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/799a726d990f4e000b31703cf3be49fa16cb180d/ (дата обращения: 09.03.2022)

² «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2022) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/799a726d990f4e000b31703cf3be49fa16cb180d/

экономических преступлений для представления их структуры за каждый год (см. рис. 1).

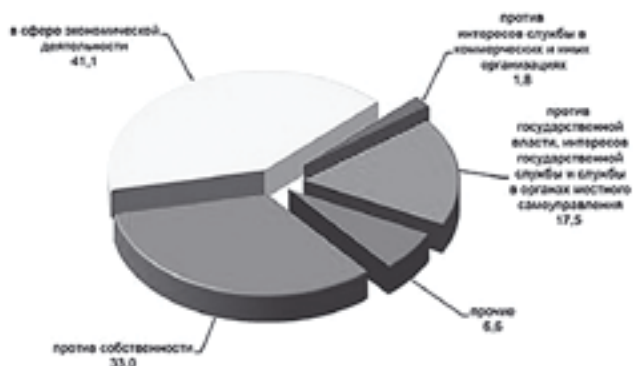

Рис. 1. Структура экономических преступлений в 2021 г.
Источник: МВД России [1].

Данные МВД России о структуре экономических преступлений свидетельствуют о том, что преступления в сфере экономической деятельности (см. рис. 1) продолжают занимать наибольший удельный вес в общем числе выявленных экономических преступлений в 2021 году.

Для того чтобы оценить и проанализировать количественную картину преступлений в сфере экономики, обратимся к официальному источнику. Так, сайт МВД России представляет краткую, но точную характеристику состояния преступности в Российской Федерации в динамике, что позволяет формировать оценки и устанавливать тренд. На рис. 2 представлены данные МВД за период 2018–2021 гг., которые показывают тенденцию увеличения количества выявленных преступлений экономической направленности вместе с ростом расследований по возбужденным делам.

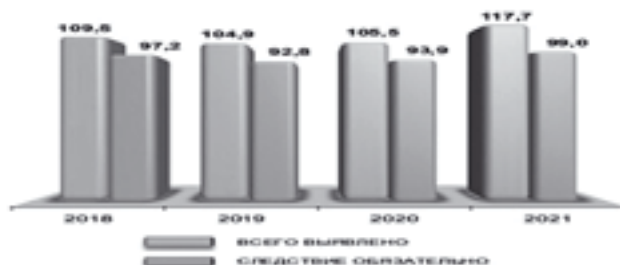

Рис. 1. Выявлено преступлений экономической направленности за последние четыре года, в тысячах.
Источник: МВД России [1].

Проведенный анализ показывает существенный рост показателей за последние четыре года, так по количеству выявленных преступлений абсолютные изменения составили 8,2 тыс. при темпе прироста 7,5 %. А по преступлениям, следствие по которым обязательно, абсолютное изменение составило 1,2 тыс., а темп прироста – 1,9 %.

Далее подробно рассмотрим абсолютные и относительные показатели динамики экономических преступлений.

Таблица 2. Анализ показателей динамики экономических преступлений за четыре года

Период	Абсолютные отклонения, тыс.		Относительные отклонения (темпы изменений), %	
	Всего выявлено	Следствие обязательно	Всего выявлено	Следствие обязательно
2019/2018	- 4,6	-4,4	95,8	95,5
2020/2019	0,6	1,1	100,6	101,2
2021/2020	12,2	5,1	111,6	105,4

Источник: составлено автором на основе данных МВД России [1].

Из табл. 2 видно, что за период наблюдения только в 2019 году было отмечено снижение числа выявленных экономических преступлений относительно предыдущего 2018 года. А далее в 2020 и 2021 годах сохраняется тенденция роста данных преступлений, в том числе и тех, следствие по которым обязательно.

По последним актуальным данным МВД России за январь 2022 года количество выявленных преступлений экономической направленности составило 13,4 тысячи против 12,6 тысяч аналогичных преступлений за январь 2021 года, таким образом темп прироста составил 6,35% и тренд на увеличение числа преступлений сохраняется.

В целом представленная официальная статистика МВД России показывает тренд на рост числа выявленных преступлений экономической направленности за четыре рассматриваемых года и январь текущего года, что получает отрицательную оценку, но вместе с этим можно говорить и о достаточно эффективной работе правоохранительного ведомства по борьбе с экономической преступностью.

Особенностью совершения преступлений в сфере экономики является то, что всегда следы можно найти в бухгалтерских документах, отражающих всю финансово-хозяйственную деятельность организации, при этом изучение таких документов является основной задачей не только следователя, который может инициировать назначение судебной экспертизы, но и судебного эксперта.

Реализация социально-значимого принципа неотвратимости наказания прямо зависит от различных методов, средств, форм и их использования для эффективного раскрытия преступлений. Нельзя не отметить, что преступле-

ния в сфере экономики всегда имеют одну ярко выраженную особенность, а именно, махинации с финансами или проще – незаконное получение денежных средств. В связи с этим, становится необходимым применять традиционные средства и криминалистические методы, а также специальные знания в сфере учета, анализа, налогообложения, финансов и кредита. На практике специальные экономические знания являются базисом для возбуждения уголовного дела, собирания доказательств, определения размера причиненного ущерба.

Высокий уровень экономических преступлений представляет угрозу национальной безопасности России. Актуальность применения специальных экономических знаний в ходе расследования экономических преступлений обуславливается многими причинами, среди которых следует назвать, прежде всего, борьбу с экономической преступностью, а также задачу повышения раскрываемости преступлений.

Высокую потребность в использовании специальных экономических знаний предопределяет совокупность факторов:

- высокий уровень латентности экономических преступлений;
- сложность комплексных проявлений экономической преступности;
- значительный удельный вес данных преступлений в общем составе выявленных преступлений;
- связь с другими преступлениями;
- вариативность действий субъектов;
- появление новых цифровых способов совершения преступлений;
- трудности выявления, раскрытия и расследования.

В процессе постановки вопросов перед судебно-экономическим экспертом важно учитывать, что вопросы должны относиться к предмету судебной экономической экспертизы, быть существенными для дела и не могут быть разрешены органом уголовного преследования или судом, содержание вопросов должно вызывать необходимость экспертного исследования, а не носить информативно-справочный характер. Также не должны формулироваться вопросы юридического и общего характера, когда решение вопросов предполагает проведение экспертом сплошной ревизионной проверки [2, стр. 112].

Основными формами применения экономических знаний являются:

- 1) консультация специалиста – применяется, если следователь не обладает соответствующей компетенцией, может иметь вид справочной деятельности;
- 2) проведение ревизии с помощью специалиста;
- 3) присутствие специалиста при проведении следственных действий;
- 4) назначение и проведение судебно-экономических экспертиз [3, стр. 671].

Эксперты (специалисты) должны владеть экономическим анализом хозяйственной деятельности, умением работать с документацией: бухгалтерского, налогового и оперативного учета, а также отчетностью, использовать их в

юридической практике, знать общие методические и организационные основы назначения и проведения экспертизы, специальные компьютерные программы и т.д. Незнание особенностей слеодообразования по экономическим делам, а также всей системы следов в данной сфере оказывает непосредственное влияние на качество организации и тактику проведения действий по документированию. Процесс документирования должен быть организован таким образом, чтобы исключить возможность утраты важнейших следов [4, стр. 5].

Деятельность судебного эксперта экономиста значительно усложняется постоянными изменениями в нормах финансового права. Изменения в Налоговый Кодекс активно вносятся всегда, утверждаются новые формы налоговой отчетности, в том числе и в период осуществления специальной операции на Украине. Министерство финансов РФ проводит реформирование бухгалтерского учета, как в коммерческом, так и в бюджетном секторе экономике. Ежегодно вводятся в практику учета новые ФСБУ и СГС. Экономические санкции против России требуют внесения изменений в таможенное законодательство России с целью поддержки отечественного производителя. Нельзя не отметить, что экспертное исследование может проводиться за прошлые периоды, а значит, специалист должен обладать не только актуальными, но и ретроспективными знаниями нормативной базы и применять их дифференцировано.

В настоящее время особую актуальность приобретают знания специальных программ по учету и анализу, таких как:

- «1С: Предприятие 8.3», «1С: Бухгалтерия государственного учреждения 8.3»,
- «SAP S/4HANA Finance»,
- «БЭСТ-5»,
- «Эльба»,
- «Cubux»,
- «Альт-Финансы», «Альт-Финансы-Сумм» (компания «Альт-Инвест»),
- «Кис: Финанализ» (ЗАО «Кис»),
- «Оценка финансово-экономической деятельности» (компания «Idp Corporate Systems»),
- и других.

Таким образом, требования к компетенциям судебных экспертов-экономистов постоянно повышаются. В связи с этим возникает проблемный вопрос: где специалист может приобрести все необходимые сегодня компетенции? Система высшего профессионального образования, какой бы она ни была эффективной в конкретном учреждении, может опираться исключительно на действующую в период обучения нормативно-правовую базу, а в части цифровизации – только на имеющиеся весьма ограниченные материально-технические возможности вуза в рамках выделенного бюджетного финансирования и внебюджетных ис-

точников. Экспертно-криминалистическая служба МВД России и судебно-экспертные учреждения Минюста, которые принимают на работу выпускников вузов, также имеют контингентированные источники в части модернизации материально-технической базы и программного обеспечения. На наш взгляд, современная сложная ситуация, а также названные причины перманентной актуализации знаний судебных экспертов-экономистов требуют реконструкции системы послевузовского профессионального обучения данных специалистов, а также интеграции представителей профессионального сообщества с целью разработки комплекса унифицированных профессиональных стандартов в условиях цифровизации национальной экономики. Послевузовское профессиональное образование в России предполагает овладение новыми знаниями и информационными технологиями, а также научно-исследовательскую работу специалиста: участие в различных научных форумах, написание статей, отчетов, диссертаций. Кроме того, в XXI веке всё более возникает необходимость в непрерывном самообразовании специалиста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 10.03.2022).
2. Стародубова В.С. Значение судебно-экономической экспертизы при расследовании преступлений в сфере банковской деятельности // Научный электронный журнал Меридиан. 2019. №14 (32). С. 114–116.
3. Поздняков М.А. Понятие специальных знаний и их использование в уголовном судопроизводстве. // Молодой ученый. 2015. № 32. С. 678–681.
4. Жильцова Ю.В. Организация процесса документирования преступных действий, связанных с возмещением налога на добавленную стоимость / Ю.В. Жильцова, А.А. Курнавина // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2021. № 1 (505). С. 2–13.

Crimes in the sphere of economic activity and the problem of updating the special knowledge of an expert economist

M.E. Kokareva

*LLC «Freedom from debt» (Russia, Nizhny Novgorod)
marina_kokareva_1998@mail.ru*

The investigation of economic crimes, which demonstrate a tendency to increase in their number and complexity due to the use of new digital methods, often requires the use of special economic knowledge, which, in turn, form the basis of an independent and reliable expert opinion based on the results of a forensic economic examination. Currently, specialized knowledge, more than ever before, needs constant updating and development.

Keywords: dynamics of economic crime, forensic economic expertise, modern special economic knowledge.

СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ ОБОРОТА ГРАЖДАНСКОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В РОССИИ, ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

С.М. Колотушкин

*Российский государственный университет правосудия (Россия, Москва)
kolotushkinsm@mail.ru*

В статье проводится анализ соотношения разрешений и запретов в вопросах оборота гражданского огнестрельного оружия в России. С одной стороны, огнестрельное оружие – неотъемлемый атрибут охоты, которая является частью общественной жизни, истории и культуры целых народов и государств, а с другой – источник рисков и опасности в отношении жизни и здоровья людей. В статье предлагается модель оборота огнестрельного оружия в России, исключающая криминальное использование гражданского огнестрельного оружия. Предлагается полностью исключить владение гражданским огнестрельным оружием гражданами России, но при этом не запрещается его применение для охоты. Данный вид оружия и боеприпасы к нему должны храниться в охотничьих хозяйствах и выдаваться охотнику при приобретении им лицензии на охоту.

Ключевые слова: гражданское огнестрельное оружие, охота, порядок оборота огнестрельного оружия и боеприпасов, контроль, спутниковая навигация.

Последние трагические события в Пермском университете, а также в средней школе в Казани, связанные с расстрелом студентов и школьников, вызвали бурную реакцию общественности в отношении вопроса о запрете в гражданском обороте огнестрельного оружия. Надо признать, что проблема эта не новая, и не только в России. Средства массовой информации с пугающей частотой сообщают нам о трагедиях в разных странах, где человек с оружием без внятной мотивации расстреливает десятки людей.

Сегодня в мире около 250 (с учетом непризнанных) стран, в 48 из них разрешено владение огнестрельным оружием гражданами этих стран; как правило, это охотничье оружие или оружие самообороны. Следует признать, что именно в этих странах возникают серьезные проблемы с его незаконным, а нередко криминальным применением.

В настоящее время у граждан России имеется около 800 тыс. единиц огнестрельного нарезного оружия, 4,2 млн. – огнестрельного гладкоствольного оружия и 920 тыс. единиц огнестрельного оружия ограниченного поражения (так называемого травматического оружия). Такое количество огнестрельного оружия в гражданском обороте вызывает озабоченность у государства, именно этим объясняется передача контроля за его учетом Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации.

Однако мы видим, что усиление контроля, в том числе увеличение возраста

владельца огнестрельного оружия с 18 до 21 года, не гарантирует от трагедий, подобных в Перми и в Казани. Сегодня можно услышать, что психологи «прошляпили» пермского стрелка, не смогли выявить его поведенческие склонности к массовому убийству. Официальный психологический диагноз пермскому стрелку будут выносить судебно-медицинские эксперты после проведения специальных исследований, но уже сегодня можно говорить об отклонении от «нормы» и, судя по оставленному им «манифесту», наблюдается маниакально-депрессивный синдром.

Здесь важно отметить, что психологическое обследование на право владения гражданским огнестрельным оружием по своей глубине и объективности далеко от комплексной психолого-психиатрической экспертизы. Отсюда следует, что в отношении нескольких миллионов граждан России, владеющих огнестрельным оружием, провести такое исследование просто не реально. Кроме того, граждане, являющиеся владельцами оружия, приобретенного на основании лицензии на приобретение оружия, проходят медицинское освидетельствование на наличие медицинских противопоказаний к владению оружием не реже одного раза в пять лет [1]. Этот срок не гарантирует, что за пять лет у человека не наступят медицинские противопоказания к владению оружием.

Возникает вопрос: «Что делать?». На фоне трагических событий, вызывающих сильный общественный резонанс, предлагаются кардинальные меры – запретить оборот гражданского охотничьего оружия на территории России. Обоснование простое: не будет гражданского огнестрельного оружия – не будет массовых расстрелов, не будет бытовых убийств, связанных с его применением, трагических случаев с небрежным его хранением, перевозкой и применением. Приводятся примеры большинства стран в мире, где огнестрельного оружия у населения нет.

Вроде все верно, но, к сожалению, и как это часто бывает в вопросах искоренения зла (вспомните борьбу с пьянством и вырубку виноградников), не учитываются так называемые факультативные аспекты проблемы – история, традиции, социология, эпос и т.п. Мы обсуждаем проблему, которая связана главным образом с оборотом охотничьего (выделено авторами) огнестрельного оружия, а охота в России – это сложное общественное явление. С охотой связана история нашей страны, ее культура, традиции. Вспомним картины В.Г. Перова «Охотники на привале», Д.Н. Никонова «Охота с борзыми», замечательные рассказы об охоте И.С. Тургенева и В.В. Бианки, а как писал об охоте А.С. Пушкин:

«Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей;
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы».

Охота тесно связана с экономикой нашей страны, достаточно сказать, что в России 11 заводов, которые производят охотничье оружие, боеприпасы и иное снаряжение. Российское оружейное ремесло, начиная с XV века, серьезно конкурировало с лучшими иностранными мастерами, в настоящее время выделилась самостоятельная отрасль научных знаний в сфере гражданского и спортивного оружия.

В сложившейся непростой ситуации автором предлагается следующая модель оборота охотничьего огнестрельного оружия, которая, с одной стороны, серьезно ограничит свободное перемещение данного вида оружия, но при этом сохранит любительскую и промысловую охоту с его применением.

Во-первых, исключить гражданами России личное владение охотничьим огнестрельным оружием и боеприпасами к нему. Оружие и патроны хранятся только в охотничьих хозяйствах. Исключение составляют только охотники-промысловики.

Во-вторых, для участия в охоте необходимо иметь охотничий билет, приобрести лицензию на добычу зверя или птицы.

В-третьих, прибыть в охотничье хозяйство, где приобретена лицензия на охоту. С помощью инструктора из широкого ассортимента подобрать для себя модель охотничьего оружия и патронов, а в случае необходимости провести его пристрелку в тире.

В-четвертых, каждый экземпляр оружия оснащен датчиком спутниковой навигации, который в реальном масштабе времени отслеживает маршрут (трек) его перемещения как по территории охотничьего хозяйства, так и вне его границ. Это позволит с помощью радиостанций дать рекомендации по расположению охотников относительно друг друга в так называемых «номерах» или скорректировать перемещение относительно границ охоты.

В-пятых, каждый выстрел, произведенный из ружья, с помощью датчика спутниковой навигации фиксируется в системе координат.

В-шестых, после охоты оружие и оставшиеся боеприпасы передаются в охотничье хозяйство.

Таким образом, охотничье огнестрельное оружие хранится только по месту проведения охоты. Наличие в оружии датчика спутниковой навигации будет сигнализировать о его перемещении вне охотничьего хозяйства и попытке скрыться с ним. В этом случае принимаются меры об оповещении правоохранительных органов и розыске конкретного лица и оружия. Описанная модель может рассматриваться как некий компромисс в необходимости снижения рисков криминального использования гражданского огнестрельного оружия и сохранения традиций охоты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 02.07.2021 N 313-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и статьи 79 и 91.1 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/69984.html/> © КонсультантПлюс, 1992–2021.

Modern model of circulation of civilian firearms in Russia, historical, legal and social aspects

S.M. Kolotushkin

*Russian State University of Justice (Moscow, Russia)
kolotushkinsm@mail.ru*

The article analyzes the correlation of permits and prohibitions in the circulation of civilian firearms in Russia. On the one hand, firearms as an integral attribute of hunting, which is part of the social life, history and culture of entire peoples and states, and on the other hand, is a source of risks and dangers to people's life and health. The article proposes a model for the circulation of firearms in Russia, excluding the criminal use of civilian firearms. It is proposed to completely exclude the possession of civilian firearms by Russian citizens, but at the same time, their use for hunting is not prohibited. This type of weapon and ammunition for it must be stored in hunting farms and issued to the hunter when he acquires a hunting license.

Keywords: civilian firearms, hunting, firearms and ammunition circulation procedure, control, satellite navigation.

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ САМОДЕЛЬНОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

Д.А. Кудряшов

*Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (Россия. Москва)
dima.kudryashov.d@mail.ru*

В данной статье приведен анализ практики производства баллистических исследований самодельного огнестрельного оружия, исходя из которого определены и рассмотрены основные способы его изготовления. Раскрыто содержание понятия самодельного оружия и уточнено содержание такой категории оружия, как самодельное огнестрельное оружие. Обозначены отдельные точки зрения авторов по указанной проблематике. Рассмотрены конструктивные особенности выполнения и признаки переделки на примере наиболее типичных моделей ствольного газового и списанного оружия. На основе экспертного анализа даны отдельные рекомендации по определению способа изготовления конкретного образца самодельного огнестрельного оружия с учетом технологии его изготовления.

Ключевые слова: самодельное огнестрельное оружие, признаки переделки, конструктивные особенности, газовое ствольное оружие, списанное оружие.

В последние годы анализ судебно-следственной практики расследования и раскрытия преступлений показывает, что довольно часто в качестве орудия со-

вершения преступления выступает стрелковое огнестрельное оружие, в частности незаконно изготовленное оружие.

Согласно статистике ГИАЦ МВД России [1] за январь–декабрь 2021 года было совершено 4126 преступлений, связанных с незаконным изготовлением оружия. За аналогичный период 2020 года было совершено 4776 подобных преступлений, 2019 года – 4981. Исходя из анализа указанных статистических данных наблюдается незначительный спад количества совершенных преступлений, связанных с незаконным изготовлением оружия. Однако данная статистика все же свидетельствует о достаточно высоком уровне совершения обозначенного вида преступлений в современных реалиях.

В криминалистической и экспертной литературе незаконно изготовленное оружие называется самодельным, так как в процессе его изготовления не соблюдаются требования международных, государственных, региональных стандартов, иных стандартов организаций, технических условий, сводов правил либо иных документов по стандартизации.

Следовательно, в общем объеме изымаемого правоохранительными органами огнестрельного оружия большую долю составляет именно оружие, изготовленное самодельным способом. К самодельному оружию можно отнести оружие, в частности огнестрельное, по комбинированной технологии его изготовления с делением на следующие основные группы.

Во-первых. Оружие, изготовленное с использованием отдельных частей, узлов и сборочных единиц промышленного или кустарного оружия.

Во-вторых. Оружие, переделанное в зависимости от качественной и количественной характеристики используемых деталей, механизмов и узлов. Такое оружие можно разделить на: изготовленное путем переделки огнестрельного оружия; изготовленное путем переделки сигнальных устройств; изготовленное путем переделки конструктивно сходных с огнестрельным оружием изделий.

В-третьих. Оружие, изготовленное путем приспособления конструктивно сходных с огнестрельным оружием изделий для производства выстрелов. К примеру, закрепления дополнительных устройств (приспособлений) к основной конструкции изделия.

В-четвертых. Оружие, в том числе огнестрельное, собранное самостоятельным способом из деталей, частей и механизмов огнестрельного оружия промышленного производства.

В-пятых. Оружие, изготовленное полностью самодельным способом. В таком оружии все его детали, механизмы, узлы и прочие сборочные единицы изготавливаются самодельно.

Самодельное оружие, как правило, изготавливается без соблюдения требований технологической документации из подручных материалов, предметов и устройств с использованием промышленного оборудования, станков и ин-

струментов, не предназначенных для указанных целей.

В настоящее время, исходя из анализа экспертно-криминалистической литературы, можно констатировать, что сформировалось два основных подхода к содержанию понятия самодельного оружия. Одни авторы выделяют в качестве основного критерия способ его изготовления, другие – указывают на несоблюдение требований технической и конструкторской документации при его изготовлении.

Так, к примеру, с позиции первых [2, стр. 54], самодельным оружием является оружие, детали, узлы и механизмы которого изготовлены, полностью или частично, самодельным способом, а также оружие промышленного изготовления с внесением самодельным способом в его конструкцию необратимых изменений или оружие, собранное из деталей, механизмов и сборочных единиц отдельных моделей, в том числе и тех, которые не прошли полного цикла технологической обработки.

Другие [3, стр. 15] подчеркивают, что самодельным оружием является оружие, детали и механизмы которого изготовлены без соблюдения государственных, отраслевых или фирменных стандартов и технических условий из подручных материалов, предметов и устройств, приборов и инструментов вручную либо с использованием станочного оборудования общего назначения, а также с использованием отдельных деталей и механизмов заводского огнестрельного оружия.

Бесспорным представляется тот факт, что оба критерия, как с гносеологической точки зрения, так и с криминалистической, являются основными в содержании обозначенного термина. И именно на них должен быть сделан акцент. Следовательно, под самодельным оружием можно понимать оружие, детали, механизмы и сборочные единицы которого изготовлены самодельным способом без соблюдения требований международных, государственных, региональных стандартов, иных стандартов организаций, технических условий, сводов правил либо иных документов по стандартизации. В свою очередь, под самодельным способом изготовления оружия понимается его полная или частичная сборка из деталей, механизмов и частей заводского оружия, в том числе не прошедших полного цикла технологической обработки, или из подручных материалов, предметов и устройств с использованием промышленного оборудования, станков и инструментов, не предназначенных для указанных целей, либо переделка (приспособление) оружия с внесением в его конструкцию необратимых изменений, приводящих к смене его функционального (целевого) назначения и изменению его баллистических свойств и характеристик.

В контексте обозначенной проблематики криминалистического исследования самодельного огнестрельного оружия необходимо уточнить, что термин «огнестрельное» является правовым, так как его содержание прямо прописано

в ст. 1 ФЗ «Об оружии» [4].

Таким образом, представляется целесообразным заключить содержание уточненного понятия «самодельное огнестрельное оружие», как оружие, предназначенное для механического поражения цели на расстоянии метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда, и конструктивно изготовленное самодельным способом без соблюдения требований технической и конструкторской документации.

Соглашаясь с точкой зрения отдельных авторов [5, стр. 174], можно констатировать, что выработанная наукой и экспертной практикой система признаков самодельного способа изготовления огнестрельного оружия является эффективной не для всех случаев производства баллистических исследований.

Проведенный анализ криминалистической научной литературы и практики производства баллистических экспертиз, в качестве объекта исследования которых выступает самодельное огнестрельное оружие, показывает, что в последние годы оно наиболее часто изготавливается путем переделки отдельных моделей списанного, газового, огнестрельного оружия ограниченного поражения, а также путем переделки (приспособления) сигнальных или иных, конструктивно сходных с огнестрельным оружием, изделий.

Так, например, часто переделке подвергаются отдельные модели газового оружия либо огнестрельного оружия ограниченного поражения отечественного производства, которые изготавливаются из прочных стальных сплавов, что позволяет после переделки успешно использовать для производства выстрелов патроны с цельнометаллической пулей без разрушения конструкции оружия. К примеру, довольно часто переделке подвергаются газовые пистолеты ИЖ-79 (6П42-7,6 и 6П42-8).

На примере газового оружия, к наиболее типичным признакам переделки, путем внесения необратимых изменений в его конструкцию, можно отнести:

- наличие деталей, не предусмотренных конструкцией газового оружия (стволов-вставок и прочее);
- удлинение у дульного среза части ствола, в целях установки на оружие прибора бесшумной стрельбы;
- различие по цвету, виду материала, характеру обработки поверхности самодельно установленного ствола (перестволение) с другими деталями, механизмами и частями в конструкции оружия в целом;
- дефекты канала ствола, образованные в результате удаления в нем перегородок, функционально предназначенных для использования газовых патронов;
- следы грубой ручной и машинной обработки, образованные вследствие самодельной переделки, подгонки либо сборки отдельных сборочных единиц оружия;

- наличие на деталях оружия маркировочных обозначений различных моделей газового оружия;
- замена штатной возвратной пружины газового пистолета на более жесткую, либо самостоятельно навитую, имеющую, как правило, больший диаметр, либо замена на возвратную пружину боевого пистолета Макарова;
- и другие.

Также, в последнее время, актуальна переделка (восстановление первоначальной конструкции) отдельных моделей списанного оружия отечественного производства, к примеру, списанного охолощенного пистолета СХП ПМ Ваикал-Р411. Как показывают различные научные и экспериментальные исследования [6, стр. 154], данный пистолет пригоден для производства выстрелов патронами с цельнометаллической пулей.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что в современных реалиях основным и наиболее часто используемым в практике способом самодельного изготовления огнестрельного оружия является переделка отдельных моделей списанного, газового и огнестрельного оружия ограниченного поражения, носящая необратимый характер. В частности переделка указанных моделей оружия реализуется по средствам замены («перестволнения») или растачивания ствола (удаления перегородок в канале ствола), а также растачивания патронника, патронного упора затвора и др.

Вследствие чего, при проведении подобного рода баллистических исследований, представляется необходимым тщательное исследование материальной части оружия, так как, во-первых, его основные части и механизмы довольно часто копируют промышленные, а во-вторых, это позволит на основе всестороннего анализа изучить конкретные признаки способа изготовления оружия, его конструкцию в целом, в том числе конструктивные особенности, приводящие к изменению баллистических свойств и характеристик, имеющие определенную криминалистическую значимость для идентификации оружия ввиду специфики его изготовления.

Таким образом, высказанные рекомендации позволяют систематизировать признаки, которые в дальнейшем могут быть положены в основу вывода о способе изготовления конкретного образца самодельного огнестрельного оружия с учетом технологии его изготовления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 15.03.2022).
2. Кокин А.В., Ярмак К.В. Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза: Учеб. пособие. М.: МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. 254 с.

3. Стрелковое огнестрельное оружие и его следы на пулях, гильзах и преградах. Часть общая учеб. пособие / И.В. Латышов, И.И. Никитин, И.А. Чулков Волгоград; ВА МВД России. 2011. 116 с.
4. Об оружии [Электронный ресурс]: №150-ФЗ от 13.12.1996 (действующая редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Латышов И.В. Актуальные вопросы криминалистической классификации самодельного огнестрельного оружия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20. № 2. С. 174–180.
6. Злобин С.Г. О некоторых способах изготовления самодельного огнестрельного оружия на основе списанного оружия и их криминалистические признаки // Вестник экономической безопасности. 2021. № 3. С. 152–155.

About some methodological aspects of forensic investigation of homemade firearms

D.A. Kudryashov

*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikotya (Russia. Moscow)
dima.kudryashov.d@mail.ru*

This article provides an analysis of the practice of producing ballistic studies of homemade firearms, based on which the main methods of its manufacture are identified and considered. The content of the concept of homemade weapons is disclosed and the content of such a category of weapons as homemade firearms is clarified. Separate points of view of the authors on this issue are indicated. The design features of the implementation and signs of alteration are considered on the example of the most typical models of gas-fired and decommissioned weapons. Based on expert analysis, separate recommendations are given to determine the method of manufacturing a specific sample of homemade firearms, taking into account the technology of its manufacture.

Keywords: homemade firearms, signs of alteration, design features, gas barrel weapons, decommissioned weapons.

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПО РЕШЕНИЮ ВОПРОСОВ КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО МОНТАЖА ДОКУМЕНТОВ (СЛУЧАЙ ИЗ ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКИ)

П.Г. Лесникова, Я.М. Чернышова

*ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (Россия, Нижний Новгород)
prcse-murf@ya.ru*

В статье рассматриваются особенности производства судебно-технической экспертизы документов по установлению факта изготовления документов путем монтажа.

Ключевые слова: судебно-техническая экспертиза документов, электрофотографические копии документов, установление факта компьютерно-технического монтажа.

В настоящее время вопросы по установлению факта монтажа в судебно-технической экспертизе документов как никогда актуальны. Под монтажом в судебно-технической экспертизе документов понимают изготовление документа путем подбора и соединения частей существующих документов друг с другом или с вновь создаваемыми реквизитами и придания им вида единого документа. Отличительными признаками понятия монтажа документа являются:

- в качестве монтажных единиц используются фрагменты, отдельные реквизиты уже существующих на данный момент документов, которые соединяются друг с другом и (или) с вновь выполняемыми реквизитами;
- результатом процесса монтажа является изготовление фальсифицированного документа.

Документы, изготовленные путем монтажа, следует разделять на два основных вида:

- копии несуществующих оригиналов документов;
- документы, выдаваемые за оригиналы.

К способам монтажа, представляемых в виде копий, относятся:

- технический – соединение частей разных документов путем копирования с целью придания им вида единого целого;
- компьютерно-технический – создание документа в электронном виде с использованием отдельных реквизитов (фрагментов реквизитов) уже существующих документов путем сканирования, обработки изображения и последующего распечатывания на бумаге.

Зачастую документы, изготовленные путем компьютерно-технического монтажа и распечатанные на бумаге с помощью принтера, затем копируются (или посылаются по факсу) и выдаются за копию якобы существующего документа.

На примере из экспертной практики рассмотрим более подробно особенности производства судебно-технической экспертизы документов по установлению факта изготовления документов путем монтажа.

В производство эксперту, аттестованному на право самостоятельного производства судебно-технических экспертиз документов по экспертной специальности 3.1 «Исследование реквизитов документов», поступила экспертиза по гражданскому делу с целью установления:

- имеются ли признаки монтажа на копиях квитанций к приходным кассовым ордерам?
- выполнены ли электрофотографические копии квитанций к приходным кассовым ордерам, цифровые изображения квитанций, содержащиеся на представленном оптическом диске в файле, с оригиналов таких квитанций?

Для ответа на поставленные вопросы экспертом исследовались как сами изображения квитанций к приходным кассовым ордерам (предоставленные ко-

пии), имеющиеся на листах гражданского дела, так и изображения квитанций к приходным кассовым ордерам, имеющиеся на компакт-диске, в pdf-файле.

Осмотром, микроскопическим исследованием экспертом было установлено, что все реквизиты в исследуемых копиях квитанций к приходным кассовым ордерам нанесены электрофотографическим способом (красящее вещество – тонер черного цвета). Также было установлено, что изображения квитанций к приходным кассовым ордерам имеют растровую структуру, характерную при печати графических изображений, то есть изображения квитанций получены не в процессе копирования квитанций, а выполнены с файла, содержащего графическое изображение квитанций, полученных при помощи сканера и сохраненное в формате pdf. За счет низкого разрешения при сканировании, изображения квитанций имеют низкое качество.

При изучении электронного документа, хранящегося в pdf-файле, было установлено, что он состоит из пяти страниц. Каждая страница представляет собой цветное изображение соответствующих квитанций.

С целью установления факта использования изображений квитанций, имеющих в pdf-файле, для выполнения исследуемых электрофотографических копий квитанций, проводилось их сравнительное исследование. Для этого со страниц с pdf-файла были распечатаны изображения соответствующих квитанций.

В результате сравнения исследуемых изображений квитанций с изображениями квитанций, выделенных из pdf-файла, было установлено совпадение: по форме и размеру бланков квитанций; по содержанию и размещению печатных текстов; расстоянию между строками; конфигурации знаков; взаимному размещению всех реквизитов (печатного текста, подписей, оттисков печатей относительно друг друга). Далее, методом наложения соответствующих изображений квитанций друг на друга (при помощи видеоспектрального компаратора Foster+Freeman VSC-8000) было установлено их полное совпадение.

На основании проведенных исследований эксперт пришел к выводу о том, что электрофотографические изображения квитанций к приходным кассовым ордерам, имеющиеся на листах гражданского дела, выполнены со страниц pdf-файла, расположенного на оптическом компакт-диске.

Далее, экспертом было установлено, что признаки технического и компьютерно-технического монтажа в электрофотографических изображениях квитанций к приходным кассовым ордерам отсутствуют.

Кроме того, было установлено, что границы нижних срезов квитанций имеют различную форму и размеры. В нижней части исследуемых изображений выявлены группы точек-«марашек» одинаковых по форме, размерам и месторасположению (от стекла и крышки копировально-множительного устройства).

Вышеизложенное свидетельствует о том, что имеющиеся изображения

квитанций к приходным кассовым ордерам, имеющиеся на листах гражданского дела, и их цифровые изображения, расположенные на оптическом компакт-диске в pdf-файле, выполнены путем сканирования оригиналов соответствующих квитанций на одном сканирующем устройстве (сканере, многофункциональном устройстве).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Техническая экспертиза документов // Возможности производства судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России. Научное издание. Ч. 2, гл. 2. М., 2004.
2. Определение давности выполнения реквизитов в документах по относительному содержанию в штрихах летучих растворителей: методические рекомендации. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2015. 26 с.: ил.
3. Ефименко А.В. Судебно-техническая экспертиза документов, изготовленных с использованием электрофотографических печатающих устройств. Саратов: СЮИ МВД России, 2010.
4. Торопова М.В. Исследование документов, изготовленных путем монтажа. / М.В. Торопова // Современные возможности криминалистического исследования документов: матер. Межведомств. научно-практич. конф. (г. Москва, 28 мая 2013 г.). М.: Московский университет МВД России. 2013. С.306–308.

Modern possibilities for solving issues of computer-technical montage of documents (an episode from expert practice)

P.G. Lesnikova, Y.M. Chernyshova

*Privolzhsky Forensic Science Centre (Russia, Nizhny Novgorod)
prsce-murf@ya.ru*

The article discusses the features of the production of forensic technical examination of documents to establish the fact of making documents by montage.

Keywords: forensic examination of documents, electrophotographic copies of documents, establishing the fact of computer-technical montage.

УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА В ОСМОТРЕ МЕСТА КРАЖИ АНТИКВАРИАТА

А.Ф. Лубин^{1,2}

¹ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

²Нижегородская академия МВД России (Россия, Нижний Новгород)
ale-lubin@yandex.ru

Участие специалистов в производстве следственных действий – это общее правило для современного уголовного процесса. Использование специальных знаний при осмотре места кражи антиквариата – острая и безусловная необходимость. Она вызвана спецификой самого предмета и места кражи. По-видимому, должно быть устоявшейся нормой, когда в осмотре участвуют специалист-криминалист и специалист-искусствовед.

Ключевые слова: специалист-криминалист, следственный осмотр, антиквариат, преступления, следовая картина.

Историческая цитата: участники следственного действия, зачастую охвачены: «стремлением поскорее отделаться от обязательной, но обременительной формальности (осмотра – А.Л.) и скорее перейти к тому, что они считают настоящим делом – к допросу свидетелей» [2, стр. 9]. Это утверждение, на наш взгляд, не может относиться к месту кражи антиквариата. Работа на этом месте по определению не носит формальный характер. Она – изначально и во всех случаях – сложная работа, а делать ее иногда некому. Нет специализированных бригад (следственно-оперативных групп), которые бы выезжали с психологической установкой на долговременность процедуры осмотра, ее кропотливость и обязательность. Зачастую, нет внятных ориентиров – откуда начинать осмотр, а где его заканчивать. Кроме того, места и предметы кражи довольно специфичны.

Так или иначе, вряд ли кто опровергнет положение о том, что первым и основным обстоятельством, подлежащим доказыванию, при расследовании кражи антиквариата является установление самого факта кражи. Еще важнее вопрос: был ли предметом кражи именно антиквариат? Надо полагать, в этом случае хорошим справочником может явиться «Типовой Договор о предупреждении преступлений, связанных с посягательством на культурное наследие народов в форме движимых ценностей», принятый на Восьмом Конгрессе ООН (1990 г. Гавана). В этом Договоре указываются 15 позиций, содержащих археологические, литературные, научные, художественные и религиозные характеристики ценностей. Они подлежат строгому экспортному контролю.

Парадоксально, но в российском законодательстве до сих пор отсутствует понятие антиквариата, нет правил торговли и механизмов контроля на антикварном рынке [1, стр. 370–398]. Строго говоря, была попытка Президента РФ ввести лицензионную систему экспорта антиквариата. (Указ от 30 мая 1994 г. «О реализации предметов антиквариата и создании специального уполномоченного органа государственного контроля по сохранению культурных ценно-

стей».) Потом, однако, Указ был отменен (2002 г.). Логика нормативного акта сохранилась: антиквариат – это часть понятия «культурные ценности» [4, стр. 370–398].

Итак, признаки антиквариата следующие:

- 1) похищенному предмету не должно быть менее полувека (в Англии – 60 лет; в Америке – 100 лет);
- 2) редкость предмета (неповторимость, уникальность);
- 3) трудность изготовления копий (относится к фарфору, изделиям из бронзы, к некоторой графике и живописным произведениям);
- 4) связь с известным мастером или известной школой;
- 5) реальная цена вещи (золото, платина, камни).

Одновременно решается вопрос о законности приобретения вещи физическим или юридическим лицом (потерпевшим или представителем потерпевшего). Уместно, по возможности, сделать запрос в ГИАЦ МВД России, числится ли похищенный предмет антиквариата в информационно-поисковой системе «Антиквариат» (преобладают данные об иконах – 73%). Заметим, что хранятся сведения о всех видах антиквариата, которые, во-первых, связаны с преступлениями, и во-вторых, по которым существует возможность идентификации [3, стр. 127–131].

Полная история украденной ценности, установление и анализ всех следов на месте кражи при должном усердии оперативных работников, следователя и специалистов могут создать информационную базу для розыскных версий.

Перед проведением осмотра следует установить вид данного сооружения и его принадлежность определенной религиозной конфессии (православная церковь, мечеть, костел, кирха, синагога, молитвенный дом и т. д.).

При осмотре места происшествия в русской православной церкви нужно все действия следственно-оперативной группы в храме согласовать с настоятелем данного храма, а в отдельных случаях – с епархиальным архиереем. При осмотре места кражи предметов культа в алтаре запрещается: обходить вокруг Святого Престола; прикасаться к нему или к предметам, находящимся на нем; прикасаться к Священным Сосудам. В таких случаях необходимо просить священника самому брать их в руки, но таким образом, чтобы имеющиеся следы не были повреждены, а специалисту-криминалисту удобно было с ними работать.

При осмотре места происшествия в католическом христианском храме (костеле) все действия следственно-оперативной группы можно производить без обращения в вышестоящие церковные инстанции, но полезно координировать свое поведение непосредственно с настоятелем костела.

Место проникновения преступников в помещение изучается особенно детально. В задачу специалиста входит решение вопросов:

1) были ли подготовительные действия до проникновения в помещение (обход здания, отключение сигнализации, использование веревок и лестниц, использование транспортных средств, осветительных приборов, слесарных и монтажных инструментов, изготовление «пластыря» и др.);

2) по следам обуви и рук, по волосам и волокнам одежды предположить количество преступников, их возраст и пол;

3) соответствуют ли размеры похищенных предметов антиквариата размерам места проникновения (например, зарешеченного окна);

4) выявить и зафиксировать следы распила, взлома, отжима, газорезки, домкрата.

К числу признаков инсценировки относятся:

1) кража произведена из такого хранилища или тайника, которое затруднительно обнаружить преступнику (возможен сговор со служителями церкви или домочадцами);

2) следы подготовки взлома, которые находятся внутри помещения;

3) количество похищенных предметов, их размеры не соответствуют размеру места проникновения;

4) наличие материальных или интеллектуальных подлогов в документах учета и отчетности (в актах инвентаризации, описях и др.);

5) признаки нарушений правил хранения, охраны, экспонирования антиквариата.

При описании конкретных пространственных частей интерьера православного храма (притвора, трапезной, приделов, иконостасов с алтарем, колонн, стен, ниш и находящихся в них предметов или пустот от похищенных предметов или икон), надо строго придерживаться последовательности и порядка движения по территории храма – от входа к алтарной части и слева направо. Такой же последовательности движения по территории следует придерживаться при осмотрах места кражи в храмах иных конфессий.

Особенно важно обнаружить части от похищенной религиозной утвари, например, застежки от металлического оклада Евангелия, ручки от купели и т. п. Эти части являются доказательствами того, из какого материала изготовлен и какого веса (пробы) был украденный предмет (может быть решен вопрос об его уникальности и стоимости). При описании похищенной иконы надо быть особо внимательным к пояснениям священнослужителей и уточнять:

1) название иконы (например, «Святые Борис и Глеб», которая была похищена из краеведческого музея г. Великий Устюг Вологодской области; «Святая Богородица», украденная из церкви в Ярославской области; «Зрелище шара земного», пропавшая из библиотеки Академии наук в Санкт-Петербурге);

2) особенности сюжета иконы;

3) точные размеры доски иконы;

4) каким образом (горизонтально или вертикально) было расположено изображение;

5) сохранность изображения, доски, оклада, ризы и других украшений.

Замеры похищенных икон надо производить по внутреннему периметру пустот, ячеек, рамок, киотов, окладов от икон. При этом следует уточнять, имелись ли на иконах дополнительные боковые или верхние планки, изменяющие размер икон. Измерение обязательно производится в трех параметрах жестким метром.

Свои особенности имеет осмотр места происшествия по делам о преступных посягательствах на предметы антиквариата или документы, хранящиеся или экспонируемые в музеях, картинных галереях, выставочных залах и других учреждениях культуры. Для участия в осмотре места происшествия по делам этой категории необходимо привлекать представителей администрации и материально ответственных лиц (главного хранителя). Целесообразно использовать помощь независимого специалиста-искусствоведа, разбирающегося в особенностях системы учета ценностей, принятой в данном учреждении.

Основная специфика осмотра места происшествия по делам о кражах антиквариата из учреждений культуры состоит в необходимости установления наличия и приобщения к делу всех – без исключения – учетных документов, в которых отражается движение ценностей. В случаях невыполнения этих действий существенно затрудняются поиск, точная оценка похищенных предметов антиквариата, становится невозможным доказать факты совершения, инсценировки или причастности к преступлению должностных лиц учреждения. Как показывает практика, на данном этапе у следователей возникают существенные затруднения, вызванные незнанием содержания основных нормативных актов, устанавливающих правила учета и хранения ценностей в различных учреждениях.

Конкретная помощь специалиста-искусствоведа, выразившаяся в обнаружении, закреплении, изъятии, упаковке доказательств, должна отражаться в протоколе осмотра места кражи.

Осмотр коллекции ценностей, состоящей из совокупности однородных или подобранных по определенному признаку разнородных предметов, следует начинать с выявления сохранности ее структурной целостности, переходя затем к осмотру каждого предмета, являющегося ее неотъемлемой частью.

После оформления протокола осмотра места происшествия представляется целесообразным суммировать информацию от каждого участника следственного действия. Во всяком случае, еще существует возможность устранения пробелов, ошибок и неточностей в описании предметов кражи. Особенно важно правильно заполнить идентификационные (информационно-поисковые карты) АИПС «Антиквариата. Наконец, комплексное и комиссионное обсуждение результатов осмотра позволяет построить розыскные версии, требующие немедленной проверки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богуславский М.М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты. М.: Юристъ, 2005. 427 с.
2. Голунский С.А., Рогинский Г.К. Техника и методика расследования преступлений. Под ред. М.С. Строговича. Вып. VI. «Советское законодательство». М., 1934. 21 с.
3. Овчинский В.С. Интерпол (в вопросах и ответах). М.: ИНФРА–М, 2001. 320 с.
4. Чудинов А.И. Защита культурных ценностей от незаконного ввоза, вывоза за пределы государств и передачи права собственности на них: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1990. 22 с.

Participation of a specialist in the inspection of the place of theft of antiques

A.F. Lubin^{1,2}

¹*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)*

²*Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

(Russia, Nizhny Novgorod)

ale-lubin@yandex.ru

The participation of specialists in the production of investigative actions is a general rule for modern criminal proceedings. The use of special knowledge when examining the place of theft of antiques is an urgent and unconditional necessity. It is caused by the specifics of the object itself and the place of theft. Apparently, it should be an established norm when a forensic specialist and an art critic participate in the examination.

Keywords: forensic specialist, investigative examination, antiques, crimes, trace picture.

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

С.А. Лубин

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

Lubin.s@yandex.ru

Судебный эксперт – не должность, а процессуальная фигура, которая лично отвечает за объекты экспертного исследования и за обоснованность своих выводов. При этом надо иметь возможности проведения альтернативных судебных экспертиз, стремиться к конкуренции государственных и негосударственных экспертных учреждений. В зависимости от исторической стадии развития государства, от правовой системы страны, от политической и экономической обстановки изменяется статус судебного эксперта.

Ключевые слова: судебная экспертиза, уголовное дело, специалист, эксперт, компетенция эксперта, экспертные учреждения.

Время и место зарождения судебной экспертизы не установлено до сих пор. Высказывается мнение, что Каролина (1532 г.) впервые законодательным обра-

зом устанавливала обязательное участие врачей при расследовании преступлений против жизни и здоровья [5, стр. 450–460]. Другие источники ссылаются на постановление Папы Иннокентия III, в котором указывается во всех случаях именно врачам следует решать вопросы, связанные с причиной наступления смерти [8, стр. 11]. Однако известно, что в странах Востока с древних времен привлекались сведущие лица к расследованию преступлений. Так, в период Сунской династии (900–1278 гг.) специалисты участвовали в уголовных процессах. Наконец, приводятся данные о вскрытии и медицинском исследовании трупа Юлия Цезаря, убитого заговорщиками (44 г. до н.э.) [3, стр. 10].

Пожалуй, можно усомниться в том, что местом зарождения судебной экспертизы явился Китай [1, стр. 79]. Достоверно, на наш взгляд, другое: исторически первыми экспертизами были экспертизы медицинские (в том числе и медицинские освидетельствования) [2, стр. 122]. Выскажем предположение, что второе место принадлежит экспертизам в сфере строительства.

В XII веке под руководством архитектора Бонанно Пизано на площади Чудес в итальянском городе Пизе, рядом с собором, началось строительство колокольни с удивительной судьбой – вот уже больше 8 веков «падает» эта знаменитая башня. Ежегодно она отклоняется от вертикали на 1 мм. Рождение ее таково: после возведения первого этажа высотой 11 метров и двух колоннадных колец строительные специалисты-эксперты обнаружили отклонение колокольни от вертикали на 4 см. (Пизано, вероятно, сэкономил на фундаменте), после чего работа была прекращена. Архитектор сбежал.

С 1472 года, в течении двух лет, на территории Московского Кремля шло строительство большого храма по образу Владимирского Успенского собора, построенного еще в XII веке. Но 20 мая 1474 года в Москве произошло землетрясение, и как отметил летописец, во время «труса» рухнул недостроенный Успенский собор. Но самое любопытное: вызванные в Москву в качестве специалистов-экспертов псковские мастера, осмотрев руины, вынесли вердикт, что главной причиной этой катастрофы послужило низкое качество малоклейкой извести, и стены не получили надежной прочности [7, стр. 98–99].

Уже в те времена к сведущим лицам-экспертам предъявлялись определенные требования. Во-первых, они выбирались из самых опытных и ответственных людей, во-вторых, как правило, из другого города, и, в-третьих, они выступали в качестве экспертов (специалистов) по поручению и от имени власти. Необходимо отметить, что экспертизе одновременно подвергалась и техническая часть работы и экономическая (можно сказать, что, по сути, проводилась современная строительно-техническая экспертиза). В литературе приводится пример такой экспертизы. «По поручению Конюшенного приказа подрядчиками была выстроена Казенная палата. Проверкой стоимости строительства и прочности сооружения занимались специальная

комиссия экспертов из шести человек. Пятерым из них предстояло оценить стоимость строительства, и только одному поручалась проверка его прочности» [6, стр. 46].

В зависимости от исторической стадии развития государства, от правовой системы страны, от политической и экономической обстановки изменяется статус судебного эксперта, процедуры его привлечения в процесс, назначение и производство судебной экспертизы, правила отвода и ответственность эксперта при даче заключения, заключение эксперта как вид доказательства, возмещение расходов на экспертизу/вознаграждение и т.д.

На сегодняшний день вся судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации регламентируется практически единственным нормативным актом – Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в котором закреплены положения организации экспертной деятельности. Некоторые положения указанного ФЗ, касающиеся статуса эксперта, назначения и проведения судебных экспертиз, представляются спорными.

В частности, речь идет о ст. 7 ФЗ «Независимость эксперта». Разумеется, в идеале все правильно – эксперт независим от суда, от следователя, от прокурора, от дознавателя, от подозреваемого, обвиняемого и подсудимого. Однако, во-первых, вполне активная сторона обвинения подбирает на роль эксперта того специалиста, который способен дать «правильное» заключение. Речь не идет о фальсификации. Но если возникает альтернатива между дачей, например, категорического отрицательного вывода и вывода о том, что решить вопрос не представилось возможным (НПВ), то, возможно, для «пользы» дела более «выгодным» будет вариант НПВ. Весьма затруднительно доказать, что это заведомо ложное заключение (ст. 307 УК РФ). Права Е.Р. Россинская, которая пишет: «даже судьи реально далеко не всегда могут избежать постороннего влияния». И далее ее предложение: «выход не в обеспечении полной независимости эксперта, которая, как и любая абстракция, в условиях реального социума недостижима, хотя, конечно, к ней надо стремиться, а в возможности проведения альтернативных судебных экспертиз, в конкуренции государственных и негосударственных экспертных учреждений [4, стр. 295].

Ст. 16 упомянутого ФЗ запрещает производит экспертные исследования во вне рабочее время. Совершенно нет логики. Если следователь вправе поручать производство экспертизы любому лицу, являющимся специалистом (например, неработающему пенсионеру), то о каком рабочем или нерабочем времени можно говорить. Такой запрет должен быть отменен. В этой же статье содержится запрет на совместительство государственного эксперта на работу в негосударственном экспертном учреждении. И здесь Е.Р. Россинская справедливо замечает, что благие намерения законодателя – закрепить государственных

экспертов в своей организации приводят к противоположному результату – оттоку наиболее квалифицированных, а потому и наиболее востребованных экспертов в негосударственные структуры [4, стр. 366–367].

Судебный эксперт по ФЗ от 31 июля 1995 г. «Об основах государственной службы Российской Федерации» не является государственным служащим, кроме государственных экспертов системы МВД, ФСБ, Минобороны. Однако не потому, что они эксперты, а потому что находятся на государственной службе.

Не совсем понятно требование ФЗ о подтверждении каждые пять лет квалификации эксперта. Каждые пять лет эта квалификация не утрачивается, а растет и укрепляется. Да, разумеется, при получении свидетельства на производство новых видов экспертизы, нужно сдавать экзамен.

Необходимо скорректировать положение о том, что «экспертиза является самостоятельной процессуальной формой получения новых и уточнения (проверки) имеющихся вещественных доказательств» [4, стр. 102]. По нашему мнению, экспертиза – процессуальное средство получения новых доказательств в целях установления доказательственных фактов. При этом экспертное исследование направлено не только на вещественные доказательства, но и на документы, микрочастицы, газы, сыпучие вещества, вещества взрывчатые, строительные материалы, трупы, жидкости – любые объекты материального мира. По сути – это объекты экспертизы

Не совсем верно утверждение относительно предмета судебной экспертизы. Автор утверждает, что «предмет судебной экспертизы составляет фактические данные (обстоятельства дела), исследуемые и устанавливаемые при расследовании или судебном разбирательстве уголовного или гражданского дела» [4, стр. 103]. Фактические данные (доказательства) не исследуются экспертом. Они устанавливаются следователем или дознавателем. Предметом экспертизы служат вопросы, подлежащие разрешению. Впрочем, существует позиция, согласно которой предмет судебной экспертизы рассматривается как атрибут отрасли знания [1, стр. 79].

Полагаем, что в постановлении о назначении экспертизы всегда должна быть пометка о том, что лицо, ее назначающее, предупрежден о возможных изменениях – в ходе исследования – объектов. По сути, речь идет о разрешении (санкции) на видоизменении (деструкцию) этих объектов. Конечно, в исследовательской части заключения эксперт обязан указать, что в результате использования конкретных методов анализа, объект изменился или был уничтожен. Но вопрос: знал ли об этих угрозах следователь при назначении экспертизы? По-видимому, целесообразно в случаях экспертного исследования объектов, имеющих высокую стоимость или художественную ценность, следователю нужно предупредить эксперта о запрете изменения определенных свойств и признаков этих объектов [4, стр. 368].

В судебно-следственной практике зачастую возникает такая ситуация, что следователь, дознаватель или суд не могут знать о специалисте, который будет экспертом, проводящем экспертизу. Как правило, вынесенное постановление следователем (дознавателем) или определение суда о назначении экспертизы, в котором нет точного указания исполнителя. Также инициатор назначения и проведения экспертизы не может знать о наличии соответствующего «допуска» эксперта. Несмотря на это, все же в постановлении следователь может указать конкретного специалиста. Если нет возможности выполнить требования инициатора экспертизы, то руководитель экспертного учреждения обязан поставить его в известность, указав причины.

В целях обеспечения реализации участвующими в деле лицами их права на отвод эксперта (статья 70, пункт 2 части 1 и часть 2 статьи 198 УПК РФ) в постановлении (определении) о назначении экспертизы необходимо указывать не только наименование экспертного учреждения (пункт 6 статьи 5 УПК РФ), в котором должна быть произведена экспертиза, но дознаватель, следователь, суд обязаны указать фамилию, имя, отчество эксперта, которому руководитель государственного судебно-экспертного учреждения должен поручить производство экспертизы (пункт 3. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»).

Сложность ситуации может состоять и в том, что в ходе вынесения постановления о назначении экспертизы, следователь (дознаватель) должен знать всех участников уголовного дела и соответственно обязан поставить в известность их о предполагаемом эксперте, которого еще сам не знает. Разумеется, в случае если судебная экспертиза назначается до возбуждения уголовного дела, то уведомлять кого-либо о выборе эксперта пока рано. Если же судебная экспертиза назначается после появления обвиняемого, потерпевшего или их представителей, то, по-видимому, следует руководствоваться рекомендациями п. 8 упомянутого постановления Пленума: «Исходя из положений, указанных в пунктах 5, 9, 11 части 2 статьи 42, статьи 198 УПК РФ, суду (а равно – следователю, дознавателю – С.Л.) надлежит обеспечить потерпевшему возможность ознакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы независимо от ее вида и с полученным на ее основании экспертным заключением либо с сообщением о невозможности дать заключение; право заявить отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении, о привлечении в качестве эксперта указанного им лица либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении, о внесении в определение (постановление) о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту».

В некоторых странах Европы существуют реестры учреждений, осуществ-

влияющих производство судебных экспертиз, а также реестры частнопрактикующих экспертов. Так, например, существуют реестры экспертов в Англии и Голландии. Ученые Европы выделяют несколько моментов, требующих особого внимания при назначении судебного эксперта и проведения судебной экспертизы.

В случае представления показаний эксперта в суде законодательством Финляндии и Швеции предусмотрено, что эксперт обязан дать соответствующую присягу суду и лицам участвующим в деле о выполнении обязанности эксперта в «лучшем виде».

Положительным моментом представляется также создание на всей территории Российской Федерации единой электронной базы аккредитованных экспертов с указанием их контактных данных, которая будет в свободном доступе для судей и лиц, участвующих в процессе, что стимулирует привлечение экспертов в процесс по спорным вопросам, возникающим в суде и требующим привлечение специальных познаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крылов И.Ф. Избранные труды по криминалистике / Сост., науч. ред. А.И. Александров, В.В. Петров. СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та. 2006. С. 79. С. 752 (1000 с.).
2. Рихтер В. История медицины в России. В 2-х ч. Ч. 2. М., 1820. 513 с.
3. Рожановский В.А. Судебно-медицинская экспертиза в дореволюционной России и в СССР. М., 1928. 105 с.
4. Россинская Е.Р. Избранное. М.: Норма, 2019. 680 с.
5. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961. 952 с.
6. Черняк В.З. Занимательно о строительстве. Москва, 1993. 309 с.
7. Черняк В.З. Строительные уроки русских мастеров: Из истории экономики строительного дела. Москва, 1987. 192 с.
8. Штрассман Г. Учебник судебной медицины. 1901. 768 с.

The question of the subject of forensic examination

S.A. Lubin

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)
Lubin.s@yandex.ru*

A forensic expert is not a position, but a procedural figure who is personally responsible for the objects of expert research and for the validity of his conclusions. At the same time, it is necessary to have the opportunity to conduct alternative forensic examinations, to strive for competition between state and non-state expert institutions. Depending on the historical stage of development of the state, on the legal system of the country, on the political and economic situation, the status of a judicial expert changes.

Keywords: forensic examination, criminal case, specialist, expert, expert competence, expert institutions.

О СПОРНЫХ ВОПРОСАХ КЛАССИФИКАЦИИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

Е.А. Лушин, В.В. Воронин

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

ev.lushin@yandex.ru; vadimvoronin74@yandex.ru

В статье рассмотрены спорные вопросы, касающиеся классификации судебных экспертиз. В частности, классификаций трасологических и экономических экспертиз. Показано, что в документах экспертных подразделений различных ведомств, содержащих перечни видов судебных экспертиз, приводятся различные классификации и различные названия трасологических и экономических судебных экспертиз. Указанные обстоятельства вызывают трудности при взаимодействии следственных и экспертных органов в расследовании преступлений, при оценке заключения эксперта следователем и судом. По мнению авторов трудности могут быть решены законодательным закреплением единого подхода к классификации судебных экспертиз, к требованиям по оформлению заключения эксперта, к технической и информационной совместимости экспертной деятельности различных ведомств.

Ключевые слова: судебная экспертиза, классификация судебных экспертиз, виды трасологических экспертиз, виды экономических экспертиз.

В настоящее время в нашей стране продолжается процесс совершенствования уголовного судопроизводства, это повышает гарантии от фальсификаций результатов расследования и возможных судебных ошибок. Повышение объективности деятельности по расследованию преступлений невозможно без дальнейшего расширения использования научных знаний в уголовном судопроизводстве, развития методик использования материальных источников доказательств.

Одним из видов процессуальной формы использования достижений науки и техники в уголовном судопроизводстве является назначение и производство судебных экспертиз.

В научной литературе приводятся различные определения судебной экспертизы. Мы остановимся на определении, проведенном А.П. Когосовым, как на одном из наиболее полных. «Под судебной экспертизой следует понимать совершение экспертом процессуальных действий, включающих проведение исследования и дачу заключения по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в различных областях, поставленных перед экспертом должностными лицами, для установления обстоятельств, имеющих значение для дела» [1, стр. 103].

Вместе с развитием науки и техники количество разновидностей судебных экспертиз неуклонно возрастает. Это порождает необходимость определения

места каждого нового вида экспертизы среди других, т.е. к развитию системы классификации экспертиз. Построение классификаций в любой науке имеет и практическое, и теоретическое значение. Использование классификаций, построенных с помощью правильно избранных существенных признаков – оснований классификации, позволяет уточнить содержание сложных понятий, выступает методом анализа разновидностей классифицируемых объектов. Построение классификаций имеет и прогностическое значение. Оно обозначает недостающие в настоящее время звенья в системе, которые могут быть заполнены в будущем.

Применяя сказанное к вопросам классификации судебных экспертиз можно утверждать, что решение трудностей построения однозначной классификации будет содействовать разработке новых и совершенствованию имеющихся методик судебных экспертиз, оптимизации направлений научных исследований в данной области. С точки зрения практической деятельности по расследованию преступлений для эффективного использования возможностей научно-технического прогресса в борьбе с преступностью участники уголовного судопроизводства должны иметь возможность на основе имеющихся у них знаний об особенностях объединения экспертиз в различные группы определить необходимость назначения того или иного вида экспертизы в зависимости от объектов исследования и подлежащих разрешению задач. Это будет, например, препятствовать совершению следователями одной из часто встречающихся ошибок при назначении экспертизы – постановки перед экспертом вопросов, выходящих за рамки его компетенции.

Многие авторы в своих работах касались вопроса классификации судебных экспертиз. Например, Н.П. Майлис [2]. Т.В. Аверьянова [3, стр. 299–319], Е.Р. Россинская [4, стр. 143] и другие. Однако и на сегодняшний день нет единого мнения по целому ряду вопросов, связанных с классификацией судебных экспертиз. Мы поддерживаем мнение В.И. Шарова, который видит причины этого в том, что «судебная экспертиза – сложная область деятельности, отличающаяся широтой используемых специальных знаний и сложностью процедур исследования [5, стр. 166].

В практике уголовного судопроизводства это приводит к тому, что у следователя, суда нередко возникают трудности с определением вида назначаемой экспертизы, соответственно с экспертом, способным провести необходимое исследование, с формулировкой вопросов, которые можно поставить на разрешение эксперта, с оценкой правильности выбранной экспертом методики, с объективностью полученных в процессе экспертизы результатов и др.

В настоящее время судебные экспертизы классифицируются по различным основаниям. К ним относятся: специальные знания, которые используются при проведении данных экспертных исследований, предмет экспертизы, объект и

методы экспертного исследования. По этим основаниям экспертизы делятся на классы, роды, виды и подвиды.

Отсутствие единой точки зрения по классификации экспертиз проявляется не только в научных работах. На практике это также имеет место. В государственных стандартах и в документах экспертных учреждений разных ведомств одни и те же экспертные исследования называются по-разному. Это касается, например, экономических, биологических, фоноскопических экспертиз. Нет единого мнения и по классификации даже традиционных криминалистических экспертиз, в том числе и трасологических.

Так в ГОСТ Р 57428-2017 «Национальный стандарт Российской Федерации. Судебно-трасологическая экспертиза» трасологические экспертизы по предмету исследования подразделяются на гомоскопические, механоскопические, транспортные и следов животных [6]. Гомоскопия в этом документе определена как «Раздел трасологии, в котором изучаются методы идентификации и диагностических исследований следов человека» [6, ст. 42]. Далее следует, что гомоскопические экспертизы делятся на дактилоскопические и трасологические экспертизы следов человека. Дактилоскопическая экспертиза – это исследование следов и экспериментальных отпечатков папиллярных узоров рук и ног человека, а трасологическая экспертиза следов человека – исследование следов человека на основании признаков, отобразившихся в следах, не имеющих папиллярных узоров. «Механоскопия: Раздел трасологии, в котором изучаются методы и средства идентификации орудий и механизмов и их диагностических исследований» [6, ст. 111]. «Транспортно-трасологическая экспертиза: Вид трасологической экспертизы, основными задачами которой является отождествление конкретного транспортного средства, а также решение диагностических задач, связанных с установлением механизма образования следов» [6, ст. 134]. Но в этом же документе среди трасологических экспертиз отдельно рассматриваются трасологическая экспертиза узлов и петель: «Вид трасологической экспертизы, проводимой с целью определения типа узла, способа его исполнения, а также отнесение узлов к типу профессиональных, специальных и для решения иных диагностических вопросов» [6, ст. 136], а также трасологическая экспертиза установления целого с помощью его частей: «Вид трасологической экспертизы, проводимой с целью установления целого по признакам рельефа общей линии или поверхности разделения» [6, ст. 137].

В приказе МВД России от 29.06.2005 N 511 (ред. от 27.10.2019) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» используется несколько иная терминология и отсутствует деление на гомоскопические, механоскопические и транспортные экспертизы. В данном документе к трасологическим экспертизам отнесены: исследование следов зубов, губ, ног-

тей человека, следов обуви, транспортных средств, орудий и инструментов, производственных механизмов на изделиях массового производства; одежды и ее повреждений; узлов и петель; целого по частям; запирающих механизмов и сигнальных устройств и других следов [7].

В тоже время в Приказе Минюста России от 27.12.2012 N 237 (ред. от 13.10.2019) «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» в группу трасологических экспертиз включены исследование следов человека и животных, исследование следов орудий, инструментов, механизмов, и транспортных средств (транспортно-трасологическая идентификация) [8].

В Приказе ФСБ России от 23.06.2011 N 277 (ред. от 04.12.2017) «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности» под пунктом «Трасологическая экспертиза» (ст. 17) экспертизы разделены не только по объектам исследования, но и по типовым задачам, которые решаются при их проведении. В этом документе к трасологическим экспертизам относятся: «исследование следов человека, животных, оборудования, транспортных средств, вещной обстановки с целью диагностики групповой принадлежности и идентификации исследуемых объектов; установление механизма слеодообразования» [9].

Аналогичная картина и с родом экономических экспертиз.

В соответствие с вышеуказанным приказом МВД России среди экономических экспертиз выделяются:

- 1) бухгалтерская экспертиза – исследование содержания записей бухгалтерского учета;
- 2) налоговая экспертиза – связана с исследованием исполнения обязательств по исчислению налогов и сборов;
- 3) товароведческая – касается исследования промышленных (непродовольственных) товаров с возможным определением их стоимости;
- 4) финансово-аналитическая экспертиза – в процессе проведения которой исследуется финансовое состояние;
- 5) финансово-кредитная экспертиза – при производстве которой анализируется соблюдение принципов кредитования.

В упомянутом Приказе Минюста России предусмотрено только три разновидности экономических экспертиз. Две из них совпадают со списком, содержащимся в документах МВД, это: бухгалтерская экспертиза – исследование записей бухгалтерского учета с целью установления наличия или отсутствия в них искаженных данных; и товароведческая экспертиза – исследование про-

мышленных (непродовольственных) товаров, в том числе с целью проведения их оценки. Однако все остальные экспертизы отсутствуют, но появляется финансово-экономическая экспертиза – исследование показателей финансового состояния и финансово-экономической деятельности хозяйствующего субъекта.

Приведенные документы подтверждают тезис о том, что в настоящее время нет единой унифицированной терминологии в названии экспертиз, единого межведомственного подхода к классификации экспертных исследований. Это, как уже было сказано, негативно сказывается не только на развитии теории судебных экспертиз, но и на практике их назначения и производства, а иногда приводит к ошибочным экспертным заключениям. Подобная ситуация влечет дезорганизацию следователя и суда в вопросах использования специальных знаний в вопросах назначения, производства и оценки результатов судебных экспертиз и не позволяет в полной мере использовать современные научные достижения в уголовном судопроизводстве.

Решение указанной проблемы видится в разработке единого подхода к классификации судебных экспертиз, в закреплении в нормативных документах межведомственного уровня решений методических вопросов по производству экспертных исследований и требований к оформлению заключения эксперта в различных экспертных учреждениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Когосов А.П. Некоторые актуальные вопросы экспертной деятельности // Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2019. Т. 19, № 2. С. 103–107.
2. Майлис Н.П. О совершенствовании классификации судебных экспертиз // Эксперт-криминалист. 2008. № 2.
3. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2009. С. 299–319.
4. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. Москва: Норма-М, 2011. С. 143–144.
5. Шаров В.И. Об основаниях классификации судебных экспертиз // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2018, № 4, С. 166–170.
6. ГОСТ Р 57428-2017 Национальный стандарт Российской Федерации. Судебно-трасологическая экспертиза. Термины и определения ОКС 01.040.01. <http://docs.cntd.ru/document/1200144959>.
7. Приказ МВД России от 29.06.2005 N 511 (ред. от 27.06.2019) «Вопросы организации производства судебных экспертиз». Информационно-правовой портал [Электронный ресурс] / Консультант плюс. Дата доступа: 06.11.2019.

8. Приказ Минюста России от 27.12.2012 N 237 (ред. от 13.10.2019) «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России». Информационно-правовой портал [Электронный ресурс] / Консультант плюс. Дата доступа: 06.11.2019.
9. Приказ ФСБ России от 23.06.2011 N 277 (ред. от 04.12.2017) «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности».

On controversial issues of classification of forensic examinations

E.A. Lushin, V.V. Voronin

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)
ev.lushin@yandex.ru; vadimvoronin74@yandex.ru*

The article discusses controversial issues concerning the classification of forensic examinations. In particular, concerning the classifications of tracological and economic expertise. It is shown that in the documents of expert divisions of various departments containing lists of types of forensic examinations, various classifications and various names of tracological and economic forensic examinations are given. These circumstances cause difficulties in the interaction of investigative and expert bodies in the investigation of crimes, in assessing the expert's conclusion by the investigator and the court. According to the author, the difficulties can be solved by legislative consolidation of a unified approach to the classification of forensic examinations, to the requirements for the execution of an expert opinion for technical and information compatibility

Keywords: forensic examination, classification of forensic examinations, types of tracological examinations, types of economic examinations.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКСПЕРТИЗЫ ТОВАРОВ ЖИВОТНОГО И РАСТИТЕЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ. ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКСПЕРТИЗЫ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ПИЩЕВОЙ ПРОДУКЦИИ, БАД К ПИЩЕ

Л.С. Минаева

*Экспертно-криминалистическая служба – региональный филиал
Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления
г. Нижний Новгород (Россия, Нижний Новгород)
PotaninaLS@ptu.customs.gov.ru*

Рассмотрены теоретические, законодательные аспекты регулирования обращения на рынке ЕАЭС, Российской Федерации специализированной пищевой продукции, особенности производства экспертизы данных видов продукции, цели и задачи экспертизы/судебной экспертизы, компетенции и полномочия эксперта.

Ключевые слова: специализированная пищевая продукция, биологически активные добавки к пище, экспертиза, идентификация, государственная регистрация, лекарственные средства.

В условиях открытого рынка активно развивается торговля специализированной пищевой продукцией различного назначения, биологически-активных добавок (БАД к пище), новыми фармацевтическими продуктами.

Данные объекты поступают на исследование/экспертизу в составе международных почтовых отправок, транзитных товаров, партий товаров, изымаемых на территории ЕАЭС при применении различных таможенных и правоохранительных процедур.

Задачей экспертизы является идентификация продукции в целях классификации товаров, применения мер тарифного и нетарифного регулирования, а также установления запретов и ограничений, например, отнесение к перечню санкционных товаров, поименованных в перечне сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, запрещенных к ввозу в РФ из ряда стран, определенном Постановлением Правительства РФ, к перечню товаров, определенным Решением Коллегии ЕЭК от 21 апреля 2015 г. N 30, а также установление присутствия в её составе наркотических средств, психотропных веществ, сильнодействующих и ядовитых веществ.

В ходе осуществления экспертной деятельности по товарам, относящимся к лекарственным средствам, биологически активным добавкам к пище (БАД), иной специализированной пищевой продукции, возникают вопросы не только идентификации исследуемых товаров/объектов по химическому (компонентному) составу, но также и компетенции по вопросам отнесения/неотнесения объектов (товаров) к соответствующей группе товаров.

К специализированной пищевой продукции в соответствии с [1] относятся: 1) пищевая продукция для детского питания, в том числе питьевая вода для

детского питания; 2) пищевая продукция для диетического лечебного и диетического профилактического питания; 3) лечебно-столовые и лечебные природные минеральные воды; 4) пищевая продукция для питания спортсменов, беременных и кормящих женщин; 5) биологически активные добавки к пище (БАД).

Согласно [1, 9] принята следующая терминология:

– специализированная пищевая продукция – пищевая продукция, для которой установлены требования к содержанию и (или) соотношению отдельных веществ или всех веществ и компонентов и (или) изменено содержание и (или) соотношение отдельных веществ относительно естественного их содержания в такой пищевой продукции и (или) в состав включены не присутствующие изначально вещества или компоненты (кроме пищевых добавок и ароматизаторов) и (или) изготовитель заявляет об их лечебных и (или) профилактических свойствах, и которая предназначена для целей безопасного употребления этой пищевой продукции отдельными категориями людей;

– биологически активные добавки к пище (БАД) – природные и (или) идентичные природным биологически активные вещества, а также пробиотические микроорганизмы, предназначенные для употребления одновременно с пищей или введения в состав пищевой продукции.

В приложениях №№ 2–29 к техническому регламенту «Требования безопасности пищевых добавок, ароматизаторов и технологических вспомогательных средств» (ТР ТС 029/2012) [2] приведен перечень пищевых добавок, разрешенных для применения при производстве пищевой продукции (антислёживающие агенты, антиокислители, глазирователи, регуляторы кислотности, загустители, эмульгаторы, усилители вкуса и аромата, красители, консерванты, стабилизаторы окраски и другие), гигиенические требования при их применении, а также указаны продукты, в состав которых нельзя вносить определенные категории пищевых добавок.

В приложении № 7 к техническому регламенту Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» (ТР ТС 021/2011) [1] приведён перечень растений и продуктов их переработки, объектов животного происхождения, микроорганизмов, грибов и биологически активных веществ, запрещенных для использования в составе биологически активных добавок к пище.

В методических рекомендациях Роспотребнадзора [10], утверждены рекомендуемые величины суточного потребления пищевых и биологически активных веществ для взрослых в составе продуктов диетического (лечебного и профилактического) питания и БАД к пище.

В соответствии с ТР ТС 021/2011 «О безопасности пищевой продукции», Федеральным законом от 02.01.2000 N 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов», Постановлением Главного государственного санитарного

врача РФ от 17.01.2013 N 2 «О надзоре за биологически активными добавками к пище», в отдельных случаях нормативно-правовыми актами Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения, Министерства здравоохранения РФ, биологически активные добавки к пище (БАД) и иная специализированная продукция, предназначенные для реализации на территории ЕАЭС должны иметь государственную регистрацию [1, 3, 6, 7], информация о которой заносится в соответствующие реестры (www.rospotrebnadzor.ru, <http://fp.crc.ru/evrazes/?type=max>), находящиеся в ведении Федеральной службы в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзора), информацию для потребителя на русском языке [12, 13]. В открытых информационных источниках сети Интернет на официальных сайтах федеральных органов исполнительной власти и вспомогательных ресурсах имеется доступ к реестрам: единый реестр зарегистрированных лекарственных средств Евразийского экономического союза, государственный реестр лекарственных средств (<http://portal.eaeunion.org/sites/commonprocesses/ru-ru/Pages/DrugregisrationDetails.aspx>, <http://grls.rosminzdrav.ru>), реестр сведений о государственной регистрации (в рамках ТС ЕврАзЭС) и другим. Указанные реестры содержат актуальные сведения о зарегистрированных продуктах в качестве лекарственных средств, БАД к пище, иной специализированной пищевой продукции. Данные ресурсы общедоступны для контекстного поиска неограниченному кругу лиц и не относятся к вопросам, разрешаемым экспертным путем, а носят справочно-информационный характер и не требуют специальных познаний.

Новые продукты, предназначенные для регистрации в качестве БАД к пище проходят экспертизу НИИ Питания РАМН для установления соответствия заявленным медико-биологическим эффектам, новые продукты для регистрации в качестве лекарственных средств проходят доклинические и клинические исследования в специализированных подразделениях федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных в сфере обращения лекарственных средств [4, 5].

Согласно действующему законодательству процедура регистрации БАД к пище представляет собой алгоритм получения свидетельства о госрегистрации (СГР).

Получение СГР возможно, если средство не нарушает актуальных требований к этой категории товаров, а именно:

- не содержит запрещенных компонентов, перечисленных в приложении № 7 к ТР ТС 021/2011;

- в сопроводительной документации к препарату не заявлено наличие у него лечебных или медицинских свойств;

- отвечает другим условиям безопасности пищевых добавок, сформулированным в ТР ТС 021/2011 и ТР ТС 029/2012.

На основании вышеизложенного, решение вопросов касающихся сведений о регистрации продукции, а также отнесение к конкретному виду специализированной пищевой продукции, лекарственным средствам не может быть решено в рамках компетенции экспертов/судебных экспертов, основной целью экспертизы является идентификация продукции, выявление наличия запрещённых компонентов. Однако, у эксперта при производстве экспертизы в рамках таможенного контроля, по делам об административных правонарушениях и уголовным делам есть право при оформлении указать на обстоятельства, по которым не были поставлены вопросы, но которые имеют важность для решения вопросов, касающихся оборота данного товара.

При производстве экспертиз необходимо руководствоваться установленным составом и терминологией, приведенной в нормативно-правовых актах и нормативно-технической документации на продукцию (в случае ее наличия), а также возможной функциональностью, исходя из установленного состава.

Экспертиза продукции проводится с изучением информации, представленной на упаковке и сведений о товаре в открытых информационных источниках (реестрах, при наличии), органолептического метода анализа, современных инструментальных методов, таких как инфракрасная спектromетрия, газовая хроматография, высокоэффективная жидкостная хроматография, хромато-масс-спектрометрия, спектрофотометрия и других.

Выявляемые при производстве экспертиз специализированной пищевой продукции сведения можно разделить на несколько групп:

- внесение законодательно запрещенных на территории ЕАЭС, РФ, компонентов в состав продукции;
- внесение разрешенных компонентов в количестве, превышающем рекомендованные количества;
- открытая реализация продукции, не имеющей государственной регистрации в качестве БАД к пище, но по факту реализуемой именно как БАД к пище, содержащие непивцевые ингредиенты, которые могут представлять опасность для здоровья населения;
- продукция, одновременно зарегистрированная в качестве БАД к пище и в качестве специализированной продукции для питания спортсменов;
- продукция, содержащая маркировку с номерами свидетельств о государственной регистрации, отсутствующих в официальных реестрах, содержащих сведения о государственной регистрации продукции.

Нередко в экспертной практике в составе данных продуктов, в том числе имеющих свидетельства о государственной регистрации, обнаруживаются вещества, имеющие потенциальную опасность, обладающие выраженным психоактивным действием, вещества, обладающие фармакологической активностью, запрещённые в спорте, а также ингредиенты, запрещённые для использования

в составе БАД к пище, однако не относящиеся к наркотическим, психотропным, сильнодействующим и ядовитым веществам и не оговоренные какими-либо запретами.

Зачастую данная информация указывается на упаковках мелким шрифтом, на иностранном языке, а на стикере с текстом на русском языке, отсутствует.

Так, например, в составе одного из продуктов, зарегистрированного в качестве БАД к пище «Nutrex Lipo- 6 Black» установлено наличие винпоцетина, вещества, обладающего фармакологической активностью и входящего в той же концентрации в состав зарегистрированных лекарственных средств для улучшения мозгового кровообращения, по фармакологическому действию представляет собой ноотропный препарат, имеет психостимулирующее действие [11].

В составе ряда продуктов (например, Karakurt, Pantera, Taipan, Black spider 25 ephedra, Methyldrene original elite stack, Triple x cotton candy, Reckful orange) обнаружены биологически активные вещества природного и синтетического происхождения, относящиеся к стимуляторам ЦНС (Центральной нервной системы) и ускорителям энергетического обмена, а именно: кофеин, теобромин, йохимбин, хорденин, фенилэтиламин, эфедрин, 2-амино-6-метилгептан (октодрин, ДМНА), 4-метилгексан-2-амин (1,3-диметиламиламин, 1.3-ДМАА, ДМАА), 4-метилпентан-2-амин, обуславливающие основной эффект при употреблении этих продуктов.

Также в некоторых образцах продукции было установлено присутствие кофеина, в соответствии с данными на упаковке, в концентрации в 5 (пять) раз превышающей верхний допустимый уровень суточного потребления (150 мг) [10].

Выявленные в составе ряда продуктов вещества (фенилэтиламин, 4-метилпентан-2-амин, ДМАА, отнесены к запрещённым стимуляторам списка Всемирного антидопингового агентства (ВАДА) и Министерства спорта РФ, а также установлено наличие аналогичных им по структуре и действию веществ – 2-амино-6-метилгептан (октодрин, ДМНА).

Кроме того, вещество октодрин (ДМНА) и 1,3-диметиламиламин относятся к запрещенным веществам – симпатикомиметические амины, воздействующие на центральную нервную систему (ЦНС), которые не могут входить в косметические продукты (в частности средства гигиены полости рта), однако предназначены для перорального приёма в составе исследуемых продуктов (капсулы).

Рис. 1. Внешний вид исследуемых продуктов, не имеющих свидетельств о государственной регистрации в качестве БАД к пище, специализированной продукции для питания спортсменов.

В настоящее время также является популярным приобретение, пересылка в международных почтовых отправлениях в качестве напитков или другого немедицинского употребления некоторых растительных ингредиентов, не запрещённых в других странах, как например, чай из листьев коки («Delisse Mate de coca Coca Tea»), конопляные чаи (Cannabis tea), Гармала (части растения и семена), некоторые другие сильнодействующие растительные ингредиенты, используемые шаманами для проведения различных религиозных ритуалов, обладающие психоактивным действием. Многие из них содержат вещества, запрещённые на территории РФ в качестве наркотических средств и психотропных веществ, сильнодействующих и ядовитых веществ [14, 15].

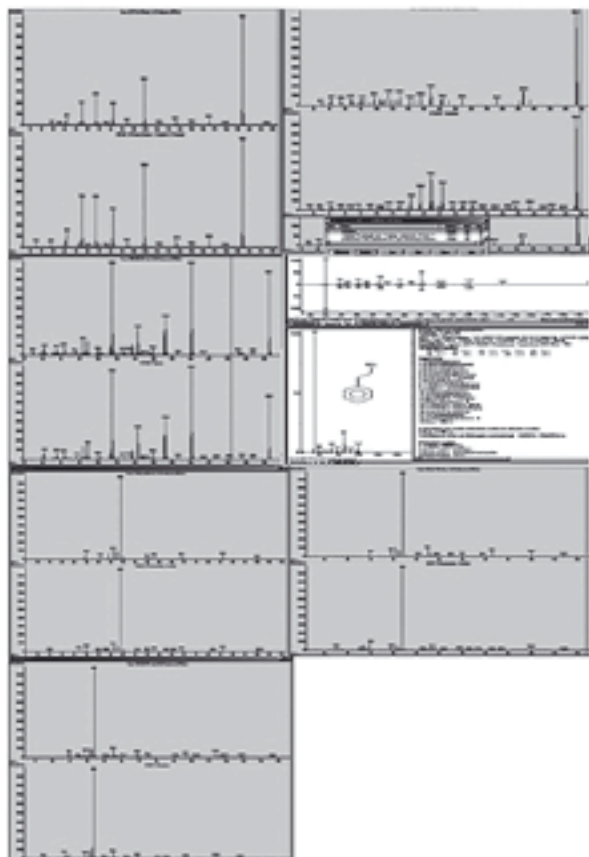

Рис. 2. Примеры масс-спектров идентифицированных компонентов, слева-направо и сверху вниз: кофеин, йохимбин, пиперин, фенэтиламин, 4-метил-2пентанамин, 4-метил-2 – гексанамин, октодрин.

На основании установленных составов, идентификации отдельных компонентов в их составе, данные факты отмечались в заключениях эксперта со ссылками на нормативно-правовые акты. Ввиду отсутствия компетенции экспертов ЦЭКТУ в части отнесения/неотнесения продукции к БАД к пище и видам специализированной пищевой продукции, при получении уполномоченным органом результатов экспертизы необходимо дальнейшее взаимодействие с контролирующими органами (Роспотребнадзор, Росздравнадзор, Министерство здравоохранения РФ, МВД РФ, ЕЭК) с целью упреждения проникновения на рынок опасной продукции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Решение Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 N 880 (ред. от 14.07.2021) «О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» (вместе с «ТР ТС 021/2011. Техниче-

- ский регламент Таможенного союза. О безопасности пищевой продукции»).
2. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 20.07.2012 N 58 (ред. от 18.09.2014) «О принятии технического регламента Таможенного союза «Требования безопасности пищевых добавок, ароматизаторов и технологических вспомогательных средств» (вместе с «ТР ТС 029/2012. Технический регламент Таможенного союза. Требования безопасности пищевых добавок, ароматизаторов и технологических вспомогательных средств»).
 3. Решение Комиссии Таможенного союза от 28.05.2010 N 299 (ред. от 08.02.2022) «О применении санитарных мер в Евразийском экономическом союзе».
 4. Федеральный закон от 12.04.2010 N 61-ФЗ (ред. от 08.03.2022) «Об обращении лекарственных средств».
 5. Приказ Росздравнадзора от 08.10.2007 N 3009-Пр/07 «Об утверждении Регламента внутренней организации Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и социального развития».
 6. Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 N 322 (ред. от 02.10.2021) «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека» (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.10.2021).
 7. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 20.05.2009 N 36 «О надзоре за биологически активными добавками к пище (БАД)» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 10.07.2009 N 14312).
 8. СанПиН 2.3.2.1078-01 «Продовольственное сырье и пищевые продукты. Гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов».
 9. ГОСТ 34006-2016 Продукция пищевая специализированная. Продукция пищевая для питания спортсменов. Термины и определения.
 10. МР 2.3.1.1995-04. 2.3.1. Рациональное питание. Рекомендуемые уровни потребления пищевых и биологически активных веществ. Методические рекомендации.
 11. Государственный реестр лекарственных средств Российской Федерации/ grls.rosminzdrav.ru.
 12. Реестры Роспотребнадзора www.rospotrebnadzor.ru, <http://fp.crc.ru/evrazes/>.
 13. Единый реестр зарегистрированной продукции, содержащийся на информационном портале Евразийского экономического союза http://portal.eaeunion.org/sites/odata/_layouts/15/portal.eec.registry.ui/directoryform.aspx? лекарственных средств – Режим доступа: <http://portal.eaeunion.org/sites/commonprocesses/ru-ru/Pages/DrugregistrationDetails.aspx>.
 14. Постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. №681 «Об утвержде-

нии перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации».

15. Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2007 г. №964 «Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Topical and problem questions on expertise of animal and vegetable origin goods: dietary supplements and special food products

L.S. Minaeva

*CECCA-branch in Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)
PotaninaLS@ptu.customs.gov.ru*

Theoretical and legislative aspects of commodity circulation control for dietary supplements and special food products were considered. Purposes and tasks of expertise were determined.

Keywords: special food products, dietary supplements, expertise identification, state registration, drugs.

СУДЕБНО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ

Н.В. Михалева^{1,2}

¹ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Россия, Москва)

²ФГАОУ ВО РУДН (Россия, Москва)

mikhaleva_nata@mail.ru

В статье представлены данные о современном состоянии судебно-экологической экспертизы и намечены пути ее дальнейшего развития, направленные на подготовку государственных и негосударственных экспертов-экологов, повышение уровня их квалификации, а также развитие методического обеспечения судебно-экологической экспертизы.

Ключевые слова: судебно-экологическая экспертиза, экологические правонарушения, предмет, объекты, методики судебно-экологической экспертизы, почвенно-геологические объекты, водные объекты, естественные и искусственные биоценозы.

Судебно-экологическая экспертиза – это процессуальное действие лиц, обладающих специальными знаниями, которые дают заключение, отражающее ход и результаты исследования антропогенного воздействия на объекты окружающей среды. К специальным знаниям при производстве судебно-экологической экспертизы относятся знания в области экологии, смежных естественных, технических, экономических наук [1].

В ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России судебно-экологическая экспертиза начала проводиться после 2005 года, когда ее включили в Перечень родов (видов)

экспертиз, выполняемых в судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и в Перечень экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях Минюста России, утвержденный приказом Минюста России от 14.05.2003 № 114 (далее – Перечень). Первоначально в Перечне были представлены виды судебно-экологической экспертизы, посвященные исследованию экологического состояния объектов почвенно-геологического происхождения и городской среды, естественных и искусственных биоценозов. Затем появились еще два вида – «Исследование экологического состояния водных объектов» и «Исследование экологического состояния объектов окружающей среды в целях определения стоимости восстановления».

Для обособления судебно-экологической экспертизы от других классов и родов судебной экспертизы важно определить ее предмет, объект и методики экспертного исследования, поскольку именно они дают возможность понять сущность экспертизы и отграничить один ее род (вид) от другого [2, стр. 16].

Родовым предметом судебно-экологической экспертизы является установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, которые свидетельствуют о негативном антропогенном воздействии на окружающую среду либо об отсутствии такого воздействия [3, стр. 411].

Отмечается, что объектами судебно-экологической экспертизы являются:

- локальный земельный участок, где обнаружены признаки негативного антропогенного воздействия;
- пробы атмосферного воздуха, воды, почвы, отобранные в пределах антропогенно-нарушенного объекта окружающей среды;
- образцы флоры и фауны, в том числе и на микроуровне, подвергшиеся антропогенному воздействию;
- механизмы, оборудование или узлы, детали с места происшествя (в прилагаемых к нему схемах и иллюстрациях, в протоколах следственных экспериментов);
- сведения из технической документации и актов проверки экологического состояния объектов;
- результаты обследования объектов окружающей среды санитарно-эпидемиологическими, природоохранными и иными специально уполномоченными органами;
- другие источники информации о негативном антропогенном воздействии на окружающую среду [3, стр. 412; 4, стр. 88–89].

В литературе раскрывается, что конкретно может быть объектом этого рода экспертизы. Но определение понятия «объекты судебно-экологической экспертизы» как родового объекта не приводится. Его нет и в ГОСТ Р «Судебно-экологическая экспертиза. Термины и определения».

Представляется, что объекты судебно-экологической экспертизы – это материальные объекты, экспертное исследование которых позволяет получить информацию об антропогенном воздействии на объекты окружающей среды, необходимую для решения задач СЭЭ [5, стр. 28].

Объекты судебно-экологической экспертизы всегда материальны. Они содержат данные именно об антропогенном воздействии на объекты окружающей среды. Если такое воздействие отсутствует (например, объекты окружающей среды нарушены в результате стихийного бедствия), то нет оснований для назначения судебно-экологической экспертизы. При экспертном исследовании объектов данного рода экспертизы должна быть получена информация, которая необходима для решения задач судебно-экологической экспертизы. В противном случае результаты их исследования не могут быть использованы при производстве судебно-экологической экспертизы [там же].

Следует также остановиться на методиках экспертного исследования, которые активно разрабатываются в рамках судебно-экологической экспертизы. Ранее были подготовлены методические рекомендации по исследованию экологического состояния объектов почвенно-геологического происхождения и водных объектов [6, 7]. Также в судебно-экологической экспертизе используются методы исследования, предусмотренные ГОСТ [например, 8, 9]. При этом проводится их валидация [10]. Однако методическое обеспечение судебно-экологической экспертизы нуждается в дополнении, например, применительно к исследованию экологического состояния естественных и искусственных биоценозов [11].

В настоящее время в системе СЭУ Минюста России судебно-экологические экспертизы проводятся в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, в ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России и в ФБУ Тульская ЛСЭ Минюста России. Но аттестованных по экологическим специальностям экспертов не хватает, хотя проводится большая работа по подготовке новых экспертов, в том числе подготовлены практикумы по всем экспертным экологическим специальностям.

С 2020 года судебно-экологической экспертизы стали также проводиться в Судебно-экспертном центре Следственного комитета Российской Федерации. Однако в системе СК России также мало экспертов-экологов.

Поэтому в настоящее время одной из основных задач дальнейшего развития судебно-экологической экспертизы является увеличение количества государственных экспертов-экологов.

Создание судебно-экологической экспертизы было вызвано необходимостью в производстве исследований по уголовным делам по экологическим преступлениям, предусмотренным главой 26 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также по гражданским и арбитражным делам по фактам причинения вреда (ущерба) объектам окружающей среды.

Эти вопросы и сейчас продолжают оставаться актуальными. Количество как уголовных, так и гражданских и арбитражных дел по экологическим правонарушениям постоянно растет. Суды все чаще назначают по таким делам судебно-экологические экспертизы [12, стр. 52; 13], особенно по фактам вырубki лесных насаждений, загрязнения почв и водных объектов.

Поскольку государственных судебных экспертов-экологов пока мало, суды постоянно назначают судебно-экологические экспертизы негосударственным экспертам. Практически все они не сертифицированы. Многие не имеют базовых знаний по теории судебной экспертизы, процессуальному законодательству Российской Федерации. Это негативно влияет на качество проводимых ими судебно-экологических экспертиз.

В связи с этим еще одной важной задачей для развития судебно-экологической экспертизы является повышение уровня квалификации негосударственных экспертов-экологов.

В заключении хотелось бы обратить внимание на важность дальнейшего развития судебно-экологической экспертизы как в государственных судебно-экспертных учреждениях, так и в негосударственных экспертных организациях. Это позволит более широко применять специальные знания при расследовании экологических преступлений и рассмотрении дел по фактам экологических правонарушений. Кроме того, профилактическая деятельность экспертов-экологов может помочь в предупреждении экологических правонарушений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГОСТ Р 58081-2018 «Судебно-экологическая экспертиза. Термины и определения» (утвержден Приказом Росстандарта от 21.02.2018 № 92-ст, введен в действие 01.09.2018).
2. Шляхов А.Р. Труды по судебной экспертизе. М.: Наука, 2006. 567 с.
3. Омелянюк Г.Г., Михалева Н.В. Экологическая экспертиза судебная / Мультиформальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Ч. II. Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы / Под ред. С.А. Смирновой. М.: Эком, 2012. С. 411–412.
4. Петрухина О.А. Проблемы организации судебных экспертиз при расследовании экологических преступлений // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 4. С. 87-92. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-4-87-92>.
5. Михалева Н.В. Современный взгляд на объекты судебно-экологической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 3. С. 26-31. – Режим доступа: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-3-26-31>
6. Омелянюк Г.Г., Гончарук Н.Ю., Король С.Г., Гулевская В.В., Никифоров В.Л. Методические рекомендации по судебно-экологическому исследо-

- ванию почвенно-геологических объектов // Теория и практика судебной экспертизы. 2009. № 3 (15). С. 88–115.
7. Омелянюк Г.Г., Гончарук Н.Ю., Король С.Г., Бебешко Г.И., Жандарева М.В. Методические рекомендации по судебно-экологическому исследованию водных объектов // Теория и практика судебной экспертизы. 2009. № 2 (14). С. 86–105.
 8. ГОСТ 26423-85. Почвы. Методы определения удельной электрической проводимости, рН и плотного остатка водной вытяжки.
 9. ГОСТ 17.5.4.01-84. Охрана природы. Рекультивация земель. Методы определения рН водной вытяжки вскрышных и вмещающих пород.
 10. Бебешко Г.И., Омелянюк Г.Г., Никулина М.В., Валитова А.Р. Практика валидации методики определения рН и удельной электропроводности в объектах почвенно-геологического происхождения для производства судебно-экологической экспертизы при отсутствии стандартных образцов // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 2. С. 66–74.
 11. Майорова Е.И. Некоторые дискуссионные вопросы судебно-экологической экспертизы. Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 2. С. 112–118. – Режим доступа: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-2-112-118>.
 12. Майорова Е.И., Гончарук Н.Ю. Судебная экологическая экспертиза // Твердые бытовые отходы. 2016. № 3 (115). С. 52–57.
 13. Михалева Н.В. Судебные экологические экспертизы по делам о возмещении вреда (ущерба), причиненного экологическим правонарушением: анализ практики арбитражных судов // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 4. С. 47–55. – Режим доступа: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-4-47-55>.

Forensic environmental expertise: current state and ways of further development

N. V. Mikhaleva^{1,2}

¹*The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Russia, Moscow)*

²*People's Friendship University of Russia (RUDN University), (Russia, Moscow)*
mikhaleva_nata@mail.ru

The article presents data on the current state of forensic environmental expertise and outlines ways for its further development aimed at training state and non-state environmental experts, improving their qualifications, as well as developing methodological support for forensic environmental expertise.

Keywords: forensic environmental expertise, environmental offenses, subject matter, objects, methods of forensic environmental expertise, soil-geological objects, water bodies, natural and artificial biocenoses.

СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Т.В. Мясникова

*ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (Россия, Нижний Новгород)
prcse-murf@ya.ru*

Общественно-политические процессы, перемены порождают потребность в проведении судебной лингвистической экспертизы по новым объектам и задачам.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, побуждение, утверждение о фактах, пропаганда.

Судебная лингвистическая экспертиза может назначаться по разным категориям. Распространенная практика производства судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении, клевете, противодействию экстремизму и терроризму, коррупции активно реализуется в Приволжском РЦСЭ. При этом с течением времени происходящие в обществе перемены формируют потребность в лингвистическом исследовании текстов на предмет установления тех или иных значений, приобретающих актуальность в связи с происходящими в стране и мире процессами, событиями.

Далее будут рассмотрены примеры лингвистических экспертиз, назначенных в рамках различных категорий дел, в связи с теми или иными резонансными событиями в обществе.

Как известно, в информационно-телекоммуникационной сети Интернет распространяется информация, несущая деструктивный эффект в подростково-молодежной среде. Для установления тех или иных значений, исследования такого интернет-контента назначаются, в том числе, и лингвистические экспертизы.

Так, печально известные «группы смерти» («Синий кит») представлены в социальных сетях в различных сообществах, кураторы которых вступают в переписку с подростками, в ходе чего последним даются различные задания, в том числе деструктивного, потенциально опасного характера. В практике ПРЦСЭ имелись случаи назначения комплексных психолого-лингвистических экспертиз по материалам таких переписок либо по материалам контента таких групп.

Рассмотрим пример из экспертной практики.

Исследуемые тексты представляют собой интернет-переписки в социальной сети «ВКонтакте», то есть обмен личными сообщениями в рамках интернет-коммуникации. Сочетается письменный по форме и устный по существу характер обмена высказываниями, выявляются следующие особенности: свободное от строгих норм книжной речи синтаксическое оформление высказываний, преобладание простых предложений, отсутствие значимых слов

(эллипсис), наличие которых предполагается контекстом, предшествующими репликами; выражение эмоций, настроения, в том числе посредством использования специальных графических элементов. Исследуемая коммуникация письменная, вербальная, частная, межличностная, опосредованная (электронным коммуникационным устройством). Как было указано выше, отдельные сообщения сопровождаются прикрепляемыми к ним невербальными элементами: стикерами, фотоизображениями. Формат переписки позволяет собеседникам скрывать некоторую информацию о себе или исказить ее.

Общение открывается сообщением пользователя «Ника В-Теме» от «Здравствуй, ты хотела поиграть?». Её собеседница – пользователь «Анна Ерёмкина» – школьница, подросток. Она сообщает о себе следующую информацию: «мне 15 лет», «учусь в 9 классе». В ходе общения «Ника В-Теме» присылает сообщения, в которых обозначает задания для собеседницы. «Первое задание, вырежи на руке #u19, #R246. Фото кинь нам, для проверки. Все поняла?»

о том, что ситуация адресата является крайне тяжелой, в ней есть только один выход: «Знай ты никому не нужна в этой жизни. Проблемы никогда не закончатся и боль тоже. Твоя жизнь не сформирована чтобы ей радоваться. Восемь месяцев в приюте мне говорят о некой грусти, боли и страдания. Вот на что твоя «жизнь» адаптировалась. Хватит страдать – поставь точку. Не дай миру шансы. Следуй китам». В данных высказываниях сообщается, что «Ника В-Теме» считает жизнь адресата безрадостной, бесперспективной. Как выход из этой негативной ситуации автор указывает совершение действий: «поставь точку», «следуй китам»;

– приведение в пример совершенных иными лицами вредоносных действий, а именно фотоизображение, где на руке вырезан символ – изображение кита. При этом сообщается, что сделан рисунок с помощью стекла: «Вырезано стеклом», это обстоятельство пользователем «Ника В-Теме» оценивается положительно: «Но оно того стоит», «Лезвием быстрее! А стеклом мучительнее»;

– о том, что в результате участия в данной игре и ее успешного завершения пользователь «Анна Ерёмкина» достигнет своей мечты, обретет свободу: «Закончив игру ты осуществишь их мечту. На учишься летать, и обретишь свободу». Обозначены положительные последствия участия в игре, сообщается, что прохождение игры обеспечивает достижения лучших результатов.

Действия представлены как единственный выход из создавшейся негативной ситуации.

В качестве аргументов «Ника В-Теме» также приводит тот факт, что близкие люди собеседницы умерли: «Подумай о парне которого нет, об отце. И будет легче», указывая на невозможность иного, чем самоубийство, решения проблемы: «если хочешь к ним, то это твой единственный выход». Еще одним аргументом является то, что в будущем адресата не ждет ничего хорошего «в

жизни у тебя уже ничего хорошего не будет».

Лингвистическим исследованием текстов переписок пользователя «Ника В-Теме» с иными пользователями было установлено следующее.

– Предметом речи являются действия: действия по причинению себе физического вреда (нанесение себе порезов, царапин, ран), потенциально опасные действия, могущие привести к причинению себе физического вреда вплоть до гибели (нахождение на крыше высотных зданий, на крыше поезда, на окнах, фотографирование в этих местах), совершение самоубийства. Например: «открой окно в комнате, и сиди опустив ноги, слушая музыку», «Третье задание, сделай шесть порезов на руке, вдоль вен. Фото мне скинешь».

– Выполнение действий декларируется как выполнение заданий в игре.

Пользователь «Ника В-Теме» реализует свою речевую цель через следующие приемы:

– форма общения – участие в игре, предполагающей получение адресатом заданий (обязательность совершения этих действий как целей, задач, поставленных перед играющим для выполнения);

– использование грамматических конструкций с глаголами в форме повелительного наклонения, предикатами со значением необходимости, долженствования;

– развернутая аргументация в пользу необходимости совершения самоубийства (сообщение о том, что не стоит бояться самоубийства, что при совершении суицида человеку становятся безразличны незавершенные дела, о том, что выбранные способы (отравление таблетками, повешение) являются оптимальными, безболезненными и т.д.): «Тебе будет уже пофиг на дела, когда ты будешь в отключке, «Прикольно, мне кажется от такого количества ты быстро потеряешь сознание»;

– экзemplификация (приведение примеров совершения подобных действий другими лицами: «Всем страшно, каждые 38 секунд в каком то регионе суицид. Им думаешь было легко, они решаются потому что их жизни не имеют смысла»);

– указание на невозможность бездействия, отсутствие иных вариантов выхода из создавшейся негативной жизненной ситуации (самоубийство – единственный выход): «Здесь по-моему очевидно либо свобода, или бесконечное мучение», «Жить страшнее, и постоянно мучиться и слушать как все вокруг тебя ненавидят», «если хочешь мучится дальше значит нужно оставаться, а если нет, выход здесь только реально один»;

– информирование о положительных результатах выполнения действий (физическое страдание представляется как обязательное и необходимое для достижения положительного результата – обретения свободы, покоя; смерть в результате суицида избавит от страданий при жизни, поможет воссоединиться

с ушедшими из жизни близкими людьми): «Страдать лишь для того, чтобы в итоге обрести покой... Цена будет в вечной тьме, которая практически полностью заполнила сердце А шаг в пустоту, будет средством достижения единственной цели, которая заключается лишь Свобода Через Страдания»;

– положительная оценка адресата в случае выполнения действий – речевой жанр «комплимент» (при выполнении задания: «отлично», «ты молодец» и т.п.);

– информирование о наступлении негативных последствий в случае невыполнения заданий (исключение из игры, отправка некоей видеозаписи в группу в интернете);

– информирование об исключительных свойствах данной игры, невозможности найти ее аналоги;

– реализация значения «успокаивание»: автор стремится убедить адресата в том, что не стоит бояться причинять себе боль, не стоит бояться самоубийства. Тем самым автор успокаивает, убеждает адресата в том, что обсуждаемые действия не имеют отрицательных сторон, последствий, являются выгодными и полезными для адресата.

Таким образом, в речи пользователя «Ника В-Теме» выявлено положительное отношение к названным действиям. Действия представлены как правильные, необходимые в создавшейся ситуации, нужные и полезные для адресата.

Реализована речевая цель «побуждение» («я говорю вам, что хочу, чтобы вы совершили это действие»).

С течением времени подобных материалов в экспертной практике становится меньше, на смену им приходит иной интернет-контент, который, взамен предыдущего, также несет деструктивное влияние на подростков. В данный момент актуальным является производство лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз по исследованию интернет-материалов, связанных с распространением такого явления, как «скулшутинг», «Колумбайн».

Можно выделить несколько групп материалов, связанных с данной тематикой:

– контент групп в социальных сетях: фотоизображения, текстовые сообщения в общем доступе («стена» группы). В данных материалах явление «скулшутинг» представляется в положительном ключе, порою в юмористическом, но всегда под знаком «плюс»;

– личные переписки администраторов таких групп с подростками, аналогично рассмотренным выше «группам смерти». В таких переписках, как было сказано выше, создается положительный образ действий (расстрел, вооруженное нападение на школу), сообщается о негативном положении дел (проблемы с одноклассниками, учителями), сценарий «колумбайн» представлен как единственно правильный выход. Создается положительный образ оружия, дей-

ствий с оружием, в том числе для девушек.

В результате проведенного исследования эксперты выявляют признаки побуждения к действиям, пропаганды идеологии «Колумбайна».

В рамках тематики, связанной с актуальной в стране и в мире проблемой вооруженных нападений на школу, также назначаются экспертизы по иным текстовым объектам: это материалы межличностного общения подростков между собой (устные разговоры, интернет-переписки), личные дневники. По такого рода материалам перед экспертами ставятся задачи по выявлению информации определенного рода: это информация о намерении совершить вооруженное нападение на школу, о причинах такого нападения, о подготовке к нему, в частности в виде поиска оружия, соучастников и т.п.

Так, например, на экспертизу были предоставлены результаты ОРМ – прослушка разговоров двух подростков – дикторов мужского и женского пола.

Предметами речи в репликах диктора «М» (который и рассказывает о вооруженном нападении) являются: положение дел в школе у диктора «М» и его друга, особенности их взаимоотношений с учащимися, а также намерение, предполагаемая стрельба в школе.

Диктор «М» совместно с его другом, обозначенным как «Женя/Женёк», планируют (имеют намерение (и/или составляют план по реализации этого намерения)) осуществить вооруженное нападение на школу. Диктор выражает сомнения в возможности реализации плана по нападению, так как опасается противодействия полиции. Диктор «М» сообщает, что, если это получится сделать без вмешательства полиции, они убьют 30-40 человек. Диктор «М» сообщает, что намерен одеться определённым образом, иметь сумку, куда он положит какие-нибудь вещи, в том числе гранаты, трубчатые бомбы, с помощью которых он будет убивать людей в ходе вооруженного нападения на школу.

В содержании разговора в высказываниях диктора «М» содержится информация о периоде подготовки (о его длительности, о моменте возникновения плана) к вооруженному нападению на образовательное учреждение. Диктор «М» сообщает, что мысли о нападении появились у него еще в первом классе, так как одноклассники не принимали его, не общались с ним. Особый интерес к теме скулшутинга, желание им заняться возник у него после событий в Керчи (нападение на техникум В. Росляковым), тогда он стал искать материалы, смотреть видеозаписи по этой теме. Диктор «М» демонстрирует то, что продумывал идею нападения на школу заранее: выбрал одежду, в которой будет осуществляться нападение; продумал необходимое количество оружия (четыре «пушки», пистолета); обладает информацией, где, у кого можно купить оружие и имеет на это деньги; продумал возможное противодействие полиции и возможности справиться с ним.

В содержании разговора в высказываниях диктора «М» содержится ин-

формация о причинах и целях вооруженного нападения на школу. В качестве причины он называет то, что школа (школьная жизнь, учителя, одноклассники, учёба) сильно измучили, утомили его, а также то, что с одноклассниками сложились плохие отношения. Также он говорит о причинах, по которым его друг «Женя» готов участвовать в нападении: он одинок (мать злоупотребляет алкоголем, а бабушка и дедушка постоянно на работе), над ним также издеваются одноклассники. Диктор «М» называет цель, с которой они хотят осуществить задуманное: их вооруженное нападение на школу, убийства находящихся там людей изменят город, жизнь в нем, помогут привлечь внимание к личности нападающих, сделать так, чтобы их запомнили надолго.

В содержании разговора в высказываниях диктора «М» содержится информация о том, какие события, личности используются им в качестве образца в рамках подготовки к нападению на образовательное учреждение: это печально известные американские «стрелки» Эрик Харрис и Дилан Клиболд.

В период захватившей страну и мир пандемии коронавируса и борьбе с ней актуальным стало назначение лингвистических экспертиз в рамках статей «Статья 207.1 УК РФ. Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, Статья 13.15 КоАП РФ (Ч. 10.1 (введена Федеральным законом от 01.04.2020 № 99-ФЗ)». Распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях под видом достоверных сообщений заведомо недостоверной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств).

Обстоятельствами, представляющими угрозу жизни и безопасности граждан, в настоящей статье признаются чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии, эпизоотии и иные обстоятельства, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения.

Как известно, установление «заведомо ложного, недостоверного» характера информации предполагает соотнесение её с действительностью, что выходит за рамки компетенции эксперта-лингвиста. В рамках указанной категории дел экспертами решается вопрос:

1. Имеются ли в тексте высказывания, содержащие информацию в форме утверждения о фактах?
2. Какая именно содержится информация в форме утверждения о фактах?

Либо: 1. В какой форме выражена информация в представленном тексте (в форме утверждения о фактах, предположения, мнения, оценочного суждения)?

В качестве объекта может выступать речь лица (видеообращение). В ходе обращения диктор произносит такие высказывания:

1) «Ну, э-э... я предполагаю, это просто выдуманная болезнь, и щас любую болезнь..., тяжелую какую-то, пневмонию или прочее, будут выдавать за эту, коронавирус»,

2) «Сейчас хотят ввести комендантский час..., я так понял, через неделю, чтоб народ не рыпался, не выходил из домов после восьми», «я слышал, что-о хотят закрывать все заводы на неделю»,

3) «мало ли чего, может, блокада», «Так что без паники, но всё равно нужно чё-то готовить, какие-то-а запасы».

В приведенных высказываниях сообщается, что коронавирус – выдуманная болезнь, в реальности ее не существует. В будущем власти, медики будут выдавать за коронавирус иные болезни. Также сообщается, что в будущем будут введены ограничения («комендантский час», «блокада»), в связи с которыми адресатам следует готовиться. Информация выражена в форме мнения и его разновидностей: отнесение к плану будущего времени, сообщение о предположительном характере сообщаемого. Следовательно, в данных высказываниях не имеется информации в форме утверждения о фактах.

В связи с актуальной социально-политической ситуацией была введена уголовная ответственность за распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил России, дискредитации ВС РФ: УК РФ Статья 207.3. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации», КоАП РФ Статья 20.3.3 Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности. В рамках такой категории дел могут также быть назначены лингвистические экспертизы по выявлению информации и формы её выражения, в первую очередь информации в форме утверждения о фактах, а также наличия признаков побуждения, пропаганды.

Таким образом, в ходе проведения лингвистического исследования устанавливается смысловое содержание, выявляются разные типы значений. Происходящие в обществе перемены, процессы, события порождают новые потребности правоохранительных органов, судебной системы, изменения в законодательстве. Судебная лингвистическая экспертиза отвечает на эти потребности, позволяет выявлять необходимую для этого информацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге / М.Г. Безяева. М.: Изд-во Московского университета, 2002.
2. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1.
3. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 2011
4. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: Методическое пособие / А.М. Плотникова, В.О. Кузнецов, И.И. Саженин и [др.]; под ред. профессора С.А. Смирновой; М-во юстиции Рос. Федерации, Федер. бюджет. учреждение Рос. федер. центр судеб. Экспертизы. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018.
5. Судебная лингвистическая экспертиза диалогической речи: учебно-методическое пособие/ под ред. профессора С.А. Смирновой, В.О. Кузнецова, А.М. Плотниковой. М: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2020.
6. Падучева Е.В. Вопросительное местоимение и семантика вопроса // Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. (Референциальные аспекты семантики местоимений) / отв. ред. В.А. Успенский. М., 1985.

Forensic linguistic expertise: response to the challenges of the time

T. V. Myasnikova

*Privolzhsky Forensic Science Centre (Russia, Nizhny Novgorod)
prcse-murf@ya.ru*

Socio-political processes, changes give rise to the need for forensic linguistic expertise on new objects and tasks.

Keywords: forensic linguistics, inducement, statement of facts, propaganda.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ЭТНИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНФЛИКТОГЕННОГО ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТА

А.Н. Новосёлова, Р.И. Захаров

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

antonina40@yandex.ru, riz1369@mail.ru

В статье рассматривается определение лингвистических признаков этнического экстремизма в интернет-текстах, в качестве примера приведены основные элементы исследования конфликтогенного текста по выявлению таких диагностических комплексов, как пропаганда и оправдание экстремистских действий. Приведены примеры конфликтогенности оппозиции «свой» – «чужой» на разных лингвистических уровнях. Авторы считают, что законодательная неопределенность понятия «экстремизм» затрудняет проведение экспертизы при исследовании конфликтогенного интернет-текста.

Ключевые слова: интернет-текст, этнический экстремизм, диагностический комплекс, судебно-лингвистическая экспертиза.

Преступления экстремистской направленности – одни из наиболее опасных. Специфика глобальной сети способствует размещению в Интернете материалов, имеющих признаки этнического экстремизма. Увеличение количества материалов подобного рода влечет необходимость создания прочной доказательной базы для привлечения к ответственности лиц, причастных к их созданию и распространению.

Правовая фиксация понятия «экстремизм» дана ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – ФЗ) через перечень действий, признаваемых законодателем экстремистскими [1]. Проблема этнического экстремизма актуализирована в трудах М.П. Клейменова, Д.Е. Некрасова, О.А. Русакова, А.Г. Хлебушкина, А.В. Павлинова и др. Многообразие точек зрения обусловлено различным пониманием конкретных действий как экстремистских. Авторами предприняты попытки дать теоретическое обоснование выдвигаемым дефинициям, но правового закрепления самого понятия «этнический экстремизм» пока нет. Все исследователи отмечают как общий признак политическую составляющую экстремизма, то есть этнический экстремизм рассматривается ими как разновидность политического экстремизма. Однако Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001), к которой присоединилась и РФ, рассматривает экстремизм без политического компонента.

В ФЗ законодатель делает акцент на деятельностный компонент экстремизма, подробно описывая перечень действий, однако при этом в тексте содержится информация о его теоретической (идеологической) составляющей – пропаганда. Нет указания на цель деяний, но есть их конкретизация (применение

насилия, возбуждение ненависти, призывы к совершению действий и т.д.), сформулированная, на наш взгляд, исходя из основ конституционного строя, норм и принципов российского права. В законе «экстремизм» тождественен понятию «экстремистские действия», что обусловлено позицией законодателя: пропаганда, призывы, возбуждение ненависти и вражды, реализуемые в форме речевых актов, также представляют собой действия (речевые), даже несмотря на отсутствие непосредственного взаимодействия с объектом.

Говоря о научных дефинициях понятия, отметим значимость определения П. Коулмана и А. Бартоли: они считают экстремизмом не только систему взглядов, но и претворение их в жизнь [2]. Н.А. Голованова отмечает, что в праве Великобритании «к экстремистским относятся действия, связанные с возбуждением национальной вражды», что свидетельствует о сходном понимании явления [3]. Отметим, что система крайних взглядов, негативный общественно опасный характер действий, нетерпимость к группе людей, выделенной по определенному признаку, – общие черты понятия «экстремизм» в правовых системах различных стран.

Рассматривая экстремизм по объекту воздействия, мы убедились, что причины этнического экстремизма следует искать все-таки в политической сфере. Будет оправданным выделять его как подвид политического экстремизма. На наш взгляд, это выделение необходимо в силу специфики совершения названных действий: взаимодействие с объектом не нужно, субъект осуществляет действие путем создания речевого акта с определенной интенцией и направляет его неограниченному кругу адресатов.

Указанные в ФЗ экстремистские действия на практике могут быть представлены непосредственно действиями и речевыми актами. Так, например, возбуждение национальной розни может реализовываться в форме применения насилия к представителям национальной группы, а может – в форме речевого акта, выраженного в устной или письменной форме. Объектом этнического экстремизма является лицо или группа лиц, выделенные по критерию кровного родства, общности культурных связей, менталитета, внешности. Важный признак этнического экстремизма указан в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ и УК РФ, в которых говорится, что мотив совершения преступлений экстремистской направленности – национальная ненависть или вражда [4; 5, ст. 282.1, прим. 2].

Для целей нашего исследования значимо, что речевой этнический экстремизм – это речевые действия в форме различных речевых актов, целью которых является выражение оценки объекта этнического экстремизма либо действий, совершаемых в отношении объекта, и/или побуждения к совершению определенных действий в отношении объекта, изменение отношения к объекту (корректировка мировоззрения) адресата речи. Совершение подобных ре-

чевых действий мотивировано национальной ненавистью или враждой. Для них характерна публичность, то есть адресатом является неограниченный круг лиц.

Интернет как глобальная информационно-телекоммуникационная сеть является благоприятной средой для этнического экстремизма. На значимость Интернета как коммуникационного канала косвенным образом указывает УК РФ: в ст. 280 п. 2 и ст. 282 его использование специально оговаривается [5].

Специфика коммуникации в Интернете обусловлена тем, что он используется как ресурс без государственной цензуры, а инструменты визуализации, фиксации и передачи информации дают возможность облекать информацию (в том числе экстремистскую) в новые, более доходчивые формы, облегчая обоснование и оправдание совершения экстремистских действий, формирование убеждения в их правильности и необходимости.

Глобальная сеть позволяет быстро транслировать информацию широкой аудитории анонимно или с использованием вымышленного имени. Анонимность способствует распространению в сети языка вражды [6] как проявления речевой агрессии, в том числе в сфере межэтнических отношений. Язык вражды проявляется в использовании лексических средств и синтаксических конструкций, позволяющих выявить интенции и цели для определения установки адресата на возбуждение ненависти, дискриминацию, унижение или угрозу применения насилия по отношению к представителям иных этносов; диагностируется по таким признакам, как негативность сигнала, достаточная внятность и высокая интенсивность, публичность, представление другого человека чужим (чуждым) и заведомо неравным себе. Использование языка вражды – важная характеристика текстов экстремистской направленности.

В интернет-среде имеется возможность создания сообществ по интересам, в том числе экстремистских, как отметил Х. Бонфаделли [7]. Формированию таких сообществ способствуют таргетированная реклама, открытость социальных сетей: пользователи указывают свой пол, возраст, место жительства, взгляды и убеждения, что дает возможность обратной связи и позволяет объединять единомышленников и осуществлять пропаганду идей, убеждений более адресно.

Таким образом, множественность участников коммуникации, интерактивность, возможность быстрого обмена сообщениями, подкастовость, гипертекстовость, креолизованность способствуют ускоренному распространению идей экстремизма.

Противодействию распространению материалов экстремистского содержания активно способствуют результаты лингвистических исследований. Судебно-лингвистическая экспертиза позволяет установить: предмет речи; цели субъектов коммуникации; характеристики коммуникантов; их отношение к

описываемым действиям, убеждениям, предмету речи; наличие в тексте значений, по которым материалы в дальнейшем будут признаны судом экстремистскими, или оправдания экстремистских действий и побуждения к их совершению; форму выражения информации, ее эксплицитность или имплицитность. Информация такого рода имеет важное доказательственное значение.

Отметим, что выявление лингвистических признаков этнического экстремизма возможно только при проведении подробного лингвистического анализа конфликтного текста. Для этого необходимо определить специфику спорного текста (далее – СТ) как объекта исследования, чтобы правильно уяснить экспертные задачи и минимизировать экспертные ошибки.

Согласно «Методике проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму» каждый лингвистический аспект этнического экстремизма представляет собой диагностический комплекс, который состоит из предмета речи (тематика), отношения коммуниканта к предмету речи, цели коммуникации [8, стр. 25]. Предмет речи выявляется в ходе предметно-лингвистического анализа и позволяет определить этническую группу и/или действия в отношении этой группы, о которых адресант говорит. Оценочно-экспрессивный анализ направлен на установление отношения адресанта речи – положительное или отрицательное – к предмету речи.

В ходе лингвистического целевого анализа определяется коммуникативная цель, ради которой совершался речевой акт, создавался и распространялся текст. Только наличие всех трех элементов диагностического комплекса позволяет сделать вывод о том, что в тексте содержатся лингвистические признаки этнического экстремизма. Элементы диагностического комплекса эксплицируются с помощью языковых средств на фонетическом, морфемном (при необходимости), лексическом, морфологическом, синтаксическом и прагматическом уровнях.

В качестве примера рассмотрим лингвистическое исследование конфликтного текста Петра Хомякова «Программа НОРНА», который был размещен в открытом доступе на интернет-портале You-books.com [9].

Предметно-лингвистический анализ показывает, что в СТ речь идет о действиях в сфере межэтнических отношений.

На лексическом уровне в СТ представлены, с одной стороны – негативно-оценочные номинации, являющиеся контекстными синонимами: «дикое мясо», «кавказские хамы», «жиды», «еврейские гешефтмахеры», «враги русского народа», а с другой – выражения с положительной коннотацией: «русские люди», «русские мужчины и женщины». Таким образом, адресантом речи выделены три национальные группы – евреи, кавказцы, русские. Посредством оппозиции формируется образ антагонистического мира, в котором существует раз-

деление на «свой» – «чужой». Все положительные семантические ассоциации связаны с лексемой «русский». Личный дейксис «наш мир, наши убеждения» (выделено нами – А.Н., Р.З.) усиливает положительность образа «своей» этнической группы. В то же время создается негативный образ других этнических групп с использованием метафоризированных грубо просторечных слов и словосочетаний.

Так, лексема «жид» относится к этнонимам с негативной эмоциональной окраской, на что указывает функционально-стилистическая помета (разг.-сниж.) [10], передающая презрительные отношения к этой группе лиц адресанта речи. В словосочетании «кавказский хам» определяемое слово подчеркивает грубость, наглость, невоспитанность референта [10], на которого указывает определение; при этом слово «хам» устойчиво употребляется в качестве бранного. Используя прием генерализации, адресант речи (субъект оценки) характеризует личностные качества всех представителей этногруппы, демонстрируя враждебность своего отношения и рассчитывая на формирование такого же отношения у адресата в качестве перлокутивного эффекта речевого действия.

Действия, к совершению которых побуждает адресант, вербализуются в СТ в высказываниях «объединяться надо и бороться надо», «завоевание русским средним классом лидирующих позиций в России», «все заслуживают того, чтобы стать объектом, скажем мягко, “восстановления справедливости”». Побуждение выражено в имплицитной форме через обоснование необходимости («надо») и правильности («восстановления справедливости») действий «своей» группы, но усиливается дублированием модального компонента и его постановкой в постпозицию. Суть первого действия – сплачивание, образование единого целого (консолидация). Семантика же лексемы «бороться» в контексте противостояния, борьбы, войны («завоевание») предполагает не просто враждебные, а именно насильственные действия в отношении других этнических групп, результатом которых будет их подчиненное относительно «своей» группы положение («лидирующий») [10].

Контекстуальная синонимия номинаций этнических групп указывает на пресуппозицию «эти этнические группы – враги русского народа». Поскольку адресатом СТ являются, скорее всего, русские по национальности читатели (текст написан на русском языке), эта информация способствует усилению их негативного отношения к представителям «не-своей» группы.

Идеологический посыл адресанта состоит в обосновании превосходства одной этнической группы над другими и насильственного захвата ею главенствующего положения. За призывами к объединению скрыта имплицитная цель – призыв к порабощению.

Прагматические особенности интернет-текста связаны с особым статусом коммуникации, который в этом конкретном тексте можно определить как эт-

нополитический. Коммуниканты выступают в качестве носителей конкретной идеологии. Они воспринимают содержание текста этноэкстремистской направленности как воплощение мировоззренческого идеала, а воздействие текста – как часть идеологически важной работы.

СТ размещен в Интернете, не имеет ограничений доступа, имеет публичный коммуникативный характер, то есть рассчитан на неопределенный круг лиц. Таким образом, созданы условия для доведения информации до сведения неопределенного числа лиц, разделяющих, исповедующих определенные политические и общественные взгляды [11]. А.Н. Баранов также указывал, что подобным образом создаются подготовительные условия для успешного функционирования экстремистского текста [12]. Для убеждения адресата в правильности своих суждений и для побуждения к принятию этих суждений адресант речи использует псевдорационально-эвристическую стратегию, реализующую различными средствами: риторические вопросы («Интригует?»), личный дейксис («наше искусство»), апелляция к авторитету (Д. Форрестер, Д. Медоуз), парцелляция («Если не больше. Что так, что этак. Что ж»), ирония («А сейчас гордятся еще сильнее. Такая мода на дворе нынче»).

Адресант оправдывает деятельность, указывая на положительные последствия, которые последуют за исполнением действий. Во фрагменте «Главное, что мы будем наконец-то жить в цивилизованной стране. Свободными людьми. Без бюрократического и полицейского произвола. Без страха за наш бизнес. Без бесконечных кавказских войн» наречие «наконец-то» употребляется для выражения крайней степени недовольства существующей ситуацией, будущее время указывает на пресуппозицию «сейчас мы живем в нецивилизованном мире». После реализации описываемых действий страна будет цивилизованной, положение – безопасным, а люди – свободными.

Цель адресанта реализуется в информировании адресата о действиях (как адресат должен поступать) и в убеждении в их правильности. Информирование в данном тексте представляет собой программу, которая включает в себя цели, список противников и потенциальных союзников.

Проведенное лингвистическое исследование показывает, что СТ является этно-экстремистским речевым произведением, в нем реализуются несколько диагностических комплексов, в частности, пропаганда и оправдание экстремистских действий:

- 1) предмет речи – насильственные действия, направленные против этнических групп «евреи», «кавказцы», результатом которых будет установление превосходства этнической группы «русские»;
- 2) адресант речи оценивает положительно и действия, и их последствия, оправдывая таким образом их совершение;
- 3) его речевая цель – убеждение адресата в правильности описываемых

действий, информирование о программе действий.

Таким образом, исследованный интернет-текст способствует распространению идей этнического экстремизма среди группы лиц, объединенной по национальному признаку, – «русские».

Как видим, судебно-лингвистическая экспертиза помогает установить наличие/отсутствие в спорном тексте определенного «экстремистского» значения и помогает правоприменителю принять обоснованное решение о дальнейшей судьбе текста и лиц, причастных к их созданию и распространению.

Можно говорить о наличии в подобных текстах маркеров потенциальной конфликтности «свой» – «чужой».

В рамках «своего» мира однозначно позитивно оцениваются «свои» обычаи, особенности поведения, усиливается значимость родства (обращение «брат», «друг», «старик»). Большинство коммуникантов осмыслиют окружающий мир в этническом контексте (например, этноним «немцы» – то есть немые, не говорящие «по-нашему»). Отсюда номинация представителей других народов с использованием грубо просторечной лексики и негативных коннотаций. Коннотации различаются степенью бескомпромиссности при употреблении лексем: пренебрежительные, уничижительные, ироничные, презрительные. Такие пейоративные псевдоэтнонимы (термин А.С. Архиповой) инвективируют оппозицию «свой» – «чужой», усиливая лингвистический «заряд» враждебности.

Элементы диагностического комплекса проявления речевой агрессии в сфере межэтнических отношений на фонетическом, морфемном уровнях ярче всего проявляются при оценочно-экспрессивном анализе, направленном на установление отрицательного отношения к предмету речи – национальной группе. Так, например, общеизвестны такие способы образования пейоративных псевдоэтнонимов, как «азер» (путем усечения основы), «чех» (усечение основы с одновременными фонетическими изменениями в основе –диссимиляция по смычности и твердости-мягкости), «хач» (безаффиксный способ) и т.д.

Проанализированный выше текст считаем конфликтным, поскольку это публичный текст, размещенный в интернет-пространстве, он провоцирует на возникновение конфликта между представителями разных этнических групп и имплицитно призывает к совершению действий, наносящих вред определенной группе людей, характеризующейся принадлежностью к конкретной национальности. Автор исследуемого текста создает конфликтную ситуацию всей совокупностью используемых речевых средств, демонстрируя свою неприязнь к кругу «чужих».

Признаки этнического экстремизма, выявленные при анализе, позволяют сделать вывод о действенности используемой методики исследования, однако она требует доработки, потому как законодательная неоднозначность дефиниции «экстремизм» допускает неоднозначность интерпретации выводов экспертизы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 01.07.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867 (дата обращения: 14.01.2022).
2. Coleman P.T., Bartoli A. Addressing Extremism. Position paper New York: Columbia University, The International Center for Cooperation and Conflict Resolution. 2003. p. 2.
3. Голованова Н.А. Экстремизм в Великобритании: способы противодействия. // Журнал российского права. 2014. №4. С. 106.
4. Постановление Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 г. № 11 // Российская газета. 2011 г.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (УК РФ) (с изменениями и дополнениями). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 25.02.2021).
6. Гладиллин А.В. «Язык вражды» в традиционных и новых медиа. Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 21 (312). Филология. Искусствоведение. Вып. 80. С. 144–153. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-vrazhdy-v-traditsionnyh-i-novyh-media> (дата обращения: 15.02.2022).
7. Bonfadelli H. Medienwirkungsforschung I. Konstanz, 1999. S. 265.
8. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М., 2014. 98 с.
9. Хомяков П. Программа НОРНА. URL: http://www.bonlib.ru/sf/_sf/petromyakov-programma-norna.html (дата обращения: 24.09.2021).
10. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
11. Голиков Л.М. Семиотика экстремистского текста. URL: http://siberia-expert.com/publ/konferencii/konferencija_2012/semiotika_ehkstremistskogo_teksta_1_m_golikov/10-1-0-280 (дата обращения: 20.01.2022).
12. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика уч. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.

Determination of linguistic signs of ethnic extremism during the forensic linguistic examination on the example of the study of a conflictogenic Internet text

A.N. Novosyolova, R.I. Zakharov

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)
antonina40@yandex.ru, riz1369@mail.ru*

The article presents the definition of linguistic signs of ethnic extremism in Web texts, as an example, there are main elements of the study of a conflict-generating text to identify such diagnostic totality as propaganda and acquittal of extremist actions in article. There are examples of the conflict potential of the opposition «us» – «them» at different linguistic levels in article. The authors consider that the legislative uncertainty of the concept of «extremism» doesn't contribute to the unambiguous conclusions of the examination in the study of conflict-generating web text.

Keywords: internet text, ethnic extremism, diagnostic complex, forensic linguistic examination.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОДГОТОВКИ ЭКСПЕРТНЫХ КАДРОВ В СВЕТЕ ПЕРЕХОДА К ПЕРЕДОВЫМ ЦИФРОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ

А.В. Полякова

*ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
anastasia.poliakova811@yandex.ru*

В статье рассмотрены особенности формирования цифровых компетенций у студентов специалитета по направлению подготовки 40.05.03 «Судебная экспертиза». Отмечена необходимость актуализации, уточнения и расширения предметного содержания учебных дисциплин по подготовке экспертных кадров, которые должны обладать высоким уровнем специальных знаний с учетом соответствующих приоритетных направлений научно-технологического развития государства. Представлена схема формирования компетенций студентов в процессе обучения технологиям трехмерного моделирования.

Ключевые слова: цифровые компетенции, цифровые технологии, экспертная деятельность, трехмерное моделирование, трехмерное изображение.

Стратегией Научно-технологического развития Российской Федерации провозглашается в качестве приоритетного направления развития страны переход к передовым, цифровым производственным технологиям, а также к новым материалам и способам конструирования [1].

Данные процессы не могут обойти стороной криминалистическую деятельность, в частности, судебно-экспертную деятельность. От того, насколько готовы экспертные кадры реализовать свой потенциал в условиях цифровизации, зависит успех реализации стратегии в правоохранительной сфере. Т.В. Аверьяновой среди задач практической экспертной деятельности были выделены: постоянное систематическое повышение экспертной компетенции, совершенствование профессионального мастерства и овладение экспертами основами компьютерной грамотности и навыками оперативной работы с персональным

компьютером [2, стр. 163]. Однако компьютерная грамотность и умение работать на ПК в настоящее время является лишь базовым уровнем и не позволяет эксперту эффективно решать профессиональные задачи отдельного рода или вида экспертизы.

Е.Р. Россинская отметила, что «переход к цифровым технологиям в судебной экспертизе происходит достаточно давно» [3, стр. 570], ею были выделены два ключевых направления информационно-компьютерного обеспечения экспертной деятельности:

1. Использование компьютерных средств и систем для решения судебно-экспертных задач, включая использование универсальных аппаратных средств и программного обеспечения, разработку компьютерных систем анализа изображений, создание баз данных и автоматизированных информационно-поисковых систем по конкретным объектам экспертизы, автоматизацию сбора и обработки экспериментальных данных, создание программных комплексов и программ выполнения вспомогательных расчетов по известным формулам и алгоритмам, создание гибридных человеко-машинных систем и программных комплексов автоматизированного решения экспертных задач.

2. Исследование криминалистически значимой информации, зафиксированной в цифровом виде на компьютерных носителях [3, стр. 570–571].

Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» содержит проект «Кадры цифровой экономики», который направлен на решение задач по обеспечению подготовки высококвалифицированных кадров для цифровой экономики. Решение указанной задачи невозможно без создания условий для подготовки кадров, совершенствования образовательной системы на различных уровнях, мотивационных модулей для овладения компетенциями цифровой экономики. Реализация данных положений требует отражения в образовательных стандартах высшего образования цифровых компетенций.

Ряд высших учебных заведений, формируя собственные образовательные стандарты по направлению подготовки экспертных кадров, включили возможность формирования цифровых компетенций. В ОС ННГУ по направлению подготовки 40.05.03 «Судебная экспертиза» также нашла реализацию компетенция, овладение которой предполагает способность обучающегося понимать принципы работы современных информационных технологий и использовать их для решения задач профессиональной деятельности. Формирование данной компетенции невозможно без актуализации, уточнения и расширения предметного содержания учебных дисциплин по данному направлению подготовки. Примером можно привести совершенствование содержания дисциплины «Компьютерные технологии в судебно-экспертной деятельности», «Судебная фотография и видеозапись», «Естественно-научные методы судебно-экспертных исследований», а также профильных дисциплин специализаций «Кри-

миналистические экспертизы», «Речеведческие экспертизы», «Экономические экспертизы».

Овладение будущими судебными экспертами цифровыми компетенциями осуществляется на протяжении всего периода обучения. На начальном этапе студенты учатся решать самые простые задачи (запустить систему, ознакомиться с интерфейсом программы, открыть/создать документ/запрос в системе, просмотреть документ, внести изменения, вывести на печать). На основном уровне студенты учатся применять соответствующие технологии для решения основных задач судебно-экспертной деятельности. И, наконец, на продвинутом уровне, студенты способны использовать различные автоматизированные системы для решения сложных задач профессиональной деятельности, оптимизировать свою работу, взаимодействуя с компьютерной системой.

Развитие технического прогресса и внедрение современных компьютерных технологий в судебно-экспертную деятельность приводит к тому, что существует объективная необходимость в рамках программ высшего образования расширения содержания уже имеющихся дисциплин и введения дисциплин, связанных с изучением технологий получения трехмерной графики и анимации. В Университете Торонто имеется курс «Введение в 3D-проектирование и реконструкцию места происшествия», в рамках которого студенты знакомятся со стандартными и инновационными методами фиксации, анализа и визуализации для следственных целей и дальнейшей демонстрации результатов в зале суда.

Безусловно, формирование данных компетенций не умаляет значимости применения судебной фотографии и видеозаписи, а также физического моделирования обстановки места происшествия в рамках обучения будущих следователей, дознавателей, экспертов и специалистов. Однако введение в рамках дополнения в образовательных программах по направлению подготовки 40.05.03 «Судебная экспертиза» дисциплин, направленных на формирование знаний, умений и навыков работы с трехмерными объектами и методами их получения, а также дальнейшего использования в рамках участия специалиста в следственных действиях и производстве судебных экспертиз, считаем отвечающим современным реалиям [4, стр. 229].

Рассмотрим, как может выглядеть система формирования компетенций в сфере работы с трехмерными технологиями в судебно-экспертной деятельности на примере специализации «Криминалистические экспертизы» (рис. 1).

На начальном уровне формирования компетенций необходимо ознакомление с основным понятийным аппаратом, физическими процессами, лежащими в основе получения трехмерного изображения (интерферометрия, конфокальная микроскопия, лазерное сканирование, сканирование с помощью ультразвука, рентгеновского излучения), которые могут осуществляться на базе дисциплины «Естественно-научные методы судебно-экспертных исследований».

Получение трехмерных моделей возможно с использованием различных технологий и методов: построение модели в универсальных программах трехмерного моделирования и 3D-редакторах, в системах автоматизированного проектирования (САПР), путем сканирования или создания модели на основе фото- и видеоизображений. В связи с этим, следует изучить технические средства и программные продукты, позволяющие получать трехмерные модели, интерфейс и основные операции для построения трехмерных моделей в рамках дисциплины «Компьютерные технологии в экспертной деятельности», «Судебная фотография и видеозапись». На данном этапе необходимо проанализировать возможности точного и объективного отображения в модели размерных характеристик объекта-оригинала, его текстуры, взаимоотношения с другими объектами.

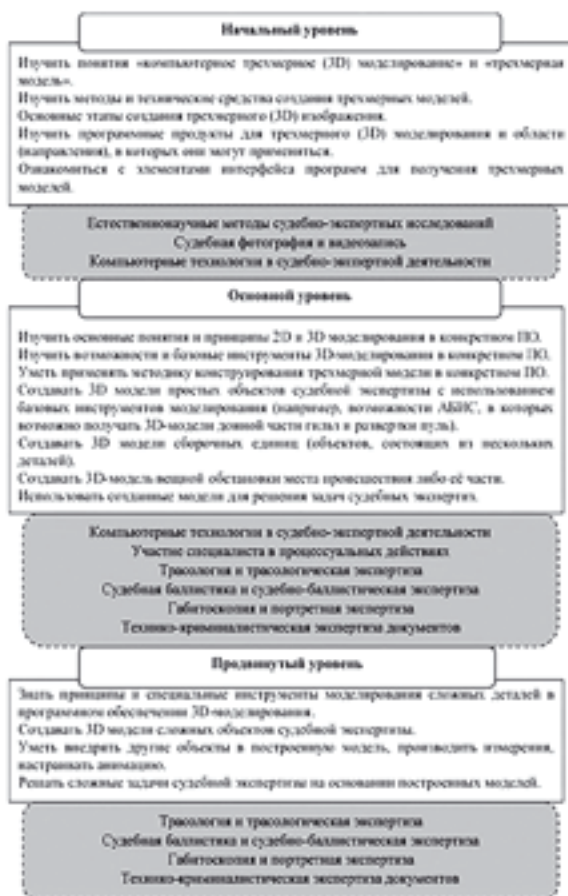

Рис. 1. Схема этапов формирования компетенций студентов в процессе обучения технологиям трехмерного моделирования.

На основном уровне студенты знакомятся с конкретными техническими средствами и программным обеспечением для построения трехмерных моделей и учатся работать с ними. В рамках дисциплины «Судебная фотография и видеозапись» возможно при изучении метода фотограмметрии уделять внимание трехмерной фотограмметрии и отрабатывать навыки фотографирования типовых объектов судебных экспертиз не только их традиционным путем, но и дальнейшее создание из фотографий либо кадров видеозаписи трехмерной модели данного объекта в таких программных средствах, как Agisoft Metashape, Context Capture, Pix4D и т.п. Моделирование осмотра места происшествия студентами в «Участии специалиста в процессуальных действиях» возможно дополнить построением трехмерной модели в качестве дополнительного средства фиксации вещной обстановки и дальнейшей демонстрации в учебной аудитории для коллективного анализа сложившейся ситуации и построения экспертных версий. В рамках дисциплин «Трасология и трасологическая экспертиза», «Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза», «Габитоскопия и портретная экспертиза» реализация знаний основ трехмерного моделирования и навыков использования технических средств и программного обеспечения могут быть использованы как для отработки навыков фиксации объектов данных экспертиз, так и для решения идентификационных и диагностических задач на основании полученных моделей. В рамках профильных дисциплин специализации студенты знакомятся также со специализированными программными комплексами, которые позволяют работать с 3D-изображениями. Современные автоматизированные баллистические идентификационные системы и сканирующие системы, например, «Арсенал», POISC, BALSCAN, ALIAS, IBIS, EVOFINDER позволяют получать трехмерные изображения донных частей гильз, поверхностей пуль и гильз со следами огнестрельного оружия.

Владение судебным экспертом специальными знаниями в области трехмерного моделирования на продвинутом уровне позволит выйти на решение таких сложных диагностических задач, как определение структуры механизма, условий (обстановки) события, причинности. Построить трехмерную модель места происшествия или его части недостаточно, необходимо интегрировать данные из разных источников (фото, снимки МРТ, модели участников события) для создания динамичных сцен взаимодействия объектов. То есть на данном уровне студенты будут обладать компетенциями построения трехмерной реконструкции, которая будет служить наглядным способом демонстрации механизма произошедшего события.

Предложенная схема является первым опытом формулирования уровневой структуры компетенции по работе с технологиями трехмерного моделирования при подготовке судебных экспертов. Необходимо четкое понимание в рамках каких дисциплин, какой части образовательной программы должны

формироваться подобные цифровые компетенции. Также актуальным является рассмотрение процесса освоения студентами таких компетенций не только в рамках выбора специализации «Криминалистические экспертизы», но и по всем другим профилям, предусмотренным ФГОС по направлению 40.05.03 «Судебная экспертиза».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента РФ от 01.12.2016 N 642 (ред. от 15.03.2021) «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/ (дата обращения: 28.02.2022 г.).
2. Судебная экспертиза. Курс общей теории: монография / Т.В. Аверьянова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 480 с.
3. Россинская Е.Р. Цифровизация судебно-экспертной и криминалистической деятельности: взаимосвязи и разграничения // Вопросы экспертной практики. № S1. 2019. С. 569–574.
4. Полякова А.В. К вопросу о перспективах применения 3D-технологий в судебно-экспертной деятельности // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов II Международной научной конференции, г. Нижний Новгород, 21–22 мая 2020. Нижний Новгород: ННГУ, 2020. С. 226–232.

Improving expert training in the light of the transition to advanced digital technologies

A. V. Polyakova

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)
anastasia.poliakova811@yandex.ru*

The article discusses the features of digital competence formation among the students of a specialist degree program in the field of training 40.05.03 «Forensic examination». The necessity of updating, clarifying and expanding the subject content of academic disciplines for training expert staff, which should have a high level of special knowledge, taking into account the relevant priority directions of scientific and technological development of the state, is noted. There is presented scheme of students competence formation in the process of training in three-dimensional modeling technologies.

Keywords: digital competencies, digital technology, expertise, three-dimensional modelling, three-dimensional image.

ГЕНЕЗИС ПЛОМБИРОВОЧНЫХ УСТРОЙСТВ В РАМКАХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Л.И. Потокينا

*Экспертно-криминалистический центр УВД по Троицкому
и Новомосковскому административному округу ГУ МВД России по г. Москве
(Россия, Москва)*

В статье рассматриваются этапы развития пломбирочных устройств, начиная с истории возникновения пломб и заканчивая появлением принципиально новых современных запорно-пломбирочных устройств. Рассмотрены различные материалы изготовления пломб. Даны характеристики пломб и запорно-пломбирочных устройств.

Ключевые слова: пломба, пломбирочное устройство (ПУ), запорно-пломбирочные устройства (ЗПУ), сургучная пломба-печать, свинцовые пломбы, сургуч, вислая печать, деревянные печати, обжимная печать, анализ эволюции пломб, электронные пломбирочные устройства.

Раскрывая исторические аспекты появления и развития опломбирования охраняемых помещений и грузов, отметим, что пломбы с момента появления и до настоящего времени находят применение во многих областях жизнедеятельности человека и выполняют функцию регистрации несанкционированного доступа. Гносеология самого слова «пломба», «пломбирование» (от фр. plomb — свинец) связана с появлением в конце XVII в. свинцовых печатей, которыми скрепляли ценные документы и товары, опечатывали сундуки и хранилища. Позднее пломбами стали называть любые контрольные знаки, навешиваемые на хранилища материальных ценностей и указывающие, в случае их повреждения, на незаконный доступ к опломбированному объекту [1, стр. 7]. Так, в соответствии с существующей ныне терминологией, печатью называют штамп, выполненный из металла, кости, дерева, камня и предназначенный для создания оттисков, или также печать (оттиск штампа, сделанный на бумаге при помощи краски или на твердом застывающем материале: воске, глине, сургуче). Пломба представляет оттиск штампа на металле и предназначена для опечатывания товаров, помещений и т.д.

Далее отметим, что появление первых видов пломб связано с развитием торговли, необходимостью не только перевозить и охранять грузы на большие расстояния, но и помечать свой товар. Кроме этого, с появлением частной собственности, возникает желание отделить свои вещи от подобных путем клеймования или оставления определенных знаков на их поверхности. Так, археологические находки свидетельствуют, что уже в середине IX тысячелетия до н.э. на всей территории древнего Ближнего Востока существовала система записи и передачи информации. Для подсчета использовали небольшие глиняные жетоны (1–3 см). Каждый жетон соответствовал определенному количеству считаемых предметов. Примерно с конца V тысячелетия до н.э. эти жетоны стали

помещать в полые глиняные сосуды в виде шара диаметром около 10 см – так называемые буллы. Делалось это, скорее всего, для лучшей сохранности наборов. Еще позднее набор жетонов, помещаемых внутрь буллы, сначала отпечатывали на ее поверхности. Следующим нововведением стало появление рядом с буллами маленьких глиняных табличек, на которых фишками были оттиснуты значки чисел и рядом прорисовано схематическое изображение предмета счета. Такие таблички были найдены на территории Северной Сирии, Ассирии и Ирана в слоях, относящихся к середине IV тысячелетия до н.э. [3, стр. 15].

Первые сведения о печатях на Руси стали известны благодаря летописям и археологическим находкам и датируются серединой X в., когда, описывая поход русов на Бердаа (943г.), зарубежный летописец отмечает, что русы отмечая пленников, за которых уже был заплачен выкуп, оставляют кусок глины с печатью, чтобы выкуп не был выплачен дважды. Со временем древнерусские печати стали использоваться в виде металлических шариков (булл) с выбитыми на них рисунками, которые подвешивались на конце шелковой или льняной веревки, прикрепляемой к документу, отчего получили название «вислыми». В случае если печатей было несколько, то размещали их согласно иерархическому положению владельца. Кроме этого социальное положение также определялось цветом воска печати. Так, например красная печать соответствовала первым лицам государства, а черная – высшему духовенству. Буллы также разделялись по материалу изготовления: золотые печати назывались «Хрисовулами», серебряные – «Аргировулами», а свинцовые – «Молиндовулами». Наибольшее распространение получили последние, но иногда встречались и золотые буллы, принадлежавшие византийским императорам или средневековым монархам и использовавшиеся только для документов чрезвычайной важности. Печати оловянные, серебряные и бронзовые встречались значительно реже. По размеру различали буллы великие и малые, первые применялись в особо торжественных случаях. Кроме этого шелковый шнур желтого или красного цвета традиционно использовался для благих новостей, а конопляный – для таких событий, как, например, отлучение от церкви. В течение XIV–XV вв. металлические буллы вытесняются восковыми вислыми и прикладными печатями. Это связано как с дешевизной воска по сравнению с металлом, так и с заменой прочного пергамента на бумагу, которая, конечно же, не могла выдержать вес свинца. На них (за исключением печатей церковных иерархов) появляется уже светское изображение, а также круговая легенда (надпись, расположенная вокруг изображения) с указанием не только имени, но и «должности» владельца.

Свинцовые пломбы появились в XIV веке и просуществовали значительное время практически в неизменном виде. В нынешнее время свинцовая пломба представляет собой небольшой цилиндр со сквозными каналами, в их отверстия с одной стороны продевается шнур, проволока, шпагат, который соединя-

ет пломбу и опломбируемый объект и с другой стороны «кармашек» для узла. Затем с помощью специального инструмента – пломбиратора узел оказывается зажат в пломбе, таким образом разорвать скрутку оказывается невозможным без нарушения оттиска на пломбе. Также пломбиратор надежно фиксирует бечеву в теле пломбы. Свинцовая пломба устанавливается вручную. Навесные пломбы, как более универсальные и востребованные, также подверглись некоторой модернизации. Хрупкие глиняные буллы были заменены на пластиковые свинцовые диски, а верёвки – на более надёжную пломбирочную бечеву, изготовленную из отожженной стальной проволоки. Навешивание свинцовых пломб стало сопровождаться их обжатием с использованием специальных инструментов (пломбирочных тисков, пломбираторов), которые, помимо образования контрольных оттисков, надёжно закрепляли бечеву в теле пломбы. Наиболее часто такие обжимные пломбы изготавливали в виде свинцовых дисков со сквозными каналами. Долгое время свинец был наиболее приемлемым материалом для изготовления тела пломб. Из-за высокой пластичности он достаточно хорошо воспроизводит рельеф рабочих поверхностей тисков, при этом мало подвержен влиянию окружающей среды. Как мы уже отмечали выше, данный факт предопределил обиходные русское название пломба, объединяющее все виды контрольных знаков, независимо от их конструкции и материала. Позднее вместо свинца из-за его высокой стоимости и токсичности стали применяться другие металлические сплавы, а также полимерные материалы. Современные виды пломб мало похожи на свинцовые диски. Они изготавливаются из высокопрочных материалов, а их навешивание осуществляются вручную без применения инструментов. Вся необходимая маркировка заранее наносится на пломбы и обладает высокой устойчивостью к подделке или уничтожению.

В последнее время широкое распространение получили силовые устройства, выполняющие функции не только контрольного знака, но и одноразового замка высокой степени надёжности [4, стр. 43]. Кроме того, активно разрабатываются пломбы с элементами электронной памяти, которые способны дистанционно передавать информацию о состоянии охраняемого объекта на пульт контроля. Поэтому, в качестве общего названия для этих изделий был введён новый термин – пломбирочные устройства (ПУ), которые включают в себя электронные пломбирочные устройства (ЭПУ), индикаторные устройства (пломбы контрольные и индикаторные (ПК, ПИ)) и запорно-пломбирочные устройства (ЗПУ). ЗПУ являются сравнительно новым объектом криминалистического исследования. В России их активное использование началось с середины 90-х гг. в области грузовых перевозок во время катастрофического увеличения числа хищений грузов на транспорте. В это время было принято решение об их использовании в целях сохранности грузов силовыми методами с

обязательным кодированием. С того момента начинается массовое производство ЗПУ. Так, сочетание уникального идентификационного номера, современных технологий изготовления, маркирования и высокой устойчивости ЗПУ к механическим воздействиям привело к резкому сокращению хищений, особенно из вагонов и контейнеров, перевозимых железнодорожным транспортом. Механические пломбы, предназначенные для транспортной индустрии, приобрели новые технические и функциональные характеристики – одноразовый замок с контрольными функциями. Появился новый класс устройств для пломбирования – силовые пломбы, обладающие высокой прочностью конструкции. Дальнейшее развитие механических номерных пломб привело к появлению многочисленных моделей высоконадежных ЗПУ, таких как «Страж-1С», «Страж-2С», «Кобра-М», «Скат», «Спрут-универсал», «Клещ» и т.д. Из-за дальнейшего совершенствования ПУ, в систему пломбирования стали внедряться инновационные технологии, например, создание ЭПУ, которые по существу являются симбиозом механической пломбы с электронными средствами информационной поддержки, идентификации и регистрации факта вскрытия. ЭПУ регистрирует дату установки и вскрытия, а информационный обмен с электронной пломбой производится с помощью сервисных электронных блоков «программатора» и «считывателя», они применяются для защиты опасных объектов и ценных груза из-за высокой стоимости [2, стр. 118–124; 5, стр. 8–12.].

Таким образом рассмотрев исторический генезис развития пломб, на наш взгляд, этапы технологического совершенствования опломбирования позволяет условно разделить их развитие на несколько стадий. Первая характеризуется изобретением различных способов защиты имущества (пломбы, изготовленные из хрупких материалов, таких как глина или сургуч). Вторая сопряжена с появлением обжимных пломб из пластичных материалов, как показывает практика такой способ пломбирования считается более надежным и широко применяется до сих пор. К началу 60-х годов прошлого века примитивные обжимные пломбы начали вытесняться современными пломбами с заранее нанесенным индивидуальным идентификационным номером. Современное состояние развития рассмотренной отрасли деятельности предполагает большое разнообразие конструкций пломбировочных устройств, появление нового класса, позволяющего не только осуществлять контроль доступа, но и нести охранные функции, так называемые «Запорно-пломбировочные устройства», их появление представляет собой скачек на новый уровень технического прогресса с уже более уникальными и индивидуальными особенностями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дёмин К.Е. Трасологическое исследование современных пломбировочных устройств, используемых на железнодорожном транспорте : учеб. пособие

- / К.Е. Дёмин. М.: Юридический институт МИИТ, 2017.
2. Меланич Е.В. Правовые проблемы применения сигнальных (пломбировочных) устройств / Е.В. Меланич // Изв. Тул. гос. ун-та. Сер. Экон. и юрид. науки. 2017. Вып. 1, ч. II. Юрид. науки.
 3. Пломбы механические: Справочное пособие / ЗАО «ИПК СТРАЖ» / Под общ.ред. канд. тех. наук В.В. Крылова. М.: Интекрим-пресс, 2014.
 4. Словарь основных терминов трасологической экспертизы: учебное пособие / Майлис Н.П., Демин К.Е., М.: Московской университет МВД России, 2013.
 5. Сухарев А.Г., Ермилов А.В., Калякин А.В. Классификация электронных пломбировочных устройств и возможность их криминалистического исследования // Судебная экспертиза. Научно-практический журнал. Вып. 2, 2006.

The genesis of sealing devices in the framework of historical development

L.I. Potokina

Forensic Center of the Department of Internal Affairs in the Troitsk and Novomoskovsk Administrative District of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow (Russia, Moscow)

The article discusses the stages of development of sealing devices, starting with the history of the appearance of seals and ending with the emergence of fundamentally new modern locking and sealing devices. Various materials for the manufacture of seals are considered. The characteristics of seals and locking and sealing devices are given.

Keywords: seal, sealing device (PU), locking and sealing devices (ZPU), sealing wax seal, lead seals, sealing wax, hanging seal, wooden seals, crimping seal, analysis of the evolution of seals, electronic sealing devices.

МЕТОДИКА ЛИНГВОЭКСПЕРТНОГО СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ФАНТАЗИЙНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ: НОВЫЕ РЕШЕНИЯ

Т.Б. Радбиль¹, С.И. Красса²

¹ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

²Ассоциация «Центр независимой экспертизы «Спектр»»

(Россия, Ставрополь)

timur@radbil.ru; skrassa@yandex.ru

Обобщаются результаты лингвистических экспертиз в сопоставительном исследовании наименований товарных знаков на предмет их возможного тождества или сходства до степени смешения. Предлагается оригинальная методика разноаспектного (фонетического, графического, ассоциативно-семантического) анализа «фантазийных» наименований, которые созданы на базе латинского алфавита и не имеют какого-либо сходства с реаль-

ными корнями и/или словами русского или известных европейских языков, что вызывает определенные трудности в их экспертном исследовании. Инновации в методике анализа затрагивают прежде всего фонетический и графический аспекты лингвоэкспертного анализа фантазийных наименований. Результаты анализа в плане установления возможного тождества товарных знаков или их сходства до степени смешения на уровне фонетики и графики интерпретируются с опорой на корреляции, принятые в статистике. Семантический анализ сравниваемых словесных обозначений заключается в оценке их ассоциативно-смыслового потенциала, которая осуществляется посредством выявления значимых ассоциативных связей с существующими в русском языке словами и/или элементами слов.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, обозначения товарных знаков, фантазийные наименования, комплексный (фонетический, графический, ассоциативно-семантический) анализ.

Экспертная задача: является ли обозначение «**Aldbio**», заявленное на регистрацию в РФ в качестве товарного знака, тождественным или сходным до степени смешения с обозначением зарегистрированных ранее товарных знаков «**Alvea**»?

С целью фонетического анализа сравниваемых обозначений экспертами обычно применяется методика расчетов коэффициента звукового сходства (КЗС) М.Е. Новичихиной и И.А. Стернина. КЗС понимается как «количественный показатель степени звукового сходства исследуемых товарных знаков; определяется как отношение числа совпадающих звуков к общему числу звуков, выраженное в процентах» [1].

При вычислении КЗС анализируемых единиц осуществляется корректировка на вес ударного звука, который увеличивается в 2 раза. В случае несовпадения числа звуков в сравниваемых словах, к меньшему по числу звуков слову добавляются условно различающиеся звуки в количестве, которого «не хватает» до количества звуков в другом слове. Например, если сравниваем дом и дама, то к слову дом условно добавляем один различающийся звук: таким образом общее количество у нас будет 4, с учетом двойного ударного – 5, совпадающих звуков 2 (д и м). Коэффициент звукового сходства определяется через процентное соотношение $2 \text{ к } 5 \rightarrow 40\%$.

Сопоставительное фонетическое исследование указанных выше обозначений в соответствии с описанной выше методикой выглядит следующим образом. Исследуемый объект «**Aldbio**» состоит из трех слогов, с ударением на втором слоге, из 6 звуков (3 гласных, 3 согласных звука). Приведем его фонетическую транскрипцию: [алдб`ио] (полужирным шрифтом выделен ударный звук [и], апостроф обозначает мягкость согласного). Конечный [о] в словах иноязычного происхождения не редуцируется в заударной позиции в [ъ], как это имеет место в исконных словах, а произносится как слабоударное [о].

Словесное обозначение «**Alvea**» имеет следующую транскрипцию: [алб`эа]. Конечный [а], как и конечный [о], о котором речь шла выше, в словах ино-

язычного происхождения не редуцируется в заударной позиции в [ъ], а произносится как слабоеударное [а]. Иными словами, заударное [о] в «Aldbio» и заударное [а] в «Alvea» различны по произношению, хотя это различие менее отчетливо, чем для гласных в сильной позиции.

Далее проводится расчет коэффициента звукового сходства. Всего звуков в сравниваемых словах – 6 (к 5 звукам названия «Alvea» условно добавлен один различающийся звук). Совпадающих звуков – 3 (а, л, б). За счет различия в ударных, т.е. сильных позициях, для [и] и [э] удваиваются различающиеся и общие звуки, получается 7 общих, несовпадающих 4, коэффициент $3 \text{ к } 7 \rightarrow 42,9\%$. Это гораздо меньше порогового значения для названия из 6 звуков, которое эмпирически определялось ранее нами в 71,5%.

Между тем описанное выше аналитическое решение выявляет его очевидные недостатки. Во-первых, корректировка на вес ударного звука в два раза, возможно, весьма завышенный в различительном плане шаг (ср. смысловозначительную возможность согласных и гласных на примере фразы что ты мне сказал: шт тмн скзл и о ы э а а). Во-вторых, условное добавление одного различающегося звука недопустимо с позиций судебной экспертологии, поскольку видоизменяет объект исследования. В-третьих, фонетика и фонология располагают достижениями, позволяющими сопоставлять звуки гораздо более точно. И, наконец, необходима более объективная оценка получаемого коэффициента звукового сходства.

Так, сопоставление двух заявленных наименований может включать в себя следующие этапы.

1. Супрасегментный фонетический анализ. Он состоит из следующих аналитических шагов.

1.1. Слоговой анализ: первый слог [алд-]/ [ал-], общие признаки: начальный предударный неприкрытый закрытый, соотношение признаков 4/4. Второй слог [-¹б'и-]/ [-¹бэ-], общие признаки: неначальный открытый ударный прикрытый, соотношение 4/4. [-о]/ [-а], общие: конечный открытый неприкрытый заударный, 4/4. По данным супрасегментного анализа у исследуемых наименований нет значимых отличий. В принципе в рамках супрасегментного может проводиться и интонационный анализ, если в экспертной задаче имеет место звучащий текст и интонационные особенности влияют на его восприятие.

2. Сегментный фонетический анализ.

2.1. Определение фонетической подсистемы (по М.В. Панову) и транскрибирование.

Это фонетическая подсистема, представленная в необщепотребительных словах [2]. В ней [а] и [о] различаются не только под ударением, но и в безударных слогах. Поэтому не только в заударном, но и в предударном слоге в обеих

позициях используется знак [а], а не, например, знак [Λ] или [ъ] – сильно редуцированный непереднего ряда: [алдб¹ио] / [алб (')¹эа]. В неассимилированных в русском языке словах произношение парного согласного перед [э] будет, как правило, твердым.

2.2. Сопоставление идентичных и различающихся звуков (на уровне их акустико-артикуляционных характеристик).

Идентичным характеристикам присваивается по одному баллу за каждую; при различии – по баллу с минусом; если звука нет, то ноль баллов, а в слове с его наличием – положительные баллы по числу характеристик: [а] – ряд, подъём, лабиализованность, ударность, соотношение 4/4; [л] – способ, место, сонорность, палатализованность, 4/4. В данном контексте возможно произношение как твердого, так и мягкого звука [л'], но такое варьирование будет одинаковым для обоих слов; [д] – способ, место, звонкость, палатализованность, 4/0 (звук [д] во втором слове отсутствует); [б']/ [б] – способ, место, звонкость – 3/3, палатализованность 1/0 (произношение мягкого [б']) во втором слове маловероятно; [и]/ [э] – ударность, передний ряд, нелабиализованность: 3/3, верхний подъём / средний подъём: 1/0; [о]/ [а] – ряд, подъём, лабиализованность: 3/0, ударность – 1/1.

3. Вычисление коэффициента звукового сходства (на сегментном уровне) проводится по следующей формуле: Σ (баллы слова 1) / Σ (баллы слова 2) * 100 = КЗС (в процентах). Вычисляется процент от меньшего числа к большему: [алд¹б¹ио] 24 / [ал¹бэа] 15. Коэффициент звукового сходства $15 / 24 * 100 = 62,5$ %.

Исчисление пороговой величины проводится с опорой на корреляции, принятые в статистике. По данной градации $0,2 < r \leq 0,5$ слабая корреляция; $0,5 < r \leq 0,7$ средняя корреляция; $0,7 < r \leq 0,9$ сильная корреляция; $0,9 < r \leq 1$ очень сильная корреляция. О корреляционном анализе писал Б.Н. Головин, правда, сложнее, и речь шла о частотности [3, с. 140–142]. Таким образом, корреляция 62,5 % должна быть отнесена к средней.

Графический анализ сравниваемых словесных обозначений. При сопоставительном графическом анализе словесных обозначений одно слово принимается за эталон, второе сопоставляется с ним на основании параметров идентичности и аналогичности. Основные положения графики, которым следуют авторы, изложены в [4, 5].

Полагаем, что могут быть выявлены следующие факторы, диагностически значимые для установления наличия/отсутствия у обозначений тождества или сходства до степени смешения.

1. Первый параметр – тип письма (фонография – передача звуковой формы или идеография – передача смысла). В роли знаков идеографии могут быть использованы символные элементы, не имеющие звукового значения – #, @, /, +,

–, =, © и др. За идентичный параметр дается 3 балла.

2. Алфавит – латиница или кириллица. В сознании носителей русского языка словесные обозначения или их отдельные элементы, выполненные кириллицей или латиницей, имеют существенные культурные различия, что препятствует их отождествлению или смешению. Кириллические обозначения производят впечатление знакомых, обычных, культурно близких, и поэтому не имеют выделенности (маркированности) при восприятии. Латиница, с одной стороны, производит впечатление культурно чуждого элемента, но, с другой, несет на себе отпечаток престижности, имеет определенную повышенную значимость в глазах носителей языка. Поэтому даже совпадающие обозначения, выполненные разным шрифтом, не воспринимаются как тождественные и не смешиваются в сознании носителей языка. За идентичный параметр (алфавит) также дается 3 балла.

3. Графема (буква, диграф – составной письменный знак, состоящий из двух букв и употребляемый для обозначения на письме фонем и их основных вариантов, например счастье; триграф – составной письменный знак, состоящий из трёх букв и употребляющийся для обозначения на письме фонем и их основных вариантов: например, англ. sch) – 2 балла.

4. Прописная или строчная буквы. Они несут аттрактивную функцию, акцентируют внимание – 2 балла.

4. Другие способы графического выделения – написание курсивом или полужирным шрифтом, подчеркивание, художественно оформленная начальная буква («буквица») – 1 балл.

Исходя из этих факторов и их балльного веса проведем сопоставительный графический анализ запрашиваемых словесных обозначений – по аналогии с проведенным выше фонетическим анализом.

A/A

1. Фонография 3/3
 2. Латиница 3/3
 3. Буква 2/2
 4. Значение обозначение звука [a] 3/3
 5. Прописная 2/2
 6. Шрифт 1/1
- По A/A 14/14

L/L

1. Фонография 3/3
2. Латиница 3/3
3. Буква 2/2
4. Значение обозначение звука [л (°)/л (°)]3/3
5. Прописная 2/2

6. Шрифт 1/1
По L/L 14/14

D

1. Фонография 3
2. Латиница 3
3. Буква 2
4. Значение обозначение звука [д] 3
5. Прописная 2
6. Шрифт 1
По D 14

B

1. Фонография 3/3
2. Латиница 3/3
3. Буква 2/2
4. Значение: обозначение звука [б'] 3
обозначение звука [б] 2
(один балл снят ввиду (возможного) противопоставления б/б')

5. Прописная 2/2
6. Шрифт 1/1
По B 14/13

I/E

1. Фонография 3/3
2. Латиница 3/3
3. Буква 2/2
4. Значение обозначение звука [и] 3
Значение обозначение звука [э] 0
5. Прописная 2/2
6. Шрифт 1/1
По I 14 / По E 11

O/A

1. Фонография 3/3
2. Латиница 3/3
3. Буква 2/2
4. Значение обозначение звука [о] 3
Значение обозначение звука [а] 0
5. Прописная 2/2
6. Шрифт 1/1
По O 14 / По A 11

Вычисление **коэффициента графического смещения** Σ (баллы слова 1; это

эталон, ему мы не уменьшаем) / Σ (баллы слова 2; это спорное слово, ему мы снижаем за неидентичность и/или аналогичность) * 100 = КГС (в процентах) $63 / 84 * 100 \% = 75 \%$.

Между тем наличие фонетического или графического сходства слов или элементов словесного обозначения не может быть признано определяющим фактором для установления их тождества, полного или частичного совпадения, если отсутствует смысловое сходство или тождество: одного внешнего совпадения каких-то элементов сопоставляемых словесных обозначений недостаточно для решения вопроса о квалификации сравниваемых наименований в качестве тождественных. Ключевую роль в решении этого вопроса играет семантический, или лексико-семантический, анализ (иногда – с подключением словообразовательного и/или этимологического анализа), а также – в ряде случаев – лингвопрагматический анализ.

Семантический анализ сравниваемых словесных обозначений заключается в оценке их ассоциативно-смыслового потенциала, которая осуществляется посредством выявления значимых ассоциативных связей с существующими в русском языке словами и/или элементами слов. Оба сравниваемых обозначения объединяет в смысловом отношении то, что они являются фантазийными наименованиями – придуманными, искусственными словами. Это слова или группы слов, которые созданы по несуществующим в системе языка моделям образования или с нарушением существующих моделей [6; 7]. Иными словами, для носителей русского языка они ничего не означают.

Создатели подобных искусственных наименований используют модель образования иноязычных (чаще всего на базе латинских) словесных обозначений, которые применяются в международной практике создания интернациональных слов и терминов в разных сферах (наука, СМИ, юриспруденция, делопроизводство, реклама и пр.). Следовательно, ни в каком из современных языков данные обозначения не имеют однозначного соответствия. Поэтому в случае с фантазийными наименованиями мы не можем применять стандартный лексико-семантический анализ, и нам приходится анализировать семантический потенциал других уровней языкового выражения, в частности, использовать этимологический, словообразовательный и грамматический анализ, что может помочь понять, какие смысловые ассоциации могут стоять у носителей языка за этими наименованиями.

Словесное обозначение «Aldbio» содержит один понятный и в некоторой степени осмысленный компонент. Это интернациональный корень **био** (по происхождению из древнегреческого языка: βίος – "жизнь"). В этом случае мы можем говорить лишь о наличии неопределенного, размытого и общего смыслового представления, стоящего за компонентом био – "что-то связанное с жизнью / с науками о жизни / с технологиями, имеющими отношение к жизни и пр." При этом фантазийное наименование «Aldbio» содержит компонент «био» в невычленимом виде, так что носители языка могут по смыслу и не

соотнести его со смыслом био-.

Но дело даже не в этом. Компонент био- (в латинизированном варианте bio-) встречается в составе многих составных слов (биотехнология, биология, биография и пр.) на разных языках, а также в составе многих названий изделий, фирм, корпораций, в том числе – и товарных знаков (Биотех, Биомед и пр.). По этой причине данный компонент био- **стремится к неохраямости**, он не может дифференцировать названия торговых марок и товарных знаков. Таким образом, акцент в их восприятии падает на другую часть наименований – в нашем случае Ald-.

В другом наименовании «Albea» вообще отсутствуют какие-либо **смысловые ассоциации с реально существующим в русском языке словом или с известным из опыта понятием**. Его искусственность вполне осознается любым говорящим по-русски. В силу того, что данное словесное обозначение является фантазийным, придуманным наименованием, в современном русском языке отсутствуют словесные комплексы, словосочетания и пр., обозначаемые данным или подобными ему звуковыми или буквенными комплексами. Это подтверждается отсутствием данного наименования в основных словарях русского языка или словарях иностранных слов.

Таким образом, обозначение «Albea» в лексической системе современного русского языка вообще **не имеет лексического значения**. Также оно не имеет никакого фонетического и/или графического сходства с какими-либо реально существующими словами в современном русском языке, в том числе заимствованными из других языков. Это обстоятельство свидетельствует об отсутствии самой возможности его смыслового тождества или сходства по степени смешения с фантазийным именованьем «Aldbio», которое все же имеет некоторые смысловые ассоциации с узнаваемыми носителями русского языка понятиями.

В целом сравниваемые словесные обозначения имеют достаточно различительной силы и отличительных характеристик, чтобы не смешиваться: а) при их звучании в устной речи в языковом сознании потенциальных потребителей; б) при их графическом восприятии в письменной речи в языковом сознании потенциальных потребителей; в) при их восприятии и интерпретации их семантики потенциальными потребителями.

Полагаем, что предлагаемая методика комплексного сопоставительного экспертного исследования фантазийных наименований товарных знаков на предмет их возможного тождества или сходства до степени смешения позволяет в известной степени формализовать параметры сравнения на фонетическом, графическом и ассоциативно-смысловом уровне, в результате чего мы можем объективировать результаты наших исследований, представить их более наглядными и доказательными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новичихина М.Е., Стернин И.А. Экспертиза товарного знака: учебное пособие. Воронеж: факультет журналистики ВГУ, 2013. 48 с.
2. Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика: учебник для ун-тов. М.: Высш. школа, 1979. 256 с.
3. Головин Б.Н. Язык и статистика. М.: Просвещение, 1970. 190 с.
4. Иванова В.Ф. Современная русская орфография: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. М: Высшая школа, 1991. 192 с.
5. Красса С.И. Принципы графики и орфографии как системообразующие факторы русского письма // Вестник Ставропольского государственного университета. 1999. № 22. С. 124–128.
6. Радбил Т.Б., Рацибурская Л.В., Палоши И.В. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. 2021. № 1. С. 63–79. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79.
7. Социокультурные и прагматические аспекты современных словообразовательных процессов: коллективная монография / Т.Б. Радбил, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Н.А. Бакич, В.А. Торопкина, Е.А. Жданова; под ред. Л.В. Рацибурской. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. 232 с.

Methods of Linguistic Expert Comparative Study of Fantasy Trademark Nominations: New Solutions

T.B. Radbil¹, S.I. Krassa²

¹Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)

*²Association «Center for Independent Expertise “Spektrum”» (Russia, Stavropol)
timur@radbil.ru; skrassa@yandex.ru*

The results of linguistic examinations in a comparative study of trademark nominations are summarized for their possible identity or similarity to the point of confusion. An original method is proposed for a multidimensional (phonetic, graphic, associative-semantic) analysis of «fantasy» nominations, which are created on the basis of the Latin alphabet and do not have any resemblance to the real roots and/or words of the Russian or known European languages, which causes certain difficulties in their peer review. Innovations in the analysis methodology primarily affect the phonetic and graphical aspects of the linguo-expert analysis of fantasy nominations. The results of the analysis in terms of establishing the possible identity of trademarks or their similarity to the point of confusion at the level of phonetics and graphics are interpreted based on correlations accepted in statistics. The semantic analysis of the compared verbal designations consists in the assessment of their associative and semantic potential, which is carried out by identifying significant associative links with words and/or elements of words existing in the Russian language.

Keywords: linguistic expertise, trademark designations, fantasy nominations, complex (phonetic, graphic, associative-semantic) analysis.

ЛАМИНИРУЮЩЕЕ ПОКРЫТИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ЗАЩИТЫ ДОКУМЕНТОВ ОТ ПОДДЕЛКИ

Н.А. Репникова

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

n.repnickowa@yandex.ru

В статье рассмотрено одно из средств защиты документов, а именно ламинирующее покрытие, изучены способы ламинирования и основные виды подделки документа с подобным средством защиты. Проведено экспериментальное исследование на возможность снятия ламинирующего покрытия с документа без повреждений и описаны его результаты.

Ключевые слова: документ, ламинирующее покрытие, ламинатор, подделка документа.

Документ в широком смысле – это материальный носитель информации, который предназначен для дальнейшей передачи ее во времени и пространстве. Человек в процессе жизни с момента его рождения и до смерти постоянно имеет дело с различными документами, такими как: свидетельство о рождении, документы, удостоверяющие его личность и т.п. Такое широкое использование документов в жизни каждого человека сделало их одним из самых частых объектов преступного посягательства. В целях предупреждения возрастания количества поддельных документов на них наносятся специальные защитные средства (элементы), одним из которых является ламинирующее покрытие.

Ламинирование – метод защиты, заключающийся в нанесении на поверхность запечатанного бланка клеевым или бесклеевым способом при помощи специального оборудования тонкой полимерной пленки [2, стр. 188]. Данный метод используется для защиты информации о личности: на третьей странице паспорта гражданина РФ и первой странице заграничного паспорта гражданина РФ, на СНИЛСе (страховое свидетельство обязательного пенсионного страхования) и водительском удостоверении. Кроме того, поскольку в законодательстве РФ запрет на ламинирование документов отсутствует, то любой может использовать данный метод для защиты нужного ему документа. При этом, в подпункте 6.6. Государственного стандарта Российской Федерации ГОСТ Р 51511-2001 от 25 декабря 2001 г. N 573-ст отмечается, что «Для повышения сохранности оттисков печатей с воспроизведением Государственного герба Российской Федерации, в том числе передаваемых для архивного хранения, допускается ламинирование документов, на которых ставится такая печать» [1, стр. 6].

Процесс ламинирования осуществляется с применением специальных аппаратов – ламинаторов. Различают два способа ламинирования документа:

1. Горячий способ подразумевает под собой воздействие высокой температуры (около 150°C) и давления. Документ помещается в полимерную пленку со специальным клеевым слоем и подается в аппарат на горячие валы, в результа-

те чего клей на пленке под воздействием высокой температуры начинает плавиться и проникать в толщу бумаги, тем самым надежно фиксируя ее к пленке. После выхода документа из валов клей остывает и принимает перманентное состояние.

2. Холодный способ основан на ламинировании с использованием полимерных пленок с холодным клеевым слоем, который активен при обычной комнатной температуре. Процесс схож с горячим способом: документ также помещается в полимерную пленку и подается на валы ламинатора, но в данном случае используется ламинатор с холодными валами. Под небольшим давлением валов документ приклеивается к пленке. В некоторых моделях ламинатора для повышения адгезии идет небольшой нагрев валов (около 60°C), и при этом клей становится более жидким и начинает распределяться по всему документу.

Все выпускаемые полимерные пленки для ламинирования можно классифицировать по различным основаниям. Так, по характеру поверхности они подразделяются на глянцевые, матовые и текстурные. По толщине выделяют полимерную пленку с толщиной от 75 до 80 мкм, которая используется для защиты документа от влаги; полимерную пленку с толщиной от 100 до 125 мкм, которая обеспечивает еще и отсутствие заломов и механических повреждений документа; полимерную пленку с толщиной от 175 до 250 мкм, которая придает документу высокую жесткость.

В результате всего вышесказанного, можно сказать, что данный метод защиты позволяет увеличить срок службы документа, поскольку ламинирующее покрытие защищает от воздействия влаги, солнечных лучей, различного рода загрязнений и механических повреждений. И, помимо этого, ламинирование предохраняет его от подделки, а именно: от возможной переклейки фотографий и внесения изменений в личные данные лица.

Проанализировав криминалистическую литературу, можно сделать вывод, что выделяются два основных способа внесения изменения в документ с ламинированным покрытием:

1. Полное отделение ламинирующего слоя от документа, внесение в него изменений и повторное покрытие ламинирующим слоем.

2. Частичное отделение ламинирующего слоя от документа, внесение в него изменений и повторное покрытие ламинирующим слоем.

Общими признаками для этих двух способов будут являться:

1. значительное увеличение толщины документа;
2. присутствие на поверхности ламинирующего покрытия различных дефектов в виде трещин, складок, пузырьков;
3. наличие механических повреждений бумаги, особенно наблюдаемых вдоль краев фотографии;
4. наличие раздвоенности ламинирующего покрытия;

5. присутствие под ламинирующим покрытием посторонних штрихов, расплывов красящего вещества;

6. отличие в интенсивности люминесцентного свечения различных участков документа.

Данные признаки выявляются при использовании таких методов исследования, как: визуальный осмотр невооруженным глазом, микроскопическое исследование в различных режимах освещения и увеличения, а также изучение люминесцентных свойств документа в УФ-лучах.

При этом важно отметить, что отделение ламинирующего покрытия от документа сопровождается сильным частичными или полным разрушением верхнего слоя бумаги, откуда и появляются все признаки, описанные выше. В связи с этим нами было проведено практическое исследование установления возможности снятия ламинирующего слоя с документа без повреждений.

Ламинированию подверглись несколько документов: документы, являющиеся защищенной полиграфической продукцией с уровнем защиты «В», и документы, выполненные на офисной бумаге International Paper. Ламинирование осуществлялось с помощью пакетного ламинатора Tiko AL 4205, в котором реализуется горячий способ с температурой 120°C, толщина используемой полимерной пленки составила 125 мкм.

Далее нами осуществлялось отделение ламинирующего слоя с документов при помощи ручного отпаривателя для одежды и утюга, после чего было проведено визуальное и микроскопическое исследование с целью выявления признаков механического повреждения бумаги. По итогу всей работы можно сделать следующие выводы:

1. При воздействии на ламинирующий слой документов, являющихся защищенной полиграфической продукцией с уровнем защиты «В», с помощью утюга с температурой 120–130°C наличие каких-либо признаков повреждения верхнего слоя бумаги и расплывов красящих веществ от пишущих приборов при визуальном исследовании невооруженным глазом не наблюдалось. Но при просмотре отдельных частей документа под косопадющим освещением, а также под микроскопом в проходящем и отраженном свете были выявлены локальные небольшие повреждения бумаги в виде взъерошенности и шероховатости ее волокон (рис. 1а), а также наличие следов остатков клеящего вещества от полимерной пленки (рис. 1б).

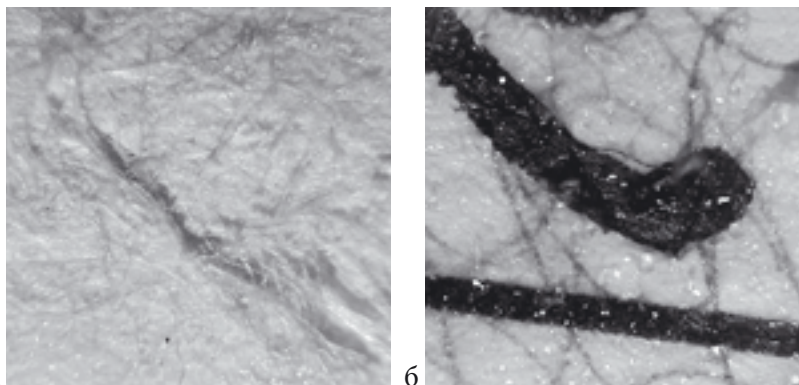

Рис 1. Изображение защищенного полиграфического продукта после снятия ламинирующего покрытия с помощью утюга под микроскопом: а – повреждение верхнего слоя бумаги; б – следы клея от полимерной пленки.

2. При воздействии на ламинирующий слой документов, выполненных на офисной бумаге International Paper, с помощью утюга при такой же температуре при визуальном осмотре невооружённым глазом были выявлены локальные повреждения верхнего слоя бумаги, а также небольшие механические повреждения по краям бумаги в виде надрывов. Расплывов красящего вещества от пишущих приборов и от штрихов электрофотографического тонера и струйных чернил не наблюдалось. При дальнейшем более детальном исследовании в косопадающем освещении и под микроскопом в проходящем и отраженном свете данные нарушения верхнего слоя бумаги и повреждения также были обнаружены (рис. 2а), были выявлены и следы от клея полимерной пленки (рис. 2б).

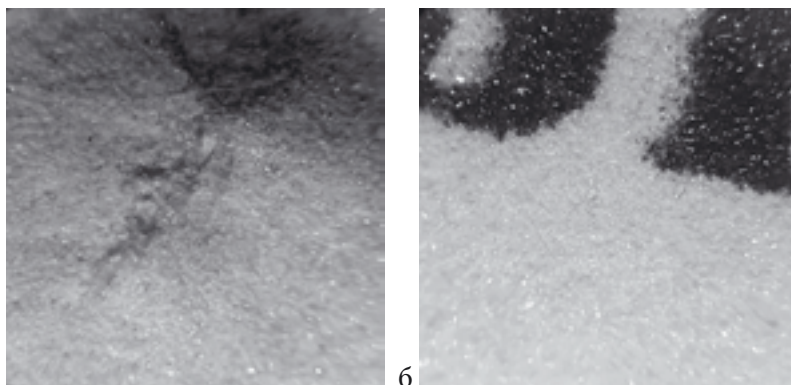

Рис 2. Изображение офисной бумаги International Paper после снятия ламинирующего покрытия с помощью утюга под микроскопом: а – повреждение верхнего слоя бумаги; б – следы клея от полимерной пленки.

3. При воздействии на ламинирующий слой документов, являющихся защищенной полиграфической продукцией с уровнем защиты «В», с помощью ручного отпаривателя для одежды видимых нарушений верхнего слоя бумаги и

расплывов красящих веществ от пишущих приборов при визуальном исследовании выявлено не было. При микроскопическом исследовании в проходящем и отраженном свете были обнаружены локальные повреждения бумаги в виде шероховатости и взъерошенности ее волокон (рис. 3), но следов от клеящего вещества полимерной пленки не были выявлены.

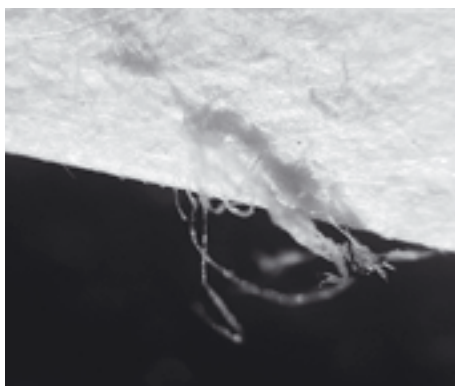

Рис 3. Изображение повреждения верхнего слоя бумаги защищенного полиграфического продукта после снятия ламинирующего покрытия с помощью ручного отпаривателя для одежды под микроскопом.

4. При попытках отделения ламинирующего слоя документов, выполненных на офисной бумаге International Paper, с помощью ручного отпаривателя для одежды произошла сильная деформация бумаги в виде полного отделения ламинирующего слоя вместе с верхним слоем бумаги.

Результаты исследования были сведены в таблицу.

Таблица 1

Признак	Отделение ламинирующего слоя с помощью утюга		Отделение ламинирующего слоя с помощью ручного отпаривателя для одежды	
	Защищенная полиграфическая продукция (защита категории В)	Офисная бумага International Paper	Защищенная полиграфическая продукция (защита категории В)	Офисная бумага International Paper
Нарушение верхнего слоя бумаги (взъерошенность и шероховатость волокон)	+	+	+	Произошло полное отделение верхнего слоя бумаги вместе с ламинирующим слоем.
Механические повреждения бумаги (надрывы)	-	+	-	
Наличие частиц клея от полимерной пленки	+	+	-	
Расплывы красящих веществ	-	-	-	

Подводя итоги проведенного нами исследования, можно сказать, что отделение ламинирующего слоя документа практически без повреждений по

большей части невозможно, как правило, будет возникать нарушение верхнего слоя бумаги, но также необходимо отметить, что данный признак может возникать при подчистке и неаккуратном обращении с документом. И только в совокупности с таким признаком, как наличие частиц от клеящего вещества полимерной пленки можно предположить, что от документа было отделение ламинирующего слоя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГОСТ Р 51511-2001. Государственный стандарт Российской Федерации. Печати с воспроизведением Государственного герба Российской Федерации. Форма, размеры и технические требования (утв. Постановлением Госстандарта России от 25.12.2001 N 573-ст) (в редакции от 04.03.2004).
2. Криминалистический словарь-справочник / авт.-сост. Д.В. Исютин-Федотов. М.: Изд-во «Юрлит информ», 2010. 464 с.
3. Литунов С.Н. Защита печатной продукции от подделки : Учебное пособие к использованию в образовательных учреждениях, реализующих образовательные программы по профилю «Технология полиграфического производства» направления 261700.62 «Технология полиграфического и упаковочного производства» при изучении дисциплины «Защита печатной продукции от подделки» / С.Н. Литунов. Омск: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Омский государственный технический университет», 2015. – 100 с. – ISBN 978-5-8149-2061-4.
4. Скрипченко А.В., Коровкин Д.С. Техничко-криминалистическая экспертиза документов. Часть 2. Учебник. СПб.: СПбУ МВД России, 2014. 212 с.

Laminating coating as an element of document protection against forgery

N.A. Repnikova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)

n.repnickowa@yandex.ru

The article considers one of the means of protection of documents, namely a laminating coating, examines the methods of lamination and the main types of forgery of the document having a laminating coating. An experimental study on the possibility of removing the laminating coating from a document without damaging it was carried out and the results are described.

Keywords: document, laminating coating, laminator, document forgery.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ В СВЕТЕ НОВОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Е.Р. Россинская

*Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, Москва)
elena.rossinskaya@gmail.com*

Рассматривается генезис и современное состояние номенклатуры научных специальностей в аспекте развития судебной экспертологии.

Ключевые слова: судебная экспертология, уголовно-правовые науки, номенклатура научных специальностей.

Определяющую роль в развитии наук на современном этапе научно-технической революции играют процессы интеграции и дифференциации научного знания, расширение и углубление фундаментальных наук, комплексирование научных исследований. Неоднократные изменения в номенклатуре научных специальностей как раз и обусловлены этими процессами. Проследим эти изменения на примере научной специальности 12.00.09. и 12.00.12.

Период/дата	№ специальности	Наименование специальности
70-е годы XX века – 91 год	12.00.09	Уголовный процесс, судоустройство, прокурорский надзор, криминалистика
90-е годы XX века	12.00.09	Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза
Конец 90-х – начало 2000-х годов	12.00.09	Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза, оперативно-розыскная деятельность
2009 г. – 2015 г.	12.00.09	Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность
2016 г. – 2021 г.	12.00.09	Уголовный процесс
	12.00.12	Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность
2022 г.	5.1.4.	Уголовно-правовые науки
	12.00.08	Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право
	12.00.09	Уголовный процесс
	12.00.11	Судебная деятельность, прокурорская деятельность, право-защитная и правоохранительная деятельность
	12.00.12	Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Из таблицы следует, что в 90-е годы XX века в силу интенсивного развития юридических наук проходит процесс дифференциации научных специальностей. Когда в 80-е года XX века началось формирование новой науки – теории судебно-экспертной деятельности, а затем и судебной экспертологии, для развития этого научного направления потребовалась ее отграничение от криминалистики, как некогда сама криминалистика отделилась от уголовно-процессуальной науки. Этим было обусловлено изменение научной специальности и

введение в нее, наряду с криминалистикой, судебной экспертизы. В отдельную научную специальность выделились и науки прокурорского цикла.

Остановимся подробнее на проблемах взаимосвязи и разграничения криминалистики и судебной экспертологии [1], имеющих место в настоящее время и существенным образом влияющих на развитие двух этих наук.

Судебная экспертология, будучи юридической наукой синтетической природы, возникла на основе закономерного процесса интеграции знаний различных наук. Ее междисциплинарный характер обусловлен тесной связью с естественными, техническими, гуманитарными науками. Как известно, криминалистика — наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, о закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познаниях этих закономерностей средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений. Объектами криминалистики является преступность, с одной стороны, предварительное расследование, судебное разбирательство и профилактика преступлений — с другой [2]. Предметом судебной экспертологии являются теоретические, правовые и организационные закономерности осуществления судебно-экспертной деятельности в целом; закономерности возникновения, формирования и развития классов, родов и видов судебных экспертиз и их частных теорий на основе единой методологии, унифицированного понятийного аппарата и с учетом постоянного обновления и видоизменения судебно-экспертных знаний и разрабатываемое на основе познания этих закономерностей единое правовое и организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности, единые для всех видов судопроизводства унифицированные экспертные технологии, стандарты экспертных компетенций и сертифицированных экспертных лабораторий [3].

Анализ этих определений показывает, что основанием разграничения двух родственных, но самостоятельных наук является различие их целей и функций. Предмет судебной экспертологии — закономерности судебно-экспертной деятельности как единого целого. Предметом же криминалистики служат в том числе закономерности деятельности по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств. Каждый вид деятельности имеет своего основного субъекта, соответственно следователя (дознавателя) и судебного эксперта (специалиста), обладающих процессуальной самостоятельностью и кругом прав и обязанностей. Анализ функций криминалистики и судебной экспертологии показывает, что они отвечают методологическому обеспечению следственной и экспертной практики. Вместе с тем частично предметы двух этих наук перекрываются, поскольку очевидно, что исследование доказательств происходит в том числе в ходе производства судебных экспертиз.

Выделение судебной экспертизы в номенклатуре научных специальностей

произошло именно в силу развития экспертологии, поскольку в современной криминалистике нет места общетеоретическим и прикладным проблемам судебной экспертизы, о чем писал еще Р.С. Белкин [4]. Более того, отрывочное изложение начал судебной экспертизы, которое сегодня еще имеет место в некоторых учебниках по криминалистике, во-первых, не раскрывает всех возможностей судебных экспертиз, во-вторых, тормозит развитие судебной экспертологии и судебно-экспертной практики.

Криминалистика обслуживает в основном уголовное судопроизводство, хотя некоторые ее рекомендации уже используются в гражданском и административном судопроизводстве. Однако основной задачей криминалистики была и остается борьба с преступностью. В то же время, судебная экспертиза активно развивается во всех видах процесса. Сравнительный анализ статей УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ и КоАП РФ в части, касающейся судебных экспертиз, показывает, что основания и порядок назначения судебной экспертизы, права и ответственность эксперта, условия назначения повторных и дополнительных экспертиз во всех этих кодексах достаточно близки. Для судебных экспертиз, назначаемых в уголовном, административном, гражданском, арбитражном процессе, помимо общей процессуальной формы характерны и общая методология, решаемые задачи, объекты исследования. Поэтому изменение номенклатуры научных специальностей благотворно повлияло на развитие теории и практики судебно-экспертной деятельности в цивилистических процессах и производстве по делам об административных правонарушениях.

Следующий этап изменения номенклатуры научных специальностей был связан с развитием теории оперативно-розыскной деятельности и введением ее в специальность 12.00.09. Но период, когда в специальность входили все четыре составляющие ее науки: уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза, оперативно-розыскная деятельность, длился, к сожалению, недолго. Приказом Министерства образования и науки РФ от 25 февраля 2009 г. № 59 была утверждена новая Номенклатура специальностей научных работников. В этой Номенклатуре юридическая специальность 12.00.09 стала именоваться «уголовный процесс, криминалистика, оперативно-розыскная деятельность». Таким образом, судебно-экспертная деятельность, вопреки всякой логике, опять стала отождествляться с криминалистической деятельностью, а судебной экспертологии было отказано быть самостоятельной развивающейся наукой. Фактически развитие должно было повернуться вспять.

С этого момента началась активная полемика в печати и борьба научной общественности за изменение этой номенклатуры научных специальностей. В те годы мы писали, что создан целый ряд научных школ по судебной экспертологии, объединяющих более 1000 ученых, защищены многочисленные докторские и кандидатские диссертации, опубликованы монографии, издается целый ряд

научных журналов. Все это позволило существенно развить судебную экспертологию, способствовало появлению новых родов и видов судебных экспертиз, разработке современных методов, методик и средств исследования вещественных доказательств. Судебная экспертология (Forensic expertology) развивается во многих зарубежных странах, регулярно проводятся международные симпозиумы и конференции по этим проблемам. Российские судебно-экспертные учреждения являются активными членами Европейской судебно-экспертной организации (ENFSI). В России появилось много государственных вузов, осуществляющих подготовку дипломированных судебных экспертов по различным родам и видам судебных экспертиз, что позволило государственным судебно-экспертным учреждениям существенно улучшить кадровый потенциал. Специальность «судебная экспертиза» включена в Перечень направлений подготовки (специальностей) высшего профессионального образования, подтверждаемого присвоением лицу квалификации (степени) «судебный эксперт». Разработано несколько поколений федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования по специальности «Судебная экспертиза».

Исключение судебной экспертизы из Номенклатуры специальностей научных работников было в определенной степени связано с представлением на соискание ученых степеней докторов и кандидатов юридических наук диссертаций из областей естественных и технических наук, не содержащих исследования юридических проблем. Но необходимо подчеркнуть, что попытки отдельных лиц получить искомую ученую степень безо всяких на то оснований не должны означать отрицания судебной экспертологии как важной юридической отрасли знания. Решение об упразднении судебной экспертизы как самостоятельной юридической научной специальности отбросило юридическую науку и правоприменительную практику на 20–30 лет назад и могло существенно замедлить научные исследования в области судебной экспертологии, подготовки соответствующих кадров, серьезно сказаться на эффективности судопроизводства и борьбе с преступностью. Ситуацию необходимо было скорректировать.

Поскольку дискуссии в научных кругах были вызваны не только специальностью 12.00.09, но и другими юридическими специальностями, а некоторые, например, «информационное право», вообще отсутствовали в перечне, было принято решение о кардинальном реформировании Номенклатуры специальностей научных работников.

С этой целью была сформирована рабочая группа, состоящая из членов экспертного совета по юридическим наукам ВАК Минобрнауки России и ведущих ученых в сфере правоповедения. Группа подготовила проект новой номенклатуры специальностей научных работников в сфере юриспруденции. За период своей деятельности (февраль 2010 — июнь 2011 г.) рабочая группа провела целый ряд совещаний, проводились также заседания ученых советов

во многих юридических вузах и научных учреждениях России, где проходили научные прения. По итогам рассмотрения поступивших заключений, рабочей группой были составлены предложения по внесению изменений и дополнений в номенклатуру специальностей научных работников по юриспруденции [5].

При формировании новой номенклатуры, как указывает один из руководителей данного проекта профессор И.М. Мацкевич, «рабочая группа исходила из традиционного отраслевого подхода, т. е. исследования права как институционального явления, и деятельного подхода, с тем чтобы наиболее полно отразить и систематизировать научные знания. Исключительно отраслевая систематизация накопленных юридических знаний не способна в полной мере их выразить и представить». Категорию деятельности предложено было использовать как дополнительное основание определения и упорядочивания современных научных знаний о праве [5]. В результате образовалось две специальности 12.00.09 — Уголовный процесс и 12.00.12 — «Криминалистика, судебно-экспертная деятельность и оперативно-розыскная деятельность».

Выделение в Номенклатуре научных специальностей специальности 12.00.12 сыграло весьма положительную роль в развитии наук криминалистики и судебной экспертологии, в том числе в интеграции криминалистических и судебно-экспертных знаний в сферы гражданского и административного судопроизводства, поскольку согласно действующего тогда паспорта научной специальности там указывалось на возможность развития таких новых направлений [6, 7].

В 2021 г. следствием процесса интеграции научного знания явилось очередное радикальное изменение Номенклатуры научных специальностей. Как прокомментировал в Российской газете председатель ВАК Владимир Филиппов [8], работа велась с учетом ранее принятой Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации и была поддержана на совместном заседании президиума Госсовета и Совета при президенте России по науке и образованию в феврале прошлого года.

Обновление касается всех специальностей научных работников и произведено для решения ряда актуальных для развития отечественной науки задач:

- обновление и актуализация наименования научных специальностей, группировка их по-иному способствует созданию предпосылок для концентрации усилий научного сообщества на развитии перспективных научных направлений;

- необходимость укрупнить научные специальности, чтобы тем самым нацелить ученых и соискателей научных степеней на развитие междисциплинарных и мультидисциплинарных исследований (общемировой тренд);

- новый перечень научных специальностей и сами их названия сформированы с прицелом на интеграцию российской науки в международное научное пространство;

– сокращение общего числа научных специальностей на 18 процентов: было 430, стало 351, а количества групп научных специальностей – на треть: с 52 до 34, что обусловлено необходимостью сокращения числа диссертационных советов, а также тем обстоятельством, что по некоторым специальностям в течение последних пяти лет практически не было защит диссертаций (в юридических науках наглядным примером является «Информационное право – 12.00.13»);

– одновременно в перечень введена 21 новая научная специальность и четыре новые группы специальностей, например, компьютерные науки и информатика; биотехнологии; когнитивные науки и пр.

Таким образом в группе юридических наук образована единая научная специальность 5.1.4. «Уголовно-правовые науки», включившая, как выше было указано в таблице, уголовное право и криминологию, уголовно-исполнительное право; уголовный процесс; судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность (относящихся к уголовно-правовой тематике); криминалистику, судебную экспертологию, теорию оперативно-розыскной деятельности.

В паспорте (пока проект) специальности обозначено: «7. Судебная экспертология, ее предмет, структура, задачи и функции. Методология судебно-экспертной деятельности и тенденции ее развития». Возможно, междисциплинарный характер специальности позволит расширить и углубить научные исследования по проблемам, будет способствовать комплексному изучению проблем использования современных возможностей уголовно-правовых наук, их реализации в практике раскрытия и расследования преступлений, разрешения уголовных дел.

Однако судебная экспертология лишь условно может быть отнесена к группе уголовно-правовых наук, поскольку интегрирована также в сферу гражданского и административного судопроизводства, производства по делам об административных правонарушениях. Как будут разрабатываться в диссертационных исследованиях эти проблемы, как будут защищаться диссертации на советах по уголовно-правовым наукам пока неясно. Следует отметить, что в паспорте специальности 5.1.4. содержатся смежные специальности (в рамках группы научной специальности): 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки, 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки, 5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки, 5.1.5. Международно-правовые науки. Механизм этого взаимодействия тоже пока неясен.

Время покажет! Хочется надеяться и верить, что эти радикальные и далеко не бесспорные изменения пойдут на благо судебной экспертологии и всем юридическим наукам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россинская Е.Р. Криминалистика и судебная экспертиза: взаимосвязи и разграничения // Воронежские криминалистические чтения, вып. 8, Воронеж, ВГУ, 2007.
2. Криминалистика: Учебник для вузов. 4-е изд. М., 2018.
3. Россинская Е.Р. Современная судебная экспертология – наука о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы, №4 (40), 2015. С. 10–18.
4. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М., 2001.
5. Мацкевич И.М., Власенко Н.А. Новая номенклатура научных специальностей в сфере юриспруденции // Журнал российского права, № 8 (176), 2011. С. 84–93.
6. Жижина М.В. Теория и практика применения современной криминалистики в цивилистическом процессе. Дисс. докт. юрид. наук. М., 2017.
7. Дьяконова О.Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств-членов ЕАЭС: теория и практика. Дисс. докт. юрид. наук. М., 2021.
8. Интервью Председателя ВАК В.М. Филиппова Российской газете «Перемена в степени – новый перечень научных специальностей в России // Российская газета – Федеральный выпуск № 75 (8426), 2021.

Forensic Expertology in the Context of the New Scientific Specialties Nomenclature

E.R. Rossinskaya

Kutafin Moscow State Law University (Russia, Moscow)

elena.rossinskaya@gmail.com

The genesis and current state of the scientific specialties nomenclature are considered in the aspect of the forensic expertology development.

Keywords: forensic expertology, criminal law sciences, nomenclature of scientific specialties.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ В ПОДГОТОВКЕ ЭКСПЕРТОВ И ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ю.Н. Руф¹, Е.А. Шурганова²

¹ФГАОУ ВО Тюменский государственный университет (Россия, Тюмень)

²АО «Газпром энергосбыт Тюмень» (Россия, Тюмень)

ruf2077@yandex.ru, 79222677398@yandex.ru

Исследуя открытые информационные источники, можно прийти к выводу, что судебная экспертная деятельность достаточно динамично развивается. Однако более глубокий анализ показывает, что есть определённые проблемы, которые приводят к противоречиям в понимании нормативного регулирования судебной экспертной деятельности, подготовки судебных экспертов и их аттестации. В этой связи назревает необходимость изучения данного направления и унификации требований к государственным судебным экспертам и лицам, не являющимися таковыми.

Ключевые слова: судебная экономическая экспертиза, судебный эксперт, подготовка, аттестация, государственное регулирование.

В России всего в 35 ВУЗах ведется подготовка по специальности «Судебная экспертиза». Направление «Судебная экспертиза» находится на 224-ом месте в рейтинге всех специальностей. Такое положение дел не удивляет, так как судебный эксперт-экономист должен обладать специальными знаниями, а получить их можно только обучаясь по конкретной специальности или направлению: экономика, бухгалтерский учет, налогообложение, аудит и др. По мнению авторов, экспертному делу обучаться можно уже после освоения фундаментальных знаний в какой-то конкретной области. Тем более, Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» государственный судебный эксперт должен иметь высшее и дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности. Возможно, стоит, как вариант, пересмотреть образовательные стандарты и вывести направление «Судебная экспертиза» в состав профессиональных программ дополнительного характера.

На текущий момент основная масса экспертиз проводится в негосударственных экспертных учреждениях. По данным судебного департамента при Верховном Суде РФ за первое полугодие 2020 г. судами 59,4% судебных экспертиз в гражданском судопроизводстве и 80,6 % судебных экспертиз в административном судопроизводстве назначены негосударственным экспертным организациям. При этом деятельность негосударственных экспертных учреждений и экспертов не урегулирована должным образом на законодательном уровне. Федеральным законом № 73-ФЗ установлены требования к государственным судебным экспертам. В статье 41 данного закона закреплено, что судебную экспертизу может производить и негосударственный судебный экс-

перт. При условии, конечно, что он обладает специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла [2.] Статья 41 Федерального закона № 73-ФЗ отсылает пользователя к положениям статей, распространяющихся на негосударственных судебных экспертов (статьи 2, 3, 4, 6-8, 16 и 17, части второй статьи 18, статей 24 и 25). В частности, это касается независимости эксперта, его прав и обязанностей и др. В состав статей не вошла статья 13, закрепляющая профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к государственному эксперту. Для государственного судебного эксперта обязательен пересмотр уровня его квалификации экспертно-квалификационными комиссиями с периодичностью раз в пять лет. Полагаем, что такие требования необходимо распространить и на негосударственных судебных экспертов.

Одновременно с этим в статье 41 отмечено, что есть перечень видов судебных экспертиз, установленный Правительством Российской Федерации, которые должны проводиться исключительно государственными судебно-экспертными организациями. Судебная экономическая экспертиза в этот перечень не входит. Следовательно, к проведению судебной экономической экспертизы могут быть допущены лица, обладающие специальными знаниями в области экономики без знаний о порядке и правилах проведения судебной экспертизы. Процессуальные кодексы Российской Федерации, в соответствии с которыми назначается судебная экспертиза, также содержат лишь основные положения о порядке назначения и производства судебных экспертиз, правах и обязанностях эксперта, но не обозначают квалификационных или иных образовательных требований к претенденту на роль эксперта.

Анализируя законодательство, можно сделать вывод, что для негосударственных экспертов требования о подтверждении их квалификации не установлены, как и не установлены требования по стажу работы, уровню и профилю образования. Судебную экономическую экспертизу может провести любой обладающий специальными знаниями эксперт (экономист, бухгалтер, аудитор и т.д.), причем определить, насколько он обладает этими знаниями, может только он сам. Понятие этих специальных знаний также не раскрывается в нормативных актах. При этом совокупность специальных знаний – это компетентность эксперта, которая, в свою очередь, является определяющим фактором возможности привлечения его в качестве эксперта и одним из главных вопросов в процессе оценки достоверности результатов произведенной судебной экспертизы как одного из основных доказательств в суде.

Экспертная практика свидетельствует о недостаточности у негосударственного судебного эксперта только диплома о высшем образовании по экспертному профилю. По этой причине зачастую как подтверждение той или иной степени квалификации принимают членство экспертов в различных общественных организациях (Судебно-экспертная палата Российской Федера-

ции, Союз судебных экспертов), саморегулируемых организациях (СРО), регистрацию экспертов в Едином реестре экспертов или экспертных организаций в Едином реестре экспертных организаций. Однако принадлежность к тому или иному сообществу – это по большей части дело добровольное. И чаще придаёт лишь только определённый общественный статус эксперту. Более того, значительную часть (можно сказать преобладающую) судебных экспертиз можно проводить, например, без членства в СРО [4].

Если говорить про СРО, то такие организации предлагают экспертам курсы профессиональной переподготовки и обучение на судебного эксперта [12]. Бесспорно, это неплохое подспорье для профессиональной деятельности экспертов, ознакомиться с нововведениями и обсудить спорные вопросы. Общаясь друг с другом, специалисты могут обмениваться практическим опытом, что иногда может быть намного важнее теоретических знаний. Национальный центр сертификации в рамках системы добровольной сертификации судебных экспертов и экспертных организаций предлагает оформить сертификат судебного эксперта, подтверждающий квалификацию, за 1-2 дня – дистанционно [6]. Но вопрос обязательной независимой аттестации, как нам кажется, остается открытым: кто должен и может аттестовывать негосударственных судебных экспертов.

Более того, на текущий момент многочисленные образовательные центры предлагают всем желающим пройти курсы повышения квалификации и получить дополнительное образование в области судебной экспертизы. Массу вопросов вызывает в этой ситуации качество предлагаемой программы. Так, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова предлагает курс объемом 700 академических часов общей длительностью 10 месяцев. По итогам курса проводится итоговая аттестация в виде экзамена, в случае успешной сдачи слушатель получает диплом о профессиональной переподготовке [9]. Для сравнения – Некоммерческое партнерство по повышению эффективности экспертного обеспечения судопроизводства «Коллегия судебных экспертов и экспертных организаций» (г. Томск) предлагает курс объемом 80 часов, по итогам которого выдается удостоверение о повышении квалификации [7]. По мнению Федерации судебных экспертов, прохождения такого курса вполне достаточно для того, чтобы стать экспертом (при наличии высшего или средне-специального образования, соотносимого с заявленным судебно-экспертным профилем) [5]. И эксперт, прошедший краткосрочные курсы, будет сопоставим с экспертом, прошедшим курсы МГУ или даже получившим высшее образование по специальности «Судебная экспертиза». Насколько это правильно, вопрос остается открытым. По мнению авторов, качество подготовки судебных экспертов путем прохождения краткосрочных курсов без последующей аттестации не может сравниться с систематическим образованием, которое

можно получить в высшем учебном заведении. Именно с целью образования единого подхода к подготовке судебных экспертов разработан Государственный образовательный стандарт, предусматривающий унифицированный подход к изучаемым дисциплинам, дифференцированное определение дисциплин специализации в зависимости от родов судебных экспертиз. Практикуя ускоренные курсы подготовки экспертов, мы получаем специалистов, обладающих специальными знаниями в своей области, но не знающих даже основ теории судебной экспертизы, криминалистики, материального и процессуального права, так как невозможно передать и получить все необходимые знания за такое количество часов. Общая правовая культура и специальные юридические знания, необходимые экспертам в повседневной деятельности, по факту приобретаются только практическим путем через несколько лет работы. По этой причине ими допускаются разнообразные экспертные ошибки и недочеты, что недопустимо в рамках судебного производства.

В то же время существуют вопросы и к подготовке судебных экспертов по программам высшего образования. В первую очередь, это связано с тем, что перечень видов и родов судебных экспертиз и соответствующих экспертных специальностей в государственных экспертных учреждениях закрепляется министерствами и ведомствами, к которым они относятся. В связи со сложившейся практикой по ряду экспертных направлений отмечается отсутствие единообразного подхода как к названиям экспертных специальностей, так и к квалификационным требованиям. Например, одни и те же экспертизы в системе МВД России и Минюста России обозначены по-разному (технико-криминалистическое исследование документов и судебно-техническое исследование документов) [8]. Подобная практика приводит к проблемам не только при назначении судебных экспертиз, но и при оценке допустимости и достоверности заключений экспертов. Полагаем, что и в описанной ситуации необходима унификация и формирование единого подхода к наименованиям экспертных специальностей и программ подготовки, которые должны соответствовать требованиям государственных и негосударственных экспертных учреждений.

Для подтверждения своей квалификации эксперт также может прибегнуть к процедуре добровольной сертификации. В соответствии с Распоряжением Минюста России от 27.10.2010 № 9105-р «Об организации добровольной сертификации компетентности экспертов в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации» Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации и региональных центрах судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации проводит сертификацию негосударственных экспертов, тем самым документально подтверждая уровень их профессиональной квалификации [14].

Следует отметить, что на сегодняшний день сертификация негосударственных экспертов осуществляется в Системе добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы, зарегистрированной в Федеральном агентстве по техническому регулированию и метрологии Российской Федерации (Госстандарт России) 02.03.2005 регистрационный № РОСС RU.B175.04ОЭ00. Данная система создавалась в целях государственного обеспечения практической реализации положений ст. 4, ч. 1 ст. 8, ст. 41 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» применительно к негосударственным экспертам [14]. Как показывает практика, при выборе судебного эксперта, при прочих равных условиях, суд отдает предпочтение сертифицированному судебному эксперту. Для повышения качества производимых в России экспертиз необходимо рассмотреть вопрос об обязательной сертификации негосударственных судебных экспертов.

Кроме того, в связи с таким неоднородным подходом к квалификации экспертов, российское сообщество еще долго не сможет прийти к единству подходов в подготовке судебных заключений и производстве экспертиз. На текущий момент остаются нерешенными проблемы методического обеспечения, стандартизации производства судебных экспертиз в негосударственных организациях. По мнению авторов, обязательная и периодическая сертификация экспертов позволит сформировать сообщество квалифицированных судебных экспертов в различных областях, которые качественно и в установленные сроки будут проводить судебные экспертизы. Вместе с этим, контроль деятельности экспертов со стороны сертифицируемого органа позволит минимизировать количество случаев недобросовестности со стороны эксперта при подготовке экспертного заключения.

На наш взгляд, в части нормативного регулирования судебно-экспертной деятельности необходимо рассмотреть вопросы закрепления требований о повышении квалификации и обязательной аттестации (сертификации) негосударственных судебных экспертов на законодательном уровне. Такая сертификация должна быть не добровольной, как сейчас, а по аналогии с государственными экспертами обязательной с периодичностью в 5 лет, и проводиться она должна специальными комиссиями. Это будет способствовать повышению ответственности экспертов, дисциплинировать их, а также позволит вывести экспертную деятельность на более качественный уровень.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Распоряжение Минюста России от 27.10.2010 № 9105-р «Об организации добровольной сертификации компетентности экспертов в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902321650> (дата

- обращения: 12.03.2022).
2. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://base.garant.ru/12123142/?> (дата обращения: 12.03.2022).
 3. ВУЗОТЕКА. – URL: <https://vuzoteka.ru/%D0%B2%D1%83%D0%B7%D1%8B/%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D1%8D%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0-40-05-03?> (дата обращения: 12.03.2022).
 4. Должна ли экспертная организация состоять в сро (саморегулируемой организации)? – URL: <https://zen.yandex.ru/media/krdexpert/doljna-li-ekspertnaia-organizaciia-sostoiat-v-sro-samoreguliruemoi-organizacii-5esa65e5b0782247ca174095> (дата обращения: 12.03.2022).
 5. Курсы экспертов. – URL: <https://xn--q1af2a.xn--p1ai/podgotovka-expertov/> (дата обращения: 19.03.2022).
 6. Национальный центр сертификации. – URL: <https://xn----6kcfgjedcxabyh7btpfodigjrot2bt7moc9b.xn--p1ai/?yclid=10393748932993482751> (дата обращения: 12.03.2022).
 7. Обучение: теория и практика судебной экспертизы. – URL: http://npkseo.ru/index/obuchenie_teoriya_i_praktika_sudebnoj_ekspertizy/0-51 (дата обращения: 19.03.2022).
 8. Организационные и методологические аспекты подготовки судебных экспертов // Правосудие. 2019. №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnye-i-metodologicheskie-aspekty-podgotovki-sudebnyh-ekspertov> (дата обращения: 20.03.2022).
 9. Программа профессиональной переподготовки «Судебная экспертиза». – URL: <https://www.law.msu.ru/courses/69> (дата обращения: 19.03.2022)
 10. Система добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы, зарегистрированной в Федеральном агентстве по техническому регулированию и метрологии Российской Федерации (Госстандарт России) 02.03.2005 регистрационный № РОСС RU.B175.04OЭ00. – URL: https://www.rst.gov.ru/portal/gost/home/activity/compliance/VoluntaryAcknowledgement/reestr?portal:componentId=11f30a16-f554-4d49-a27a-e277ebf53b2f&portal:isSecure=false&portal:portletMode=view&navigationalstate=JBPNS_rO0ABXdIAAZhY3Rpb24AAAABABBjb25jcmV0ZURvY3VtZW50AARmcm9tAAAAAQADNjIwAAZkb2NfaWQAAAABAAQzMzU5AAdfX0VPRl9f (дата обращения: 12.03.2022).
 11. Союз судебных экспертов. – URL: <https://union-experts.ru/?yclid=1326636023186718719> (дата обращения: 12.03.2022).
 12. СРО судебных экспертов. – URL: <https://edu.exprus>.

ru/?yclid=836555855181905919 (дата обращения: 12.03.2022).

13. Судебно-экспертная палата российской федерации. – URL: <https://seprf.ru/dokumenty/> (дата обращения: 12.03.2022).
14. Федеральное бюджетное учреждение Уральский региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации. – URL: <https://ural-sud-expert.ru/sertifikacija/> (дата обращения: 12.03.2022).

Controversial issues in the training of experts and state regulation of expert activity

Y.N. Ruff¹, E.A. Shurganova²

¹Tyumen state University (Russia, Tyumen)

²АО «Gazprom Energobyt Tyumen» (Russia, Tyumen)

ruf2077@yandex.ru, 79222677398@yandex.ru

Examining open information sources, one can come to the conclusion that forensic expert activity is developing quite dynamically. However, a deeper analysis shows that there are certain problems that lead to contradictions in the understanding of the regulatory regulation of forensic expert activity, the training of forensic experts and their certification. In this regard, there is a need to study this area and unify the requirements for state forensic experts and persons who are not such.

Keywords: judicial economic expertise, judicial expert, training, certification, state regulation.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА МОДЕЛИРОВАНИЯ ДЛЯ АНАЛИЗА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА КРИМИНАЛИСТИКИ И ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

А.А. Светличный

Тульский государственный университет (Россия, Тула)

alexandrsvetl@rambler.ru

В статье затрагиваются вопросы возникновения и формирования терминологического аппарата криминалистики и общей теории судебной экспертизы. Для более глубокого и комплексного анализа терминологической системы указанных наук автором предлагается использование метода моделирования. Применение данного метода позволяет посмотреть на существующие терминологические проблемы под новым взглядом, более системно, и, соответственно, предложить новые теоретические разработки при решении имеющихся в данной области проблем. В частности, автором выделяются различные степени терминологизации языка данных наук.

Ключевые слова: терминологический аппарат, язык науки, терминология, метод моделирования, криминалистика, общая теория судебной экспертизы, терминологизация.

Язык как средство взаимодействия субъектов и инструмент накопления и передачи информации появился существенно раньше начала периода формирования научной области знания. Произошло это примерно более 600 тыс. лет

назад. С той поры находясь в постоянном развитии, он воплотил в себе многие аспекты человеческого бытия и сознания, следовательно, вопросы о его значении и сущности затрагивают глобальные философские проблемы познания

Формирование русского юридического языка происходило системно, поскольку для каждого вновь возникавшего понятия разрабатывались свои типы и средства языкового выражения: ограниченный и устойчивый лексикон, характерная синтаксическая сочетаемость и синонимика, специфические синтаксические конструкции. Постоянное клишированное употребление языковых средств для описания одной и той же ситуации, в одном и том же контексте не стимулировало широкого развития переносных значений, но ускоряло процессы специализации определенных словесных форм в качестве конструктивных элементов юридического языка [1, стр. 25].

Система языковых средств выражения правовой информации в обобщенном виде сформировалась к концу XV века. К этому периоду обычное право утратило свое прежнее значение, а государственное законодательство развивалось весьма интенсивно. Таким образом, язык русской юриспруденции отличался особым терминологически устойчивым полем (фразами-клише, постоянными синтаксическими моделями, эмоциональной окрашенностью, экспрессивностью). Более того, в юриспруденции имело место устойчивое использование определенной длины предложений, которая намеренно превышала обычную передачу правовой информации.

Вследствие усложнения общественных отношений и появления новых правовых дисциплин, как правило, более молодые науки заимствовали базовые термины из общенаучной лексики, а еще более молодые – из лексики конкретной области знания. По такому принципу выстраивалась преемственность научного знания, то есть обеспечивался его хронологический (временной) фактор. Таким образом, более поздние отрасли знания зарождались и формировались на основе уже сложившейся системы знаний (например, уголовное следствие – уголовная тактика – уголовный процесс – криминалистика – общая теория судебной экспертизы). Таким образом, язык юриспруденции, как впрочем, и любой науки, формируется языковыми приращениями, комбинациями и заменой устаревших терминов.

В настоящее время вопрос о самостоятельности криминалистики и общей теории судебной экспертизы в науке практически не вызывает сомнений. Вместе с тем, достаточно длительный период времени данные науки, вместе с уголовным процессом, развивались как единое целое, соответственно, формирование терминологического аппарата также было совместным. Как следует из истории формирования и развития криминалистики, первоначально она складывалась как своеобразное «приложение», технически обеспечивающее уголовный процесс. Такой подход, несомненно, существенно суживал сферу

ее приложения, ограничивал динамику развития ее теоретических и методологических основ, в числе которых, бесспорно, находится и язык науки.

Иной подход предложил П.И. Тарасов-Родионов. Ученый придерживался позиции о необходимости признания криминалистики правовой наукой и считал необходимым рассматривать криминалистическую тактику и методику расследования в качестве правовые направлений, в то же время в рамках единой науки криминалистики учены допускал наличие технического направления – криминалистической техники [2, стр. 8–9]. После публикации трудов А.И. Винберга и С.П. Митричева в науке была окончательно сформирована концепция об отнесении криминалистики к перечню юридических дисциплин [3, стр. 29–30; 4, стр. 125; 5, стр. 110; 6, стр. 15; 7, стр. 12; 8, стр. 17; 9, стр. 23; 10, стр. 11].

Таким образом, примерно в 60-х годах прошлого столетия, в связи с отделением криминалистики и общей теории судебной экспертизы в самостоятельные области знания, терминологический аппарат каждой из них также приобрел независимость. Это не значит, что произошло полное обособление и разделение языка данных наук, такого и не должно быть. Но с той поры терминология криминалистики и судебной экспертологии, вследствие постоянного появления новых знаний, активного развития технических наук и проникновения научно-технического прогресса во все сферы жизни, пополняется новыми терминами и определениями. Отметим, что пополнение терминологического аппарата далеко не всегда происходит по правилам терминологии, поэтому как в теории, так и на практике, зачастую возникает ряд проблем и сложностей, обусловленных различным пониманием тех или иных терминов субъектами правоприменительной деятельности. Из-за этого не только теряются такие свойства языка науки, как однозначность и точность, вследствие этого может искажаться передача информации, ее полная воспринимаемость и воспроизводимость.

Именно поэтому вопросы терминологического аппарата представляются нам крайне важными и требующими должного внимания со стороны научного сообщества для разрешения существующих в этой области многочисленных проблем.

Мы полагаем, что одним из инструментов анализа терминологического аппарата криминалистики и общей теории судебной экспертизы может стать метод моделирования. Отметим, что практика использования данного метода в уголовно-правовых науках не нова. В частности, некоторые основоположники криминалистической науки в своих научных трудах достаточно активно использовали процессы моделирования. Например, Г. Гросс [11, стр. 219], В.И. Громов [12, стр. 115; 13, стр. 27], И.Н. Якимов [14, стр. 125; 15, стр. 112; 16; 17, стр. 53], выступая с рекомендациями для следователей, в целях максимального

получения доказательственной информации советовали им моделировать картину произошедшего преступного события, вжиться в него и посмотреть на происходящее изнутри, представить себя на месте преступника и попытаться воспроизвести его действия, например, по сокрытию похищенного или орудий преступления, уничтожению улик, маскировке, возможно даже, спрогнозировать его дельнейшее поведение и, соответственно, принять необходимые действия по его розыску и т.д. Иными словами, моделирование представлялось не просто методом, это мог быть особый стиль, образ мышления.

Анализ научной и учебной литературы показывает, что в последние годы метод моделирования также приобретает особую значимость во всех науках уголовно-правового цикла. Использование этого метода помогает существенно расширить область научного исследования, дает возможность изучать естественные процессы, притекающие внутри всего научного юридического пространства, а, соответственно, и языка любой науки.

Применяя метод моделирования для анализа терминологического аппарата криминалистики и общей теории судебной экспертизы, мы должны понимать, что объектом изучения здесь будет выступать язык данных наук, представляющий собой особое системное многофункциональное образование, имеющее определенную иерархическую структуру и свои специфические особенности. Моделирование в данном случае, как никакой другой метод исследования, способствует обнаружению системных связей между понятиями, которые выражены терминами. Согласимся с мнением А.Ю. Шевцовой о том, что «... для того, чтобы проанализировать терминосистему, нужно проанализировать внутрисистемные понятийные отношения, что становится возможным благодаря применению логико-понятийного моделирования» [18, стр. 49].

Применяя метод моделирования для анализа терминологического аппарата криминалистики и общей теории судебной экспертизы, мы пришли к выводу о том, что можно выделить три степени терминологизации языка данных наук.

Низкая степень терминологизации сформировалась на фоне общелитературного языка с привнесением общеупотребительных терминов смежных наук (уголовного процесса, уголовного права, судебной экспертизы, оперативно-розыскной деятельности). Этот уровень криминалистической и судебно-экспертной терминологии моделируется из общедоступных, общепонятных и однозначно оцениваемых терминов, например, возбуждение уголовного дела, место происшествия, состав преступления, подозреваемый, обвиняемый, допрос, обыск, экспертиза, доказательства, симуляция, фомка, обрез, неопознанный труп, наркомания, контрабанда, улики и других. Это свидетельствует о том, что «любая отраслевая терминосистема и возникает и развивается на базе того языка, носитель которого пытается ословливать новые объекты и процессы реально существующего мира, исходя из предшествующего опыта и уже суще-

ствующей терминологии» [19, стр. 26].

Средняя степень терминологизации моделируется согласно тематическим значениям терминов. На лексическом уровне здесь будут представлены слова повседневной речи, которым юриспруденция придает иной, особый смысл. Например: следы борьбы, сигнал, связь, сбивающие факторы, рубашка пули, тактический риск, реставрация (туалет) трупа, разгон почерка, прочесывание местности, входное отверстие, «шахматный» допрос, унитарный патрон, тактическая комбинация, тактический прием, дорожка следов и другие.

Высокой степенью терминологизации отличаются наименования, носящие узкоспециальный характер. Например: криминалистическая характеристика, странгуляционная борозда, папиллярные узоры, дактилоскопия, клептомания, индивидуальность почерка, идентификационный признак, перекрестный допрос, выемка, следственная ситуация, симпатические чернила, ретроградная амнезия, хироскопия, фоноскопия, «уистити», танатология и другие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М.: Норма, 2010. 176 с.
2. Тарасов-Родионов П.И. Советская криминалистика // Социалистическая законность. М., 1951, № 7. С. 6–15.
3. Винберг А.И. Криминалистическая экспертиза письма // Ученые записки. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941, Вып. 3. С. 29–31.
4. Винберг А.И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы // Винберг А.И. М.: Госюриздат, 1949. 132 с.
5. Винберг А.И. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1956. 220 с.
6. Винберг А.И., Белкин Р.С. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М.: Юрид. лит., 1973. 264 с.
7. Митричев С.П. Предмет, метод и система советской криминалистики. Учебное пособие для студентов ВЮЗИ. М., 1956. 52 с.
8. Митричев С.П. Теоретические основы советской криминалистики. (Введение в науку). Учебное пособие для студентов ВЮЗИ. М.: РИО ВЮЗИ, 1965. 92 с.
9. Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений: Учебник / Голунский С.А., Шавер Б.М.; Под ред.: Вышинский А.Я. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 372 с.
10. Митричев С.П. Следственная тактика. Учебное пособие. М.: РИО ВЮЗИ, 1975. 45 с.
11. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Репринтное издание 1908 года / Гросс Г.; Науч. ред.: Крылов В.В. М.: ЛексЭст, 2002. 1088 с.

12. Громов В.И. Дознание и предварительное следствие. Методика расследования преступлений. Осмотр места преступления. Сборник научных трудов / Громов В.И.; Предисл.: Крылов В.В. М.: ЛексЭст, 2003. 544 с.
13. Громов В.И. Вещественные улики и научно-уголовная техника. Пособие для органов расследования. – 2-е изд. М.: Сов. законодательство, 1932. 88 с.
14. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое издание, перепечатанное с издания 1925 г. М.: ЛексЭст, 2003. 496 с.
15. Якимов И.Н. Криминалистика. Уголовная тактика. М., 1929. 312 с.
16. Якимов И.Н. Техника производства обысков // Рабоче-крестьянская милиция. 1923. № 11, 12.
17. Якимов И.Н. Осмотр. М.: Изд-во УРКМ г. Москвы, 1935. 119 с.
18. Шевцова А.Ю. Моделирование – эффективное средство систематизации терминологии в прикладном исследовании // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М., 2017. № 1–2. С.47–51.
19. Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). М.: Академический проект, 2003. 304 с. С. 26.

Using the modeling method to analyze the terminological apparatus of forensic science and the general theory of forensic science

A.A. Svetlichny

*Tula State University (Russia, Tula)
alexandrsvetl@rambler.ru*

The article touches upon the issues of the emergence and formation of the terminological apparatus of forensic science and the general theory of forensic examination. For a deeper and more comprehensive analysis of the terminological system of these sciences, the author proposes the use of the modeling method. The application of this method allows us to look at the existing terminological problems from a new perspective, more systematically, and, accordingly, to propose new theoretical developments in solving the problems existing in this area. In particular, the author highlights various degrees of terminology of the language of these sciences.

Keywords: terminological apparatus, language of science, terminology, modeling method, criminalistics, general theory of forensic examination, terminology.

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ГОСУДАРСТВЕННЫМ КОНТРАКТАМ

О.Д. Соловьев^{1,2}, Е.С. Игонина^{1,2}

¹ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

*²Нижегородская академия МВД России (Россия, Нижний Новгород)
solod-nn@rambler.ru, eligonina@mail.ru*

В статье рассматривается производство экспертных исследований в сфере госзакупок, как основа обеспечения экономической безопасности в сфере государственных закупок при помощи широкого спектра использования специальных знаний в рамках исполнения контракта с учетом качественных и количественных показателей.

Ключевые слова: контрактная деятельность казенных учреждений, экономическая экспертиза, товары, работы, услуги, экспертная деятельность.

Одной из целей государства является обеспечение экономической безопасности при выполнении своих функций и задач. При этом наиболее эффективным механизмом защиты интересов государства в сфере безопасности является контроль за рынком товаров и услуг для обеспечения потребности населения в целом. Выполнение данных функций возможно только с развитием сферы государственных закупок. Сфера государственных закупок охватывает широкий круг участников, неизменно порождает риски, связанные с исполнением сторонами своих обязательств, влияющих на экономическую безопасность как отдельных институтов, так и всего государства в целом.

Реализация государственных контрактов – как составная часть обеспечения деятельности госучреждений различных организационно-правовых форм – нуждается не просто в контроле со стороны специальных органов контроля со стороны государства – она весьма многообразна по своей сущности и содержанию, отчего проявляются многочисленные риски, связанные с различными нарушениями процедур и этапов в процессах реализации непосредственно закупок, и, в частности, процедурных вопросов по подготовке документации на проведение закупок, организации этих процессов, приемки товаров, работ и услуг, поставляемых по контрактам, а также сопутствующие организационные и учетные моменты по данной сфере.

Контрольные функции в сфере проверок по отношению к госконтрактам – многогранны – проверяться должны не только общие моменты, связанные с контрактами, регламентированные законодательством, но и отдельные составляющие последовательных этапов, связанные с многочисленными элементами состава исполнения контракта, с учетом специфики объекта контракта, его особенностей и иных обстоятельств, присущих товарам, работам или услугам, а также их конкретизирующих с позиций качественно-количественных параметров и иных технико-экономических показателей.

При производстве экономических экспертиз в сфере контрактной деятельности казенных учреждений существуют определенные проблемы [1] – это временные ограничения, связанные с предоставлением необходимых финансовых документов для проведения исследования в соответствии с задачами, которые требуют разрешения, сложность и длительность самого процесса исследования, которая обусловлена изучением документации по заключенным государственным контрактам, а также возникающей необходимостью детализации технического задания и сметной документации. При необходимости детализации, как правило, требуются дополнительные документы, непосредственно связанные с отдельными позициями техзадания и иной документацией по обоснованию контракта. При этом, как правило, эксперт проводит оценку представленных материалов в ходе производства экспертизы и нередко случаи, когда возникает необходимость в ходатайстве о необходимости предоставления недостающих материалов, что приводит к дополнительным временным затратам.

При проведении экспертизы на стадии исполнения госконтракта включаются требования по проверке количественных и качественных показателей приобретаемых товаров, работ и услуг, – а каждый из этих элементов обладает рядом нормируемых показателей, соблюдение которых должно быть неукоснительным, – таково требование законодательства. Во главу угла ставится именно точное соответствие качественно-количественных параметров объектов госконтракта требованиям нормативно-технической документации на всех стадиях – при их производстве, хранении, поставке, приемке и последующем использовании. Приоритетным направлением данной проверки является оценка со стороны поставщика и подрядчика выполненных ими обязательств по выполненным (или невыполненным) обязательствам по госконтракту [2]. При проведении экспертных исследований, эксперт несет персональную ответственность за сделанные выводы по отражению условий исполнения контракта.

На стадии исполнения контракта существуют случаи, когда заказчику необходимо установить техническую характеристику поставляемого товара (качественные показатели), при этом упускается момент поставки самого товара (количественные показатели). В данном случае необходимо говорить о товароведческой экспертизе по исследованию конкретного товара, а не об экономической экспертизе по госконтракту, в рамках заключенного 44-ФЗ от 5 апреля 2013 г. [3]. При проведении экспертного исследования по проверке количественных показателей необходимо подвергать экспертизе в первую очередь акты выполненных работ, товарные накладные и другие учетные документы, имеющие отношения к поставке товара и выполнению услуг. В данном случае необходимо использовать методы фактического финансового контроля (проведения инвентаризации).

При проведении экспертизы исполнения госконтракта по поставке товаров, выполнения услуг, эксперт, как правило, должен дать ответ на следующий перечень вопросов:

- соответствуют ли промышленный товар или выполненная услуга техническим и количественным характеристикам, которые указаны в техническом задании и соответствующей прилагаемой информационной карте;

- загружены ли (присутствуют ли) соответствующие контракту учетные и финансовые документы в Единой информационной системе по указанному госконтракту на поставку товара или оказание услуги.

Перед производством экспертизы необходимо грамотно и четко сформулировать вопросы перед экспертом с учетом имеющийся документации о закупке, а также первичных документов, предоставленных исполнителем. Именно правильная формулировка вопросов важна для экспертного исследования, так как полученные в ходе исследования документации по контракту и сопутствующих документов данные должны дать ответ для контрольного органа – соблюдены ли основополагающие требования законодательства в отношении госконтракта, а если нет, то в чем выразилось конкретное несоответствие (либо несоответствия) – как в натуральном, так и в финансовом выражении.

Переходя к методическим аспектам экономической экспертизы в сфере контрактной деятельности необходимо определить способы и приемы, применяемые экспертом при производстве экспертизы, связанной с государственными контрактами. Это будет зависеть от тех целей и задач, которые необходимо решить в ходе экспертного исследования. Так, например, при производстве анализа финансово-экономических вопросов исполнения госконтракта (либо договорных условий гособоронзаказа) зачастую возникают вопросы, связанные с такими аспектами, как обоснование и каким образом сформирована начальная (либо максимальная) стоимость контракта, а для разрешения данного вопроса потребуются:

- проведение проверки и экспертной оценки примененных к конкретному обоснованию основных экономических нормативов;

- оценка с точки зрения экономической обоснованности произведенных затрат, включаемых в себестоимость продукции, поставляемой по госконтракту, – здесь следует отметить, что, в соответствии с требованиями правил и стандартов бухгалтерского учета, все затраты должны иметь экономическое обоснование и их списание должно проводиться исключительно в соответствии с законодательством в области бухучета;

- проверка соответствия существующего порядка отнесения понесенных затрат требованиям нормативных документов в части учетных процессов – также в соответствии с требованиями правил и стандартов бухгалтерского учета;

– также могут быть востребованы отдельные дополнительные источники при проведении экспертных исследований отдельных экономических элементов, что может быть связано с такими направлениями учетных и организационных вопросов, как: сама непосредственно учетная политика в организации; применяющиеся регламенты, стандарты бухчета; документы, обеспечивающие порядок формирования экономических нормативов; документация по учету затрат, трудоемкости и др.

Так, при расследовании дела, связанного с выполнением заказа одним из предприятий оборонного комплекса, противоправная экономическая деятельность, которая была выявлена, заключалась в использовании действующих, но экономически не обоснованных нормативов на списание одной из составляющих технологического процесса производства продукции, являющейся объектом госзаказа. При этом никаких, с точки зрения учетного процесса, нарушений, по сути, не было. Однако, по полученным из источников данным, именно это являлось причиной «экономии» соответствующего ингредиента, причем дорогостоящего, что и позволило реализовать схему по получению необоснованной прибыли, а по содержанию – вывод денежных средств. В данном случае, помимо консультационных услуг со стороны главного технолога предприятия ОПК, потребовалось провести «контрольный запуск» сырья в производство, который и подтвердил необоснованность применяемых норм на предприятии. Оставим за рамками тот факт, что для успешного расследования понадобился определенный период времени для документирования преступной деятельности, ибо сейчас нас интересует именно экспертиза экономического содержания госконтрактов (госзаказа).

Прежде всего, необходимо учитывать научную обоснованность методов и приемов при производстве экспертных исследований в процессах, связанных с исполнением государственного контракта.

При производстве экономической экспертизы в сфере государственных контрактов необходимо определиться с документами, необходимыми для проведения экспертизы по госконтрактам (госзаказам), а также по учетным документам, имеющим непосредственное или сопутствующее отношение к закупочной деятельности.

В целях решения основной экспертной задачи по всестороннему изучению и последующей оценке предмета экспертизы, экономического исследования предоставленных на экспертизу документов к соответствующему контракту должны соблюдаться основные принципы экспертизы, такие как:

- компетентность эксперта, законность и обоснованность действий эксперта при проведении экспертизы и достоверность полученных результатов;
- объективность и независимость;
- разумность сроков исполняемого экспертного исследования;

- ответственность за качество проведенной экспертизы;
- соблюдение требований, касающихся сведений, содержащих государственную тайну, а также сведений коммерческого характера, составляющих коммерческую тайну, в той или иной степени полученных по результатам проведения экспертизы;
- экспертные выводы по результатам экспертизы должны содержать однозначные ответы на вопросы экспертизы, исключая возможность иного толкования, без необходимости получения дополнительных объяснений со стороны эксперта.

Роль экспертных исследований в сфере организации, исполнения и реализации госконтрактов (госзаказов) реально нужно оценивать с позиций обоснованного и экономного расходования бюджетных финансовых средств. Учитывая тот факт, что количественные показатели противоправной деятельности в этой сфере не уменьшаются, а приобретают стойкий характер не только стабильности, но и роста, следует сосредоточиться на таких направлениях экономических исследований, которые недостаточно изучены, имеют определенную сложную специфику и требуют участия узкоспециализированных специалистов для их изучения и исследования.

На основании вышеизложенного, можно полагать, что государству, в целях развития экономики в условиях тотального санкционного давления со стороны некоторых стран и повышения уровня экономической безопасности в целом, необходимо сосредоточиться на предупреждении возникновения возможных рисков и угроз в организации закупочной деятельности государства. Функционирование системы государственных закупок должно отвечать определенным принципам: эффективности, прозрачности, экономичности, контроля и др., однако следует констатировать, они реализуются далеко не в полной мере, что оказывает отрицательное влияние на не только возможную, но и реальную экономию бюджетных средств, выделяемых для сферы государственных закупок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г.) – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 13.01.2022).
2. Игонина Е.С., Мизиковский Е.А. Ревизия финансово-хозяйственной деятельности в правоохранительной системе / Игонина Е.С., Мизиковский Е.А.: монография. Н. Н.: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. 209 с.
3. Соловьев О.Д., Игонина Е.С. Особенности использования специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений, связанных с

предоставленными лимитами бюджетных обязательств на исполнения государственных контрактов // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы. Нижний Новгород, 2021. С. 268–273.

4. Леханова Е.С., Леонов А.И., Софьин А.А., Буторов А.Н., Соловьев О.Д. Использование экономико-криминалистических средств при доказывании мошенничества/ Леханова Е.С., Леонов А.И., Софьин А.А., Буторов А.Н., Соловьев О.Д. : Бизнес. Образование. Право. 2021. № 2 (55). С. 206–210.
5. Горбачева А.В. Использование специальных экономических знаний при раскрытии и расследовании преступлений экономической направленности: монография / под. общ. ред. С.П. Голубятникова. М.: Проспект, 2020. 248 с.

Features of economic expertise in relation to government contracts

O.D. Soloviev^{1,2}, E.S. Igonina^{1,2}

¹Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)

²Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

(Russia, Nizhny Novgorod)

solod-nn@rambler.ru, eligonina@mail.ru

The article discusses the production of expert research in the field of public procurement using a wide range of special knowledge in the framework of contract execution, taking into account qualitative and quantitative indicators. Problematic aspects in the production of economic expertise in the field of contract activities of state-owned institutions that have time restrictions on the provision of financial documents for conducting research;

Keywords: contract activity of state institutions, documentation on concluded state contracts, terms of reference, estimate documentation, economic expertise, goods, works, services, expert activity.

ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛНОСВЯЗНЫХ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭКЗЕМПЛЯРА ОРУЖИЯ ПО ИЗОБРАЖЕНИЯМ СЛЕДОВ БОЙКОВ

К.О. Сорокина

СГУ им. Н.Г. Чернышевского (Россия, Саратов)

lorredos@gmail.com

Идентификация оружия по следам на пулях и гильзах является важным элементом судебной баллистики. Использование современных методов машинного обучения позволяет повысить точность сопоставления признаков в следах и автоматизировать этот процесс. В данной работе рассматривается процесс классификации следов бойков на стреляных гильзах с помощью полносвязных нейронных сетей. Представлена основная структура нейросети. Рассмотрена методика формирования клоновых изображений с целью рас-

ширения базы данных следов бойков. Проведена оценка точности классификации следов бойков с помощью полносвязной нейронной сети.

Ключевые слова: идентификация оружия, судебная баллистика, следы бойков, машинное обучение, полносвязная нейронная сеть

Одним из главных инструментов судебной баллистики является идентификация. Этот процесс позволяет определить тождество между сравниваемыми объектами и тем самым установить источник происхождения исследуемых образцов. В качестве объектов идентификации в судебной баллистике выступают следы оружия на выстреленных пулях и стреляных гильзах. Эти характеристики обладают достаточной устойчивостью в рамках оценки одного экземпляра оружия и многообразием типов индивидуализирующих признаков при сравнении разных экземпляров. Однако проведение успешной идентификации затрудняется большим объемом баз данных следов. Проблема может быть решена с помощью автоматизации процесса сравнения и определения наиболее схожих с исследуемым следов.

В данной работе в качестве объектов идентификации рассматриваются следы бойков. Существует ряд методов автоматической классификации следов бойков. Самый распространенный – это корреляция изображений, позволяющая установить степень схожести. Однако данный метод не эффективен при анализе следов с высокой вариативностью, а также с дефектами поверхности дна гильзы. Более совершенным методом является предложенный Джоном Сонгом метод конгруэнтно совпадающих ячеек (СМС метод) [1; 2], а также, разработанный на его основе, метод корреляционных ячеек [3]. Данные способы основаны на предварительном разбиении изображений на ячейки и оценку корреляции уже не целого изображения, а каждой пары ячеек по отдельности. Все эти методы автоматизированы и достаточно эффективно определяют схожесть сравниваемых объектов. Но они не позволяют ускорить процесс поиска по базам данных, так как обрабатывают каждую пару изображений отдельно.

Для того чтобы рассмотреть всю базу данных в целом, можно воспользоваться одним из методов машинного обучения, а именно нейронными сетями.

ПОЛНОСВЯЗНАЯ НЕЙРОННАЯ СЕТЬ

Машинное обучение — это перспективный, развивающийся раздел науки о данных, позволяющий решить поставленную задачу путем обучения алгоритмов на решении множества схожих задач. Одним из методов машинного обучения, используемым во многих областях, является нейронная сеть. Нейронная сеть представляет собой систему, состоящую из нейронов и связывающих их синапсов. В зависимости от архитектуры можно выделить полносвязную сеть, сверточную сеть, рекуррентную сеть и т.д. Наиболее простой и часто встречающейся является полносвязная нейронная сеть. На рисунке 1 показан ее общий

вид. Полносвязная сеть состоит из входного слоя, выходного слоя и нескольких промежуточных слоев. В основном такая структура подходит для обработки сигналов, количественных данных и классификации изображений [4].

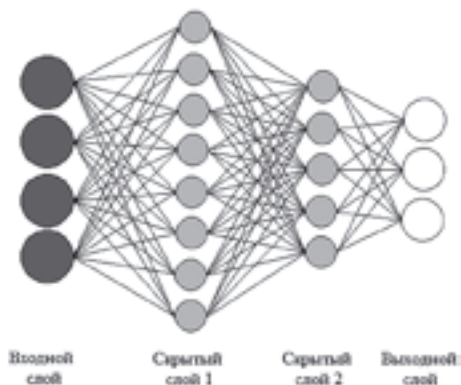

Рис. 1. Общий вид полносвязной нейронной сети.

Работа полносвязной нейронной сети заключается в следующем наборе операций. На вход сети поступает изображение. Каждому нейрону входного слоя присваивается яркость соответствующего пикселя изображения. Яркостный сигнал проходит через все промежуточные слои и модифицируясь попадает на выход. Выходной слой представляет собой набор нейронов, каждый из которых соответствует определенному классу. Модифицированный сигнал изображения дает наибольший импульс на выходном нейроне того класса, к которому оно (изображение) относится. Однако для того, чтобы класс объекта был определен правильно, необходимо предварительно обучить нейронную сеть.

Процесс обучения полносвязной сети состоит из нескольких этапов.

1. Подготовка обучающей и тестовой выборки. Данный этап представляет собой формирование классов, на которые необходимо распределять будущие исследуемые объекты. Каждый класс должен быть представлен в достаточном объеме, чтобы учесть вариативность изображений. При этом для проверки корректности работы обученной нейронной сети необходимо сформировать тестовую выборку объектов.

2. Определение архитектуры нейронной сети. На данном шаге следует сформировать оптимальную структуру будущей сети, то есть количество скрытых слоев и нейронов в них. Эти параметры подбираются в зависимости от конкретной базы данных и размеров изображений.

3. Формирование входного слоя нейронной сети. Предварительно проводится обработка изображений (изменение яркости, контрастности и освещенности) [5]. Все образцы должны быть приведены к одному размеру. Затем яркости пикселей изображения, поступающего на вход сети, последовательно

присваиваются нейронам входного слоя.

4. Прямой ход нейронной сети. Нейроны на входном слое передают яркий сигнал на следующий промежуточный слой. При этом каждый нейрон последующего слоя связан со всеми нейронами предыдущего слоя. Модификация передаваемого сигнала производится путем его коррекции с помощью особых связывающих слоев синапсов – весовых коэффициентов. Таким образом, на каждый нейрон приходит суммарный скорректированный весовыми коэффициентами сигнал всех нейронов предыдущего слоя. Затем сигнал нормируется и передается дальше по сети вплоть до выходного слоя. Так как класс обучающего изображения заранее известен, выстраивается идеальное распределение импульсов на выходном слое с максимальным значением равным 1 на нейроне, соответствующем классу изображения и с 0 на всех остальных. Реальный сигнал, модифицированный сетью, и идеальное распределение импульсов сравниваются и рассчитывается ошибка каждого из нейронов выходного слоя.

5. Обратное распространение ошибки. Полученная на предыдущем этапе ошибка распространяется обратно по нейронной сети. При этом весовые коэффициенты корректируются в соответствии с величиной этой ошибки.

4 и 5 шаги повторяются до тех пор, пока ошибка на выходном слое не станет меньше заранее выбранного значения. Затем на вход поступает следующее изображение и т. д. После перебора всех изображений обучающей выборки, процесс повторяется и так заданное количество раз. После этого обученная сеть проверяется на тестовой выборке. Чем больше количество правильно определенных классов, тем лучше обучена нейросеть [6].

Применение полносвязной нейронной сети для классификации изображений следов бойков затрудняется малым количеством объектов в обучающих классах. Это связано с малым количеством гильз, получаемых при отстреле оружия. На территории РФ после отстрела каждого экземпляра оружия в базе данных сохраняют по три объекта (гильзы), в других странах от двух до пяти. Такое количество слишком мало как для полноценного обучения нейронной сети, так и для формирования дополнительной тестовой выборки.

ФОРМИРОВАНИЕ КЛОНОВ

Увеличение обучающей выборки является первоочередной задачей при внедрении нейронных сетей в процесс классификации изображений следов бойков. Формирование клоновых изображений позволяет решить эту проблему.

Клоны представляют собой искусственно созданные изображения следов бойков, имитирующие реальные следы, полученные при отстреле оружия. Они сформированы на основе существующих образцов. Процесс создания клонов включает в себя следующие приемы:

1. Выявленные дефекты поверхности капсюля, не связанные с процессом

следообразования (отм. 1, рис. 2), при генерации клонов устраняются. Например, появление следов производственных механизмов и следов окислов носит случайный характер, поэтому нет необходимости в сохранении их на клоновых изображениях.

2. Выявленные маловариативные или неизменяемые признаки следа бойка (отм. 2, рис. 2) при формировании клонов подвергаются слабым деформациям (не более 5 %). Данные характеристики устойчивы на всех образцах. Поэтому они переносятся на клоновые изображения практически без изменений.

3. Остальные признаки, обладающие сильной вариативностью (отм. 3, рис. 2), подвергаются яркостным искажениям и деформациям в больших пределах (10–15%). Именно эти искажения позволяют создать качественные изменения в сформированных клоновых изображениях.

4. Область следа бойка сдвигается в пределах 5–7% от линейных размеров изображения. Это связано со смещением расположения центра следа на разных образцах. Так как невозможно абсолютно одинаково установить гильзу при сканировании, малый сдвиг области следа бойка наблюдается от изображения к изображению.

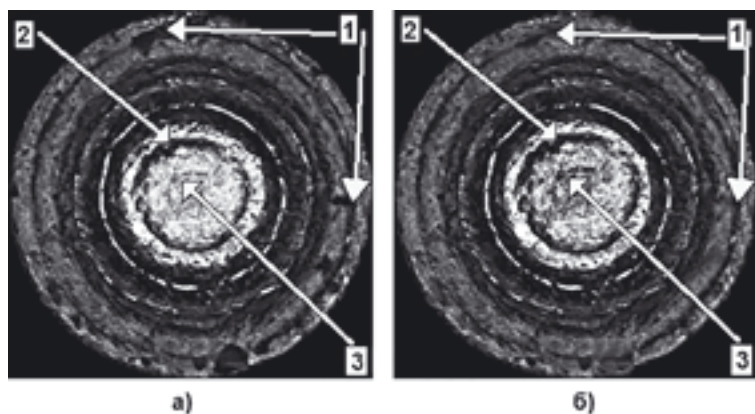

Рис. 2. Оригинальное (а) и клоновое (б) изображение следа бойка.

Помимо создания клонов обучающая выборка может быть дополнена поворотами изображений на $\pm 7-9^\circ$, $\pm 15-17^\circ$, $\pm 23-25^\circ$ и $\pm 32-35^\circ$. Такое расширение обучающей выборки позволяет учесть некоторую разориентацию гильз при сканировании и скомпенсировать ее. Если добавить повороты до 180° , то можно получить нейронную сеть, которая позволяет классифицировать изображения следов бойков не зависимо от ориентации гильзы. Однако время обучения такой сети резко возрастет. Выборка, расширенная клонами и поворотами, позволит эффективно обучить полносвязную нейронную сеть.

КЛАССИФИКАЦИЯ БОЙКОВ С ПОМОЩЬЮ НЕЙРОСЕТИ

Использование нейронной сети для классификации следов бойков можно условно разбить на три этапа.

1. Подготовка обучающей и тестовой выборок. Каждый класс изображений следов бойков, относящийся к одному экземпляру оружия, можно условно разбить на подгруппы. В каждой такой подгруппе содержится одно оригинальное изображение, один его клон и 8 поворотов клонового изображения. Если класс содержит 3 или более таких подгрупп, то часть подгрупп можно перенести в тестовую выборку. Помимо этого, часть классов со слабо выраженными или слишком вариативными признаками формируют выборку «непарных» изображений. Это изображения, классы которых не присутствуют в обучающей выборке. Они могут в дальнейшем использоваться для оценки точности нейросети при классификации следов бойков с новым не входящим в обучение классом. Оставшиеся изображения формируют обучающую выборку.

2. Формирование и обучение нейронной сети. На данном этапе производится выбор структуры сети. В зависимости от размера изображений формируется входной слой, а количество классов определяет размерность выходного слоя. Затем созданная сеть обучается на сформированной выборке.

3. Оценка точности работы обученной нейронной сети. На вход сети поступает тестовое изображение с заранее известным классом. На выходном слое формируется набор значений, соответствующих каждому классу нейросети. При этом максимальное значение показывает выбор класса сетью. Подсчет правильных прогнозов и является оценкой точности работы нейросети.

Существуют несколько вариантов расчетов. Во-первых, можно оценивать не только первый максимум, но и два или три наибольших по величине значения. Если нужный класс определяется хотя бы одним из этих значений, то это можно считать правильным прогнозом сети. Во-вторых, можно выбрать пороговое значение и считать правильными только те максимумы, значения которых выше порога. При таком методе подсчета можно использовать и выборку «непарных» изображений, для них считая правильными те решения сети, когда максимум ниже порога. Оптимальное пороговое значение то, при котором точность тестовой выборки и «непарной» выборки приблизительно одинаковы.

В данной работе было обучено несколько полносвязных нейронных сетей с разными произвольно заданными начальными весовыми коэффициентами. Обучающая выборка включала в себя 84 класса (1850 объектов). Тестовая выборка содержала в себе 30 классов общим объемом 530 объектов. При этом классы тестовых изображений содержались и в обучающей выборке. «Непарная» выборка содержала 640 объектов. Все изображения были приведены к единому размеру 75x75 пс. Обучение проводилось в три шага: обучение на оригиналах; обучение на оригиналах и клонах; обучение на оригиналах, клонах и

поворотах. Такое поэтапное обучение позволяет повысить скорость процесса и улучшить точность классификации.

Результаты расчетов точности представлены в таблице 1. Нейронные сети с 1 по 3 различаются стартовыми весовыми коэффициентами. Улучшить результаты позволяет усреднение обученных весовых коэффициентов 1–3 сети и дополнительное дообучение новой сети (нейросеть 4).

Таблица 1. Оценка точности классификации следов бойков с помощью полностью связанной нейронной сети

	Тестовая выборка 1 максимум		Тестовая выборка 1 и 2 максимум		Тестовая выборка 1, 2 и 3 максимум		«Непарная» выборка
	без порога	с порогом	без порога	с порогом	без порога	с порогом	с порогом
Нейронная сеть 1 вар.	0,91	0,75	0,95	0,75	0,98	0,75	0,76
Нейронная сеть 2 вар.	0,87	0,76	0,95	0,76	0,98	0,76	0,75
Нейронная сеть 3 вар.	0,89	0,74	0,94	0,74	0,96	0,74	0,74
Нейронная сеть 4 вар.	0,93	0,80	0,98	0,80	0,99	0,80	0,79

ВЫВОДЫ

Результаты проведенных исследований показали:

1. Использование искусственно созданных клоновых изображений позволяет расширить базу данных следов бойков и эффективно сформировать обучающую выборку.

2. Полностью связанная нейронная сеть может быть использована для классификации следов бойков, при этом наибольшая точность порядка 96–98% достигается при оценке трех максимальных значений.

3. Введение порогового значения резко снижает точность классификации, но позволяет оценить точность отбраковки «непарных» изображений.

4. Усреднение весовых коэффициентов ранее обученных трех нейронных сетей и последующее дообучение новой сети позволяет повысить точность классификации до 80 % с применением порогового значения и до 99% без него.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Song J. Proposed “NIST Ballistics Identification System (NBIS)” Based on 3D Topographic Measurements on Correlation Cells // AFTE Journal. 2013. V. 45, №2. P. 184–194.
2. Song J. Proposed “Congruent Matching Cells (CMC)” Method for Ballistic Identification and Error Rate Estimation // AFTE Journal. 2015. V. 47, №3. P. 177–185.
3. Сорокина К. О., Федоренко В. А., Гиверц П. В. Оценка схожести изображений следов патронного упора методом корреляционных ячеек // Информационные технологии и вычислительные системы. 2019. №3. С. 3–15.

4. Рашид Т. Создаем нейронную сеть. СПб.: ООО “Альфа-книга”, 2017. 272 с.
5. Гонсалес Р., Вудс Р. Цифровая обработка изображений. М.: Техносфера, 2019. 1104 с.
6. Николенко С., Кадурын А., Архангельская Е. Глубокое обучение. Погружение в мир нейронных сетей. СПб.: Питер, 2018, 480 с.

Application of fully-connected neural networks for determination of weapons instance by images of firing pin impressions

K.O. Sorokina

*Saratov State University (Russia, Saratov)
lorredos@gmail.com*

Weapon identification by marks on bullets and cartridge cases is an important element of forensic ballistics. The use of modern methods of machine learning allows to increase the accuracy of mark feature matching and to automate this process. This paper discusses the process of classifying the firing pin impressions on firing cartridge case using a fully-connected neural network. The basic structure of a neural network is presented. The method of clone image formation with the purpose of expanding the database of shots traces is considered. The estimation of accuracy of classification of firing pin impressions with the help of fully-connected neural network is performed.

Keywords: weapons identification, forensic ballistics, firing pin impressions, machine learning, fully-connected neural network

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ПРОТИВОПРАВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЦИФРОВЫХ НОСИТЕЛЯХ ИНФОРМАЦИИ

В.А. Тимченко

*ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
forensacc@mail.ru*

В статье рассматриваются отдельные теоретические проблемы и практические аспекты судебно-экономической экспертизы в условиях цифровизации экономики. Показано влияние появления цифровых объектов исследования на трансформацию методов и приемов судебно-экономической экспертизы. Обоснована необходимость разработки новых методик судебно-экономической экспертизы в связи с изменением методов и приемов исследования. Теоретически обосновано положение о том, что в экономической информации, не относящейся к бухгалтерской, закономерно отражаются сведения о приготовлении к совершению противоправных действий или сокрытию следов таких действий. Сделан вывод о необходимости активизации в условиях цифровизации экономики научных исследований в области теории и практики судебно-экономической экспертизы.

Ключевые слова: цифровая экономика, информация, технологии, закономерности, отражение, противоправная деятельность, цифровые носители, методы, приемы, методики, классификация, способы, несоответствия в информации.

Исследование закономерностей отражения противоправной деятельности в экономической информации всегда имело большое научное и практическое значение, однако в условиях становления и развития цифровой экономики этот вопрос становится особенно актуальным в связи с последовательной заменой бумажных носителей информации электронными. Применительно к судебной экономической экспертизе это привело к появлению новых видов объектов исследования и необходимости, в связи с этим, разработки новых методических приемов и методик производства судебной экономической экспертизы. Однако, поскольку такие методические приемы и методики должны разрабатываться на научной основе, необходимо знание закономерностей отражения противоправной деятельности в цифровых носителях экономической информации, без чего невозможно эффективно обнаруживать признаки и следы преступлений.

Прежде чем перейти к рассмотрению вопросов, касающихся закономерностей отражения противоправной деятельности в экономической информации, необходимо определиться с понятием информации, экономической информации и особенностями ее функционирования в условиях цифровой экономики.

Одно из определений информации дано Э.З. Асадулиным. По его мнению: «Под информацией подразумеваются новые данные, принятые, понятые и оцененные потребителем как полезные для решения каких-либо задач. Их полезность заключается в снятии неопределенности протекания того или иного процесса, упорядочении взаимодействий между элементами системы с целью сохранения целостности и повышения эффективности ее функционирования» [1, стр. 122]. Очевидно, что данное определение весьма спорное. Так, например, далеко не всегда информация может содержать сведения, полезные для решения каких-либо задач.

Существуют и другие определения информации. Например, следующее: «Информация – явление многогранное и мегазначительное. Достаточно сложно сразу определить ее содержание и сущность. Существует большое количество определений понятия «информация». Каждое из них заслуживает пристального внимания, поскольку по своей сущности отражает тот или иной аспект рассматриваемого объекта исследования» [2, стр. 18]. Действительно, дать общую характеристику термина «информация» для разных ее видов, очевидно невозможно. Такая задача может быть решена только относительно информации формируемой и используемой в той или иной конкретной сфере деятельности. В этой связи мы разделяем точку зрения И.М. Глотиной и А.Г. Светлакова, согласно которой: «... целесообразно изучение информации и выявление ее особенностей в конкретных областях науки: биологии, физике, информатике, экономике и других» [3, стр. 15].

Полагаем, что исходя из задач исследования, нам необходимо сформули-

ровать определение термина «экономическая информация». Следует отметить, что до настоящего времени единой общепринятой дефиниции этого термина не выработано. Так, в частности, по мнению Ю.Д. Землякова и Ю.В. Кулаковой: «Экономическая информация – это информация, отражающая и обслуживающая процессы производства, распределения, обмена и потребления материальных благ (экономические процессы)» [4, стр. 25]. Полагаем, что данное определение несколько сужает функции экономической информации. По нашему мнению, она не только обслуживает экономические процессы, но также может использоваться в правоприменительной деятельности, например, для обнаружения признаков и следов противоправной деятельности посредством криминалистической диагностики.

Более подробное, по сравнению с вышеприведенным, определение экономической информации предложено А.П. Распутиным: «...экономическая информация, представляет собой совокупность различных сведений экономического характера, которые можно фиксировать, передавать, обрабатывать, хранить и использовать в процессе планирования, учета, контроля, анализа на всех уровнях управления предприятием. Экономическая информация отражает процессы производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг. Она также включает в себя сведения о составе трудовых, материальных и денежных ресурсов и состоянии объектов управления на определенный момент времени» [5, стр. 61]. В целом данное определение только более детализирует определение, приведенное Ю.Д. Земляковым и Ю.В. Кулаковой, и принципиально от него не отличается. Однако в нем, также как и в предыдущем определении, не указана способность экономической информации к отражению противоправной деятельности и, соответственно, возможности использования в правоприменительной практике. Очевидно, что это связано с экономическими целями, для которых сформулировано определение экономической информации.

Поэтому мы приходим к выводу, что формулировать общеупотребительную дефиницию экономической информации неправильно. Такая дефиниция должна быть непосредственно связана с целями, для которой она дается. Для цели исследования характера отражения в экономической информации признаков и следов противоправной деятельности, возможностей их обнаружения и использования в правоприменительной практике, мы предлагаем следующее определение: «Экономическая информация – это сведения, в которых находит отражение легальная экономическая деятельность, а также противоправная, осуществляемая под видом или в процессе легальной экономической деятельности».

На способы формирования и возможности использования экономической информации существенное влияние оказывают информационные технологии.

Как отмечают Е.В. Бирюков и Н.С. Шитухина: «Развитие информационных технологий связано с целым рядом процессов, среди которых можно выделить следующие: возникновение новых каналов связи; замена бумажных носителей информации на цифровые; трансформация способов хранения информации и доступа к ней; создание информационной и коммуникационной глобальной сети; диверсификация, миниатюризация и высокая экономичность информационно-коммуникационных технологий, сервисного сектора по их использованию и рост масштабов информационных услуг» [6, стр. 25]. Из всех вышеназванных процессов на способы искажения содержания экономической информации в противоправных целях наибольшее влияние оказывают замена бумажных носителей информации на цифровые и трансформация способов хранения информации и доступа к ней. Так, традиционные для бумажных носителей информации материальные подлоги, такие как дописка, подчистка, подтирка и некоторые другие, к цифровым носителям экономической информации не применимы. Соответственно признаки и следы подлогов в цифровых носителях экономической информации становятся иными по сравнению с теми, которые имели место при использовании бумажных носителей информации. Следовательно, необходимо научное исследование, направленное на изучение закономерностей отражения и проявления признаков и следов противоправной деятельности в цифровых носителях экономической информации.

В условиях использования цифровых носителей экономической информации изменяются, как отмечалось выше, и способы хранения информации и доступа к ней. Поэтому признаки и следы несанкционированного доступа к информации также меняются по сравнению с теми, которые имели место при использовании бумажных носителей информации. Это также вызывает необходимость проведения соответствующего научного исследования, направленного на изучение закономерностей отражения и проявления признаков и следов противоправной деятельности в цифровых носителях экономической информации в связи с несанкционированным доступом к ним.

Особую роль среди других видов экономической информации имеет учетно-экономическая информация, формируемая в системах бухгалтерского и управленческого учета. В результате ранее проведенного нами исследования был установлен закономерный характер отражения противоправной деятельности носителях учетно-экономической информации [7]. Поэтому первоочередной целью должно стать исследование, направленное на выявление способов совершения подлогов в цифровых носителях экономической информации и их классификацию.

Сегодня учетно-экономическая информация является составной частью компьютерной информации. Существуют различные определения термина «компьютерная информация». Одно из таких определений дает С.П. Першин.

По его мнению: «Под компьютерной информацией в целях производства экономической экспертизы, ... следует понимать информацию, созданную, полученную с применением компьютерных средств в электронной форме, отвечающую требованиям, предъявляемым к информации, используемой в правоприменительной практике. Такая информация несет определенную смысловую нагрузку, призванную повысить осведомленность участников расследования в отношении исследуемого предмета. Требования, предъявляемые к материалам-доказательствам, используемым при проведении экспертного исследования, должны быть так же предъявлены к компьютерной информации» [8, стр. 355]. Особую ценность данное определение имеет в связи с тем, что оно носит не общеупотребительное значение, а дано применительно к экономической экспертизе.

Цифровая учетно-экономическая информация, носители которой становятся объектами судебно-экономической экспертизы, также должна соответствовать всем требованиям, предъявляемым процессуальным законодательством. Соблюдение всех требований к получению цифровых носителей экономической информации для целей производства судебной экспертизы невозможно без участия специалиста в области компьютерных технологий. Мы разделяем мнение С.П. Першина о том, что: «Привлечение специалиста в области компьютерных технологий к проведению экспертизы значительно увеличивает время ее проведения и создает дополнительные сложности при общении эксперта-бухгалтера и эксперта в области компьютерных технологий» [8, стр. 356]. Вместе с тем считаем, что участие специалиста обязательно для выполнения, как минимум, следующих работ: 1) фиксация служебной информации в файлах содержащих экономическую информацию до начала и после окончания судебной экспертизы, чтобы была исключена возможность обвинения эксперта в искажении содержания файлов во время производства экспертизы; 2) выявления фактов несанкционированного доступа к содержанию экономической информации на цифровых носителях в организации, где она создавалась.

Современные цифровые технологии формирования и хранения экономической информации вызывают необходимость трансформации методов и приемов судебно-экспертного исследования. Речь идет, прежде всего о базах данных. Как справедливо отмечает П.С. Пастухов: «... существующие возможности и увеличивающиеся перспективы информационных систем, электронное межведомственное взаимодействие предоставляют информационно-технологические условия запрашивать, получать и анализировать необходимую информацию в режиме онлайн или офлайн» [9, стр. 648].

С точки зрения судебно-экономической экспертизы, базы данных расширяют возможности получения новых объектов исследования, необходимых

для проверки достоверности содержания информации посредством приемов встречной проверки и взаимного контроля.

Активное внедрение цифровых технологий в практику судебно-экономической экспертизы вызывает необходимость разработки классификаций способов и приемов судебной экспертизы, направленных на выявление признаков противоправной деятельности в цифровых носителях экономической информации. На основе таких классификаций необходимо создавать соответствующие электронные базы данных для решения диагностических задач при проведении судебно-экономических экспертиз.

Как показали результаты проведенного нами исследования, закономерное отражение противоправной деятельности в бухгалтерской информации обусловлено функционированием элементов метода бухгалтерского учета [7]. Однако понятие экономической информации шире, чем понятие бухгалтерской информации. Наряду с бухгалтерской информацией, в экономическую информацию входят и другие сведения. С точки зрения задач судебно-экономической экспертизы это данные:

1) о величине технологических расходов на производство в промышленности и строительстве (нормы расхода сырья и материалов, нормы труда и др.) – их завышение позволит создавать неучтенные излишки материальных запасов и начислять заработную плату в завышенных размерах. Аналогично в сельскохозяйственном производстве может иметь место завышение норм расхода семян и кормов. Сведения о величине технологических расходов могут содержаться как в нормативно-справочной информации, так и в производственных отчетах;

2) о величине оценки тех или иных активов организации (здания, сооружения, земля, объекты природопользования). Занижение оценки таких активов при их продаже приводит к ущербу собственникам (например, муниципальным образованиям);

3) о величине потерь от стихийных бедствий и других чрезвычайных ситуаций. Завышение сумм таких потерь в расчетах, составленных для целей возмещения убытков, приводит к ущербу для страховых организаций или государственного бюджета;

4) об обеспечении возврата кредитов и уплате процентов за них. Недостоверная информация приводит к ущербу кредиторам.

Могут быть и другие сведения об экономической деятельности, не относящиеся к бухгалтерской информации, но имеющие значение при производстве судебно-экономических экспертиз.

В экономической информации, не относящейся к бухгалтерской, отражаются сведения о приготовлении к совершению противоправных действий или сокрытию следов таких действий. Следует отметить, что отражение этих сведе-

ний имеет характер закономерности. Эта закономерность обусловлена таким всеобщим свойством материи, как отражение. Известно, что данное свойство материи заключается в воспроизведении признаков, свойств и отношений отображаемого предмета.

Применительно к отражению в цифровых носителях экономической информации противоправной деятельности можно сказать, что отражаются сведения о способах приготовления, совершения и сокрытия следов такой деятельности. Причем, по нашему мнению, в учетно-экономической (бухгалтерской) информации отражаются в основном признаки ранее совершенных противоправных действий. Это объясняется тем, что этот вид экономической информации содержит сведения об уже совершившихся фактах.

В других видах экономической информации отражаются преимущественно признаки приготовления к совершению противоправной деятельности, включая действия, которые в дальнейшем могут обеспечить маскировку этой деятельности. Это объясняется тем, что в такой информации преобладают сведения не об уже совершенных действиях, а о планируемых к совершению.

Поскольку отражение противоправной деятельности в экономической информации носит характер закономерности, а не случайности, то и выявление признаков приготовления, совершения и сокрытия следов этой деятельности также имеет характер закономерности. Проявляется эта закономерность через те или иные несоответствия в содержании экономической информации, возникающие под влиянием противоправной деятельности. Характер таких несоответствий, возникающих в учетно-экономической информации, был исследован и описан ранее. В частности, профессор С.П. Голубятников выделял три типа несоответствий в документах, являющихся признаками противоправной деятельности: «1) особенности и противоречия в содержании отдельного документа; 2) несоответствия в содержании нескольких взаимосвязанных документов; 3) отклонения от обычного порядка движения ценностей и выполнения хозяйственных операций, нашедшие свое отражение в данных учета» [10, стр. 18].

В другой экономической информации (кроме учетно-экономической), характер несоответствий определяется составом информации и видами противоправных действий, которые нашли в ней отражение.

Так, завышение норм расхода сырья, материалов, семян, кормов закономерно проявляются в виде несоответствий между информацией о вышеназванных нормах, применяемых в исследуемой организации и информацией, содержащей научно обоснованные нормы.

Занижение оценки различных активов перед их продажей или выкупом закономерно вызывает несоответствие между информацией о величине оценки исследуемых объектов, используемой при совершении сделки, и их же величи-

не, установленной независимой оценочной экспертизой.

Завышение потерь от стихийных бедствий с целью получения завышенных сумм компенсации закономерно вызывает несоответствие между информацией о величине потерь, предъявляемой для возмещения ущерба, и информацией о величине таких потерь, полученной в результате независимой оценочной экспертизы.

Завышение величины активов с целью получения кредита вызывает закономерные несоответствия между величиной таких активов в сведениях, представленных в банк и полученных в результате проверки таких сведений.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

1. Развитие цифровой экономики привело к появлению экономической информации в цифровом виде на электронных носителях, включая различные базы данных. В связи с этим видоизменились объекты исследования в судебной экономической экспертизе.

2. Возникла потребность в научном исследовании, направленном на установление закономерностей отражения и проявления противоправной деятельности в экономической информации, представленной в цифровом формате.

3. Представление экономической информации в цифровом формате привело к изменению способов ее создания, хранения и доступа к ней. Эти факторы прямо повлияли на трансформацию методов и приемов судебно-экспертного исследования экономической информации, представленной в цифровом формате. Появилась потребность в новых методиках судебно-экономической экспертизы, когда объекты исследования представлены не в традиционной бумажной форме, а на цифровых носителях.

4. Проведение судебно-экономической экспертизы стало возможным только с участием специалиста в области компьютерных технологий обработки экономической информации.

5. Вышеизложенные обстоятельства определяют необходимость активизации научных исследований в области теории и практики судебно-экономической экспертизы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асадулин Э.З. Информация, как экономическая категория // Облачные и инновационные технологии в сервисе и образовании. Сборник научных трудов. Под редакцией И.Т. Насретдинова. Казань: Печать-Сервис-XXI век, 2017. С. 120–127.
2. Байрамукова А.С.-Х. Экономическая информация: виды, эволюция, свойства // Современные научные исследования. 2012. № 10 (7). С. 18–19.
3. Глотина И.М., Светлаков А.Г. Информация, как экономическая категория // Иновационное развитие экономики. 2017. № 1 (37). С. 13–18.
4. Земляков Ю.Д., Кулакова Ю.В. Экономическая информация в системе

- управленческого учета // Вестник международной академии системных исследований. Информатика, экология, экономика. 2014. № 2 (том 16). С. 24–29.
5. Распутин А.П. Понятие экономической информации, ее свойства, значение и особенности обработки на ЭВМ // Омский научный вестник. 2008. № 5 (72). С. 60–63.
 6. Бирюков Е.В., Шитухина Е.С. Сущность и ключевые характеристики информации как экономической категории // Новая наука: опыт, традиции, инновации. 2016. № 5-1 (83). С. 23–27.
 7. Тимченко В.А. Использование учетно-экономической (бухгалтерской) информации для обнаружения признаков преступлений и доказывания по уголовным делам. Монография. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2014. 188 с.
 8. Першин С.П. Особенности использования компьютерной информации при производстве экспертизы по экономическим преступлениям // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2016. С. 354–360.
 9. Пастухов П.И. Базы данных как источники доказательственной информации в расследовании преступлений в сфере экономической деятельности // Пермский юридический альманах. 2020. № 3. С. 638–649.
 10. Голубятников С.П., Кравченко Ю.М., Меджевский А.А. Основы судебной бухгалтерии. Нижний Новгород, 1994. 263 с.

Patterns of reflection of illegal economic activity in digital media

V.A. Timchenko

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)
forensacc@mail.ru*

The article discusses certain theoretical problems and practical aspects of forensic economic expertise in the context of the digitalization of the economy. The influence of the appearance of digital research objects on the transformation of methods and techniques of forensic economic examination is shown. The necessity of developing new methods of forensic economic examination in connection with the change in research methods and techniques is substantiated. Theoretically substantiated the position that economic information, not related to accounting, naturally reflects information about the preparation for the commission of illegal actions or the concealment of traces of such actions. The conclusion is made about the need to intensify scientific research in the field of theory and practice of forensic economic expertise in the context of digitalization of the economy.

Keywords: digital economy, information, technologies, patterns, reflection, illegal activity, digital media, methods, techniques, classification, methods, inconsistencies in information.

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Фараджиев Мамед Ахмед оглы

Кыргызский государственный юридический университет

(Киргизия, Бишкек)

fmeda@mail.ru

На основании анализа Закона Кыргызской Республики «О судебно-экспертной деятельности» обсуждаются особенности и ряд противоречий его норм, предлагаются внесение изменений и дополнений.

Ключевые слова: Судебная экспертиза, объекты исследования, сертификат компетентности судебного эксперта, присяга судебного эксперта.

Производство судебных экспертиз в Кыргызской Республике регламентируется Конституцией Кыргызской Республики, Уголовно-процессуальным, Гражданским процессуальным кодексами, Административно-процессуальным кодексом, Кодексом о правонарушениях Кыргызской Республики, Законом Кыргызской Республики «О судебно-экспертной деятельности», ведомственными инструкциями, регламентирующими организацию, назначение и производство судебных экспертиз, а также международными договорами, участницей которых является Кыргызская Республика.

Принятие 24 июня 2013 года Закона Кыргызской Республики «О судебно-экспертной деятельности» укрепило позиции института судебной экспертизы. Закон заслуживает высокой оценки, подчеркивает приоритет защиты прав человека в процессе судебной экспертизы, но при этом также имеет определенные недостатки. Проанализировав нормы указанного закона, автор настоящей статьи посчитал целесообразным обратить внимание на его недостатки.

В частности, в статье 4 Закона приводится список, в котором перечислены принципы, определяющие проведение судебной экспертизы. Однако данный список перечислений представляется неполным. Наряду с такими важными принципами, как законность, соблюдение прав человека, независимость и объективность, при проведении судебной экспертизы следует также руководствоваться другими принципами, такими как честность, конфиденциальность, а также компетентность в технических и профессиональных вопросах. Было бы желательно добавить эти принципы в данный список.

Статья 7 Закона запрещает вмешательство в процесс проведения судебных экспертиз. Запрещение такого вмешательства является важной гарантией независимости эксперта. Тем не менее, в отношении правовых последствий такого вмешательства в этом положении просто делается ссылка на другие законы, без уточнения того, какие виды вмешательства будут приводить к ответственности, и какой вид ответственности здесь имеется в виду. Мы считаем, что в Зако-

не должно быть четко указано, какой тип вмешательства считается неуместным и незаконным, и то, что такое вмешательство разрешается, если оно соразмерно и имеет сдерживающий характер, в противном случае должна быть сделана прямая и конкретная ссылка на другие законы, которые предусматривают это. Кроме того, следует четко оговаривать, какой тип вмешательства приводит к какому типу ответственности, т.е. дисциплинарной, административной, гражданской или уголовной ответственности. В дополнение к приведенным доводам необходимо заметить, что предусмотренная в Законе обязанность (ст. 19) выбирать эксперта и осуществлять фактический контроль за производством экспертизы создает условия для фактического «непрямого» вмешательства в ход производства экспертизы.

Статья 9 Закона гласит, что нормы профессиональной судебной этики должны соблюдаться при выполнении судебных экспертиз. Однако не оговаривается, где такие нормы предусмотрены, а также характер и рамки таких норм. В целях обеспечения ясности, было бы полезно включить точную ссылку на существующий набор таких норм.

Закон допускает использование научно-технических средств и методов, если они «прямо предусмотрены законом», что по нашему мнению представляется слишком ограничительным. Ненадежные или незаконные методы судебной экспертизы, безусловно, должны быть исключены, как указано в статье 10 Закона, которая гласит, что методы не должны противоречить правовым нормам и принципам, и должны быть в достаточной степени научно обоснованными. Тем не менее, существующее положение, по всей видимости, исключает возможность использования новых научных методов. Следует подчеркнуть, что, чаще всего, наука развивается быстрее, чем законодательство. Новые научные методы, доказавшие свой научный характер, не должны автоматически исключаться только потому, что в закон не были внесены изменения своевременно, чтобы допустить использование таких методов.

Статья 12 п. 1 устанавливает перечень объектов, по которым может быть произведена судебная экспертиза: «Объектами исследования являются вещественные доказательства, документы, предметы, трупы и их части, животные, образцы для сравнительного исследования, системы, технологии, информационные массивы, а также материалы дела, по которому производится экспертиза». Следует отметить, что перечень, предусмотренный в данной статье, не является полным, поскольку он не включает в себя многочисленные типы объектов, по которым также может быть произведена судебная экспертиза. Например, растения, химические вещества, фотографии, лекарственные средства и другие предметы, не включенные в перечень. В перечне объектов экспертного исследования не указано в качестве объекта место происшествия. К примеру, в судебной пожарно-технической экспертизе место происшествия является

одним из важных объектов исследования. В данном случае судебный эксперт не всегда может ограничиться протоколом осмотра места происшествия. Также в перечень не включены материальные следы. В соответствии со ст. 86 ч. 2 УПК КР «Вещественные доказательства приобщаются к делу постановлением следователя, судьи, определением суда и должны храниться при деле», а для приобщения следов к делу следователь не выносит постановление, они описываются и закрепляются в текстах протоколов следственных действий. Данное положение, следовательно, может быть истолковано как запрет на исследование предметов, которые не перечислены в нем, что излишне ограничивает область применения судебной экспертизы. Было бы целесообразно четко указать в данном положении, что перечень является открытым, и что любые объекты, представленные на исследование, могут быть объектами судебной экспертизы. В качестве альтернативы можно также исключить перечень конкретных типов объектов.

Пункт 2 ст. 12 предусматривает освобождение от ответственности за повреждения, нанесенные исследуемым «вещественным доказательствам и документам», если эксперт имел разрешение на допущение нанесения такого повреждения. Ввиду того, что в данной статье указаны только вещественные доказательства и документы, это будет означать, что все другие объекты, такие как образцы и технологии никогда не могут быть повреждены или подвергаться изменениям в своих свойствах или состояниях. Чтобы охватить все возможные объекты экспертного исследования рамки пункта 2 ст. 12 должны быть расширены.

Законом предусмотрено производство судебных экспертиз в государственных и негосударственных экспертных организациях. Считаем данный перечень ограниченным, предлагаем следующую структуру субъектов производства судебных экспертиз:

1. Государственные судебно-экспертные организации;
2. Негосударственные судебно-экспертные организации;
3. Физическое лицо, не являющийся сотрудником экспертной организации занимающееся частной судебно-экспертной деятельностью;
4. Эксперт, не являющийся сотрудником экспертной организации, но имеющий сертификат компетентности. Данное предложение касается сотрудников государственных органов (не экспертных), обладающих специальными знаниями в области науки, техники, искусства, ремесел, достаточными для дачи заключения по поставленным вопросам. При наличии сертификата компетентности с разрешения руководителя государственного органа сотрудник может проводить судебные экспертизы (пример: участковый инспектор милиции, бывший эксперт-криминалист; сотрудник министерства финансов и др.).

Необходимо учесть, что для проведения ряда видов судебных экспертиз нет

необходимости в специальных лабораториях, оборудовании или расходных материалов. К примеру, для производства судебно-почерковедческих экспертиз можно обойтись общедоступными лупой, микроскопом, компьютерной техникой и канцелярскими принадлежностями. Не дорогостоящее и доступное оборудование необходимы при производстве некоторых видов трасологических, автороведческой, большинства видов судебно-экономических экспертиз и некоторых других видов судебных экспертиз. А для проведения компьютерно-технических и некоторых других видов экспертиз достаточны специальные компьютерные программы и методики, что доступно как экспертной организации, так и отдельному эксперту.

Пункт 3 статьи 13 предусматривает, что определенные виды судебной экспертизы осуществляются исключительно государственными судебно-экспертными организациями. Перечислены виды судебных экспертиз, которые не могут проводить негосударственные экспертные организации. Следует признать, что, в общем, могут быть такие сферы, где вопросы в интересах обеспечения общественной безопасности и по соображениям обеспечения конфиденциальности, негосударственные экспертные организации не должны проводить судебную экспертизу в таких сферах. Экспертиза, например, огнестрельного оружия, взрывных устройств, взрывчатых веществ может выпасть за рамки деятельности негосударственных экспертных организаций. Считаем неоправданным запрет на проведение негосударственными экспертными организациями следующих видов судебных экспертиз: следов человека, целого по частям, люминофоров, автотехническую – по уголовным делам, транспортного-траасологическую – по уголовным делам, строительно-техническую – по уголовным делам.

Следует также отметить, что ограничение в проведении многих видов судебных экспертиз таким образом ставит негосударственные и государственные экспертные организации в неравные положения и значительно затрудняет положение негосударственных экспертных организаций. При этом ограничиваются альтернативные возможности при назначении как первичных, так и повторных экспертиз.

Мы считаем, что запрет на проведение конкретных видов экспертиз должно восприниматься как разрешение на проведение всех иных известных видов судебных экспертиз и новых видов, неизвестных на момент принятия Закона.

Статья 14 Закона обуславливает характеристику судебных экспертов. Пункт 3 данной статьи устанавливает, что лицо не может производить судебную экспертизу в течение трех лет со дня погашения или снятия его судимости или увольнения с государственной службы в связи с совершением дисциплинарного проступка. Следует признать, что период в три года со дня погашения судимости кажется чрезмерным, поскольку такое погашение судимости уже

требует истечения определенного количества лет со дня вынесения приговора. Это положение представляется излишне жестким и не принимает во внимание характер совершенного преступления и тяжесть вынесенного приговора. Не учитываются варианты судимости за преступления, совершенные по неосторожности.

Пункт 4 статьи 14 гласит, что судебный эксперт может быть допрошен только в связи с данным им заключением и лично проведенными исследованиями. По нашему мнению, судебный эксперт может быть допрошен в отношении его опыта в этой области, а также профессиональной квалификации или ученой степени.

Пункт 2 статьи 15 предусматривает: «Определение уровня профессиональной подготовки экспертов осуществляется экспертно-квалификационными комиссиями». Следует также подчеркнуть, что статья 15 не определяет возможные средства правовой защиты от отрицательных решений комиссии. Также в Законе не указано, при каком органе или органах функционирует экспертно-квалификационная комиссия.

Пункт 7 ч. 2. ст. 21 Закона запрещает эксперту «сообщать кому-либо о результатах судебной экспертизы, за исключением органа (лица), ее назначившего». Однако руководитель экспертной организации не относится к данной категории и соответственно не вправе знакомиться с заключением судебной экспертизы, следовательно, не вправе осуществлять возложенный на него Законом контроль за качеством и полнотой экспертного исследования. Эксперт в свою очередь не вправе направлять заключение судебной экспертизы от имени судебно-экспертной организации лицу, назначившему экспертизу так как он не обладает правом на самостоятельную переписку.

В ч. 3 ст. 22 указано: «При выявлении некомпетентности по имеющейся экспертной специальности эксперт может быть лишен сертификата компетентности». При этом не предусмотрен механизм выявления некомпетентности эксперта и возможность судебного обжалования решения о лишении сертификата компетентности.

Статья 26 Закона регламентирует производство комиссионной судебной экспертизы. В данной статье не указано на кого возлагается руководство организацией и производством судебной экспертизы, если комиссионная экспертиза возлагается на экспертов нескольких экспертных организаций.

В статье 27 п. 1 Закона указано: «Комплексная экспертиза проводится экспертами различных специальностей в пределах своей компетенции». При этом не учтены ситуации, когда комплексную экспертизу может проводить эксперт, обладающий знаниями и имеющий право на производство в области нескольких соответствующих специальностей.

Статья 31 Закона предусматривает возможность возвращения материалов

без исполнения. Считаем важным основанием возврата материалов без исполнения – «Несоблюдение правил упаковки при собирании объекта экспертного исследования», т.к. отсутствие упаковки или неправильно упакованные объекты исследования не гарантируют от возможных фальсификаций в виде повреждения, уничтожения или подмены объектов исследования. Данное положение, к сожалению, не включено в указанный перечень. Возвращение материалов исследования без исполнения по указанной причине, может за короткий период исключить практику нарушения упаковки объектов исследования.

В Законе не перечислены все министерства и ведомства, которые могут иметь в своей структуре экспертную организацию и могут заниматься производством судебных экспертиз.

Также не указаны сроки производства судебных экспертиз. Считаем целесообразным регламентацию в Законе хотя бы максимально допустимого срока производства экспертизы, по отдельным видам экспертиз в зависимости от их сложности. Не указан в Законе и механизм продления срока производства судебной экспертизы.

Считаем недостатком также отсутствие требования наличия определенного стажа работы по профилю кандидата на должность судебного эксперта до вступления на работу по некоторым (сложным) видам судебных экспертиз.

Предлагаем ввести процедуру принятия присяги судебными экспертами с примерным текстом следующего содержания. «Я _____
клянусь честно исполнять обязанности судебного эксперта и давать экспертные заключения беспристрастно, основываясь на своих специальных знаниях и совести. Об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение эксперта по статье 364 и отказ или уклонение от дачи заключения эксперта по статье 365 Уголовного кодекса Кыргызской Республики предупрежден _____
(дата, подпись) _____».

Считаем достаточным однократного предупреждения судебного эксперта об уголовной ответственности во время принятия присяги, так как практика предупреждения при назначении каждой экспертизы имеет существенный недостаток, выражающийся в нарушении процессуальных требований. Эксперт в большинстве случаев предупреждается не перед началом производства экспертизы, а ставит подпись под предупреждением после окончания производства экспертизы и оформления заключения, что формально должно освободить его от ответственности.

В заключении следует признать, что принятие Закона «О судебно-экспертной деятельности» стало значительным шагом в регулировании судебно-экспертной деятельности в Кыргызской Республике. Но с учетом вышерассмотренных недостатков, противоречий и предложений считаем целесообразным поставить вопрос о внесении в него изменений и дополнений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 22 сентября 2021 года.
2. Закон Кыргызской Республики «О судебно-экспертной деятельности» от 24 июня 2013 года.

Features and problems of legal regulation of forensic expert activity in the Kyrgyz Republic

Faradjiev Mammad Ahmed oglu

*The Kyrgyz State Law University (Kyrgyzstan, Bishkek)
fmeda@mail.ru*

Based on the analysis of the Law of the Kyrgyz Republic «On Forensic Expert Activity», the features and a number of contradictions of its norms are discussed, amendments and additions are proposed.

Keywords: Forensic examination, objects of research, certificate of competence of a forensic expert, oath of a forensic expert.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ МЕТОДОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС ПРИ ПОДГОТОВКЕ ЭКСПЕРТОВ-КРИМИНАЛИСТОВ

В.А. Федоренко

*СГУ им. Н.Г. Чернышевского (Россия, Саратов)
fed77@yandex.ru*

В настоящее время в экспертных исследованиях часто применяются методы статистического анализа и машинного обучения. Однако их широкое внедрение в экспертную практику осложняется отсутствием у экспертов компетенций, связанных со знаниями современных методов статистического анализа, к которым можно отнести и методы машинного обучения. Для решения этой проблемы в области судебно-баллистической идентификации в СГУ им. Н.Г. Чернышевского разработана учебная программа по дисциплине «Математические методы судебно-баллистической экспертизы», которую планируется преподавать на 2 курсе магистратуры по профилю «Криминалистическое материаловедение».

Ключевые слова: идентификация огнестрельного оружия, методы машинного обучения, нейронные сети, компетенции.

В настоящее время в экспертных баллистических лабораториях полиции России и других стран широко применяются автоматизированные баллистические идентификационные системы типа POISC, Арсенал, ТАИС, ABIS, Evofinder, Drug Fire и другие. Внедрение современных информационных технологий в процедуру сравнения изображений следов на выстреленных пулях и стреляных гильзах при идентификации огнестрельного оружия требует вла-

дения экспертами-баллистами компетенциями в области применения методов статистического анализа для оценки точности прогнозирования (классификации), проведения проверок по базам данных цифровых изображений следов с помощью методов машинного обучения по разработанным алгоритмам и т.д.

Кроме этого в настоящее время актуальной проблемой является количественное обоснование экспертом категорических выводов (только они имеют доказательную силу в суде), сформированных на основе проведенных экспертных исследований. Судебная практика показала, что вопрос надежности и достоверности выводов является очень важным для всех видов экспертных исследований, в том числе и для судебно-баллистической идентификации огнестрельного оружия. Ошибочные оценки уникальности совпадающих признаков, основанные на субъективных суждениях эксперта (на внутреннем убеждении эксперта), приводят к ошибкам правосудия и, как следствие, к привлечению к ответственности невиновных. Проблема количественного обоснования выводов обусловлена в первую очередь отсутствием практики применения в экспертных исследованиях математических методов оценки результатов сравнения совпадающих и различающихся признаков анализируемых следов. Достаточно подробно эта проблема рассмотрена в докладе «Криминалистика в уголовных судах: обеспечение научной обоснованности методов сравнения признаков», посвященной разбору судебных ошибок, допущенных в США на основе заключений экспертов [1].

Таким образом, внедрение в теорию криминалистической идентификации новых информационных технологий и современных методов статистического анализа комплексов совпадающих и различающихся признаков в сравниваемых следах ведет к изменению парадигмы экспертных исследований в этой области. Суть изменений заключается в переходе от модели, когда категорические выводы эксперта опираются только на его внутреннее убеждение, к модели, где внутреннее убеждение формируется на основе количественных оценок доказываемого факта, которые (оценки) могут быть предъявлены суду и могут быть перепроверены другими независимыми специалистами. Однако, как уже отмечалось, без решения компетентностной проблемы экспертов-баллистов данные методы будут оставаться чисто научными, оторванными от экспертной практики.

В качестве примера многообразия современных разработок в области судебно-баллистической идентификации кратко рассмотрим некоторые из них, которые уже внедрены или могут быть внедрены в ближайшее время в экспертную практику.

1. Оценка схожести вторичных следов на выстреленных пулях методом А. Биазотти [2], основанном на статистическом анализе максимально длинных серий последовательно совпадающих трасс, построении распределения Пуас-

сона и оценке коэффициента правдоподобия гипотезы о совпадении (несовпадении) сравниваемых следов.

2. Методы конгруэнтно коррелированных ячеек и корреляционных ячеек для оценки схожести изображений статических следов на донной части стреляных гильз (следы бойков, следы патронного упора) [3–5], которые позволяют исключить из корреляционного анализа области следов, не содержащие полезной информации, выделить конгруэнтно расположенные на анализируемых изображениях области, имеющие схожие неоднородности.

3. Метод конгруэнтно совпадающих сегментов профилей следов для оценки схожести вторичных следов на деформированных пулях [6; 7], эффективность которого может быть увеличена за счет применения на этапе анализа результатов расчетов методов машинного обучения, например, метода *k*-ближайших соседей [8].

4. Вероятностные методы оценки уникальности комплексов совпадающих трасс в совмещенных динамических следах [9; 10].

5. Бинарная классификация сравниваемых следов по классам «совпадающие/несовпадающие» с помощью методов машинного обучения (метод *k*-ближайших соседей [8], метод случайного леса и др.).

6. Классификация изображений статических следов (бойков, патронного упора и т.д.) по экземплярам оружия с помощью полносвязной, сверточной и (или) сиамской нейронных сетей [11, 12]. Например, в работе [11] показано, что точность классификации изображений следов бойков в соответствии с метрикой Ассигасу достигает 90%, что может считаться достаточным основанием для внедрения в экспертную практику.

Данные методы могут применяться для проведения проверок по базам данных цифровых изображений следов, а также для количественного обоснования категорических выводов. Однако образовательные программы ВУЗов МВД России и курсы повышения квалификации экспертов МВД России не включают дисциплины соответствующего математического профиля, адаптированные под задачи судебной баллистики в целом и судебно-баллистической идентификации в частности.

Проблема может быть решена за счет подготовки экспертов-баллистов нового поколения по магистерским образовательным программам естественнонаучного направления, например таким, как «Материаловедение и технологии материалов». В Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского ведется обучение студентов по магистерской образовательной программе по направлению «Материаловедение, технологии материалов» по профилю «Криминалистическое материаловедение». В рамках таких дисциплин, как «Общенаучный семинар», «Учебная ознакомительная практика», «Методы количественного обоснования категорических выводов в судебной экспер-

тизе», «Методы обработки цифровых изображений» студенты изучают математические методы, применяемые в современной судебно-баллистической экспертизе. В настоящее время на основе материала, апробированного при преподавании данных дисциплин, разработана новая специализированная дисциплина «Математические методы в судебно-баллистической экспертизе», которая рассчитана на 72 часа аудиторных занятий (лекции – 32 часа, лабораторные и практические занятия – 40 часов), которую планируется преподавать на втором курсе магистратуры по профилю «Криминалистическое материаловедение». Дисциплина состоит из двух модулей, которые при необходимости можно расширить:

– Методы математической статистики в криминалистике и судебной баллистике;

– Методы машинного обучения в судебно-баллистической экспертизе.

В первый модуль вошли следующие темы:

- Оценка погрешности измерений (основные вопросы: понятие погрешности измерений; погрешности прямых измерений с многократным наблюдением; оценка погрешности косвенных измерений; погрешность измерения функции);

- Статистический анализ случайных погрешностей (основные вопросы: понятие среднего, стандартного отклонения и стандартного отклонения среднего; нормальное и равномерное распределение; оценка случайных погрешностей; понятие доверительного интервала; коэффициенты Стьюдента, оценка доверительного интервала при малом числе измерений);

- Корреляция результатов измерений (основные вопросы: смешанный второй момент при расчёте ошибок в косвенных измерениях; коэффициент линейной корреляции; количественный критерий значимости коэффициента корреляции r (оценка вероятности некоррелированности измеряемых величин); функция взаимной корреляции двух изображений, оценка схожести изображений с помощью функции взаимной корреляции; оценка схожести статических следов методом конгруэнтно совпадающих ячеек и методом корреляционных ячеек; метод конгруэнтно совпадающих сегментов профилей вторичных следов на деформированных пулях (CMSP-метод));

- Вероятностные методы обоснования криминалистической тождественности сравниваемых следов (основные вопросы: биномиальное распределение и распределение Пуассона; применение распределения Пуассона, оценка коэффициента правдоподобия выдвинутой гипотезы; обоснование категорических выводов в соответствии с CMS-методом на примере идентификации оружия по вторичным следам; гипергеометрическая модель совмещенных динамических следов на выстреленных пулях; учет ширины трасс в сериях последовательно совпадающих трасс во вторичных следах на выстреленных пулях; теорема Бай-

еса, примеры ее применения при оценке вероятности отнесения совмещенных динамических следов к категории «совпадающие» и «несовпадающие»).

Во второй модуль входят следующие темы:

- Введение в методы машинного обучения (основные вопросы: методы оценки результатов прогнозирования; проблема переобучения; принципы формирования обучающей и тестовой выборки; регрессия непрерывной и дискретной целевой переменной (бинарная регрессия); метод наименьшей ошибки или метод градиентного спуска; метод k-ближайших соседей; метод принятия решений и метод случайного дерева; построение дерева принятия решений для непрерывной зависимой переменной и 1 объясняющей переменной, для нескольких объясняющих переменных; понятие энтропии Шеннона, построение дерева принятия решений на принципе минимальной энтропии Шеннона; формирование ансамблей; реализация метода случайного леса);

- Полносвязные нейронные сети (основные вопросы: архитектура полносвязной нейронной сети (НС) и принцип действия; метод градиентного спуска, метод обратного распространения ошибки; методика расчета весовых коэффициентов; обучение полносвязной НС на примере изображений следов бойков);

- Сверточные нейронные сети (основные вопросы: архитектура сверточной НС; метод обратного распространения ошибки; выделение признаков; методика корректировки коэффициентов маски свертки, обучение сверточной НС);

- Сиамские сверточные нейронные сети (основные вопросы: архитектура сиамской сверточной нейронной сети; принцип бинарной классификации сиамской нейронной сетью; выделение совпадающих и различающихся признаков; методика корректировки коэффициентов маски, обучение сиамской сверточной НС).

Апробация обучения по данному учебному материалу показала следующее:

1. Освоение учебного материала не представляет особых сложностей для выпускников бакалавриата по естественно-научным или техническим направлениям.

2. Успешное выполнение студентами учебных заданий во многом определяется ранее усвоенными ими навыками программирования. Выполнение учебных заданий проводилось в среде программирования Matlab.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. PCAST. Report to the President – Forensic Science in Criminal Courts : Ensuring Scientific Validity of Feature-Comparison Methods. September 2016. URL: <http://www.documentcloud.org/documents/3121011-Pcast-Forensic-Science-Report-Final.html> (дата обращения: 09.02.2022).
2. Biasotti A. A. // Journal Forensic Sciences. 1959. Vol. 4, № 1. P. 34–50.
3. Song J. // AFTE Journal. 45 (2):184–194.
4. Song J. // AFTE Journal. 47 (3):177–185.

5. Сорокина К.О., Федоренко В.А., Гиверц П.В. // Информационные технологии и вычислительные системы. №3. 2019. С. 3–15.
6. Chen Z., Chu W., Soons J. A., Thompson R. M., Song J., Zhao X. // *Forensic Science International*. 305 (2019): 10–19.
7. Chen Zhe, Song John, Soons Johannes A., Thompson Robert M., Zhao Xuezheng // *Forensic Science International*. 306 (2020): 1-11.
8. Федоренко В.А., Сорокина К.О., Гиверц П.В. // Информационные технологии и вычислительные системы/ №1. 2021. С. 70–82.
9. Федоренко В.А., Навроцкая Е.В. // Информационные технологии и вычислительные системы. 2019. № 1. С. 110–120.
10. Федоренко В.А. // Теория и практика судебной экспертизы. 2019 г. Т. 14. №3. С. 54–62.
11. Федоренко В.А., Сорокина К.О., Гиверц П.В. // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право, 2022. Т. 22. Вып. 2. (принята к публикации: 10.12.2021)
12. Борисов Е.С. Классификатор изображений на основе сверточной нейронной сети [Электронный ресурс] / Е.С. Борисов. – Электрон. текстовые дан. // Дом-страница Евгения Сергеевича Борисова. – [Россия], 2016. – Режим доступа: <http://mechanoid.kiev.ua/ml-lenet.html> (дата обращения: 14.02.2022).

Prospects for the introduction of machine learning methods in the educational process in the training of forensic experts

V.A. Fedorenko

The Saratov State University (Russia, Saratov)
fed77@yandex.ru

Currently, expert research often uses methods of statistical analysis and machine learning. However, to ensure their widespread introduction into expert practice, experts should master new competencies related to modern methods of statistical analysis. The curriculum for the discipline «Mathematical Methods of Forensic Ballistic Examination» was developed at SSU N.G. Chernyshevsky to solve this problem in the field of forensic ballistic identification.

Keywords: firearms identification, machine learning methods, neural networks, competencies.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Хайман Вильгельмус Йоханнес Мария^{1,2}, Г.С. Клычова³

¹Университет Вагенинген (Нидерланды, Вагенинген)

²Чешский университет естественных наук (Чешская республика, Прага)

³Казанский государственный аграрный университет (Россия, Казань)

Wim.heijman@wur.nl; kgaukgs@mail.ru

Экономическая экспертиза включает, в первую очередь, судебно-бухгалтерскую, финансово-экономическую и налоговую. Исследование в рамках этих экспертиз отличается кардинально. Так, если при выполнении финансово-экономической и налоговой экспертиз объектом исследования являются стандартные утверждённые формы финансовой либо налоговой отчётности, то в судебно-бухгалтерской экспертизе наблюдается их огромное разнообразие. Эксперт-экономист должен обладать специальными познаниями конкретной отрасли и видов деятельности. Сельское хозяйство – одна из самых сложных отраслей, обеспечивающая продовольственную независимость, поскольку базируется на таких подотраслях и видах деятельности, как растениеводство, животноводство, промышленное производство, включающих огромное количество первичной отраслевой документации, регистров учёта и специализированной отчётности, что должно учитываться, как на стадии организации, так и в процессе проведения судебной экспертизы.

Ключевые слова: международные стандарты финансовой отчётности (МСФО), федеральные стандарты бухгалтерского учёта, отраслевые стандарты учёта, экономическая экспертиза, справедливая стоимость, сельское хозяйство, специальные знания.

Сельскохозяйственное производство обеспечивает национальную продовольственную безопасность России. Следует отметить, что большая часть сельскохозяйственных земель и предприятий, занимающихся производством на них продукции растениеводства и животноводства, находятся в зоне рискованного земледелия, поэтому государство должно поддерживать эту важнейшую отрасль. Вместе с тем, в отношении сельскохозяйственных предприятий в рамках возбуждённых уголовных дел осуществляются экономические экспертизы относительно невыплаты заработной платы, фиктивного либо преднамеренного банкротства, незаконном получении кредита, а также нецелевого использования инвестиционных кредитов и государственной помощи и в некоторых других случаях.

Всё это свидетельствует, что эксперт-экономист должен обладать специальными знаниями не только в сфере экономики, но, в том числе, отраслевого бухгалтерского учёта и отчётности, а также налогообложения [1].

Эксперт-бухгалтер, осуществляющий экспертные исследования в области учёта и налогообложения сельского хозяйства, должен знать информационную базу судебной экспертизы в области:

- 1) учёта земель сельскохозяйственного назначения;
- 2) учёта основных средств, в том числе сельскохозяйственной техники,

многолетних насаждений;

- 3) учёта животных основного стада, а также на выращивании и откорме;
- 4) учёта затрат на производство и выхода продукции растениеводства, животноводства, промышленного производства, особенности исчисления её себестоимости, а также учёта выручки от реализации и исчисления финансовых результатов;
- 5) расчётов с работниками по заработной плате;
- 6) учёта государственной помощи сельскохозяйственному производству;
- 7) порядка налогообложения и учёта единого сельскохозяйственного налога;
- 8) плановой документации, положения об оплате труда.

Таким образом, методика экономической экспертизы, в данном случае, будет базироваться на большом количестве отраслевой документации, включающей как первичную документацию, регистры аналитического и синтетического учёта, бухгалтерскую и специализированную ведомственную отчётность, а также плановую документацию. При этом эксперту-экономисту нужно не только обладать необходимыми знаниями в области сельского хозяйства и необходимым набором компетенций, но и уметь выявлять проблемные вопросы и предлагать необходимые их решения. Кроме этого, в бухгалтерском учёте и налогообложении сельского хозяйства существуют серьёзные проблемы, влияющие на методику проведения экспертных исследований. Проанализируем, какие проблемные вопросы могут выявиться перед экспертом в процессе проведения экономической экспертизы.

Бухгалтерский учёт в сельском хозяйстве базируется на огромном количестве первичной учётной документации по всем объектам учёта, в том числе в части учёта:

- 1) основных средств, включающих кроме унифицированных форм документы по учёту земель сельскохозяйственного назначения, многолетних насаждений, продуктивного и рабочего скота, амортизационных отчислений;
- 2) запасов, включающих документы по учёту материалов покупных (удобрения) и собственного производства (семян, кормов), а также готовой продукции растениеводства, животноводства и собственного производства;
- 3) начисления заработной платы по сдельным расценкам работникам растениеводства и животноводства за результаты труда, а также отчислений во внебюджетные фонды по страховым взносам;
- 4) животных на выращивании и откорме, включающих документы по оприходованию приплода, переводу из одной возрастной группы в другую, учёт прироста, забоя скота и других каналов выбытия.

Вся отраслевая первичная документация по сельскому хозяйству представлена в альбомах унифицированных форм и утверждена Росстатом и Министер-

ством сельского хозяйства России, содержит не только обязательные реквизиты, но и много дополнительной, в том числе технологической информации. Эти формы должны быть утверждены приказом по сельскохозяйственному предприятию. Далее данные первичных документов группируются в регистрах учёта. При этом следует иметь в виду, что далеко не все сельскохозяйственные предприятия ведут учёт в автоматизированной форме. Многие из них заполняют первичные документы вручную, а потом заносят данные в программу MS Excel, те же организации, которые ведут учёт в автоматизированном варианте, чаще всего используют программный продукт «1С: Предприятие 8. Бухгалтерия сельскохозяйственного предприятия», имеющий существенные отличия от общей версии 1С-Бухгалтерии.

Нормативное регулирование бухгалтерского учёта сельскохозяйственной отрасли также содержит проблемы. Так, утверждённые Минфином России ФСБУ и действующие ПБУ предназначены для предприятий всех отраслей, поэтому не содержат информации по отраслевым объектам учёта. Например, считалось, что ПБУ 5/01 «Учёт материально-производственных запасов» регулировал учёт, в том числе животных на выращивании и откорме, хотя прямо об этом объекте учёта в стандарте не сказано. В пункте 3 ФСБУ 5/2019 «Запасы» перечислены объекты учёта – запасы, среди них отсутствуют молодняк и животные на откорме. Действительно, в мировой практике учёт сельскохозяйственных животных, затрат по растениеводству, животноводству регулируется специальным международным стандартом – МСФО 41 «Сельское хозяйство». В России ещё в 2004 году был разработан проект национального стандарта «Учёт биологических активов», однако до настоящего времени он не утверждён. Проблемным оказался вопрос применения справедливой стоимости в учёте животных и затрат на производство сельскохозяйственной продукции, а также выбора объектов учёта затрат на производство сельскохозяйственной продукции и оценки готовой продукции растениеводства и животноводства [2–4]. Термин «справедливая стоимость» основан на применении рыночной стоимости. Между тем, в Российской империи в сельскохозяйственном учёте применялась рыночная стоимость, однако рыночная стоимость применялась не на территории страны, а, применяя современную терминологию, на территории муниципальных образований. В советское время было найдено решение: в течение года, когда невозможно определить фактическую себестоимость продукции растениеводства и животноводства, их оценка в течение года производилась по плановой (нормативной) стоимости, а в конце года данная стоимость увеличивалась (либо уменьшалась способом «красное сторно») до фактической себестоимости. Считаем, что плановая себестоимость должна быть признана справедливой. В проекте стандарта «Учёт биологических активов» разницу между рыночной и фактической себестоимостью предлагалось

относить на нераспределённую прибыль. По нашему мнению, нераспределённую прибыль можно использовать только на основании решений акционеров (учредителей). Считаем, что данная разница должна корректировать именно те объекты учёта, которые были оценены по плановой себестоимости в течение года. Это требует немедленного решения в отраслевом стандарте учёта, поскольку корректировка стоимости материалов собственного производства, незавершённого производства и готовой продукции может быть неоправданно занижена, что может привести к преднамеренному банкротству компании.

Сельскохозяйственное производство во всём мире является дотационным и развивается при поддержке государства. Средства государственной поддержки должны быть израсходованы целевым образом. Таким образом, данные объекты учёта [5] являются также объектами экономической экспертизы. Считаем, что в процессе проведения судебно-бухгалтерской экспертизы целевого использования и учёта средств государственной помощи должны быть исследованы хозяйственные операции, получившие отражение в первичных документах, регистрах учёта и специализированной отраслевой бухгалтерской отчётности, лицом, обладающим специальными знаниями в области экономики, по вопросам, вынесенным на разрешение следователем или судом [6]. Считаем правильным также проводить проверку распределения бюджетных средств, проводимых органами государственной власти, сельскохозяйственным предприятием, в том числе по таким направлениям, как возмещение части затрат сельскохозяйственных товаропроизводителей на уплату страховой премии; возмещение части процентной ставки по кредитам и займам; государственная поддержка отраслей животноводства и растениеводства; государственная поддержка малых форм хозяйствования; техническая и технологическая модернизация, инновационное развитие, другие направления. К сожалению, есть примеры, когда средства государственной помощи не доходят до сельхозтоваропроизводителей, это должно выявляться, в том числе в ходе проведения экспертного исследования.

Проблемным является также вопрос учёта накладных расходов в сельском хозяйстве и порядка их распределения [7]. Так, в соответствии с ФСБУ 5/2019 «Запасы» накладные расходы списываются сразу на счёт 90 «Продажи», то есть исчисляется сокращённая себестоимость. Между тем, оценка готовой продукции, как было сказано выше, производится по плановой себестоимости. Плановую себестоимость бухгалтер берёт из бизнес-плана, в том числе бюджета производства, в котором исчисляется полная себестоимость продукции растениеводства и животноводства. Таким образом, получается полное несоответствие: сравнивается сокращённая фактическая себестоимость и полная плановая себестоимость. Если прямо всё это анализировать, сравнивать, то получится полная оптимизация затрат, между тем по факту нельзя сравнивать

затраты и себестоимость в этом случае. Думается, что средние и малые сельскохозяйственные предприятия будут продолжать исчислять полную фактическую себестоимость в соответствии с Налоговым кодексом России. Вопрос останется с крупными сельскохозяйственными предприятиями, подлежащими обязательному аудиту. Как понять судебному эксперту-экономисту, является ли такое предприятие банкротом или нет? Думается, что ФСБУ 5/2019 требует скорейшей доработки, так как в противном случае также искажаются финансовые показатели предприятия.

Следует также отметить, что организация и методика проведения экономической экспертизы сельскохозяйственных предприятий должна осуществляться с учётом развития экономики в условиях цифровизации [8]. Считаем, что должны быть разработаны программные продукты для использования в процессе проведения экспертных исследований.

Таким образом, решение вышеперечисленных проблем является залогом эффективных экспертных исследований организаций такой сложной и важной отрасли, как сельское хозяйство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юматов В.А. Компетентность и компетенция судебного эксперта: содержание и объём понятий / Вопросы экспертной практики. 2017. №S1. С. 391–400.
2. Козменкова С.В. Справедливая стоимость: характеристика и влияние на экономическую безопасность / На страже экономики. 2020. №4 (15). С. 38–44.
3. Алборов Р.А., Концевая С.М., Хоружий Л.И. Развитие методики оценки и учёта сельскохозяйственной продукции / Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2021. №6. С. 32–39.
4. Алборов Р.А., Мосунова Е.Л., Захарова Е.В., Алборов Г.Р. Определение объектов учёта затрат, калькуляции и совершенствование исчисления себестоимости продукции в сельском хозяйстве / Бухучёт в сельском хозяйстве. 2021. №4. С. 30–39.
5. Клычова Г.С., Нуриева Р.И. Государственная помощь сельскохозяйственному производству как объект учёта: сущность и принципы организации / Международный бухгалтерский учёт. 2022. Т.25. №3 (489). С. 282–299.
6. Козменкова С.В., Зубков Д.Д. Судебно-экономическая экспертиза как форма контроля использования средств государственной помощи в сельском хозяйстве. / «Профессия бухгалтера – важнейший инструмент эффективного управления сельскохозяйственным производством» / В сб. научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции. Казань: Казанский государственный аграрный университет. 2019. С. 160–165.

7. Серебрякова Т.Ю. Управленческие расходы в контексте ФСБУ 5/2019 «Запасы» / Международный бухгалтерский учёт. 2012. Т. 24. Вып. 4. С. 392–406.
8. Сафонова М. Ф. Развитие методики бухгалтерской экспертизы в условиях цифровой экономики / М.Ф. Сафонова // Международный бухгалтерский учёт. 2019. Т. 22. № 2 (452). С. 187–204.

Use of special knowledge in economic expertise agricultural production

Hyman Wilhelmus Johannes Maria^{1,2}, G.S. Klychova³

¹Wageningen University (Netherlands, Wageningen)

²Czech University of Life Sciences (Czech Republic, Prague)

³Kazan State Agrarian University (Russia, Kazan)

Wim.heijman@wur.nl; kgaukgs@mail.ru

Economic expertise includes, first of all, forensic accounting, financial, economic and tax. The research within these examinations differs radically. So, if when performing financial, economic and tax examinations, the object of study is the standard approved forms of financial or tax reporting, then in forensic accounting examinations there is a huge variety of them. An expert economist should have special knowledge of a particular industry and activities. Agriculture is one of the most complex industries that ensures food independence, since it is based on such sub-sectors and activities as crop production, animal husbandry, industrial production, and other types that provide them, including a huge amount of primary industry documentation, accounting registers and specialized reporting, which should be taken into account, both at the stage of organization and in the process of conducting a forensic examination.

Keywords: international financial reporting standards (IFRS), federal accounting standards, industry accounting standards, economic expertise, fair value, agriculture, special knowledge.

НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ НАЖИМА ПРИ ПИСЬМЕ

Э.Г. Хомяков

Удмуртский государственный университет (Россия, Ижевск)

ed-18@yandex.ru

В статье рассматривается нажим как признак почерка, изучаемый и применяемый в отечественном судебном почерковедении. Отмечая низкую эффективность данного признака почерка при решении идентификационных и диагностических задач судебно-почерковедческой экспертизы, автор считает необходимым проведение экспериментальных исследований нажима, направленных на выбор необходимого инструментария, получение и накопление данных, а также их анализ. Данный инструментарий должен позволить определять характеристики рукописных штрихов, прежде всего, их ширину и глубину, а также оценивать величину давления на пишущий прибор в процессе письма. Наиболее актуальными следует считать исследования нажима при письме шариковыми ручками, поскольку данные пишущие приборы наиболее распространены в настоящее время.

Ключевые слова: почерк, судебное почерковедение, судебно-почерковедческая эксперти-

за, письмо, почерковый объект, признаки почерка, нажим, нажимные характеристики почерка, пишущий прибор, штрихи.

В отечественном судебном почерковедении нажим при письме рассматривается, как правило, в группе общих признаков почерка, характеризующих структуру движений по их траектории. При этом некоторые исследователи считают возможным включение особенностей нажима при выполнении отдельных письменных знаков в группу частных динамических признаков почерка [1, стр. 241–242; 2, стр. 88; 3, стр. 46].

Следует отметить, что значимость нажима и в качестве общего, и в качестве частного признака почерка при решении задач судебно-почерковедческой экспертизы оценивается весьма низко. Это связано, прежде всего, со слабой проработкой теории нажима при письме, а также малым объемом экспериментальных исследований нажима, направленных на выбор необходимого инструментария, получение и накопление данных, а также их анализ.

Нажим можно охарактеризовать как давление пишущего прибора, удерживаемого исполнителем рукописи, на соответствующий материал в процессе письма. Согласно теории следообразования при подобном взаимодействии происходит образование следа – либо объемного (при деформации материала для письма), либо поверхностного (при наслоении красителя на материал для письма). Данный след проявляется в виде почерковых объектов (слов, букв, знаков, отдельных рукописных штрихов) и является результатом процесса письма.

В большинстве источников характеристики нажима определены для рукописей, выполненных перьевыми ручками, поскольку именно при использовании подобных пишущих приборов наблюдается ярко выраженная по ширине дифференциация рукописных штрихов, выполняемых разнонаправленными в плоскости письма движениями. При этом изменения ширины штрихов связаны с конструкцией кончика пишущего пера (разделенного на две части), раздвигающегося при выполнении сгибательных движений (при увеличении нажима) и сужающегося до исходного состояния при выполнении разгибательных движений (при уменьшении нажима). Например, Л.А. Винберг и М.В. Шванкова, характеризуя степень нажима, определяли ее как отношение «... ширины элемента письменного знака, выполненного с нажимом, к ширине элемента, исполненного без нажима» [4, стр. 62].

Рукописные штрихи, образующиеся при письме перьевыми ручками, могут быть охарактеризованы как псевдообъемные окрашенные динамические следы, образованные в большей степени путем наслоения жидкого красителя (чернил) на поверхность бумаги (как традиционного материала для письма) и его проникновения на определенную глубину. Псевдообъемными или в большей степени поверхностными данные следы можно считать в силу их неболь-

шой глубины, связанной со скользящим механизмом их образования.

Необходимо также отметить, что пишущий узел большинства современных перьевых ручек также претерпел изменения: на кончике пера появился твердосплавный разрезной округлый элемент (или гладкая площадка), что значительно повлияло на механику письма и формирование рукописных штрихов. Данные штрихи имеют четко выраженную глубину; их также можно охарактеризовать как объемные окрашенные следы скольжения.

Ручки с шариковым пишущим элементом характеризуются иной механикой письма. Шариковые элементы подобных ручек при взаимодействии с материалом для письма вращаются, и образующиеся при этом рукописные штрихи являются ярко выраженными объемными окрашенными следами качения, отображающими поступательно-вращательное движение шарика. Объемность (трехмерность) данных следов проявляется в их длине, ширине и глубине.

Во многих источниках указывается на проблемы в определении характеристик нажима и, как следствие, снижение его информационной значимости при исследованиях почерковых объектов, выполненных шариковыми ручками.

Так, Л.А. Винберг и М.В. Шванкова считают, что при использовании шариковых ручек идентификационная значимость нажима стала незначительной [4, стр. 62].

В общей части Судебно-почерковедческой экспертизы (под редакцией В.Ф. Орловой) говорится, что отчетливая дифференциация нажима «... наблюдается довольно редко и главным образом в документах, исполненных перьевой ручкой или карандашом. Менее выражена она при письме шариковой ручкой. В документах, выполненных гелевой ручкой, проследить дифференциацию нажима практически невозможно» [1, стр. 221].

П.М. Кошманов и М.П. Кошманов в одной из своих работ отмечают, что «... современные пишущие приборы (шариковые, гелевые, капиллярные ручки и т.п.) зачастую делают затруднительным анализ и оценку этого признака почерка» [5, стр. 26].

И.О. Тюнис в учебном пособии по криминалистике пишет о том, что «в настоящее время в связи с распространением шариковых ручек, при использовании которых независимо от прилагаемых усилий распределение красителя в буквах равномерно, идентификационная значимость этого признака стала незначительной» [6, стр. 77].

С учетом того, что пишущие приборы с шариковыми элементами (шариковые ручки) в настоящее время наиболее распространены, дальнейшие исследования нажима при письме данными приборами, являются весьма актуальными, прежде всего с позиции оценки значимости нажима в решении идентификационных и диагностических задач судебно-почерковедческой экспертизы.

Необходимо отметить, что в начале XXI века П.В. Бондаренко в рамках ис-

следования нажимных характеристик при письме шариковыми ручками, изучал распределение плотности красителя в рукописных штрихах, используя для этого сначала компьютерную программу Adobe Photoshop [7, стр. 11], а позже пакет прикладных программ MATLAB [8].

Однако характеристики нажима, связанные с величиной давления на пишущий прибор, проявляются при письме шариковыми ручками, прежде всего, в ширине и глубине рукописных штрихов.

Во многих работах по судебному почерковедению описываются разновидности нажима (сильный – средний – слабый, дифференцированный – недифференцированный, стандартный – нестандартный, равномерный – неравномерный), при оценке которых ключевой (основной) характеристикой указывается относительная или абсолютная ширина рукописных штрихов. Однако инструментарий, используемый для оценки ширины штрихов, авторами, как правило, не упоминается; при этом также не рассматривается механизм выборки письменных знаков, используемых для оценки нажима, ее размер и репрезентативность. В результате это приводит к субъективному определению характеристик нажима. Например, Е.В. Прокуров в своей диссертационной работе отмечает, что «степень нажима определялась субъективно по глубине, ширине и интенсивности окрашивания основных штрихов письменных знаков» [9, стр. 94]; какой-либо инструментарий при этом не упоминается. На практике при проведении судебно-почерковедческих экспертиз нажим, как правило, также оценивается субъективно, без указания конкретных количественных характеристик ширины штрихов, иногда некорректно. Достаточно часто оценка нажима в почерковых объектах, выполненных шариковыми ручками, экспертами-почерковедами не производится.

П.В. Бондаренко указывает в одной из своих работ на возможность изучения «... ширины штрихов с помощью микроскопических измерений»; в данных целях им был использован микроскоп МБС-10 [7, стр. 6, 8].

Необходимым инструментарием для определения ширины рукописных штрихов может стать любой оптический измерительный микроскоп со светодиодной кольцевой подсветкой и цифровой видеокамерой или цифровой микроскоп с аналогичной подсветкой, подключенные к компьютеру. Обработка полученных изображений и оценка ширины штрихов может производиться в графическом редакторе, например, Adobe Photoshop или GIMP. В любом случае при использовании данного инструментария должна быть разработана методика оценки ширины рукописных штрихов в почерковых объектах разного вида.

Работ по исследованию глубины рукописных штрихов практически нет.

П.В. Бондаренко указывает на то, что данные исследования «... не получили практической реализации ... в связи со сложностью и громоздкостью исследо-

вания, а также с избирательностью объектов исследования» [7, стр. 6]. В своей работе он упоминает в качестве возможных способов (методов) измерения глубины штрихов использование профилографа и фотографирование почеркового объекта в токах высокой частоты [7, стр. 6].

Метод профилометрии при помощи алмазной иглы рассматривается в работе А.В. Квасовой [10, стр. 173–174]; экспертные исследования нажима при письме с использованием указанного метода оцениваются автором как комплексные трасолого-почерковедческие.

Безусловно профилометрический метод исследования следует считать заслуживающим внимания, прежде всего, в силу того, что в последние годы появилась новая линейка бесконтактного профилометрического оборудования. Например, трехмерные (3D) оптические профилометры и сканеры [11, 12] могли бы позволить произвести анализ рельефа рукописных штрихов в режиме реального времени, а также оценить их количественные характеристики (ширину и глубину) на различных исследуемых участках. Одним из достоинств некоторых подобных приборов можно считать интуитивное программное обеспечение, позволяющее производить необходимые измерения, осуществлять комплексный сбор и анализ различных данных.

Не следует также забывать, что нажим при письме – это давление (силовое воздействие), оказываемое человеком (исполнителем рукописи) на пишущий прибор (орудие письма) в процессе письма и передающееся на пишущий элемент. Вследствие этого исследования нажима при письме должны быть обеспечены устройствами (приборами) для измерения данного давления. На первоначальном этапе исследования в качестве простейших тензометрических площадок могут использоваться различные электронные весы с ровной плоской поверхностью и соответствующей погрешностью измерения. При этом необходима разработка физической модели нажима, характеризующей процесс письма с использованием конкретного пишущего прибора и позволяющей производить оценку соответствующих силовых характеристик нажима.

Одним из направлений исследования рельефных и силовых характеристик нажима при письме можно считать использование современных графических планшетов с соответствующим программным обеспечением. В качестве инструмента, воспринимающего давление руки при письме (рисовании) и передающего его на экран, в подобных планшетах используется стилус с закругленным наконечником. Простейшими специальными программами, позволяющими работать с нажимом (чувствительными к давлению на стилус), являются Easy Paint Tool Sai 2, SketchBook, ArtRage и некоторые другие.

В заключение следует отметить, что рассмотренный инструментарий необходим для оценки значимости нажима как признака почерка в решении идентификационных и диагностических задач судебного почерковедения. При

достижении положительных результатов в данных исследованиях нажима реальные методики судебно-почерковедческой экспертизы могут использовать иной – более доступный или более эффективный – инструментарий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть: теоретические и методологические основы / Под науч. ред.: Орлова В.Ф. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 2006. 544 с.
2. Жижина М.В. Судебно-почерковедческая экспертиза документов: Учебно-практическое пособие / под ред. проф. Е.П. Ищенко. М.: «ЮРЛИТИН-ФОРМ», 2006. 176 с.
3. Подволоцкий И.Н. Судебная почерковедческая экспертиза: учебное пособие. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 272 с.
4. Винберг Л.А., Шванкова М.В. Почерковедческая экспертиза. Под ред. Р.С. Белкина. Учебник для вузов МВД СССР. Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР, 1977. 174 с.
5. Кошманов П.М., Кошманов М.П. Идентификационные признаки буквенного, цифрового и подписного почерка: учеб. пособие. Волгоград, ВА МВД России, 2006. 114 с.
6. Тюнис И.О. Криминалистика: Учеб, пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Университет «Синергия», 2019. 224 с.
7. Бондаренко П.В. Исследование нажимных характеристик неподлинных подписей: Методические рекомендации. Саратов: СЮИ МВД России, 2007. 52 с.
8. Бондаренко П.В. Псевдоцветные преобразования изображения почеркового объекта в matlab // Актуальные проблемы расследования преступлений: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х ч. Часть 2. М.: Ваш полиграфический партнер, 2013. С. 40–41.
9. Прокуров Е.В. Современные проблемы объективизации экспертной оценки признаков почерка: Дис.... канд. юрид. наук: 12.00.12. Волгоград, 2015. 402 с.
10. Квасова А.В. О возможности применения метода профилометрии в идентификационных исследованиях нажимных характеристик почерка // Современные проблемы права глазами молодых ученых: сборник статей участников Международной научно-практической конференции (13 апреля 2018 г.) / науч. ред.: В.Ю. Толстолуцкий, В.А. Юматов, В.А. Колосова; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2018. С. 171-175.
11. Лучшие оптические профилометры для измерения шероховатости на 2021 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://centerbest.ru/lychshie-opticheskie-profilometry-dlia-izmereniia-sherohovatosti-na-2021-god/> (дата

обращения: 20.03.2021).

12. Sensors and Machine Vision Systems for Factory Automation | KEYENCE America [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.keyence.com/> (дата обращения: 20.03.2021).

New tools in the research of pressure in writing

E.G. Khomyakov

*Udmurt State University (Russia, Izhevsk)
ed-18@yandex.ru*

The article considers pressure as a sign of handwriting, studied and applied in the domestic judicial handwriting studies. Noting the low efficiency of this feature of handwriting in solving identification and diagnostic tasks of forensic handwriting expertise, the author considers it necessary to conduct experimental studies of pressure aimed at selecting necessary tools, obtaining and accumulating data, as well as their analysis. This toolkit should allow determination of characteristics of handwritten strokes, first of all, their width and depth, as well as assessment of the amount of pressure put on a writing device during writing. Studies of pressure when writing with ballpoint pens should be considered the most relevant, since these writing devices are the most common at the present time.

Keywords: handwriting, forensic handwriting, forensic handwriting expertise, writing, handwriting object, handwriting sign, pressure, pressure characteristics of handwriting, writing device, strokes.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ АВАРИЙНЫХ ВЗРЫВОВ

М.В. Хорев

*Тульский государственный университет (Россия, Тула)
Isengrim2@yandex.ru*

В статье рассматриваются вопросы повышения эффективности расследования неосторожных преступлений, связанных с аварийными взрывами. Даются рекомендации по эффективной реализации в ходе расследования такой формы использования специальных знаний, как назначение и производство судебной экспертизы.

Ключевые слова: источники повышенной опасности, судебная экспертиза, аварийные взрывы.

На современном этапе развития науки значительно обострилось внимание к изучению сложных систем, средств управления и поддержания их равновесного состояния. Велика роль системного подхода в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с проектированием, производством, эксплуатацией, хранением и утилизацией подобных систем, в частности, источников повышенной опасности.

Нам представляется, что следователь должен быть наделен особыми спо-

способностями к логическому мышлению, анализу, системной оценке события преступления, поскольку в самой методике расследования изначально заложены ситуационность самого события преступления и системная деятельность по его расследованию. Этим обусловлены определенные сложности в линии поведения следователя и его взаимодействии с другими заинтересованными в расследовании преступления лицами.

Знание системных сведений об источниках повышенной опасности позволит сотрудникам правоохранительных органов не только выявить признаки преступления, уяснить механизм аварийной ситуации, причинно-следственные связи, выдвинуть версии, обеспечить объективность, полноту и всесторонность расследования неосторожных общественно-опасных преступлений, связанных с источниками повышенной опасности, но и системно и эффективно организовать весь процесс расследования.

Важная роль в этом процессе принадлежит общим методологическим положениям организации деятельности следователя, направленной на раскрытие, расследование и предупреждение преступлений. Многие ученые, к сожалению, не придают существенного значения именно методологическим положениям, а рассматривают организацию криминалистической деятельности лишь применительно к криминалистической методике и тактике расследования. Тем не менее, следует отметить, что прогрессивные попытки в этом направлении были предприняты задолго до сегодняшнего дня [1, стр. 60].

Сразу следует отметить негативное отношение Р.С. Белкина к понятию «криминалистическая деятельность». Данный термин был введен в научный оборот Р.Г. Домбровским (1973г.). Определяя криминалистическую деятельность как «...совокупность приемов и методов практического действия (практического познания) и научную криминалистическую деятельность как совокупность методов научного познания» [2, стр. 11], ранее он отметил, что «...понятием «криминалистика» обозначается не только определенная область знания, наука, но и определенная практическая деятельность.... Вполне логично рассматриваемую деятельность именовать криминалистической...» [3, стр. 118].

Однако Р.С. Белкин, критикуя данный подход, писал: «Нет и не может быть никакой «криминалистической деятельности» в процессе расследования, помимо деятельности процессуальной, оперативно-розыскной или административно-правовой» [4, стр. 237]. Тем не менее, термин прижился и используется.

Предпримем попытку проанализировать сущность употребляемого термина. Если рассматривать практическую деятельность по раскрытию и расследованию преступлений как систему действий, направленных на достижение определенной цели, то в ее структуре вполне уместно среди прочих видов деятельности (процессуальной, оперативно-розыскной и др.) назвать и дея-

тельность сведущих лиц. Если существует наука «криминалистика», почему не может быть «криминалистической деятельности» (хотя бы как элемента чего-то целого), которая обуславливает получение криминалистически значимой информации не процессуальными и не оперативно-розыскными методами, приемами и средствами, а именно криминалистическими: использованием при расследовании тактических приемов, рекомендаций, решений, организационных мероприятий, выстраиванием определенного направления расследования (версионным мышлением), планированием расследования с учетом следственных ситуаций, а также использованием методических рекомендаций по расследованию отдельных видов преступлений.

Мы полагаем обоснованным использование следователем приемов и методов, которые разработаны криминалистикой, именовать криминалистической деятельностью следователя, но подменять этим понятием деятельность по расследованию преступлений, не корректно. Последняя, как нам представляется, должна включать в себя: деятельность дознавателя, следователя (процессуальную, криминалистическую, розыскную, поисковую, профилактическую), оперативно-розыскную, деятельность адвоката, прокурора, деятельность иных участников уголовного судопроизводства (напр., переводчика, сведущих лиц).

По мнению многих авторов, криминалистическая деятельность в уголовном судопроизводстве осуществляется в целях выяснения обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию (ст. 73 УПК РФ), в собирании фактических данных виновности или невиновности лица, а в конечном счёте, – для установления истины по уголовному делу. Но ведь и процессуальная деятельность направлена именно на достижение этой цели. На наш взгляд, не корректно подменять деятельность по расследованию преступлений криминалистической деятельностью, поскольку последняя наряду с другими видами деятельности и, являясь структурным элементом, составляет системное образование – деятельность по расследованию преступлений.

Тем не менее, организационные основы криминалистической деятельности как систему научных положений, по справедливому замечанию И.П. Можевой, нельзя отождествлять с обязательным порядком уголовного судопроизводства, установленным УПК РФ, в рамках которого надлежит действовать всем участникам [5, стр. 12].

Криминалистическая деятельность, по мнению многих ученых и практиков, не ограничивается деятельностью следователя, а является собирательным понятием и включает в себя: следственную деятельность (поисковую деятельность, розыскную деятельность, систему следственных действий); деятельность сведущих лиц; профилактическую деятельность следователя [6, стр. 56], деятельность оперативных сотрудников, прокурора, переводчика и других участников уголовного судопроизводства.

Получается, что процессуальная деятельность входит в криминалистическую? Здесь мы не можем не согласиться с Р.С. Белкиным в том, что расследование преступления осуществляется в уголовно-процессуальных рамках, а по-сему процессуальная следственная деятельность не может входить в структуру криминалистической.

Основным субъектом деятельности по раскрытию и расследованию преступлений как организатор и исполнитель, безусловно, выступает следователь.

Под деятельностью понимают «работу, занятие в какой-либо области» [7, стр. 28], «процесс, включающий цель, средства и результат», «... специфически человеческую форму активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование».

А.Ю. Головин с позиций системного подхода рассматривает деятельность по раскрытию и расследованию преступлений как «... сложную динамическую управляемую социальную систему, включающую в себя следующие элементы: объект деятельности; цель и задачи деятельности; субъекты деятельности; действия, приемы, способы деятельности; место, время и обстановка деятельности; результаты деятельности» [8, стр. 175–176].

Любой вид деятельности характеризуется «... определенным набором действий и последовательностью их осуществления, то есть структурой» [9, стр. 107]. Набор действий и последовательность могут стать деятельностью только в случае их подчинения общей цели. Если таковая отсутствует, то отсутствует и деятельность. Для каждого вида деятельности характерен специфический набор средств и способов их применения. Существенную роль в деятельности по расследованию преступления, том числе, и в криминалистической деятельности, играет организационная функция, осуществляемая следователем, и обуславливающая эффективность расследования в целом.

К организационным аспектам расследования преступлений относят те положения, которые способствуют его рациональному проведению: организация взаимодействия при расследовании, планирование, подготовка к проведению следственных действий и их организация в целях обеспечения их результативности и качества, обеспечение применения научно-технических средств и т.п.» [10, стр. 116]. Их реализация возможна только при использовании общих организационных начал деятельности.

Одним из важнейших организационных аспектов расследования неосторожных преступлений, связанных с аварийными взрывами, является назначение судебных экспертиз. Аварийные взрывы, как правило, сопряжены со значительным материальным ущербом и повреждением места происшествия.

Одной из типичных следственных ситуаций при расследовании аварийных взрывов является такая, при которой уголовное дело возбуждается по факту взрыва, сведения о котором поступили от частных лиц, соответствующих ор-

ганизаций, органов МВД, средств массовой информации, больниц и т.д. Такая криминальная ситуация имела место в 37,5% случаев уголовных дел. Как правило, к такой категории дел относятся аварии на объектах жилищно-коммунального комплекса либо иных объектах, связанных с обслуживанием населения.

На первоначальном этапе расследования, как правило, следователь не обладает информацией о виновных в происшествии (напр., при взрывах бытового газа и обрушениях жилого дома). Однако в этом случае явным преимуществом является возможность осуществлять расследование безотлагательно.

В случае аварий в жилищно-коммунальной сфере необходимо запросить документацию, которая может явиться важным источником доказательственной информации, свидетельствующей о ремонте, сроках эксплуатации, модернизации объектов, своевременном проведении профилактических мероприятий и т.п. Очень важно изучить эти сведения на стадии предварительной проверки, чтобы получить определенную информацию о криминогенной ситуации, которая предшествовала криминальной.

Мы полагаем, что криминогенную ситуацию следует рассматривать как системно-структурный элемент криминальной ситуации. Знание и моделирование этих ситуаций оказывает существенное познавательное значение для всей системы расследования неосторожного преступления.

После осмотра места происшествия и изучения следователем необходимой технической и текущей документации возникает необходимость в использовании специальных знаний в соответствующей области (строительно-технических, трасологических, экологических, судебно-медицинских, ДНК, транспортно-технических и других). Именно результаты указанных действий помогут следователю получить информацию, которая явится основанием для возбуждения уголовного дела либо для отказа в его возбуждении.

Наиболее распространенными временным промежутком при принятии решения о возбуждении уголовного дела по данной следственной ситуации – от суток до 10 суток (в зависимости о проведенных исследований и экспертиз). Полученная информация позволит выдвинуть версии и спланировать расследование.

Правильное построение версий обусловлено совокупностью фактических данных (материальной и вербальной информацией), позволяющих выдвинуть предположительное объяснение расследуемой аварии. Системно-структурный подход к расследованию преступлений, связанных с источниками повышенной опасности, позволит обеспечить следователю выдвижение и проверку всех возможных следственных версий. «При правильном построении нескольких выдвинутых версий они будут представлять собой определенную систему, в которой, по крайней мере, одна из нескольких будет содержать предположе-

ние, соответствующее действительности», – справедливо отмечает А.Ю. Головин [11, стр. 177].

В результате накопления фактических данных в отношении расследуемой аварии или катастрофы происходит уточнение типичных версий, замена их более конкретными, переход от предположений общего характера к более частным.

Версии об объективной стороне состава преступления предполагают уточнение причины произошедшей аварии, причинных связей между действиями (бездействием) лиц и наступившими последствиями. Если, в частности, произошла авария на транспортном газопроводе, следователь может рассмотреть следующие типичные версии:

- авария произошла в результате нарушения правил обращения со взрывоопасным оборудованием;

- авария произошла в результате изношенности оборудования.

Такие версии являются наиболее распространенными.

В качестве частных при первой типичной версии могут иметь место:

- авария произошла в результате незаконной врезки в трубопровод;

- авария произошла в результате грунтовых работ;

- авария произошла в результате ремонтных работ (например, замены участка трубопровода).

И этому есть примеры. Так, 02.07.2019 на газопроводе в штате Гуанахуато (Мексика) произошел мощный взрыв с последующим пожаром. Авария произошла по вине рабочих, проводивших очистку реки, и случайно задевших бульдозером трубопровод. В январе 2019 г. в штате Идальго (Мексика) произошел мощный взрыв из-за незаконной врезки в нефтепровод. Погибли 135 человек.

Выдвижение и проверка типичных версий в отношении субъекта преступления помогают установить не только лиц, по вине которых произошел взрыв, но и лиц, косвенно причастных к данному преступлению. Так, 05.07.2019 на газовой автозаправке в промышленной зоне в Москве произошел мощный взрыв с последующим пожаром, которому присвоен высокий уровень сложности. Погибли 2 человека. Взрыв произошел по вине заправщика. Однако работала заправка без соответствующих разрешений, поскольку обслуживала только лиц своей промзоны.

Одна из выдвинутых версий будет обоснована показаниями свидетелей, результатами проведенных экспертиз, результатами следственных экспериментов и других следственных действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степичев С.С. О системе советской криминалистики//Правоведение. М., 1968. №4. С. 59–66.

2. Домбровский Р.Г. Предмет криминалистики: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Л.: 1974. 22 с.
3. Домбровский Р.Г. Криминалистическая деятельность и криминалистические отношения // Совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Ученые записки Латвийского государственного университета имени Петра Стучки. Рига: РИО ЛГУ им. Петра Стучки, 1973, Т. 188. С. 114–136.
4. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М.: Инфра-М-НОРМА, 2001. 240 с.
5. Можаяева И.П., Степанов В.В. Организационные основы деятельности следователя по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. М.: Юрлитинформ, 2007. 152 с.
6. Яблоков Н.П. Криминалистика. М.: НОРМА–ИНФРА·М, 2000. 371 с.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. / Под общ. ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва: Мир и Образование : ОНИКС, 2012. 1375 [1] с.
8. Головин А.Ю. Криминалистическая систематика. М.: ЛексЭст, 2002. 335 с.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2005 (ППП Тип. Наука). 431 с.
10. Бахин В.П. Криминалистика. Проблемы и мнения (1962–2002 г.г.). Киев, 2002. 268 с.
11. Головин А.Ю. Криминалистическая систематика. М.: ЛексЭст, 2002. 335 с.

On some features of the appointment of judicial expertise in the investigation of accidental explosions

M. V. Khorev

Tula State University (Russia, Tula)

Isengrim2@yandex.ru

The article deals with the issues of increasing the efficiency of the investigation of careless crimes related to emergency explosions. Recommendations are given for the effective implementation during the investigation of such a form of using special knowledge as the appointment and production of a forensic examination.

Keywords: sources of increased danger, forensic examination, emergency explosions.

СПЕЦИФИКА ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ МОНТАЖА В ФОНОГРАММАХ, СОЗДАННЫХ С ПОМОЩЬЮ ДИКТОФОНА МОБИЛЬНЫХ УСТРОЙСТВ НА БАЗЕ ОС APPLE

А.А. Цыганов¹, Д.Е. Зиновьев¹, П.М. Ивлева^{1,2}

¹Центр экспертизы и оценки «ЕСИН» (Россия)

²Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Нижний Новгород)

info@esin-expert.ru

В настоящей статье рассматриваются особенности выявления признаков монтажа и иных изменений, внесённых в фонограммы, созданные с помощью диктофона мобильных устройств на базе ОС Apple. В фокусе исследования специфика анализа свойств и метаданных файлов.

Ключевые слова: фоноскопическая экспертиза, признаки монтажа, диктофон, мобильные устройства, Apple iOS.

Одной из наиболее актуальных в настоящее время задач криминалистического исследования фонограмм является исследование последних с целью выявления признаков монтажа и (или) иных изменений, вносимых как в процессе записи, так и после её окончания. Данная задача носит многоаспектный комплексный характер и включает в себя анализ записей, осуществляемый на нескольких уровнях: аудитивном, лингвистическом, инструментальном [1], а также в рамках анализа метаданных и свойств файлов, содержащих исследуемые записи.

В настоящей статье остановимся подробно на последнем аспекте, а именно на описании специфики анализа свойств и метаданных файлов, содержащих фонограммы, при выявлении признаков монтажа и (или) иных изменений, вносимых в запись.

Монтаж фонограммы – это «объединение двух или более частей одной или нескольких ранее записанных фонограмм путём перезаписи, при котором могут вноситься изменения в записываемую информацию, и может изменяться очерёдность фрагментов» [2]. Данное определение подразумевает под собой процесс внесения изменений в готовую фонограмму после окончания её записи, причём такие изменения могут осуществляться различными способами: существует ряд операций, например, «продолжение», «вставка», «замена», «изъятие», «перестановка». Относительно цифровых звукозаписей следует говорить об электронном цифровом монтаже, т.е. «монтаже, осуществляемом компьютерными методами посредством специализированных программных звуковых редакторов с применением приёмов и средств автоматизации монтажа» [3].

Стоит также отметить, что изменения могут быть внесены не только после окончания фиксации фонограммы, но и в процессе её [фиксации] осуществления, например, путём остановки и возобновления (преднамеренно или непред-

намеренно) процесса звукозаписи. Подобное изменение фонограммы в процессе записи следует называть выборочной фиксацией. В таком случае выявление признаков изменения записи существенно осложняется тем, что в свойствах и метаданных полученных файлов не отражаются отметки, свидетельствующие о внесённых изменениях и программных продуктах, с помощью которых данные изменения осуществляются (как происходит в случае внесения изменений в готовую фонограмму после её записи) [4].

Экспертная практика показывает, что значительная часть запросов в рамках решения задачи криминалистического исследования фонограмм с целью выявления признаков монтажа и иных изменений, внесённых в процессе записи и после её окончания, выносятся относительно фонограмм, созданных с помощью мобильных устройств на базе операционной системы Apple.

ОПИСАНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТА

На мобильных устройствах iPhone имеется встроенная (предустановленная) функция создания голосовых записей (фонограмм) с помощью программы «Диктофон» (далее – диктофон). Диктофон на мобильных устройствах на базе операционной системы Apple имеет функционал, позволяющий осуществлять запись, её приостановление и возобновление, а также редактирование (внесение изменений) как в процессе записи (в момент постановки записи на паузу), так и после её окончания.

Ниже в таблице приводятся варианты интерфейса диктофона на мобильном устройстве iPhone 12 mini с версией iOS 15.2.1 в разных режимах работы. Рис. 1 – интерфейс диктофона в момент осуществления записи, в нижней части экрана находится активная кнопка, позволяющая приостановить процесс записи (кнопка «пауза» выделена на рис.1 прямоугольником зелёного цвета). Рис. 2 – интерфейс диктофона в момент постановки записи на паузу, в нижней части экрана активна кнопка «возобновить» (выделена на рис. 2 прямоугольником зелёного цвета). Также в момент приостановления записи доступна функция замены части записи новыми акустическими событиями (перезапись) (кнопка «замена» отмечена на рис. 3 прямоугольником зелёного цвета). Осуществить это можно при изменении положения курсора относительно конца записи (курсор отмечен на рис. 3 стрелкой зелёного цвета). После окончания записи в неё также можно внести изменения встроенным редактором (функция правки отмечена на рис. 4. Прямоугольником зелёного цвета). Рис. 5 – интерфейс встроенного редактора записей, рис. 6 – интерфейс встроенного редактора записей после выбора какого-либо отрезка записи (активные кнопки «обрезать» и «удалить» отмечены на рис. 6 прямоугольником зелёного цвета).

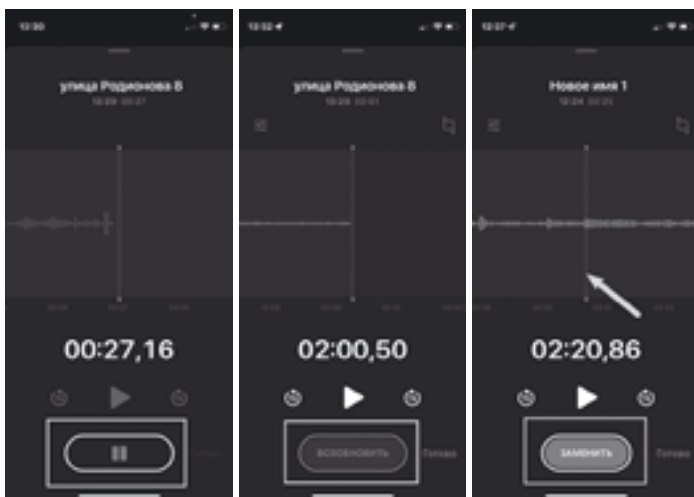

Рис. 1–3.

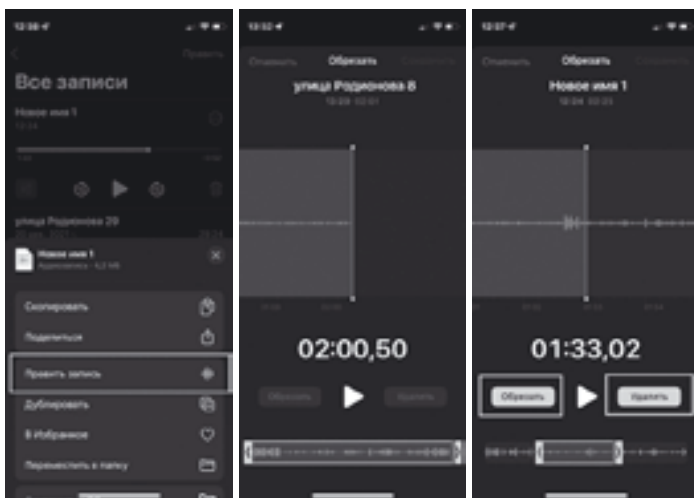

Рис. 4–6.

Таким образом, потенциально внести изменения в фонограмму, созданную с помощью диктофона мобильного устройства на базе ОС Apple, можно несколькими способами: 1) во время осуществления записи путём её приостановления и последующего возобновления (что позволяет осуществлять выборочную фиксацию разговора); 2) во время осуществления записи путём её приостановления и одновременного редактирования с помощью встроенного функционала диктофона; 3) после завершения записи с помощью встроенного функционала диктофона, позволяющего осуществлять редактирования записей; 4) после завершения записи с помощью программного продукта, позволяющего осуществлять редактирование записей.

Для выявления особенностей, которые можно обнаружить в результате анализа свойств и метаданных файлов, нами был проведён эксперимент, в ходе которого с помощью диктофона мобильного устройства iPhone 12 mini (версия iOS 15.2.1) были созданы пять экспериментальных фонограмм. Следует отметить, что при этом процесс записи не приостанавливался, а также никакие изменения не были внесены в полученные фонограммы после окончания записи. На рис. 7 в качестве примера приводятся метаданные одной из полученных экспериментальных фонограмм, метаданные файла были сняты с помощью программного продукта «MediaInfo» (ver. 19.04). Приведённая здесь и далее информация из метаданных файлов также подтверждается в ходе анализа заголовков файлов с помощью шестнадцатеричных редакторов.

Рис. 7.

АНАЛИЗ СВОЙСТВ И МЕТАДАНЫХ ОРИГИНАЛЬНОЙ ФОНОГРАММЫ

Анализируя метаданные экспериментальной фонограммы, заведомо не подвергавшейся монтажу и каким-либо иным изменениям, можно установить следующее:

– значения отметок «дата записи» (18 марта 2022 г. в 09 ч. 24 мин. 22 сек. без учёта часового пояса) и «дата кодирования» (18 марта 2022 г. в 09 ч. 24 мин. 22 сек. без учёта часового пояса) совпадают и соответствуют фактическому времени начала записи (фактически начало записи осуществлялось 18 марта 2022 г в 12 ч. 24 мин. с учётом часового пояса по стандарту UTC+3);

– фактическое время окончания записи (12 ч. 27 мин. с учётом часового по-

яса по стандарту UTC+3) совпадает с временем, полученным путём сложения времени начала записи с её продолжительностью;

– «дата пометки» (12 ч. 27 мин. 23 сек. с учётом часового пояса по стандарту UTC+3) – время фактического окончания записи в сумме с временем, требующимся устройству для создания имени готового файла (обычно составляет 01–02 сек.).

Таким образом, для оригинальных фонограмм действуют следующие закономерности: (а) «дата кодирования» = «дата записи» = время начала записи; (б) фактическое время окончания записи = продолжительность записи + «дата записи»; (в) «дата пометки» = время фактического окончания записи + время, затрачиваемое устройством на присвоение имени файлу (в случае, если имя файла было изменено спустя некоторое время после его [файла] создания, «дата пометки» меняется на время, в которое происходило данное изменение).

Полученные данные (аналогичные для всех созданных экспериментальных фонограмм) позволяют определить, что первичным и наиболее очевидным признаком монтажа или иных изменений, внесённых в процессе записи, будет несовпадение отметок «дата записи» и «дата кодирования». Кроме того, если разница между временными отметками «дата пометки» и «дата записи» (или: разница между временными отметками «дата пометки» и «дата кодирования») не равна продолжительности фонограммы, подобный случай также следует рассматривать как возможный признак монтажа и/или иных внесённых изменений.

С целью проверки данной гипотезы нами были созданы экспериментальные фонограммы в соответствии с возможными способами осуществления монтажа в ходе записи и после её завершения, а именно: (1) путём приостановления записи, (2) внесения изменений с помощью функционала диктофона на мобильном устройстве и (3) внесения изменений с помощью иных программных продуктов на ПК.

АНАЛИЗ СВОЙСТВ И МЕТАДАНЫХ ФОНОГРАММ С ВНЕСЁННЫМИ В ПРОЦЕССЕ ЗАПИСИ ИЗМЕНЕНИЯМИ

С целью проверки того, отражается ли постановка записи на паузу (приостановление) и последующее её возобновление в свойствах и метаданных готового файла, была создана экспериментальная фонограмма, которая преднамеренно была приостановлена в районе 02 мин. после начала записи. Запись была начата в районе 13 ч. 29 мин. (с учётом часового пояса по стандарту UTC+3), что находит отражение в метаданных файла, фрагмент которых приведён ниже на рис. 8.

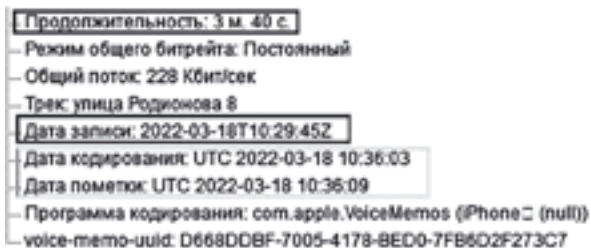

Рис. 8.

Следует отметить, что отметки «дата записи» и «дата кодирования» не совпадают, как в случае с оригинальной фонограммой, описанном выше. «Дата кодирования» в фонограмме с внесёнными в ходе записи изменениями близка к «дате пометки», при этом имеющиеся различия в 06 сек. могут также быть объяснены временем, затраченным на присвоение имени готовому файлу.

При сложении времени начала записи (13 ч. 29 мин. 45 сек. с учётом часового пояса по стандарту UTC+3) с её продолжительностью согласно метаданным файла (03 мин. 40 сек.) можно получить следующую временную отметку: 13 ч. 33 мин. 25 сек. с учётом часового пояса по стандарту UTC+3. Данная отметка отличается от времени окончания записи на 02 мин. 38 сек., данный интервал соответствует времени, в течение которого запись фонограммы была приостановлена.

Помимо приостановления в процессе записи фонограммы также может быть осуществлена перезапись (замена) какой-либо её части, а также комбинация обоих методов. Следует понимать, что все эти способы так или иначе отражаются на временных отметках, указанных в метаданных файлов, однако дальнейшее установление деталей относительно того, каким образом были внесены изменения и какие это были изменения, может быть установлено только в рамках аудитивно-лингвистических, визуально-инструментальных исследований зафиксированных на фонограммах акустических событий, а также в ходе анализа экстралингвистических событий, сопровождающих запись.

С целью проиллюстрировать данный тезис приведём следующий пример из экспертной практики: в рамках решения вопроса монтажа на исследование поступила фонограмма, содержащая запись заседания суда. В метаданных файла указана продолжительность записи, не совпадающая с временным интервалом, полученным путём вычитания времени начала записи из времени её окончания. В ходе анализа акустических событий, зафиксированных на фонограмме, было установлено, что некоторая часть данных событий отсутствует, а именно акустические события, сопровождающие уход суда в совещательную комнату и последующее возвращение, не могут соответствовать действительности ввиду слишком малой продолжительности. Об этом можно сделать вывод исходя из анализа общего контекста. Таким образом, используя комплексный подход,

можно не только определить наличие в фонограмме следов изменений, внесённых в процессе записи, но и выявить на записи конкретный временной интервал или точку, в районе которых эти изменения вносились.

АНАЛИЗ СВОЙСТВ И МЕТАДАНЫХ ФОНОГРАММ С ВНЕСЁННЫМИ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ЗАПИСИ ИЗМЕНЕНИЯМИ

С целью дальнейшего исследования того, как внесённые в фонограммы изменения отражаются в свойствах и метаданных файлов, нами была создана экспериментальная фонограмма, изменения в которую вносились с помощью функционала диктофона на мобильном устройстве после окончания записи. Изменения вносились в записанную ранее оригинальную экспериментальную фонограмму, метаданные которой приведены выше на рис. 7. Метаданные полученного в ходе изменения файла приведены на рис. 9.

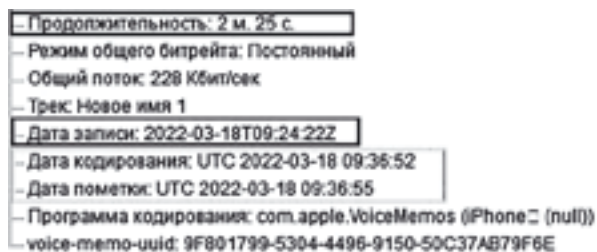

Рис. 9.

В результате анализа метаданных файла с внесёнными после окончания фиксации изменениями установлено следующее: отметка «дата записи» совпадает с фактическим временем начала записи (12 ч. 24 мин. 22 сек. с учётом часового пояса по стандарту UTC+3), при этом не совпадая с «датой кодирования». «Дата кодирования» в свою очередь по значению близка к «дате пометки»: «дата пометки» была зафиксирована устройством на 03 сек. позже.

Зная обстоятельства записи фонограммы и факт последующего внесения в неё изменений, следует отметить, что фактическую продолжительность записи в данном случае не удастся вычислить тем же способом, который применялся к фонограмме, приостановленной в процессе записи, т.е. путём вычитания времени начала записи из времени, указанном под отметкой «дата кодирования». Объясняется это тем, что «дата кодирования» в данном случае ставится устройством не в момент фактического завершения записи, а в момент сохранения записи после внесения в неё изменений. Иными словами, нельзя утверждать, что редактирование записи всегда будет осуществляться непосредственно после завершения записи фонограммы, а не спустя некоторое время. Кроме того, время, затрачиваемое на редактирование записи, также увеличивает «разрыв» между фактической продолжительностью записи и временем, полученным в

результате описанного выше вычисления.

Аналогично обстоит дело и с «датой пометки», которая создаётся в момент присваивания имени файла непосредственно после окончания его редактирования.

Для того чтобы проиллюстрировать данную особенность, повторно внесём изменения в уже имеющуюся запись: новые метаданные приводятся ниже на рис. 10.

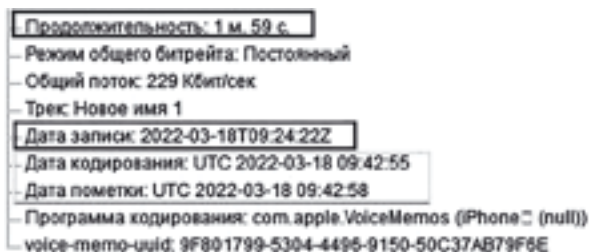

Рис. 10.

Отметим, что дата начала записи осталась прежней, при этом время, зафиксированное под отметкой «дата кодирования», изменилось на время окончания повторного редактирования записи (12 ч. 42 мин. 55 сек. с учётом часового пояса по стандарту UTC+3). «Дата пометки» после завершения редактирования также изменилась на актуальную.

Итак, анализ метаданных и свойств файлов, созданных с помощью диктофона мобильных устройств на базе ОС Apple, является одной из ключевых составляющих анализа в рамках выявления монтажа и (или) иных изменений, внесённых в процессе записи или после её окончания. Обращать особое внимание при этом следует на временные отметки и их соотношение друг с другом, так как зачастую они позволяют определить наличие следов монтажа, а также установить некоторые фактические временные показатели. Однако дальнейшее определение обстоятельств, при которых данные изменения были внесены, устанавливаются в ходе аудитивно-лингвистических, визуально-инструментальных исследований зафиксированных на фонограммах акустических событий, а также в ходе анализа экстралингвистических событий, сопровождающих запись.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каганов А.Ш. Разветвленный лингвистический анализ как инструмент выявления признаков монтажа фонограмм / А.Ш. Каганов // Научный диалог. 2021. № 2. С. 62–78. – DOI 10.24224/2227-1295-2021-2-62-78.
2. ГОСТ 13699–91 «Запись и воспроизведение информации, термины и определения», (п. 301).
3. Каганов А.Ш. Криминалистическая экспертиза звукозаписей. М.: Юрли-

тинформ, 2005.

4. Зиновьев Д.Е., Цыганов А.А. Использование контрольных сумм при производстве комплексной судебной психолого-лингво-фоноскопической экспертизы // Современные компьютерные технологии в комплексной судебной экспертизе: Вестник Калужского университета. Серия «Психологические науки. Педагогические науки». 2021.

The specifics of detecting editing signs in phonograms created by a mobile voice recorder on Apple iOS

A.A. Tsyganov¹, D.E. Zinoviev², P.M. Ivleva^{1,2}

¹“ESIN” (Russia)

²National Research University “Higher School of Economics”

(Russia, Nizhny Novgorod)

info@esin-expert.ru

This article is devoted to the procedure of detecting editing signs via metadata analysis of the phonograms, created using mobile voice recorder on Apple iOS. The main focus is on the metadata analysis.

Keywords: forensic phonetics, editing signs, voice recorder, mobile devices, Apple iOS.

ВЛАСТЬ ИЗОБРАЖЕНИЯ НАД ТЕКСТОМ И ДРУГИЕ ВЫЗОВЫ ЭПОХИ ГЕЙМИФИКАЦИИ: ЧЕМ ОТВЕТАТ ЭКСПЕРТЫ-РЕЧЕВЕДЫ?

Е.А. Чубина

Московский государственный юридический университет

имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, Москва)

chubina@mail.ru

Статья посвящена осмыслению тех явлений, которые серьезным образом отражаются на экспертной практике уже сегодня, в том числе – геймификации. Сделаны выводы о необходимости корректировки методических подходов к решению ряда экспертных задач в области судебного речеведения.

Ключевые слова: речеведческие экспертизы, геймификация, информационная безопасность.

Использование игровых элементов и техник в неигровых контекстах (политика, маркетинг, медиа, образование) становится отличительным признаком современной коммуникации. Многочисленные примеры описаны в книге Джейн Макгонигал «Reality is Broken» («Реальность под вопросом»). Название символично, поскольку геймификация, т.е. то самое «использование игровых элементов и техник игрового дизайна в неигровых контекстах» [1], как технология активно используется сейчас для построения «реальности под вопросом» – смешанной (гибридной) реальности, где реальный и виртуальный миры

смешаны. Эта технология оттачивалась первоначально в относительно мирных проектах, например: Google в свое время запустил игру Ingress, по сценарию которой некая группировка распространяет по всему миру через определенные «порталы» (их роль играют некоторые реальные объекты: фонтаны, здания и пр.) материю, которая способна изменить ход всей человеческой истории. Суть игры заключается в сражении команд («Просвещенные» и «Сопrotивление») за контроль над порталами, но прежде, чем объект (портал) появится на карте игры «Ingress», игрок должен отправить фотографию объекта в Google, чтобы выяснить, действительно ли это портал. Таким образом, играя, люди на самом деле собирали фотографии для карт Google, а сама корпорация совершенно бесплатно получила базу изображений самых разных объектов.

Однако в настоящее время геймификация все чаще воспринимается как опасная технология. Ее инструментарий (счетчики репутации, лидерборды, бейджи, виртуальные награды, баллы, рейтинги, дайджесты успеха, системы поощрений и пр.) уже давно взяли на вооружение экстремистские организации с целью вовлечения и вербовки новых членов и расширения зон своего влияния.

Так, авторы статьи «Противодействие использованию технологий геймификации в террористических и экстремистских целях» [2, стр. 87–95] писали об использовании принципов геймификации (рейтинги, ранги, поощрения) на сайтах, связанных с террористическими исламистскими организациями, с целью стимулирования пропаганды ненависти и поощрения воинственности (например, человек, который разместил пропагандистские посты наибольшее количество раз, получает наивысший рейтинг, а также различные дополнительные возможности в виде открытого доступа к размещению аватара, выделения тем или иным образом своего ника и пр.).

Сам же термин «геймификация» стал широко использоваться после террористического нападения на синагогу в немецком городе Галле в октябре 2019 года, когда злоумышленник в прямом эфире в стиле шутера (стрелялки из видеоигры) транслировал свое нападение при помощи камеры, прикрепленной к его руке. Позже в СМИ это назвали «геймификацией террора». О том, насколько геймифицировано само общество, говорит тот факт, что многие негативные отзывы о происшедшем связаны были не с тем, что реально сделал стрелок, а с тем, что «счет» стрелявшего был недостаточно высок. Наблюдавшие воспринимали, оценивали и анализировали реально происходящее как видеоигру.

Геймифицированную коммуникацию описал в своей книге «Игры подсказчика» итальянский криминолог Донато Карризи, рассказав о действиях «подсказчика» («сублиминального киллера», того, кто убивал чужими руками): «Выбирали посредника, настраивали его на свой лад и наконец убеждали следовать своим собственным, самым темным инстинктам. Подсказчики не име-

ли никакой связи с жертвой, не вступали с ней в контакт, не дотрагивались до нее даже пальцем. Порой даже не знали ее, поскольку намечали не сами. Пусть выбирает последователь, покопавшись в своих желаниях или в своей злобе. Почти никогда не присутствовали при убийстве. Иногда находились совсем в другом, отдаленном месте. Зачастую все это делало их неуязвимыми для правосудия. Им нельзя было предъявить обвинение, нельзя было наказать. Но главное, было трудно – почти невозможно – обнаружить их. Они ставили себе целью не убить и даже, как это ни парадоксально, не причинить зло. То и другое – не более чем следствия, причем второстепенные, истинной причины, которая двигала ими. Власть, позволяющая изменять личность, превращать безобидных людей в садистов и убийц» [3].

Описанная здесь модель коммуникации использует вовлечение иной природы, вовлечение, не основанное на непосредственном контакте (в привычном понимании этого слова). Игра становится системообразующим феноменом таких коммуникаций. По-нашему мнению, в природе геймификации следует искать ключ к пониманию современных процессов манипулирования и вовлечения.

Возникают обоснованные опасения, что имеющиеся экспертные подходы к анализу речевых механизмов вовлечения не дадут требуемого результата, поскольку были разработаны применительно к классической контактной коммуникации без учета тех особенностей, которые привнесла геймификация. Требуется изучения вопрос о том, можно ли применительно к ситуации бесконтактной и бесструктурной коммуникации кого-то называть агенсом в привычном значении этого термина («тот, кто направляет действие на других участников коммуникации»). Требуется изучения вопросы, связанные с определением роли и функции собеседников в речевой ситуации и установлением характера волеизъявления участников коммуникации. Есть основание полагать, что тех признаков, которые прописаны в известной методике [4], будет недостаточно, если анализировать коммуникацию, построенную на технологиях геймификации (в первом приближении назовем ее геймифицированной коммуникацией).

Ситуация усугубляется еще и тем, что поколение миллениумов, выросшее на игровых технологиях, на когнитивном уровне позитивно воспринимает любое содержание, упакованное в привычную для них форму игры, порог критического восприятия информации снижен. Даже откровенно фейковое содержание не вызывает когнитивного диссонанса.

«Специфика клипового сознания «поколения Z» кроется в том, что оно в отличие от понятийного, оперирующего различными категориями, не осмысливает, а визуализирует окружающий мир. Это открывает для политтехнологов и их заказчиков, нацеленных на корректировку мировосприятия граждан через современные коммуникационные арены, поистине огромные перспективы для

латентной пропаганды» [5, стр. 85–97]. В процитированной выше работе приводится такой факт: в 2017 г. учёные из университетов Глазго и Кардиффа провели исследование на материале 57 популярнейших компьютерных игр, цель работы – выяснить, как в играх представлен образ врага. Результат: в качестве врагов и агрессоров чаще всего выступают русские. Былые герои – зомби и космические пришельцы – практически не используются в современных пропагандистских штампах. «Посредством вселенной игры происходит целевая микротаргетированная пропаганда: на геймеров, не знакомых с фундаментальными историческими исследованиями, производит большое воздействие эпичный образ нацистских солдат, их гибель обыгрывается весьма кинематографично. Рядовые же красноармейцы изображаются жестокими, кровожадными, показываются мрачные, садистские сцены с работниками НКВД. Такого рода политическая технология стереотипизации приводит к тому, что геймер перестаёт испытывать элементарное сочувствие, сострадание к солдатам Красной армии» [5]. Нужно ли что-то еще говорить о перекраивании истории и формировании антироссийской повестки?

Игровые технологии уже давно используются для разрушения системы ценностей, дестабилизации общества и организации беспорядков. В стилистике знакомых с детства игровых кричалок «Кто не спрятался, я не виноват!» подавались националистические лозунги «Кто не скачет, тот москаль!».

Геймификация сейчас стала оружием в информационной войне, мощным инструментом манипулирования, инструментом вовлечения аудитории как в сами процессы функционирования средств массовой коммуникации, так и в построение фэйковой псевдореальности, причем при построении этой самой «реальности» на первый план выходит картинка, а вслед за ней – короткий, максимально сжатый до нескольких предложений текст.

Власть изображения над текстом – об этом все чаще говорят современные исследователи медиасреды.

Это тоже вызов перед экспертным сообществом, поскольку, как известно, наиболее сложным для лингвистического анализа является такой способ передачи смысла, который связан с изображением (об этом подробнее в работе А.Н. Баранова [6, стр. 100]). Созвучно этому мнению других исследователей: «Так, лингвистическая экспертиза может быть проведена в отношении ограниченного числа объектов, так как ее объект обязательно должен содержать основную словесную составляющую на русском языке. Если же невербальная (несловесная, или изобразительная) составляющая преобладает и на нее приходится основной смысл материала, то имеет место ограниченность лингвистических методов для решения поставленной задачи, объект может быть признан непригодным для лингвистического исследования» [7].

Сегодня информационные материалы как продукты речевой деятельности

являются объектами не только судебной лингвистической экспертизы, но и судебной психологической экспертизы, что, конечно, справедливо. С 2018 г. в судебно-экспертных учреждениях Минюста России появилась самостоятельная экспертная специальность 20.2 «Психологическое исследование информационных материалов».

Однако анализ природы современного медийного пространства доказывает, что считать приоритетными комплексные исследования информационных материалов с применением специальных знаний только из области лингвистики и психологии, это уже вчерашний день. Насущно необходимыми являются также специальные знания в сфере связей с общественностью (pr-продвижение объекта), медиаконструирования и медиафункционирования, знания в компьютерно-программной сфере. Их нельзя недооценивать. Грань, которая отделяет информирование от пропаганды, хорошо известна профессионалам PR и политтехнологам, их специальные знания могут и должны использоваться при проведении комплексных экспертиз информационных материалов (конечно, сообразно поставленным экспертным задачам). Этот вопрос требует системной проработки, без сомнения.

В аспекте сказанного выше актуализируется и еще одна проблема: совершенствование экспертных подходов к анализу креолизованного текста. Мы отчасти касались вопросов анализа таких текстов применительно к маркетинговой коммуникации [8].

Обычно взаимодействие вербального и невербального (в том числе – образительного) компонента строится по-разному: могут использоваться приемы усиления, противопоставления, монтажа, но это всегда взаимодействие внутри целого. И вербальный, и невербальный компонент работают на создание текста в единстве формы и содержания. Связь вербального и визуального компонентов происходит на уровне содержательном (предметно-тематическом), композиционном и языковом. Закон единства формы и содержания речевого произведения диктует единственно возможный подход к анализу креолизованных текстов: методически необходимо при проведении исследования рассматривать вербальный компонент в единстве с невербальным.

В практике экспертной деятельности разработаны определенные подходы к анализу креолизованных текстов, построенных по моделям с безусловной самостоятельностью вербальной части: «текст + изображение» (Т + И) и «изображение = текст» (И = Т), но сложнее обстоят дела с креолизованными текстами, где языковой код не является доминирующим: «изображение + текст» (И + Т). Именно эта модель является продуктивной в геймифицированной коммуникации.

Как справедливо отмечала Е.Л. Дайлоф, «декодирование информации, выраженной средствами иной, чем языковая, знаковой системы предпола-

ет визуальную интерпретацию изображения и его вербализацию – словесное описание, воспроизведение в форме высказывания содержания и смысла визуального образа» [9, стр. 77]. Вербализация изображения в условиях геймифицированной коммуникации может потребовать знаний условных знаков, команд, понятных только тем, кто работает с технологиями геймификации. Иначе сложно противодействовать деструктивным сообществам, использующим язык игры как особый код.

Таким образом, развитие ИКТ и появление новых цифровых объектов – вызов для всего класса речеведческих экспертиз.

Ответы на многие важные для экспертной практики вопросы, по-нашему мнению, нужно искать в природе современной социальной коммуникации, построенной – среди прочего – на технологиях геймификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вербих К., Хантер Д. Вовлекай и властвуй. Игровое мышление на службе бизнеса. М.: Миф, 2019.
2. Меркурьев В.В., Хлопкова О.В., Клементьев А.С. Противодействие использованию технологий геймификации в террористических и экстремистских целях // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 1. С. 87–95.
3. Карризи Д. Игры подкащика. М.: Азбука, 2021. 416 с.
4. Лингвистическая экспертиза. Лингвистическое исследование устных и письменных текстов // Т.В. Назарова, Е.А. Гримайло, Н.Ю. Мамаев, А.П. Коршиков, А.В. Ростовская ЭКЦ МВД России / Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств: Ч. 1 / Под ред. Ю.М. Дильдина. М.: ИНТЕРКРИМ-ПРЕСС, 2010. С. 243–292.
5. Федорченко С.Н. Политические технологии в компьютерных играх как новый формат информационного воздействия // Информационные войны. 2018. № 4 (48). С. 85–97.
6. Баранов А.Н. Угроза в криминальном дискурсе (семантика и прагматика). М.: ИЦ «Азбуковник», 2021. 219 с.
7. Секераж Т.Н., Кузнецов В.О. Исследования информационных материалов – актуальное направление судебно-экспертной деятельности // Закон, 2019, N 10. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.01.2022).
8. Чубина Е.А. Судебная лингвистическая экспертиза рекламы: дискуссионные вопросы // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2019. Т. 1. № 15. С. 239–257.
9. Дайлоф Е.Л. К вопросу о лингвистическом анализ невербального компонента креолизованного текста: проблемы вербализации смыслового содержания // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. №3. С. 77.

Image dominates text and other challenges of the era of gamification: what will forensic experts say?

E.A.Chubina

Kutafin Moscow State Law University (MSLA), (Russia, Moscow)

chubina@mail.ru

The article is devoted to understanding those phenomena that are seriously reflected in expert practice today, including gamification. Conclusions are drawn about the need to correct methodological approaches to solving a number of expert problems

Keywords: speech expertise, gamification, information security

ОПЫТ РАСПОЗНАВАНИЯ МАНИПУЛЯТИВНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА КАЗАХСТАНСКИХ ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИКАЦИЙ)

М.Т. Шакинова¹, Г.К. Шаикова², М.А. Баймаханбетов³, А.К. Хамзин⁴

¹НАО «Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова»

(Казахстан, Шымкент)

²НАО «Торайгыров Университет» (Казахстан, Павлодар)

³Информационно-аналитический центр (Казахстан, Нур-Султан)

⁴Редакция газеты «Панорама Шымкента» (Казахстан, Шымкент)

taigul1379@mail.ru

Обращение к манипулятивному дискурсу массмедиа вызван бесконечным потоком информации, влияющей на сознание и настроение массовой аудитории. Не случайно бытует мнение, что в настоящее время идет информационная война, главным оружием которой является манипуляция сознанием массового читателя. В связи с этим массмедиа может представлять информационную опасность и вызвать социальную нестабильность в обществе и государстве. Инструментом манипуляции выступают манипулятивные тексты, которые стремительно заполняют информационное дискурс-пространство, что требует компьютерной обработки большого потока информации на распознавание манипулятивных публикаций. Следует отметить, что существуют определенные трудности параметризации манипулятивных средств для компьютерной обработки с учетом не только внеязыковых индикаторов, но и собственно языковых, поскольку языковая реперзентация манипулятивного содержания зачастую является скрытой и затемненной. В данной статье описан опыт автоматического распознавания манипулятивных публикаций.

Ключевые слова: манипулятивность, манипулятивные публикации, индикаторы манипулятивности, автоматическое распознавание, алгоритмизация подхода, лексико-словарный подход

В условиях стремительного развития медиaprостранства необходимо формирование медиаграмотности населения, поскольку нередко медиадискурс может включать фейковую, необъективную, недостоверную информацию, а также иметь высокий манипулятивный потенциал. В связи с этим важно различать не просто манипулятивные публикации от неманипулятивных, но и разработать механизмы обработки больших баз данных, что становится воз-

возможным при использовании методов корпусной и компьютерной лингвистики. В данной статье опыт распознавания манипулятивных публикаций, проведенный на материале русскоязычных казахстанских интернет-публикаций.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ МЕТОДИКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МАНИПУЛЯТИВНОСТИ ПУБЛИКАЦИЙ

Цель исследования – разработка методики компьютерного диагностирования манипулятивности казахстанского контента массмедиа.

Для реализации данной цели были решены следующие задачи:

- выработано понятие манипулятивности дискурса массмедиа;
- сформирована группа экспертов-филологов для отбора и анализа манипулятивных публикаций;
- сформирован корпус манипулятивных публикаций с участием экспертов;
- составлена инструкция для экспертов, в которой кратко разъясняется понимание манипулятивности в науке и представлен алгоритм анализа текстов в заданном формате;
- в результате работы экспертной группы выявлены речевые и языковые индикаторы манипулятивности публикаций;
- по итогам анализа корпуса манипулятивных публикаций экспертами сформированы словари и формализованы правила по индикаторам манипулятивности дискурса массмедиа;
- на этапе выверки и согласования правил и словарей были систематизированы и в ряде случаев расширены словари, а также прописаны алгоритмы по ряду формализованных правил;
- автоматическое распределение публикаций тестового корпуса на манипулятивные и неманипулятивные будет проводиться на основе наличия выявленных индикаторов манипулятивности в их совокупности.

ПОНЯТИЕ МАНИПУЛЯТИВНОСТИ ДИСКУРСА МАССМЕДИА

В результате изучения научных работ, посвященных вопросам манипуляции и манипулятивного дискурса [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7] был выработан концепт манипулятивности. Под ней понимается определенное имплицитное манипулятивное воздействие, при котором реализуются интенции манипулятора в рамках выбранных стратегий и тактик манипуляции посредством грамотно отобранных языковых единиц. В результате манипулируемый непроизвольно из ряда альтернативных выбирает выгодную манипулятору пресуппозицию [8].

Иными словами, под манипулятивностью текста нами понимается совокупность, определенные комбинации речевых стратегий и тактик, создаваемых с целью неявного воздействия на общественное сознание и выраженных определенными языковыми индикаторами [9].

ОТБОР ЭКСПЕРТОВ-ЛИНГВИСТОВ

Ведущими субъектами исследования манипулятивности дискурса массмедиа являются лингвисты-эксперты, которые провели как отбор манипулятивных публикаций, так и их дискурсивный и лингвистических анализ. В экспертную группу были приглашены ученые-филологи, научные интересы которых находятся в русле прагмалингвистики, теории дискурса и когнитивной лингвистики. Более того, данные ученые на предыдущих этапах проводимого нами исследования принимали участие в анализе текстов на определение тональности, достоверности, объективности и др., в связи с чем знакомы с целями и задачами научного проекта, а также приобрели определенные навыки по разметке текстов и формализации правил по информативным признакам.

КОРПУС МАНИПУЛЯТИВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

В корпус манипулятивных публикаций вошли русскоязычные тексты 5 казахстанских информационных источников, в которых публикуются развернутые аналитические статьи на актуальные социально значимые темы и в которых проявляются вербально выраженные средства, обладающие манипулятивным потенциалом (<https://camonitor.kz>, <https://kz.expert>, <https://rezonans.kz>, <https://www.azattyq.org>, <https://www.ktk.kz>). Из 10 000 публикаций лингвистами после внимательного, неоднократного прочтения и наблюдения за языковым материалом были отобраны 1063 публикации. Из них 1000 публикаций впоследствии подверглась дискурсивному и лингвистическому анализу с целью выявления индикаторов манипулятивности массмедийного текста.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ИНСТРУКЦИИ

Для целенаправленной и скоординированной работы экспертов-лингвистов по анализу текстов была составлена инструкция, в которой представлен краткий обзор дефиниций манипуляции в различных дискурсах, выработано общее понимание манипулятивности, а также перечислены возможные маркеры манипулятивности дискурса массмедиа, обозначенные в инструкции как речевые и языковые индикаторы, представлены схема и образец анализа манипулятивного текста.

ИНДИКАТОРЫ МАНИПУЛЯТИВНОСТИ ДИСКУРСА МАССМЕДИА

Лингвистами определены две группы индикаторов, условно обозначенные как речевые и языковые. Речевые индикаторы (стратегии и тактики манипуляции), как экстралингвистические факторы явления манипуляции, представляют собой очень трудно исследуемый объект для машинного обучения. В связи с этим основными показателями манипулятивности текста как валидных метрик компьютерного диагностирования манипулятивности текста являются языковые индикаторы. В процессе работы для экспертной группы проводился инструктаж, а также координация их работы. По результатам анализа эмпири-

ческого материала были дополнены речевые и языковые индикаторы (к примеру, предложения с двойным отрицанием, формы сослагательного наклонения, окказионализмы и др.).

Как отмечалось выше, в связи с дальнейшей компьютерной диагностикой манипулятивных текстов в фокусе внимания находятся только языковые индикаторы. Лингвистами выявлено 34 языковых индикатора. Перечислим некоторые из них: слова с высоким индексом негативной тональности; слова со средним и невысоким индексом негативной тональности; устойчивые выражения, штампы с негативной тональностью; прецедентные имена; слова, передающие казахстанское содержание; генерализаторы; кинетические предикаты; визуальные предикаты; аудиальные предикаты; обонятельные предикаты; разговорная лексика; инвективная лексика; риторические вопросы и вопросительные предложения; риторические восклицания и восклицательные предложения; высокая частотность употребления частицы не; высокая частотность употребления слов с приставкой не-; двойное и усиленное отрицание и др.

Определенные индикаторы были исключены из списка в связи с тем, что существует сложность их алгоритмизации, к примеру, в связи с многозначностью и омонимией в языке (прецедентные имена, устойчивые выражения, штампы с негативной тональностью, слова, используемые с целью создания негативной тональности, иронии и др.); в-третьих, ряд индикаторов был интегрирован (аудиальные, визуальные и кинестетические, обонятельные предикаты были объединены в две словаря сенсорных предикатов, встречающихся в тексте 1 раз (например, божиться, ахать и др.) и 3 и более раза (например, говорить, просить и др.).

ПРИМЕНЕНИЕ СЛОВАРЕЙ ПРИ РАСПОЗНАВАНИИ ИНДИКАТОРОВ МАНИПУЛЯТИВНОСТИ ПУБЛИКАЦИЙ

При применении словарей было использовано программное обеспечение Python, свободно доступное для оцифрования корпусов текстов и позволяющее распознать слова загруженного в программу словаря.

Были отобраны, оптимизированы, дополнены и расширены следующие словари, составленные лингвистами, перечислим некоторые из них: словарь слов с высоким индексом негативной тональности; словарь слов со средним и невысоким индексом негативной тональности; словарь разговорной лексики; словарь инвективной лексики; словарь слов с приставками не-, против-, анти-, а-; словарь сенсорных предикатов (1 раз) и словарь сенсорных предикатов (3 и более раза); словарь вводных и модальных слов и сочетаний; словарь аббревиатур (при распознавании алгоритмическим путем признака «Использование заглавных букв») и др.

РАЗРАБОТКА АЛГОРИТМОВ ДЛЯ РАСПОЗНАВАНИЯ ИНДИКАТОРОВ МАНИПУЛЯТИВНОСТИ ПУБЛИКАЦИЙ

Описание алгоритмов производилось на языке Python, который реализован практически на всех платформах и операционных системах. Были установлены основные библиотеки, используемые в этой работе: pandas, numpy. Языковая разметка выполняется путем подсчета количества слов, отнесенных лингвистами к словарю по определенному признаку (обозначенные выше словари) с помощью функций apply.

Рассмотрим распознавание индикатора «Предложения с двойным отрицанием», «Конструкции с призывом к действию» путем алгоритмизации. С целью алгоритмизации данных индикаторов были предварительно сформулированы наиболее распространенные модели перечисленных конструкций, обладающих манипулятивным потенциалом в дискурсе СМИ. По каждой оформленной модели были прописаны алгоритмы. Так, например, для одной из моделей конструкций с двойным отрицанием задается команда поиска в тексте двух элементов с отрицанием «никто + 1-3 шага + «не». Рассмотрим некоторые модели: «никакой (никакого, никаких) +1-2 шага + не» (никакой проблемы не видят, никакого транзита не намечается, никакой экспертизы не надо, никаких мер принято не было), «никакой + ни + 1-2 шага + нет» (помощи никакой ни от кого нет), «нет + никакой (никакого, никаких)» (нет никакой информации, нет никакого дела, нет никаких предпосылок) и др.

ТЕСТИРОВАНИЕ КОРПУСА НА НАЛИЧИЕ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Большинство выявленных языковых индикаторов смогут стать статистически валидными параметрами автоматизированного диагностирования манипулятивности казахстанского русскоязычного массмедиа [10]. Для экспериментальной проверки данных индикаторов манипулятивности на их валидность был составлен корпус, включающий манипулятивные и неманипулятивные публикации. Первая часть тестируемого корпуса (1 140 манипулятивных текстов) состоит из корпуса манипулятивных публикаций, составленных лингвистами-экспертами (1 063 ед.), и текстов, определяемых как манипулятивные участниками экспериментального онлайн-тестирования в рамках мультиагентного подхода (76 ед.). Вторая часть (1 036 неманипулятивных публикаций) включает тексты, обозначенные участниками вышеназванного эксперимента по мультиагентному подходу (454 ед.), а также отобранные лингвистами-экспертами в ходе проверки тех или индикаторов манипулятивности (582 ед.). При формировании данного тестового корпуса был учтен принцип сбалансированности: приблизительно равномерное количество манипулятивных и неманипулятивных публикаций.

Было проведено машинное обучение с использованием модели Random Forest (случайный лес). Проведенный эксперимент подтвердил проведенную

лингвистами и участниками тестирования мультиагентного подхода бинарную классификацию корпуса «манипулятивный – неманипулятивный». Был проведен сравнительный анализ двух корпусов, один из которых состоял только из манипулятивных текстов, другой – из неманипулятивных. Критериями сравнительного анализа выступили отобранные индикаторы манипулятивности (рис. 1).

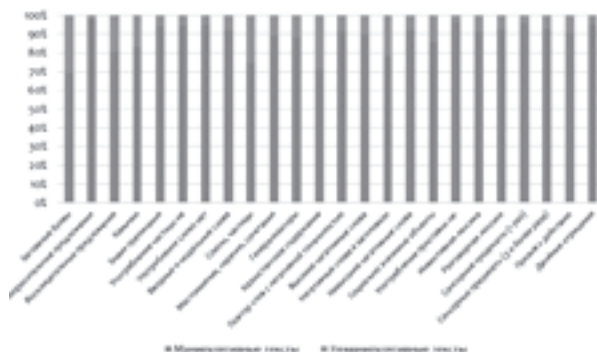

Рис. 1. Признаки манипулятивности в экспериментальных корпусах.

В корпусе манипулятивных текстов все индикаторы представлены гораздо интенсивнее, чем в корпусе неманипулятивных текстов (рис. 1). Это позволяет заключить, что вышеперечисленные признаки характеризуют манипулятивность и в совокупности являются достаточным основанием для классификации текстов по этому информативному признаку.

В статье представлены результаты исследования, проведенного в рамках реализации ПЦФ #BR05236839 по теме “Разработка информационных технологий и систем для стимулирования устойчивого развития личности как одна из основ развития цифрового Казахстана”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: Изд-во МГУ, 1997.
2. Беляева И.В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-н/Д, 2009. С. 12.
3. Dijk T.A. van. Discourse and manipulation // Discourse and Society. 2006. № 17. (2). P. 359–383.
4. Maillat D. Constraining context selection: On the pragmatic inevitability of manipulation // Journal of Pragmatics. 2013. № 59. P. 190–199.
5. Копнина Г.А. Речевое манипулирование [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Г.А. Копнина. – 4-е изд., испр. М.: Флинта, 2012. 170 с.
6. Наварастян Л.Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет). Автореф. на соиска-

- ние ... канд. филол. н. Саратов, 2017. 23 с.
7. Горностаева Ю.А. Вербальные маркеры манипуляции в англоязычном поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации и автоматической обработки. Дисс. на соискание канд. филол.н. Красноярск, 2018. 191 с.
 8. Шакенова М.Т., Ташимханова Д.С., Оспанова У.А., Буддыбаев Т.К. Лексико-грамматические маркеры манипулятивности массмедийного дискурса (на материале корпуса русскоязычных текстов СМИ в Республике Казахстан) // Научный диалог. 2020. № 2. С. 141–160. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-141-160.
 9. Кенжебалина Г.Н., Шаикова Г.К., Шакенова М.Т., Акоева И.Г. Распознавание манипулятивного текста: структура и доминантные языковые параметры // Научный диалог. 2020. № 7. С. 105–125. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-105-125.
 10. Автоматическое диагностирование манипулятивного дискурса (на материале корпуса русскоязычных интернет-публикаций) (в соавторстве с Д. Ташимхановой, М. Байманбетовым, У. Оспановой)// Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. 2020. №4. С. 117–125.

Experience in recognizing manipulative text (based on the corpus of Kazakhstani Internet publications)

*M.T. Shakenova¹, G.K. Shaikova², M.A. Baymakhanbetov³,
A.K. Khamzina⁴*

¹NAO «M. Auezov South Kazakhstan University» (Kazakhstan, Shymkent)

²NAO «Toraigyrov University» (Kazakhstan, Pavlodar)

³Information and Analytical Center (Kazakhstan, Nursultan)

⁴Edition of the newspaper «Panorama of Shymkent» (Kazakhstan, Shymkent)
maigul1379@mail.ru

The appeal to the manipulative discourse of the mass media is caused by an endless stream of information that affects the consciousness and mood of the mass audience. It is no coincidence that there is an opinion that at present there is an information war, the main weapon of which is the manipulation of the consciousness of the mass reader. In this regard, the mass media can pose an information danger and cause social instability in society and the state. Manipulative texts act as a tool of manipulation, which rapidly fill the information discourse space, which requires computer processing of a large flow of information to recognize manipulative publications. It should be noted that there are certain difficulties in parameterizing manipulative tools for computer processing, taking into account not only non-linguistic indicators, but also linguistic ones, since the linguistic representation of manipulative content is often hidden and obscured. This article describes the experience of automatic recognition of manipulative publications.

Keywords: manipulativeness, manipulative publications, indicators of manipulativeness, automatic recognition, algorithmic approach, lexico-dictionary approach.

УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВОЙ СТАТУС

В.И. Шаров^{1,2}, И.Ю. Антонов^{1,2}

¹*ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)*

²*Нижегородская академия МВД России (Россия, Нижний Новгород)
v-i-sharov@rambler.ru, antonoviu@yandex.ru*

Статья посвящена исследованию проблем участия специалиста в уголовном процессе. Рассматриваются правовые основания участия специалиста, а также даются предложения по внесению некоторых изменений в действующий УПК РФ.

Ключевые слова: специалист, специальные знания, заключение специалиста.

Правовой статус участия специалиста в последнее время является наиболее острой проблемой уголовно-процессуальной науки и вызывает активную научную дискуссию в юридической литературе. При этом современное состояние практики свидетельствует, что использование специальных знаний без участия специалиста не позволяет решить многочисленные задачи по выявлению и раскрытию преступлений, особенно остро стоит вопрос о применении системы технических средств и методов, направленных на обнаружение, изъятие, фиксацию и исследование доказательств. Несмотря на научные дискуссии, до настоящего времени не устранены некоторые пробелы и недостатки, что, несомненно, приводит к просчётам при производстве процессуальных действий и принятии правильных процессуальных решений.

В современном уголовно-процессуальном законодательстве имеется закрепленное определение специалиста, оно включено не в общую норму, посвященную основным терминам, используемым законодателем, а в ст. 58 УПК РФ, регулиющую процессуальный статус данного лица. В соответствии с указанной нормой «специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию» [1].

Несомненно, что в основу термина «специалист» заложено именно наличие у данного субъекта определенных специальных знаний, в связи с чем, для понимания содержания статуса специалиста следует, в первую очередь, составить представление о том, что эти специальные знания представляют собой.

Правовой институт специальных знаний зародился вместе с уголовным процессом, а его совершенствование связано как с развитием законодательства, так и является следствием совершенствования научного знания в целом.

В настоящее время «...специальные знания выступают в качестве самостоятельного процессуального института, устанавливающего основания участия в расследовании сведущих лиц и условия применения ими в данной деятельности определенных знаний» [2, стр. 279].

Законодатель достаточно активно использует термин «специальные знания», однако нигде не приводит его легального определения, что вполне закономерно влечет за собой многочисленные попытки выработки наиболее точного определения этого понятия среди ученых. И это представляется важным. Было бы ошибочным не разделить точку зрения о том, «что в такой науке, как судебная экспертиза, однозначное определение терминов и их содержание имеет весьма важное значение» [3, стр. 40].

При этом сложилась такая ситуация, что не только нет легитимного определения содержания термина «специальные знания», но существует множество вопросов и к его названию. Вначале уголовно-процессуальный закон и наука оперировали названием «специальные познания», сейчас – «специальные знания», в литературе же оперируют и такими наименованиями, как «научные знания», «необходимые знания».

Представляется, что наличие разнообразных подходов к толкованию термина «специальные знания», в первую очередь, обусловлено непостоянством законодателя, отсутствием четкой и единой позиции, связанной с определением данного термина. Указанное порождает ошибочное мнение у некоторых исследователей о тождественности терминов «специальные познания» и «специальные знания», хотя, как верно отмечено, «с философской и лингвистической точек зрения эти термины не синонимичны, хотя их содержание частично перекрывается» [4, стр. 9].

Знание и познание по своей сущности отличаются как конечный результат от процесса его достижения. Знание – это «проверенный практикой результат познания действительности, ее верное отражение в сознании человека» [5]. Познание же представляет собой «процесс отражения и воспроизведения действительности в мышлении, взаимодействие субъекта и объекта» [6, стр. 280].

Таким образом, нам видится абсолютно справедливым мнение Е.Е. Шишова о том, что специалист, который участвует в производстве определенного следственного действия, а также эксперт, который проводит экспертизу либо исследование, какие-либо новые знания в процессе данной деятельности не приобретает, а лишь использует знания уже имеющиеся у него [7, стр. 158]. На основании изложенного, полагаем возможным согласиться с точкой зрения ряда ученых, что применение в судебной экспертизе названия «специальные познания» в отношении использования в уголовном процессе специалистом знаний, отличающихся от обыденных, будет неправильным [8, стр. 45].

В отношении же точного определения сущности специальных знаний, счи-

таем, что наиболее кратко и емко оно сформулировано в энциклопедии судебной экспертизы, где специальные знания рассматриваются как «знания, умения, навыки, которыми обладает лицо (специалист) в результате получения специального образования и (или) опыта практической работы по специальности» [9, стр. 402].

Перейдем к анализу статуса специалиста в уголовном процессе. Он приведен в ст. 58 УПК РФ, согласно которой специалист: а) обладает специальными знаниями; б) привлекается к участию в процессуальных действиях. Его участие в следственных действиях довольно ограничено и состоит в помощи в изъятии предметов и документов, а также применении технических средств (приборы могут быть достаточно сложны и их применение непосредственно следователем затруднено). Кроме того, знания специалиста могут быть использованы для формулирования вопросов эксперту, а также консультации и пояснения сторонам и суду по поводу вопросов, относящихся к его специальности.

Как видим, законодательство определило лицо, функции которого заключаются, в первую очередь, в помощи следователю и суду для работы с вещественными доказательствами и техническими средствами, используемыми для этих целей. Закон не говорит, кто может выступать в качестве специалиста – это может быть и лицо, не имеющее никакого отношения к правоохранительной деятельности, или сотрудник следственного подразделения, в качестве специалиста может выступать штатный эксперт экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел (чаще всего), входящий в состав следственно-оперативных групп, выезжающих на осмотр места происшествия.

Интересно рассмотреть правовой статус специалиста в соотношении с другим субъектом, носителем специальных знаний, – экспертом. Согласно ч. 1 ст. 57 УПК РФ, эксперт – это лицо, назначенное для производства судебной экспертизы и дачи заключения. Казалось бы, законодатель четко расставил обязанности, специалист изымает доказательства, а эксперт их исследует. Соответственно, эксперт не должен участвовать в следственных действиях, иначе он будет в соответствии с УПК РФ считаться специалистом. Раньше, собственно, так и было.

Однако, в ч. 3 этой же статьи 57 УПК РФ дано право эксперту с разрешения следователя участвовать в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы. Конечно, речь идет не об осмотре места происшествия, поскольку экспертиза еще не назначена и никакого предмета, по поводу которого он может задать вопросы, еще нет. Но пригласить эксперта, например, для получения образцов для сравнительного исследования вполне правомерно.

Заметим, что когда мы говорим об участии в следственных действиях специалиста или эксперта, мы должны понимать, что речь идет о процессуальном

статусе, реально это может быть одно и то же лицо, выступающее когда экспертом, а когда специалистом. В случае участия эксперта в следственном действии он приобретает статус специалиста, однако экспертом от этого он быть не перестает в силу своей должности.

Чаще всего это эксперт по профессии – эксперт экспертно-криминалистического подразделения органов внутренних дел. Именно они среди иных экспертов наиболее «универсальны» и выступают в разных процессуальных статусах и привлекаются к участию в производстве следственных действий в силу занимаемой должности.

Например, возможны и комбинации, когда эксперт (по должности) как специалист изымает предметы и документы, иные следы при осмотре места происшествия, а во время этого же следственного действия специалист копирует и информацию с электронных носителей информации согласно ст. 164.1 УПК РФ.

Вместе с тем, разночтения остаются и для их исключения лучше, если бы законодатель уточнил и «развел» понятия эксперта и специалиста, допустив, например, в качестве специалиста при производстве следственных действия сотрудника (эксперта) экспертно-криминалистических подразделений.

Было бы правильным уточнить в УПК РФ порядок привлечения лица в качестве специалиста для участия в проведении следственного действия, требования, предъявляемые к нему. Среди различий эксперта и специалиста в научной литературе отмечается, что эксперт привлекается к участию в уголовном деле после вынесения дознавателем или следователем соответствующего постановления, в то время как для привлечения специалиста к участию в деле выносить такой процессуальный акт не требуется [10, стр. 136].

Действительно, законодательно не предусмотрена необходимость вынесения какого-либо постановления о привлечении лица в качестве специалиста, более того, несмотря на указание в ст. 58 УПК РФ на то, что такое привлечение осуществляется в порядке, установленном законодательством, фактически, такой порядок отсутствует. В результате, в правоприменительной практике единый подход к решению данного вопроса отсутствует, в силу чего, в ряде регионов привлечение специалиста к участию в уголовном деле осуществляется на основании выносимого следователем или дознавателем постановления о признании лица специалистом, в котором указываются основания для привлечения именно данного лица в качестве специалиста, а также разъясняются ему права и обязанности [11, стр. 71]. С нашей точки зрения, такая практика вполне могла бы найти свое законодательное закрепление.

Наиболее болезненна новация законодательства, связанная с дачей заключения специалиста. Существующее в действующем законодательстве определение специалиста не содержит указания на возможность дачи специалистом

заклучения, в то время как в п. 3.1. ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве доказательства указано заключение специалиста. Нужно уточнить пределы этого заключения, условия, когда оно дается, его структуру и содержание. В связи с этим, мы полностью разделяем мнение И.В. Стукалина о том, что необходимо внести соответствующее дополнение в ч. 1 ст. 58 УПК РФ [12, стр. 89]. Не будем пояснять нашу позицию, она широко рассмотрена в литературе.

Правовой статус специалиста предполагает определиться с его правами и обязанностями. Полагаем, что они должны быть близки с правами и обязанностями эксперта, хотя и не обязательно повторять их «до степени смещения». Специалист по аналогии с экспертом должен иметь право отказаться от участия в следственном действии, дачи консультаций и др., если он не компетентен в области знаний, которые требуются для ответа на поставленные вопросы.

Так, например, по уголовному делу о мошенничестве в сфере компьютерной информации следователь привлек к участию в осмотре смартфона потерпевшего, на котором было установлено мобильное приложение по управлению банковскими счетами, системного администратора отделения ПАО Сбербанк как специалиста в области информационных технологий. При осмотре было установлено, что на смартфоне установлена вредоносная шпионская программа, при этом привлеченный к участию в осмотре специалист пояснил, что не обладает теми знаниями, которые бы позволили ему дать разъяснения о функциональных качествах данной программы и о способах ее установления на смартфоны [13].

Участие специалиста в следственном действии влечет за собой предоставление ему права задавать вопросы его участникам. Не вызывает сомнений, что не имеет смысла молчаливое присутствие специалиста на следственном действии, он должен проявлять активность, способствуя таким образом расследованию и установлению истины, для чего и должен обладать определенными полномочиями, в частности, такими как постановка вопросов участникам следственных действий. Однако, на это специалист должен получить разрешение лица, производящего следственное действие [14, стр. 625].

Не менее важное и нужное право специалиста – право на ознакомление с протоколом следственного действия, в котором им принималось участие. Представляется, наличие данного права обусловлено необходимостью предоставления специалисту возможности удостовериться в правильности внесенных в протокол сведений, а при выявлении каких-либо недостатков – принести замечания, сделать дополнения.

Наравне со всеми остальными участниками уголовного процесса, специалист обладает правом обжалования действий и бездействия следователя.

Таким образом, круг прав специалиста в уголовном процессе достаточно широк, что корреспондирует значимости стоящей перед ним задачи – способ-

ствовать следствию в обнаружении, фиксации, изъятии следов преступного деяния в ходе следственных действий, в том числе и посредством применения специальных технических и иных средств, давать консультации и заключения в пределах своей компетенции.

Подводя итог, полагаем, что для устранения пробелов в уголовно-процессуальное законодательство нужно:

- дополнить ст. 5 УПК РФ п. 41.2 определением специальных знаний: «знания, умения, навыки, которым обладает лицо в результате получения специального образования и (или) опыта практической работы по специальности»;
- внести изменения в определение специалиста, для чего изменить текст ч. 1 ст. 58 УПК РФ: «Специалист – лицо, обладающее специальными знаниями и привлекаемое к участию в процессуальных действиях на основании постановления следователя, дознавателя или суда» и далее по тексту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2011 года № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2020)// Российская газета. 2011. 22 декабря. № 249.
2. Светличный А.А. К вопросу о дискуссионности понятия «специальные знания» // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 1-2. С. 279.
3. Нестеров А.В. К вопросу о термине «экспертиза» / Теория и практика судебной экспертизы. № 1 (1). М., 2007. С. 40
4. Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. М.: Городец, 1999. С. 9.
5. <https://kartaslov.ru/значение-слова/знание>.
6. Светличный А.А. К вопросу о дискуссионности понятия «специальные знания»// Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 1-2. С. 280.
7. Шишов Е.Е. Использование специальных познаний при расследовании краж грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта. Дисс... канд. юрид. наук. Волгоград, 1999. С. 158.
8. Сердюков А.В. Использование специальных знаний при расследовании и раскрытии умышленного причинения вреда здоровью. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2006. С. 45.
9. Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. Т. Аверьяновой, Е.Р. Россинской. М., 1999. С. 402-403.
10. Мазитова Г.Ф. Отличие эксперта и специалиста в уголовном процессе РФ // Наука и образование проблемы, идеи, инновации. 2019. № 12 (24). С. 136.
11. Григорьев В.П. Особенности привлечения специалиста к участию в следственных действиях // Вестник Владимирского государственного университета. 2015. № 6. С. 71.

12. Стукалин И.В. К вопросу об отдельных правах и обязанностях специалиста и эксперта // Сборник материалов криминалистических чтений. 2018. № 15. С. 89.
13. Приговор Кузьминского районного суда г. Москвы от 10 сентября 2018 года по делу № 1 – 48/ 2018 // <https://sudact.ru/>.
14. Подрезова О.С. Сравнение статуса эксперта и специалиста // Аллея науки. 2018. Т. 8. № 11 (27). С. 625.

The use of the results of the study of objects and documents by a specialist in criminal proceedings

V.I. Sharov^{1,2}, I.Yu Antonov^{1,2}

¹Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)

*²Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Russia, Nizhny Novgorod)*

v-i-sharov@rambler.ru, antonoviu@yandex.ru

The article is devoted to the study of the problems of the participation of a specialist in criminal proceedings, the legal grounds for the participation of a specialist are considered, as well as proposals for making some changes to the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation are given.

Keywords: Specialist, special knowledge, expert opinion.

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА МОНОЛИТНЫХ ФУНДАМЕНТОВ ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЛЫХ ЗДАНИЙ

Э.Г. Юматова

*Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет (Россия, Нижний Новгород)
standart@nngasu.ru*

В статье рассмотрены этапы и метрологическое обеспечение проведения строительно-технической экспертизы качества монолитных фундаментов жилых зданий в ходе их реконструкции. Проведен анализ действительных значений основных и второстепенных показателей качества фундаментов, выделены измерительные средства контроля, определены нормативно-технические условия усиления надежности фундаментов.

Ключевые слова: строительно-техническая экспертиза, технические средства контроля, методика испытаний.

При проведении строительно-монтажных работ, а также последующей эксплуатации и реконструкции строительных объектов, возникают задачи, связанные с определением значений основных и второстепенных показателей несущей способности строительных конструкций и оснований. При возведении малоэтажных, а также многоэтажных жилых зданий, которые оказывают зна-

чительные нагрузки на грунтовое основание, применяется монолитный фундамент. Данный тип фундамента возводится на любых типах грунта (насыпные, торфяные, пучинистые, подвижные, слабые и легко разрушаемые). Устройство монолитного фундамента включает две основные части – арматура и бетон марок от М50 до М1000. Значение марки бетона для фундамента и бетонных изделий определяет средний предел прочности материала на сжатие (Мпа).

Монолитный фундамент жилого здания относится к классу сооружений с нормальным уровнем ответственности КС-2 [1, 2], поэтому входной контроль с целью выявления его фактического (действительного) состояния осуществляют следующие должностные лица: мастер (прораб) организации подрядчика строительных работ по реконструкции, представители технического надзора заказчика, а также представители органов авторского надзора совместно со специалистами по контролю измерительными средствами.

Согласно нормативно-техническим правилам на стадии входного контроля оцениваются следующие основные и второстепенные показатели качества фундаментов: 1) механические; 2) физические; 3) конструктивные; 4) эстетические показатели.

Механические показатели определяют: прочность бетона на сжатие (Мпа); водопоглощение (%).

Физические показатели определяют: морозостойкость (количество циклов); водонепроницаемость (%).

Конструктивные показатели определяют (мм): номинальные геометрические размеры (длина, ширина, высота); соответствие проектному положению всей конструкции, отверстий, каналов, проемов, т.е. отклонения конструкции фундамента по длине, высоте, ширине от плоскостности подошвы, отклонения от номинальной толщины защитного слоя бетона до арматуры, а также отклонения номинальных размеров стакана под колонну и выступов фундамента.

Эстетические показатели определяют качество поверхности конструкций (мм): диаметр или наибольший размер раковин; глубину бетона на ребрах, измеряемую на поверхности конструкции.

Для определения значений механических, физических, геометрических и эстетических показателей монолитных фундаментов объектов реконструкции хозяйствующими субъектами проводится строительно-техническая экспертиза, в ходе которой определяются:

- качество работ по исполнению существующей рабочей документации (выявление недостатков и нарушений, оценка рисков для определения их возможных последствий);

- соответствие действительных (фактических) показателей качества фундаментов базовым показателям, определяемым по нормативным методикам оценки [3, 4].

Оценка качества работ по исполнению рабочей документации и выявлению соответствия значений действительных показателей от нормативных осуществляется в три этапа:

- выполнение подготовительных работ (определение контролируемых параметров, проведение нормоконтроля проектной и рабочей документации);
- предварительное обследование фундаментов здания (инспекционный контроль объекта реконструкции, наблюдение визуальное);
- проведение метрологического обследования состояния фундаментов здания и оснований (выполнение точных измерений для расчета действительных значений контролируемых показателей с применением средств измерений и испытательного оборудования, отбор достоверных методик расчета, обработка результатов экспериментальных измерений с применением математических методов).

По результатам строительно-технической экспертизы составляется Заключение о результатах технического обследования конструкций здания, которое содержит:

- результаты проведенных работ в графическом формате (архитектурные обмеры здания в осях, включающие уточненные планы расположения фундаментов, необходимые разрезы, фрагменты и узлы конструкций, фотоматериалы);
- результаты лабораторных испытаний, определяющие действительные показатели;
- оценку фактического технического состояния объекта по результатам сравнения действительных показателей качества и нормативных.

Приведем пример проведения обследования монолитных фундаментов реконструируемого здания, расположенного по адресу г. Н. Новгород (объект 17), осуществляемого представителями технадзора заказчика с привлечением специалистов для проведения инструментального контроля.

Проведение работ по обследованию фундаментов и оснований объекта реконструкции проводилось по следующему алгоритму (ГОСТ 31937-2011, ГОСТ 18.105-2010, ГОСТ 31937-2001, СП 435.1325800.2018) [5]:

1. Проведение подготовительных работ, что включает: 1) анализ фактической конструкторской документации, технического паспорта объекта, планов БТИ; 2) определение типа фундаментов.

2. Проведение визуальных (предварительных) работ, которые включают следующие виды: 1) визуальное обследование фундаментов на доступных участках; 2) определение места шурфования конструкций для определения показателей армирования; 3) фотофиксация. По результатам визуального осмотра поверхностей фундаментов и шурфования составляют ведомость (протокол) дефектов с указанием мест расположения дефектов (указание координат).

национных осей).

3. Выполнение детального обследования с применением измерительных средств в следующем порядке: 1) анализ несущей способности основания (грунтов); 2) контрольный обмер основных сечений фундаментов для определения геометрических показателей; 3) определение прочностных характеристик материала фундаментов (установление действительной прочности бетона); 4) выявление участков пониженной прочности (сравнение полученных результатов на соответствие нормативной документации); 5) определение категории и оценка технического состояния фундаментов и оснований.

4. Представление Заключения о техническом состоянии фундаментов и оснований для Заказчика.

Определение геометрических показателей основных сечений проводился с применением рулетки РМ-10 и линеек измерительных металлических (диапазон измерения от 0 до 500мм, точность 2 к.т. $\pm 0,15$ мм) [6].

С целью предупреждения сдвига подошвы фундаментов проводилось исследование деформационных и механических показателей грунтов измерительными средствами статического и динамического зондирования с применением полевого электроразведочного прибора АС-72 (диапазон измерений от 0 до 1000А, класс точности равен 1,5). По итогам испытаний определялся модуль деформации (Мпа).

Для исследования материала (бетона) фундаментов на прочность применялся косвенный механический метод неразрушающего контроля (метод ударного импульса по привязанной градуировочной зависимости), позволяющий рассчитать прочность бетона на сжатие [7, 8, 9, 10]. Для расчета градуировочной зависимости («показание прибора – прочность бетона») применялся измеритель прочности бетона «Оникс-2,5» (диапазон измерения от 1 до 100 МПа, допускаемая относительная погрешность измерения прочности $\pm 8,0$ %). Метод основан на аналитической зависимости прочности бетона от изменений энергии удара бойка при его ударе с поверхностью бетона.

Неразрушающий контроль прочности бетона проводился при температуре не ниже минус 100 выборочно. Минимальное расстояние между участками измерений составляло не менее 30 мм, толщина конструкции – более 100 мм, расстояние до края конструкции – не менее 50 мм, общее число измерений – 10. В ходе входного контроля выполнялся расчет градуировочной зависимости, исчисляемой по результатам полученной аналитической зависимости косвенного показателя прочности и прочности бетона на сжатие. В итоге действительный класс бетона V_f определялся по формуле (схема Г, ГОСТ 18.105-2010): $V_f = 0,8 \cdot R_m$, где R_m – действительная средняя прочность бетона (Мпа). Полученные показатели средней прочности бетона и класса бетона отдельных фундаментных блоков свидетельствует о низкой марке бетона (ниже М150) (табл. 1).

Таблица 1. Ведомость исследования фундаментных блоков на класс бетона (фрагмент)

Наименование шурфа, координаты измерений	Действительная средняя прочность бетона при сжатии, МПа	Действительный класс бетона
Шурф №1. Блок фундамента (ось А)	15,3	B12,2
Шурф №2. Блок фундамента (ось Д)	12,0	B9,6
Шурф №3. Блок фундамента (ось 2)	13,1	B10,5
Шурф №4. Блок фундамента (ось 6)	13,3	B10,5

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного инженерного обследования фундаментов объекта реконструкции представителями органами технадзора заказчика были сделаны следующие выводы:

1. Визуальное обследование установило, что поверхности фундаментов имеет значительное число дефектов (вывалы, сколы, изломы и участки замачивания), а также отсутствие на ряде участков элементов конструкций (оси А, Д и 6);

2. Оценка физических и конструктивных показателей качества средствами измерений показала несоответствие проектных значений действительным, что свидетельствует об аварийном состоянии фундаментов;

3. В ходе инженерно-геологического изыскания определен модуль деформации (14 Мпа), что соответствует структурно-неустойчивому типу насыпного грунта в качестве основания фундаментов.

По результатам строительно-технической экспертизы в заключении было указано, что на данном участке для обеспечения нормативно-технического качества объекта целесообразно провести работы по усилению фундаментов с учетом нормативных проектных нагрузок и действительных геологических показателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГОСТ 27751-2014 «Надежность строительных конструкций и оснований. Основные положения» [Электронный ресурс]: межгосударственный стандарт. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200115736>.
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: [Федеральный закон от 29.12.2004 N 190-ФЗ]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12123142/>
3. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс]: [Федеральный закон от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12123142/>
4. Бутырин А.Ю. Строительно-техническая экспертиза. Теоретические, методические и правовые основы. М.: ОАО «Издательский дом «Городец»»,

2006. 206 с.
5. Никитин В.М. Руководство по контролю качества строительно-монтажных работ / В.М. Никитин, С.А. Платонов, В.А. Селькин. СПб., 2006. 651 с.
 6. ГОСТ 26433.0-85 «Система обеспечения точности геометрических параметров в строительстве. Правила выполнения измерений. Общие положения» [Электронный ресурс]: [Национальный стандарт]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200174482>.
 7. Болдырев А.С. Строительные материалы. Справочник / А.С. Болдырев, П.П. Золотов, А.Н. Люсов. М.: Стройиздат, 1989. 567 с.
 8. ГОСТ 18.105-2012. Бетоны. Правила оценки и контроля прочности [Электронный ресурс]: межгосударственный стандарт. – Режим доступа: <https://beton-fenix.ru/info/gosts/gost-18105-2012/>
 9. ГОСТ 22690-2015. Бетоны. Определение прочности механическими методами неразрушающего контроля [Электронный ресурс]: межгосударственный стандарт. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200115736>.
 10. Юматова Э.Г. Обеспечение качества фундаментов в процессе эксплуатации [Электронный ресурс] / А.В. Лутохин, Э.Г. Юматова // Роль технического регулирования и стандартизации в эпоху цифровой экономики: сб. статей участников III международной научно-практической конференции молодых ученых, Екатеринбург, 25 ноября 2021 г. Екатеринбург: ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н.Ельцина», 2021. С. 251–254. – URL: <http://hdl.handle.net/10995/108630> (дата обращения: 26.12.2021).

Assessment of the quality of monolithic foundations during the reconstruction of residential buildings

E.G. Yumatova

*The Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering
(Russia, Nizhny Novgorod)
standart@nngasu.ru*

The article discusses the stages of conducting a technical inspection of the quality of foundations of residential buildings during the reconstruction. The analysis of the actual values of the main and secondary indicators of the quality of foundations is carried out, measuring means of control are allocated. Ways to increase the strength characteristics of building foundations are given.

Keywords: construction and technical expertise, technical control tools, test methods.

ЦЕНТР ПО ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ЛИЧНОСТИ КАК СФЕРА «ДОСТРАИВАНИЯ» ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ НЕОБХОДИМЫМИ КОМПЕТЕНЦИЯМИ ПО ИНФОРМАЦИОННО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ И СОЦИУМА В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ

В.А. Юматов

*ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
yumatovva@yandex.ru*

В работе обозначен круг проблем по информационно-психологической безопасности личности и социума в условиях новых цивилизационных вызовов. Цель исследования – осветить современные подходы по внедрению новых идей и методов в судебно-экспертную деятельность: парирование и нейтрализация воздействия определенных информационных факторов, которые могут психологически негативно воздействовать на людей; распространение способов и средств обработки и оценки информации (системы образования, подготовки и переподготовки кадров, распространения социокультурных ценностей, традиций, социальных норм и т.д.); формирование индивидуальной психологической защиты или психологической самозащиты личности в процессе приобретения опыта информационно-коммуникативного взаимодействия (в том числе обучения с использованием специализированных форм психологической подготовки, проведения тренинговых занятий по специально разработанным методикам).

Ключевые слова: информационно-психологическая безопасность, психологическая устойчивость личности, образовательная и просветительская деятельность.

1. ВВЕДЕНИЕ

«Применение различных средств и технологий информационно-психологического воздействия сегодня становится обычным явлением в повседневной жизни, экономической конкуренции и политической борьбе. От качества информации во многом зависит степень адекватности реагирования человека на происходящие вокруг события, а также его психическое и физическое здоровье» [1].

В ряде исследований обсуждаются следующие виды информационно-психологического воздействия:

– самопроизвольные воздействия, обусловленные технологическими режимами функционирования тех или иных информационных систем (например, электромагнитные излучения коммуникационной, компьютерной или телевизионной техники);

– преднамеренные манипулятивные воздействия на личность с целью явного или скрытого побуждения к определенным действиям (психотропное; информационно-пропагандистское; психоаналитическое; нейролингвистическое; психотронное и др.) [2–4].

Психотропное воздействие – это воздействие на психику людей фармакологическими препаратами, наркологическими средствами, которые влияют на биохимические процессы в нервной системе человека и регулируют уровни его бодрствования, активности, качество восприятия обстановки.

Психоаналитическое воздействие – это воздействие на подсознание человека, внушаемое в состоянии бодрствования, гипноза или сна. Проникая в психику без активного внимания, внушение остается вне личной сферы психики, благодаря чему и все дальнейшие последствия происходят без контроля личности.

Нейролингвистическое воздействие – вид воздействия, изменяющий мотивацию людей путем введения в их сознание специальных лингвистических программ, усвоение которых позволяет изменить в заданном направлении убеждения, взгляды и представления человека.

Психотронное воздействие – это воздействие на других людей через внечувственное (неосознаваемое) восприятие субъектов, обладающих паранормальными способностями (телепаты, экстрасенсы).

Информационно-пропагандистское воздействие – это воздействие словом, информацией с целью формирования определенных взглядов, убеждений [5].

«В организации информационно-психологической защищенности сознания выделяют три основных уровня: индивидуальный, групповой и общественный:

1) на индивидуальном уровне реализуется защищенность индивидуального сознания человека посредством формирования комплекса защитных механизмов и алгоритмов поведения;

2) на групповом уровне реализуется защищенность группового сознания посредством распространения и использования внутригрупповых информационных потоков и источников, а также специфических для конкретных социальных групп и организаций способов социального взаимодействия, переработки и переоценки информации;

3) на общественном уровне реализуется защищенность общественного сознания посредством регулирования и организации информационных потоков (система распространения информации в обществе) и распространения способов и средств, определенных алгоритмов обработки и оценки информации в процессе социального взаимодействия (от межличностного общения до массовой коммуникации)» [6].

В связи с этим, «в настоящее время существенно расширяется круг проблем и задач, стоящих перед экспертным сообществом, обусловленных необходимостью широкой образовательной и просветительской деятельности. Одним из перспективных начинаний в этой области является проект по созданию «Центра по информационно-психологической безопасности и защите информа-

ции», разработка которого в настоящее время осуществляется на базе кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, по реализации новых творческих и социально-гуманитарных проектов» [7].

Миссия проекта:

– построение инновационной модели непрерывного совершенствования профессиональных компетенций преподавателей, экспертов, руководящих работников в условиях дистанционного обучения в контексте решения стратегической задачи подготовки кадров для приоритетных направлений научно-технологического развития Российской Федерации;

– формирование образовательной среды по организации непрерывного и разноаспектного обучения населения методам защиты от негативного информационно-психологического воздействия, разработка соответствующего инновационного методического обеспечения.

Проект, при всем разнообразии планируемых видов деятельности, имеет ярко выраженную просветительскую направленность. Это связано прежде всего с самой сущностью феномена информационно-психологического воздействия и, соответственно, со спецификой защиты от него.

2. ЦЕЛЬ ПРОЕКТА

Стратегическая цель проекта – способствовать решению такой социально значимой задачи, как защита психики человека посредством формирования у него «культуры информационно-психологической защиты» и соответствующих «психологических механизмов и поведенческих моделей».

Промежуточная цель – организационно-методическая и научно-просветительская работа по обеспечению «состояния защищенности отдельных лиц и (или) групп лиц от негативных информационно-психологических воздействий и связанных с этим иных жизненно важных интересов личности, общества и государства в информационной сфере» [6]. «Очевидно, что человек не должен воспринимать получаемую информацию как истину в конечной инстанции, но не должен отгораживаться от нее. Важно научиться интерпретировать информацию, понимать ее суть, принимать личностную позицию по отношению к скрытому смыслу, находить требуемую информацию в различных источниках, систематизировать ее, находить ошибки в получаемой информации, воспринимать альтернативные точки зрения и высказывать обоснованные аргументы, устанавливать связи, вычленять главное в информационном сообщении» [5].

Проще говоря, лучшим и самым надежным способом информационно-психологической защиты является знание. «Обладающий знаниями человек может самостоятельно создать самый первый и простой механизм психологической защиты в виде психологического барьера недоверия ко многим информационным потокам обработки сознания населения, сформировать установку на необходимость использования анализа и внимательного отношения к по-

ступающей информации» [5].

3. АКТУАЛЬНОСТЬ

Источником негативного информационно-психологического воздействия выступает сама цивилизационная среда современного человека в таких ее разнообразных формах, как СМИ (печатные, аудио– и визуальные, Интернет-коммуникации), образовательная и воспитательная деятельность, политическая пропаганда, реклама и деловая коммуникация, межличностное общение и пр.

В настоящее время наиболее разработаны механизмы организации информационно-психологической защищенности на государственном или общенациональном уровне, а также на уровне экономических или финансовых корпораций, юридических или политических структур. В меньшей степени они разработаны применительно к отдельным личностям. В результате негативного информационно-психологического воздействия цивилизационной среды современного человека изменились:

1) ценностные ориентации. Было: «человек человеку друг, товарищ и брат» – эмоциональный базис. Стало: «человек человеку сотрудник-поставщик-покупатель-конкурент» – рациональный аспект. Меняется менталитет личности. Базовым становится «монетаризм»;

2) отношение к собственности. «Общественное» – «частное». Полулегитимная приватизация заложила основы «социальной несправедливости». Последняя дает «оправдание» в коррупции, воровстве и т.д. людям (поколение), которое «не успело» к перераспределению собственности.

3) нравственные ценности, взгляды и подходы.

Проявление этих процессов находит свое отражение в «эмоциональном состоянии» личности в различных формах:

а) пассивные: безразличие, уныние, тоска, грусть, раздражение, и т.д;

б) активные: конфликты, агрессия, протесты, ярость, фобии, терроризм, суицид и т.д.

Деструктивный характер от негативного информационно-психологического воздействия проявляется в следующем:

1) личность – безразличие, уныние, тоска, грусть, раздражение, конфликты, агрессия, протесты, ярость, фобии, терроризм, суицид и т.д.;

2) семья – разводы, агрессия в отношении женщин, детей;

3) политика – «голосование ногами», протесты, несанкционированные митинги и т.д.;

4) социум – миграция, столкновение культур и ценностей, нравов, норм поведения;

5) демография – неснижение смертности населения;

6) криминал – неснижение воровства, мошенничества и т.д.;

7) экономика – безработица, низкая производительность труда;

- 8) уровень жизни – высокая стратификация общества «богатые–бедные»;
- 9) культура – «массовая», СМИ, ТВ и т.д.;
- 10) образование – снижение мотивации и результативности;
- 11) здоровый образ жизни – курение, пьянство, наркотики и т.д.;
- 12) торговля – контрафактная продукция;
- 13) сельское хозяйство – продукты с ГМО.

Эти и другие направления вызывают снижение «психологической устойчивости», с одной стороны, требуют формирования «культуры информационно-психологической защиты» и соответствующих «психологических механизмов и поведенческих моделей» – с другой. Как справедливо отмечает А.А. Акмасова, «именно развитие личности, раскрытие ее творческого потенциала являются высшей целью прогресса, решающим оправданием его издержек, и именно личность должна стать предметом первейшей заботы и защиты от возможных угроз, в том числе информационных» [5].

4. ОСНОВНЫЕ СФЕРЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В качестве основных сфер деятельности по организации информационно-психологической безопасности нами определены:

- 1) защита от проявлений речевой агрессии, в том числе причинения морального вреда, ущемления деловой репутации (оскорбление, его лингвистические и юридические аспекты, и пр.);
- 2) защита от речевого воровства (плагиата), а также речевого мошенничества – клеветы, доноса, обмана, компрометации и пр.;
- 3) защита от языкового манипулирования сознанием;
- 4) защита от разнообразных проявлений экстремисткой деятельности.

5. КРУГ КАТЕГОРИЙ ОБУЧАЕМЫХ ГРАЖДАН

Нами намечен примерный круг категорий обучаемых граждан:

- работники СМИ и пресс-служб организаций, связанных с работой с людьми (в том числе правительственных);
- молодые преподаватели, аспиранты, магистранты, студенты;
- работники МВД, суда, прокуратуры, адвокатуры;
- граждане разных социальных групп (школьники, работающая молодежь, пенсионеры и пр.).

6. УЧАСТНИКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПРОЕКТА

В ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» планируются к участию факультеты юридический и социальных наук, институт филологии и журналистики. Развитие внешней (внеуниверситетской) системы будет осуществляться по принципу сетевого взаимодействия:

- с ведущими образовательными и научными организациями области и

России;

- правоохранительными органами (МВД и МЧС РФ по Нижегородской области и России);
- профильными государственными органами (представители городской и областной власти) и общественными организациями;
- церковь.

7. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В рамках проекта сформированы основные направления деятельности, в результате чего система работы по информационно-психологической безопасности приняла следующий вид (понятно, неокончательный):

1) просветительская работа с лицами и группами лиц по разъяснению как общих принципов и механизмов нарушения информационно-психологической безопасности в разных сферах, так и конкретных знаковых (текстовых, визуальных, аудиальных, электронных, языковых) явлений, нарушающих информационно-психологическую безопасность;

2) образовательная деятельность: тренинг и обучение лиц и групп лиц методам психолого-лингвистической защиты от материалов, содержащих нарушения информационно-психологической безопасности в разных сферах: меры по противостоянию суггестии (внушению); гипнозу, нейролингвистическому программированию, языковому манипулированию и пр. (лекции, практикумы, мастер-классы, консультирование индивидуальное и групповое и пр.).

В перспективе предполагается создание и совершенствование учебно-методической базы проекта – подготовка программ и учебно-методических пособий, справочной литературы, а также организация дистанционного обучения с помощью Интернет-технологий (создание соответствующего портала, консультационного Интернет-бюро и пр.).

Разумеется, что решение подобной глобальной задачи не под силу одному отдельно взятому проекту. Однако опыт работы по его осуществлению может стать значимым (своего рода полигон) для разработки научно-просветительских проектов подобной направленности.

«Предполагается, что в результате организации планируемых мероприятий и реализации указанных направлений деятельности в рамках презентуемого проекта возникает возможность способствовать решению такой социально значимой задачи, как защита психики человека посредством формирования у него культуры информационно-психологической защиты и соответствующих психологических механизмов и поведенческих моделей» [7].

В рамках основных направлений деятельности предусмотрены следующие формы конкретной работы Центра:

1) регулярный мониторинг СМИ и Интернет-мониторинг для поиска материалов, содержащих информацию с признаками разных видов информацион-

но-психологического воздействия;

2) определение корпуса тематико-содержательных, визуально-аудиальных и языковых единиц, могущих содержать информацию с признаками нарушения информационно-психологической безопасности, и составление баз данных и глоссариев по таким единицам;

3) создание постоянно обновляемого списка источников и текстов, содержащих информацию с признаками разных видов информационно-психологического воздействия (книги, видеофайлы, листовки, статьи, пропагандистские материалы и пр.);

4) проведение комплексных психолого-лингвистических экспертиз материалов разного типа на предмет наличия признаков нарушения информационно-психологической безопасности в разных сферах.

8. ТРЕБОВАНИЯ К ПЛАНИРУЕМЫМ РЕЗУЛЬТАТАМ ОСВОЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ

Наименование категории компетенции	Код и наименование компетенции	Индикатор (индикаторы) достижения компетенции
Универсальные компетенции		
Системное и критическое мышление	УК-1. Способен осуществлять критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода, вырабатывать стратегию действий	УК-1.1. Анализирует ситуацию как систему, выявляя ее базовые составляющие и связи между ними УК-1.2. Определяет, интерпретирует и ранжирует информацию, требуемую для решения поставленной задачи УК-1.3. Осуществляет поиск информации для решения поставленной задачи по различным типам запросов, критически оценивая надежность источников информации УК-1.4. При обработке информации отличает факты от мнений, интерпретаций, оценок, формирует собственные мнения и суждения, аргументирует свои выводы и точку зрения УК-1.5. Рассматривает и предлагает возможные варианты решения поставленной задачи, оценивая их достоинства и недостатки

Межкультурное взаимодействие	УК-5. Способен анализировать и учитывать разнообразие культур в процессе межкультурного взаимодействия	УК-5.1. Использует знания об историческом наследии и социокультурных традиций различных социальных групп, опирающиеся на знание этапов исторического развития России в контексте мировой истории и ряда культурных традиций мира, включая мировые религии, философские и этические учения УК-5.2. Учитывает особенности межкультурного взаимодействия на основе использования основных философских идей и категорий, с учетом исторического развития и социально-этического контекста УК-5.3. Находит способы преодоления коммуникативных барьеров при межкультурном взаимодействии, в том числе при конфликтной ситуации УК-5.4. Придерживается принципов недискриминационного взаимодействия, определяет цели и задачи межкультурного профессионального взаимодействия в условиях различных этнических, религиозных ценностных систем
Самоорганизация и саморазвитие (в том числе здоровьесбережение)	УК-6. Способен определять и реализовывать приоритеты собственной деятельности и способы ее совершенствования на основе самооценки и образования в течение всей жизни	УК-6.1. Использует инструменты и методы управления временем при выполнении конкретных задач, проектов, при достижении поставленных целей УК-6.2. Определяет приоритеты собственной деятельности, личного развития и профессионального роста УК-6.3. Оценивает требования рынка труда и предложения образовательных услуг для выстраивания траектории собственного профессионального роста
	УК-7. Способен поддерживать должный уровень физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности	УК-7.1. Выбирает здоровьесберегающие технологии для поддержания здорового образа жизни с учетом физиологических особенностей организма УК-7.2. Поддерживает должный уровень физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности УК-7.3. Планирует свое рабочее и свободное время для оптимального сочетания физической и умственной нагрузки и обеспечения работоспособности УК-7.4. Соблюдает нормы здорового образа жизни в различных жизненных ситуациях и в профессиональной деятельности

Безопасность жизнедеятельности	УК-8. Способен создавать и поддерживать в повседневной жизни и в профессиональной деятельности безопасные условия жизнедеятельности для сохранения природной среды, обеспечения устойчивого развития общества, в том числе при угрозе и возникновении чрезвычайных ситуаций и военных конфликтов	УК-8.1. Анализирует факторы вредного влияния на жизнедеятельность элементов среды обитания (технических средств, технологических процессов, материалов, зданий и сооружений, природных и социальных явлений) УК-8.2. Идентифицирует опасные и вредные факторы в рамках осуществляемой деятельности УК-8.3. Выявляет проблемы, связанные с нарушениями техники безопасности на рабочем месте; осуществляет мероприятия по предотвращению чрезвычайных ситуаций УК-8.4. Соблюдает правила поведения при возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного происхождения; оказывает первую помощь, оппсывает способы участия в восстановительных мероприятиях

9. ПРОГРАММА ЛЕКЦИОННО-ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ ЦЕНТРА

Автор программы «*Лингвистическая безопасность личности и социума*» – докт. филол. наук, профессор Т.Б. Радбиль.

Раздел 1

Введение. Понятие информационно-психологической безопасности. Уровни и аспекты информационно-психологической безопасности. Виды информационно-психологического воздействия. Информационно-психологическая безопасность личности и общества и способы ее обеспечения.

Раздел 2

Правовые аспекты лингвистической конфликтологии. Языковые правонарушения и их юридическое регулирование. Основные законы, регулирующие языковые конфликты и типология языковых правонарушений. Российские законы о защите чести и достоинства граждан. Понятие морального вреда, ущемления деловой репутации в лингвистическом аспекте. Понятие оскорбления, его лингвистические и юридические аспекты. Российские законы, регулирующие деятельность СМИ, и их лингвистические аспекты. Российские законы об экстремизме. Языковые аспекты экстремизма.

Раздел 3

Теория речевого общения и речевого воздействия. Коммуникативное поведение человека. Общие законы общения, правила общения и принципы общения. Понятие речевого взаимодействия. Конвенциональность речевого поведения в лингвистической прагматике и теории речевых актов. Постулаты общения.

Принципы и виды речевого воздействия. Приемы речевого воздействия. Речевое воздействие в публичной речи, в деловом общении, в науке. Теория аргументации. Речевое воздействие в условиях массовой коммуникации.

Раздел 4

Информационно-психологическая безопасность личности и общества в аспекте национально-культурного своеобразия. Национальная специфика речевого поведения. Национальные особенности общения. Менталитет, национальный характер, коммуникативное поведение и национальное коммуникативное сознание. Понятие мотивационно-прагматической установки и стереотипа. Национально-обусловленные модели речевого поведения, речевые стратегии и тактики. Национальная специфика единиц речевого поведения. Культурные скрипты («сценарии»).

Раздел 5

Общая и лингвистическая конфликтология. Основы общей теории конфликтов. Структура конфликтов, типология конфликтов. Лингвистическая конфликтология в общей теории конфликтов. Предмет, задачи, проблематика лингвистической конфликтологии.

Языковой конфликт и коммуникативный конфликт. Языковые конфликты: факторы, структура, классификация. Языковые конфликты в социолингвистическом понимании. Языковые сигналы конфликта. Языковые и коммуникативные средства выражения конфликта. Понятие конфликтогенных высказываний. Конфликтный дискурс.

Конфликтное речевое поведение. Прагматика конфликтного речевого поведения в лингвистической прагматике и теории речевых актов. Речевые акты и речевые жанры конфликтного типа. Конфликтные речевые стратегии и тактики.

Раздел 6

Языковая толерантность и бесконфликтное речевое поведение. Экология языка. Принципы бесконфликтного общения. Принцип вежливости. Постулаты вежливости. Нарушения принципов вежливого речевого общения. Проблема политкорректности в современном обществе.

Раздел 7

Понятие языковой агрессии. Типология речевых актов языковой агрессии. Средства выражения языковой агрессии в системе языка и тексте. Языковые, речевые, текстовые и прагматические средства вербальной агрессии. Эксплицитная и имплицитная вербальная агрессия. Понятие инвективного функционирования языка, сквернословия и брани. Бранная лексика.

«Язык вражды» в СМИ, речевой экстремизм и состояние современной социокультурной среды. Типология «языка вражды». Виды и объекты «языка вражды». Мониторинг «языка вражды» в СМИ. Языковые и текстовые проявления «языка вражды» в политическом дискурсе.

Раздел 8

Теория языкового манипулирования сознанием: общая характеристика. Понятие манипулятивного дискурса. Черты манипулятивного дискурса в разных

типах коммуникации. Логические, языковые и текстовые средства языкового манипулирования сознанием. «Языковая демагогия».

Раздел 9

Лингвистические основы информационно-психологической безопасности личности. Стратегии поведения в конфликте и стратегии защиты от информационно-психологического воздействия. Стратегии противостояния речевой агрессии и языковому манипулированию.

Противостояние информационно-психологическому воздействию в сфере экономических отношений

Автор программы «*Экономическая безопасность личности и организаций*» – докт. юрид. наук, профессор В.А. Тимченко.

Раздел 1

Противодействие информационно-психологическому воздействию с целью неправомерного завладения имуществом физических лиц. Типичные приемы информационно-психологического воздействия на физических лиц: азартные игры, гадание, финансовые аферы, подстроенные дорожно-транспортные происшествия, мнимое трудоустройство и другие.

Информационно-психологическое воздействие при совершении сделок с недвижимостью, при купле-продаже автотранспорта. Мошенничество с использованием средств мобильной связи и интернет-ресурсов. Предотвращение и пресечение информационно-психологического воздействия, оказываемого на физических лиц с целью неправомерного завладения их имуществом.

Раздел 2

Противодействие информационно-психологическому воздействию с целью неправомерного завладения имуществом организаций и индивидуальных предпринимателей. Информационно-психологическое воздействие с целью мошенничества в отношении организаций и индивидуальных предпринимателей со стороны их контрагентов. Мошенничество при получении кредитов и займов в отношении кредитных организаций. Страховое мошенничество в отношении страховых организаций. Мошенничество при закупках и продажах в отношении коммерческих организаций. Другие виды мошенничества в отношении организаций и индивидуальных предпринимателей со стороны их контрагентов.

Информационно-психологическое воздействие с целью мошенничества в отношении организаций и индивидуальных предпринимателей со стороны их персонала. Закупки некачественного сырья и материалов. Продажа товара организации на не выгодных для организации условиях. Присвоение скидок, причитающихся покупателю. Создание пересортицы товаров с целью присвоения разницы в цене. Создание неучтенных излишков материальных ценностей с целью их последующего присвоения. Другие виды мошенничества в отношении организаций и индивидуальных предпринимателей со стороны их персонала.

Предотвращение и пресечение информационно-психологического воздействия, оказываемого на организации и индивидуальных предпринимателей с целью неправомерного завладения их имуществом.

Программа «*Психологическая безопасность личности*»

Раздел 1

Психологические аспекты формирования общественного мнения. Структура общественного мнения. Характеристика условий его возникновения и источники формирования. Этапы развития общественного мнения. Процесс и методы формирования общественного мнения. Роль и значение общественного мнения в системе меняющихся общественных отношений.

Раздел 2

Психологические аспекты формирования устойчивости личности к различным способам манипулирования. Человек как субъект влияния. Психологические манипуляции как скрытое управление сознанием и поведением людей. Психологические особенности и специфика проявления манипулятивного поведения. Защита от манипуляции.

10. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате организации планируемых мероприятий и реализации указанных направлений деятельности в рамках презентуемого проекта возникает возможность способствовать решению такой социально значимой задачи, как защита психики человека посредством формирования у него культуры информационно-психологической защиты и соответствующих психологических механизмов и поведенческих моделей. Создание Центра, апробация форм и методов его работы, обобщение опыта, позволит откорректировать его деятельность по следующим направлениям.

Просветительская деятельность:

- консультационные услуги лицам, группам лиц, организациям и представителям СМИ по разъяснению как общих принципов и механизмов нарушения информационно-психологической безопасности в разных сферах, так и конкретных знаковых (текстовых, визуальных, аудиальных, электронных, языковых) явлений, нарушающих информационно-психологическую безопасность;
- создание соответствующего Интернет-портала, консультационного Интернет-бюро.

Образовательная деятельность:

- организация на учебно-методической базе и технологической платформе кафедры судебной экспертизы цикла лекций и практикумов для разных целевых групп по тематике информационно-психологической безопасности;
- тренинг и индивидуальное обучение лиц и групп лиц методам психолого-лингвистической защиты от материалов, содержащих нарушения информационно-психологической безопасности в разных сферах: меры по противостоянию

суггестии (внушению), гипнозу, нейролингвистическому программированию, языковому манипулированию и пр.;

- создание программ, учебно-методического обеспечения и организация дистанционного Интернет-обучения с помощью инновационных образовательных технологий.

Деятельность по организационно-методическому обеспечению:

- организация мастер-классов, сертифицированных курсов повышения квалификации, межвузовских методологических семинаров, методических конференций по проблемам информационно-психологической безопасности;

- создание программ и учебно-методических пособий, справочной литературы по проблеме информационно-психологической безопасности.

Экспертная деятельность:

- создание программы комплексных психолого-лингвистических экспертиз материалов разного типа в области наличия признаков нарушения информационно-психологической безопасности в разных сферах;

- производство комплексных психолого-лингвистических экспертиз материалов разного типа в области наличия признаков нарушения информационно-психологической безопасности в разных сферах.

Научно-исследовательская деятельность:

- написание коллективных монографий и научных статей по тематике информационно-психологической безопасности;

- создание периодического издания (журнала, бюллетеня) по данной тематике;

- проведение научных конференций и научно-практических семинаров по данной тематике;

- деятельность по линии научного обмена с научными, судебными и экспертными организациями в стране и за рубежом (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан).

Поисковая деятельность:

- регулярный мониторинг СМИ и Интернет-мониторинг для поиска материалов, содержащих информацию с признаками разных видов информационно-психологического воздействия;

- определение корпуса тематико-содержательных, визуально-аудиальных и языковых единиц, могущих содержать информацию с признаками нарушения информационно-психологической безопасности и создание постоянно обновляемых списков и глоссариев таких единиц.

Деятельность по информационному обеспечению:

- составление постоянно возобновляемой электронной базы данных по информационно-психологической безопасности;

- составление электронных корпусов текстов СМИ, политических и реклам-

ных материалов по проблеме информационно-психологической безопасности;

- составление постоянно возобновляемой базы данных по законодательным источникам, имеющим отношение к проблеме информационно-психологической безопасности.

Таким образом, Университет выступит в качестве генератора передачи передовых образовательных технологий, реализации новых творческих социально-гуманитарных проектов, направленных:

- на обеспечение информационной безопасности; нейтрализации информационно-психологического воздействия (в том числе направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций Отечества);

- на противодействие использованию информационных технологий для пропаганды экстремистской идеологии и нейтрализацию информационного воздействия, направленного на размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей (область государственной и общественной безопасности);

- на обеспечение защищенности граждан от информационных угроз (в том числе за счет формирования культуры личной информационной безопасности в области науки, технологий и образования);

- на обеспечение защищенности граждан и организаций в сфере экономических угроз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 9. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность / Монография, под редакцией И.Ф. Ковки, Р.М Юсупова. СПб. Издательство «Петрополис», 2017. 300 с.
2. Андреев Э.М., Миронов А.В. Социальные проблемы интеллектуальной уязвимости и информационной безопасности // Социально-гуманитарные знания. 2000. №4. С. 169–179.
3. Егоров А. Это должен знать каждый. Негативное информационно-психологическое воздействие // Журнал прикладной психологии. 2002. № 3. С. 52–55.
4. Крюкова Э.П. О проблемах свободы слова и информационной безопасности // Управление защитой информации. 2001. Том 5. № 2. С. 215–222.
5. Акмасова А.А. Информационно-психологическая безопасность личности [Электронный ресурс] / А.А. Акмасова. – Электрон. текстовые дан. Витебск: Витебск. гос. ун-т, 2003. – Режим доступа: www.lib.vsu.by/ni/konf/akm.htm.
6. Грачев Г. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты // [Электронный ресурс]. 2000. – Режим доступа: http://www.rus-lib.ru/book/32/ Yrid_psihologija/ Gracev/Gratev.htm#_Toc71281513.
7. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Язык и метод в современной судебной экспер-

The Centre for personal information and psychological security and psychological resilience as an area of «completion» of educational trajectories with the necessary competencies for personal and societal information and psychological security in the context of new civilisation challenges

V.A. Yumatov

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)
yumatovva@yandex.ru*

The paper outlines a range of problems on the information and psychological security of the individual and society in the face of new civilizational challenges. The purpose of the study is to highlight modern approaches to the introduction of new ideas and methods in forensic science: parrying and neutralizing the impact of certain information factors that can psychologically negatively affect people; dissemination of methods and means of processing and evaluating information (systems of education, training and retraining of personnel, dissemination of socio-cultural values, traditions, social norms, etc.) formation of individual psychological defense or psychological self-defense of a person in the process of gaining experience in information and communication interaction (including training using specialized forms of psychological preparation, conducting training sessions using specially developed methods).

Keywords: information and psychological security, psychological stability of the individual, educational and outreach activities.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ОБЪЕКТОВ НА ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЯХ ИНФОРМАЦИИ

С.В. Юматов^{1,2}

¹Нижегородская академия МВД России (Россия, Нижний Новгород)

*²ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
sergey.yumatov@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности применения метода исследования биологической асимметрии лица при производстве портретных экспертиз по видеозаписям. Определены условия отображения внешнего облика человека на видеозаписи, которые ограничивают применение метода исследования биологической асимметрии. Автором сделан вывод об оптимальной последовательности применения методов исследования в портретной экспертизе.

Ключевые слова: портретная экспертиза, метод, асимметрия лица, видеозапись.

Одним из основных объектов портретной экспертизы уже давно стали видеозаписи с камер наблюдения. Площадь кадра, которую занимают запечатленные лица, в большинстве случаев небольшого размера, а сами видеозаписи имеют низкое разрешение. При этом практически всегда присутствует поворот и наклон головы. Обозначенные причины существенно ограничивают применение ряда методов при производстве экспертиз по видеозаписям. Авторы, как правило,

отмечают, что единственным универсальным методом в портретной экспертизе остается только метод визуального сопоставления.

В рамках нашего исследования мы изучали возможность использования метода сопоставления относительных величин [1], а также метода сопоставления с помощью координатных сеток [2] при производстве портретных экспертиз по видеозаписям. Настоящая статья будет посвящена результатам нашего исследования об основных условиях применимости метода сопоставления биологической асимметрии лица при исследовании видеозаписей.

В окружающей среде не существует полностью симметричных или асимметричных объектов, в том числе и людей. А.М. Зинин отмечает, что исследование признаков биологической асимметрии лица предполагает под собой отражение степени одинаковости или неодинаковости парных элементов внешности [3, с. 220–221]. Однако применение данного метода не ограничивается только исследованием парных элементов внешнего облика человека, также он может применяться в ходе изучения половин непарных элементов или частей лица. Констатация тождества сравниваемых лиц при исследовании асимметрии предполагает совпадение характеристик одноименных парных и непарных элементов и частей лица.

Асимметрия подразделяется на два вида:

- общую (эксперт наблюдает различия общей формы, размеров, конфигурации, контуров сопоставляемых левых и правых половинок лица);
- частную (при сопоставлении левых и правых половинок лица эксперт видит различия характеристик признаков парных элементов лица: ушных раковин, глаз, уголков рта и т.д.).

Рис. 1. Асимметрия парных элементов внешнего облика человека.

Указателем 1 обозначена асимметрия расположения глаз.

Указателем 2 обозначена асимметрия расположения ушных раковин.

Метод сопоставления биологической асимметрии портретов лиц был пред-

ложен Н.В. Терзиевым в 1949 году, который наглядно демонстрирует асимметрию внешнего облика человека. Для этого экспертом изготавливаются комбинированные портреты, состоящие из совмещения прямых и зеркальных изображений правых и левых половинок лица [4, с. 125]. Цель применения данного метода состоит в том, чтобы установить совпадения или различия биологической асимметрии на портретах, представленных на исследование.

Также метод имеет свои ограничения: его применение возможно только при наличии фотоизображений в анфас, которые надлежит привести к одному масштабу при соблюдении межзрачкового расстояния. Подобные действия с фотоизображением необходимо провести на стадии сравнительного исследования.

В процессе применения метода сопоставления биологической асимметрии лица, представляется возможным выделить четыре этапа [5, с. 141–142]:

1) Подготовительный, на котором экспертом производится отбор и сканирование (если фотография в бумажном варианте), а также выбор видеокadra. Далее изображения приводятся в оттенки серого с разрешением от 300 до 600 dpi. Изображения сохраняются в формате TIFF, GPJ и других. Если на исследование предоставлена видеозапись на материальном носителе информации (например, USB-флеш-накопителе), то необходимо выделить в ней наиболее подходящий ракурс лица в видеокadre (анфас) в целях дальнейшего сопоставления с представленными образцами по отобразившимся элементам и признакам внешнего облика человека. Данная задача выполняется при помощи компьютерных программ, например, Adobe Photoshop, VirtualDab и других.

2) Этап обработки цифровых изображений, на котором эксперт производит следующие действия: кадрирование, поворот, масштабирование изображений, цветовая и тоновая коррекция, если это необходимо [6, с. 44]. Такие действия выполняются при помощи программы Adobe Photoshop или других аналогичных, осуществляющих подобные функции.

3) Этап непосредственного сопоставления изображений, представленных на исследование. Эксперт разделяет изображения по медиальной линии на две части, при этом образуется одно изображение правой и одно левой половинок лица. Далее необходимо отобразить их зеркально и совместить с одноименной половинкой лица (рис. 2–5).

В иллюстрационной таблице полученные комбинированные портреты размещаются таким образом, чтобы правые половины лица находились под правыми половинами другого лица, левые половины лица, соответственно, под левыми. Комбинированные портреты, полученные с помощью такого приема, наглядно демонстрируют совпадения или различия биологической асимметрии представленных на исследование лиц.

4) Этап анализа результатов сопоставления производится в две последовательно идущих ступени:

- сравнение комбинированных портретов, состоящих из прямых и зеркальных половинок лица, между собой, преследующих цель выявления характера и степени биологической асимметрии исследуемого известного лица (рис. 2). Далее производится аналогичное сравнение комбинированных портретов исследуемого неизвестного лица (рис. 3).

- сопоставление и сравнение комбинированных портретов, состоящих из левых и правых половинок, известного и неизвестного лиц. Эксперт устанавливает совпадение или различие биологической асимметрии сравниваемых лиц.

В рамках нашего исследования мы использовали видеозаписи, в которых можно было получить кадры с незначительным поворотом головы. Видеозаписи имели следующие характеристики: ширина кадра – 592; высота кадра – 1280; частота кадров – 30,05 кадров/с. Человек находился на расстоянии около трех метров от объектива камеры. Площадь кадра, в которой размещалась голова человека, составляла в среднем 118 x 135 пикселей.

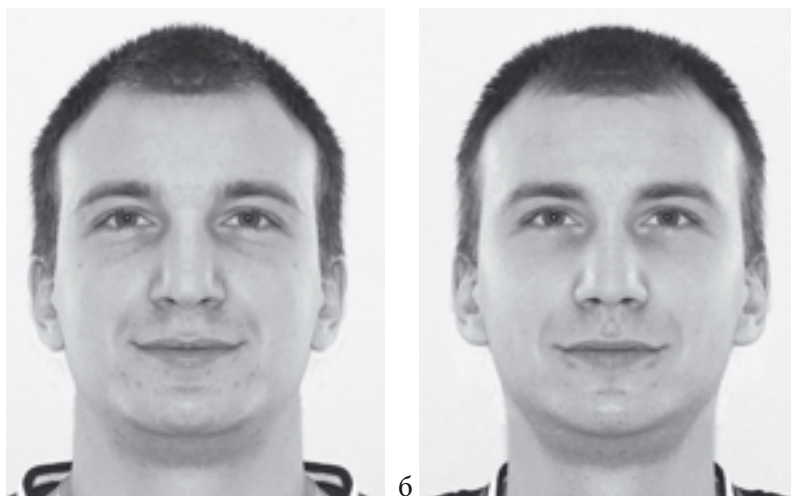

Рис. 2. Комбинированное изображение, составленное из левых (а) и правых (б) половинок лица (прямой и зеркальной) человека, запечатленного по правилам опознавательной съемки.

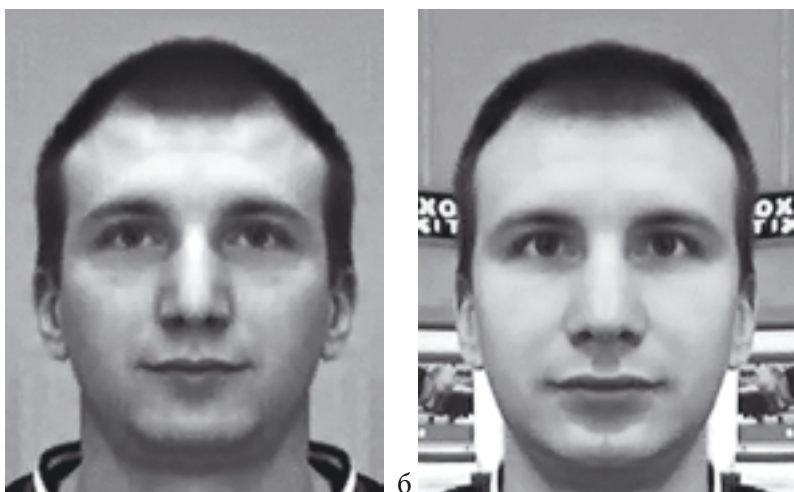

Рис. 3. Комбинированное изображение, составленное из левых (а) и правых (б) половин лица (прямой и зеркальной) человека, запечатленного на видеозаписи.

При визуальном осмотре полученных комбинированных изображений установить совпадение асимметрии по всем элементам невозможно. Асимметрия в положении бровей и глаз относительно друг друга различима, а вот асимметрию в форме глаз, нависании века из-за затемнения на видеозаписи области лица возле глаз выявить невозможно. Полученные изображения не позволяют судить о тождестве в асимметрии спинки носа. У сравниваемых лиц наблюдается схожесть в асимметрии положения уголков рта, асимметрия подбородка и ушей, а также схожесть в асимметрии лица в целом.

Качество видеозаписи не позволило проводить сравнение по форме глаз, губ и носогубного филтра. Необходимо отметить, что по всем полученным изображениям мог применяться метод совмещения по медиальной и ломанной линиям.

Таким образом, при производстве сравнительного исследования по видеозаписям эксперт может применять метод сопоставления биологической асимметрии. Применению этого метода должно предшествовать использование метода совмещения по медиальной и (или) ломанной, который позволит установить возможность исследования биологической асимметрии. Кадр видеозаписи должен быть близким положению головы запечатленного человека в анфас. Применение метода существенно ограничивают затемнения на лице (образуются в основном в области глаз), наличие нечетких контуров границ элементов. Кроме того, небольшие отклонения от положения в анфас приводят к искажению формы лица в целом, что может приводить к формулированию ошибочных выводов об отсутствии тождества сравниваемых лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юматов С.В. Применение метода сопоставления относительных величин при производстве портретных экспертиз по видеозаписям / С.В. Юматов // Законность и правопорядок. – 2020. – № 1 (25). – С. 15–18.
2. Юматов С.В. Применение метода сопоставления с помощью координатных сеток при производстве портретных экспертиз по видеозаписям / С.В. Юматов // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы : Сборник докладов 2 Международной научной конференции, Нижний Новгород, 21-22 мая 2020 года. – Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2020. – С. 374–379.
3. Зинин А.М. Судебная портретная экспертиза: курс лекций. – М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2018. – 384 с.
4. Снетков В.А. Габитоскопия: учебник. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1979. – 183 с.
5. Финогенов В.Ф. Отдельные аспекты применения цифровых технологий при производстве судебно-портретных экспертиз по фото- и видеоизображениям близнецов В.Ф. Финогенов// Информационная безопасность регионов. – 2013. – № 1 (12). – С. 139–143.
6. Бондаренко П.В. Составление заключений эксперта и специалиста по криминалистической портретной экспертизе: учебно-методическое пособие / П.В. Бондаренко. – Саратов: СИУ МВД России, 2011. – 149 с.

The study of biological asymmetry of the face in the production of portrait examinations based on video recordings

S. V. Yumatov^{1,2}

¹*Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia
(Russia, Nizhny Novgorod)*

²*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)
sergey.yumatov@mail.ru*

The article discusses the features of the application of the method of studying the biological asymmetry of the face in the production of portrait examinations based on video recordings. The conditions for displaying the external appearance of a person on video recordings are determined, which limit the application of the method of studying biological asymmetry. The author made a conclusion about the optimal sequence of application of research methods in portrait examination.

Keywords: portrait examination, method, facial asymmetry, video recording.

АВТОРЫ ВЫПУСКА

- 1. Агарков Алексей Вячеславович**
начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (г. Владимир)
- 2. Аминев Азамат Фаритович**
эксперт Экспертно-криминалистического центра МВД по Республике Башкортостан (г. Уфа)
- 3. Аминев Фарит Гизарович**
профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, член Президиума Союза «Палата судебных экспертов имени Ю.Г. Корухова (СУДЭКС)», председатель Общественного совета по экспертной деятельности в Республике Башкортостан, заслуженный юрист Республики Башкортостан, почётный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук (г. Уфа)
- 4. Антонов Игорь Юрьевич**
доцент кафедры ОРД ОВД Нижегородской академии МВД России, доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент (г. Нижний Новгород)
- 5. Баймаханбетов Мухит Абилкасимович**
главный аналитик Информационно-аналитического центра (г. Шымкент, Казахстан)
- 6. Белова Полина Евгеньевна**
эксперт отдела фоноскопических, лингвистических и видеофонографических экспертиз ООО «Центр экспертизы и оценки «ЕСИН» (г. Нижний Новгород)
- 7. Беляев Михаил Вячеславович**
заместитель начальника кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва)
- 8. Бзычкин Артём Максимович**
государственный судебный эксперт ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (г. Нижний Новгород)
- 9. Бочаров Геннадий Геннадьевич**
заместитель директора ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (г. Москва)

10. **Бычкова Екатерина Сергеевна**
преподаватель кафедры судебно-экспертной деятельности Краснодарского университета МВД России (г. Краснодар)
11. **Воронин Вадим Вениаминович**
доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук (г. Нижний Новгород)
12. **Галяшина Елена Игоревна**
директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор (г. Москва)
13. **Грачев Михаил Александрович**
профессор кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, профессор кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор филологических наук, профессор (г. Нижний Новгород)
14. **Дёмин Константин Евгеньевич**
доцент кафедры «Криминалистика и судебная экспертиза» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), доцент кафедры оружиеведения и трасологии Учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва)
15. **Донцова Юлия Анатольевна**
ведущий научный сотрудник отдела научных исследований по криминалистическим видам экспертиз управления научных исследований ФГКУ «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации» (ЭКЦ МВД России) (г. Москва)
16. **Дорофеев Кирилл Игоревич**
старший эксперт отдела мониторинга законодательства и правовой пропаганды Управления правовой информации Договорно-правового департамента МВД России (г. Москва)
17. **Дьяконова Оксана Геннадьевна**
профессор кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент (г. Москва)
18. **Жильцова Юлия Валерьевна**
доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат экономических наук, доцент (г. Нижний Новгород)

19. **Зайцева Ольга Валерьевна**
*главный эксперт отдела лингвистических экспертных исследований
Управления судебного речеведения ГБУ г. Москвы «МИЦ» (г. Москва)*
20. **Захаров Руслан Иванович**
*ассистент кафедры судебной экспертизы юридического факультета
ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)*
21. **Зиновьев Дмитрий Евгеньевич**
*директор ООО «Центр экспертизы и оценки «ЕСИН» , судебный
эксперт-фоноскопист(г. Нижний Новгород)*
22. **Зорина Татьяна Евгеньевна**
*старший государственный судебный эксперт лаборатории судебно-по-
черковедческих экспертиз ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России
(г. Нижний Новгород)*
23. **Зубков Дмитрий Денисович**
*ассистент кафедры судебной экспертизы юридического факультета
ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)*
24. **Ивлева Полина Максимовна**
*специалист отдела фоноскопических, лингвистических и видеофоно-
графических экспертиз ООО «Центр экспертизы и оценки «ЕСИН» (г.
Нижний Новгород)*
25. **Иголина Елена Сергеевна**
*доцент кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета Ниже-
городской академии МВД России, доцент кафедры судебной экспертизы
юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат
экономических наук (г. Нижний Новгород)*
26. **Казанцева Ирина Леонидовна**
*эксперт отдела фоноскопических, лингвистических и видеофоногра-
фических экспертиз ООО «Центр экспертизы и оценки «ЕСИН» (г.
Нижний Новгород)*
27. **Кирвель Виталий Казимирович**
*доцент кафедры правового обеспечения правоохранительной деятель-
ности Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь)*
28. **Клычова Гузалия Салиховна**
*заведующий кафедрой бухгалтерского учета и аудита Казанского
государственного аграрного университета, Заслуженный экономист
Республики Татарстан, Почетный работник высшего профессиональ-
ного образования Российской Федерации, доктор экономических наук,
профессор (г. Казань)*

29. **Кокарева Марина Евгеньевна**
специалист отдела судебного взыскания ООО «Свобода от долгов»(г. Нижний Новгород)
30. **Колотушкин Сергей Михайлович**
профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
31. **Красса Сергей Иванович**
эксперт Ассоциации "Центр независимой экспертизы "Спектр", кандидат филологических наук, доцент (г. Ставрополь)
32. **Кудряшов Дмитрий Александрович**
старший преподаватель кафедры оружиеведения и трасологии, кандидат юридических наук Учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук (г. Москва)
33. **Лесникова Полина Галлимуловна**
заместитель начальника ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (г. Нижний Новгород)
34. **Лоу Билл**
профессор Университета Ковентри (г. Ковентри, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии)
35. **Лубин Александр Фёдорович**
профессор кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России, профессор кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород)
36. **Лубин Сергей Александрович**
доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент (г. Нижний Новгород)
37. **Лушин Евгений Александрович**
доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук (г. Нижний Новгород)
38. **Минаева Любовь Сергеевна**
заместитель начальника отдела экспертизы товаров органического происхождения Экспертно-криминалистической службы - регионального филиала Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления (г. Нижний Новгород)

39. **Михалева Наталья Валерьевна**
заведующий отделом научно-методического обеспечения производства экспертиз в системе СЭУ Минюста России, заведующий информационно-издательским отделом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, доцент кафедры судебно-экспертной деятельности юридического института Российского университета дружбы народов, кандидат юридических наук (г. Москва)
40. **Мясникова Татьяна Владимировна**
заместитель заведующего лабораторией ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (г. Нижний Новгород)
41. **Новосёлова Антонина Николаевна**
доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат филологических наук, доцент (г. Нижний Новгород)
42. **Полякова Анастасия Васильевна**
старший преподаватель кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)
43. **Потокина Лариса Ивановна**
старший эксперт Экспертно-криминалистического центра УВД по Троицкому и Новомосковскому административному округу ГУ МВД России по г. Москве (г. Москва)
44. **Радбиль Тимур Беньюминович**
заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор филологических наук, профессор, академик РАН (г. Нижний Новгород)
45. **Репникова Наталья Алексеевна**
ассистент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)
46. **Россинская Елена Рафаиловна**
заведующий кафедрой судебных экспертиз, научный руководитель Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, академик Российской академии естественных наук, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
47. **Руф Юлия Николаевна**
доцент кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля Тюменского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент (г. Тюмень)

48. **Светличный Александр Алексеевич**
заведующий кафедрой судебной экспертизы и таможенного дела института права и управления Тульского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Тула)
49. **Соловьев Олег Демьянович**
доцент кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета Нижегородской академии МВД России, доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент (г. Нижний Новгород)
50. **Сорокина Ксения Олеговна**
программист Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов)
51. **Тимченко Владимир Александрович**
профессор кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород)
52. **Фараджиев Мамед Ахмед оглы**
заведующий Учебно-инновационным криминалистическим комплексом им. Г. Гросса Кыргызского государственного юридического университета (г. Бишкек, Кыргызская Республика)
53. **Федоренко Владимир Александрович**
заведующий лабораторией Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, кандидат физико-математических наук, доцент (г. Саратов)
54. **Хайман Вильхельмус Йоханнес Мария**
профессор университета Вагенинген (г. Вагенинген, Нидерланды), профессор факультета экономики и менеджмента Чешского университета естественных наук (г. Прага, Чешская республика), доктор наук, профессор
55. **Хамзина Асель Кимовна**
редактор «Панорама Шымкент» (г. Шымкент, Казахстан)
56. **Хомяков Эдуард Геннадьевич**
доцент кафедры криминалистики и судебных экспертиз Института прав социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Ижевск)
57. **Хорев Михаил Владимирович**
преподаватель Тульского государственного университета (г. Тула)

58. **Цыганов Андрей Алексеевич**
руководитель отдела фоноскопических, лингвистических и видеофонографических экспертиз ООО «Центр экспертизы и оценки «ЕСИН» (г. Нижний Новгород)
59. **Чернышова Яна Михайловна**
заведующий лабораторией ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (г. Нижний Новгород)
60. **Чубина Елена Александровна**
и.о. директора Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат педагогических наук, доцент (г. Москва)
61. **Шаикова Гульвира Кимовна**
Торайгыров Университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Павлодар, Казахстан)
62. **Шакенова Майгуль Тулегеновна**
Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова, кандидат филологических наук, доцент (г. Шымкент, Казахстан)
63. **Шаров Виктор Иванович**
профессор кафедры математики, информатики и информационных технологий Нижегородской академии МВД России, профессор кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород)
64. **Шурганова Екатерина Александровна**
ведущий инженер сектора автоматизации расчетов с физическими лицами отдела развития программного обеспечения и сервисов Управления методологии работы с физическими лицами АО «Газпром энергосбыт Тюмень» (г. Тюмень)
65. **Юматов Василий Алексеевич**
заведующий кафедрой судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, профессор РАЕ, кандидат юридических наук, доцент (г. Нижний Новгород)
66. **Юматов Сергей Васильевич**
преподаватель кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России, ассистент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)
67. **Юматова Эвелина Геннадьевна**
заведующий кафедрой стандартизации, метрологии и управления в технических системах инженерно-строительного факультета Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета, доктор педагогических наук, доцент (г. Нижний Новгород)

СОДЕРЖАНИЕ

Collocation as relativity <i>Bill Louw</i>	3
Использование содействия специалистов в оперативно-розыском мероприятии «Исследование предметов и документов» по делам о преступной деятельности ячеек экстремистской организации «АУЕ» в местах лишения свободы <i>А.В. Агарков</i>	14
О современных возможностях использования специальных знаний в расследовании преступлений <i>Ф.Г. Аминев, А.Ф. Аминев</i>	20
Опыт лексикографического описания единиц речи, способствующих маскировке её содержательных характеристик (на материале комплексных фоноскопических и лингвистических экспертиз по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами) <i>П.Е. Белова, И.Л. Казанцева</i>	27
Современные возможности фиксации трасологических объектов исследования <i>М.В. Беляев</i>	34
Современные тенденции развития судебной бухгалтерской экспертизы за рубежом <i>А.М. Бзычкин</i>	41
Организационно-правовые аспекты проведения экспертиз по постановлениям нотариусов <i>Г.Г. Бочаров</i>	45
Альтернатива сравнительному микроскопу в подготовке специалистов для решения задач идентификации огнестрельного оружия <i>Е.С. Бычкова</i>	52
Компьютерные онлайн-игры в аспекте судебной лингвистической экспертизы по делам о противодействии идеологии терроризма и профилактики экстремизма <i>Е.И. Галяшина</i>	57
Условные обозначения в экстремистской организации «Арестантское уголовное единство» (АУЕ) <i>М.А. Грачев</i>	65

Криминалистическая отоскопия как отрасль трасологической гомеоскопии. Этапы становления, современное состояние перспективы развития	
<i>К.Е. Дёмин</i>	70
Современный подход к криминалистической оценке и исследованию объектов дактилоскопической экспертизы	
<i>Ю.А. Донцова</i>	74
Банки данных с изображениями сексуальной эксплуатации несовершеннолетних как объект криминологического, криминалистического и судебно-экспертного исследования	
<i>К.И. Дорофеев</i>	80
Перспективы развития судебной экспертологии в условиях трансформации научного знания	
<i>О.Г. Дьяконова</i>	87
Оценка состояния коррупции последних лет в России	
<i>Ю.В. Жильцова</i>	93
Педофильский дискурс: основные термины, культурные артефакты и особенности маркировки порнографической продукции	
<i>О.В. Зайцева</i>	100
Влияние красящих веществ пишущих приборов на отображение частных признаков почерка	
<i>Т.Е. Зорина</i>	106
Современное состояние и перспективы развития судебно-экономических экспертиз по делам о несостоятельности (банкротстве)	
<i>Д.Д. Зубков</i>	117
Закон Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» (2019) и Модельный закон «О судебно-экспертной деятельности» (Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств, 2019): сравнительно-правовой анализ основных (общих) положений	
<i>В.К. Кирвель</i>	125
Преступления в сфере экономической деятельности и проблема актуализации специальных знаний эксперта-экономиста	
<i>М.Е. Кокарева</i>	136
Современная модель оборота гражданского огнестрельного оружия в России, историко-правовой и социальный аспект	
<i>С.М. Колотушкин</i>	143

О некоторых методических аспектах криминалистического исследования самодельного огнестрельного оружия	
<i>Д.А. Кудряшов</i>	146
Современные возможности по решению вопросов компьютерно-технического монтажа документов (случай из экспертной практики)	
<i>П.Г. Лесникова, Я.М. Чернышова</i>	151
Участие специалиста в осмотре места кражи антиквариата	
<i>А.Ф. Лубин</i>	155
К вопросу о субъекте судебной экспертизы	
<i>С.А. Лубин</i>	159
О спорных вопросах классификации судебных экспертиз	
<i>Е.А. Лушин, В.В. Воронин</i>	165
Актуальные вопросы экспертизы товаров животного и растительного происхождения. Практические аспекты и проблемные вопросы экспертизы специализированной пищевой продукции, БАД к пище	
<i>Л.С. Минаева</i>	171
Судебно-экологическая экспертиза: современное состояние и пути дальнейшего развития	
<i>Н.В. Михалева</i>	179
Судебная лингвистическая экспертиза: ответ на вызовы времени	
<i>Т.В. Мясникова</i>	184
Определение лингвистических признаков этнического экстремизма при проведении судебно-лингвистической экспертизы на примере исследования конфликтогенного интернет-текста	
<i>А.Н. Новосёлова, Р.И. Захаров</i>	192
Совершенствование подготовки экспертных кадров в свете перехода к передовым цифровым технологиям	
<i>А.В. Полякова</i>	200
Генезис пломбировочных устройств в рамках исторического развития	
<i>Л.И. Поточкина</i>	206
Методика лингвоэкспертного сопоставительного исследования фантазийных наименований товарных знаков: новые решения	
<i>Т.Б. Радбиль, С.И. Красса</i>	210

Ламинарующее покрытие как элемент защиты документов от подделки <i>Н.А. Репникова</i>	219
Судебная экспертология в свете новой номенклатуры научных специальностей <i>Е.Р. Россинская</i>	225
Спорные вопросы в подготовке экспертов и государственном регулировании экспертной деятельности <i>Ю.Н. Руф, Е.А. Шурганова</i>	232
Использование метода моделирования для анализа терминологического аппарата криминалистики и общей теории судебной экспертизы <i>А.А. Светличный</i>	238
Особенности экономической экспертизы применительно к государственным контрактам <i>О.Д. Соловьев, Е.С. Игонина</i>	244
Применение полносвязных нейронных сетей для определения экземпляра оружия по изображениям следов бойков <i>К.О. Сорокина</i>	249
Закономерности отражения противоправной экономической деятельности в цифровых носителях информации <i>В.А. Тимченко</i>	256
Особенности и проблемы правового регулирования судебно-экспертной деятельности в Кыргызской Республике <i>Фараджиев Мамед Ахмед оглы</i>	265
Перспективы внедрения методов машинного обучения в образовательный процесс при подготовке экспертов-криминалистов <i>В.А. Федоренко</i>	271
Использование специальных знаний в экономической экспертизе сельскохозяйственного производства <i>Хайман Вильгельмус Йоханнес Мария, Г.С. Клычова</i>	277
Новый инструментарий в исследованиях нажима при письме <i>Э.Г. Хомяков</i>	282
О некоторых особенностях назначения судебных экспертиз при расследовании аварийных взрывов <i>М.В. Хорев</i>	288

Специфика выявления признаков монтажа в фонограммах, созданных с помощью диктофона мобильных устройств на базе ОС Apple	А.А. Цыганов, Д.Е. Зиновьев, П.М. Ивлева	295
Власть изображения над текстом и другие вызовы эпохи геймификации: чем ответят эксперты-речеvedы?	Е.А. Чубина	303
Опыт распознавания манипулятивного текста (на материале корпуса казахстанских интернет-публикаций)	М.Т. Шакенова, Г.К. Шаикова, М.А. Баймаханбетов, А.К. Хамзин	309
Участие специалиста в уголовном процессе: понятие и правовой статус	В.И. Шаров, И.Ю. Антонов	316
Оценка качества монолитных фундаментов при реконструкции жилых зданий	Э.Г. Юматова	322
Центр по информационно-психологической безопасности и психологической устойчивости личности как сфера «дообраивания» образовательных траекторий необходимыми компетенциями по информационно-психологической безопасности личности и социума в условиях новых цивилизационных вызовов	В.А. Юматов	328
Современные методы анализа при исследовании объектов на электронных носителях информации	С.В. Юматов	342
Авторы выпуска		354

Научно-практическая конференция
с международным участием

Национальные и международные тенденции
и перспективы развития судебной экспертизы

Сборник докладов

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 12.05.2022. Формат SRA3 1/4.
Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 18,99. Уч.-изд. л. 22,02. Тираж 500 экз. Заказ № 722.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37.

